

Андрей
Левицкий

СТАЛКЕР

Андрей Левицкий

СТАЛКЕР

СТАЛКЕР
СТАЛКЕР

СТАЛКЕР
СТАЛКЕР

STALKER

STALKER

Андрей Левицкий

**САГА СМЕРТИ:
МГНА**

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА
2010

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
ЛЗ7

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Подписано в печать 14.09.09. Формат 84х108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,48. Доп. тираж 7 000 экз. Заказ № 4924445.

Левицкий, А.

ЛЗ7 Сага Смерти: Мгла : [фантаст. роман] / Андрей Левицкий. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 346, [6] с.

ISBN 978-5-17-058975-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-23649-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Вы держите в руках книгу, которая начинает следующий этап в развитии серии S.T.A.L.K.E.R., выводит на новый уровень.

Роман «Мгла» — начало эпической трилогии Андрея Левицкого «Сага Смерти».

После катастрофы Зона расширилась и преобразилась. Появились новые породы мутантов, которых еще не знали эти места. Возникли новые сталкерские группировки. Аномалии меняются и срачиваются, порождая опасные гибриды.

А в глубине Зоны появился ОН — темный зловещий разум, повелитель северной Зоны.

Никто не знает, кто он на самом деле — человек? монстр? разумная аномалия? симбионт нового вида?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© А. Левицкий, 2009

© Transavision Ltd., 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2009

Вы держите в руках книгу, которая начинается следующий этап в развитии серии S.T.A.L.K.E.R., выводит ее на новый уровень.

Начало эпической трилогии Андрея Левицкого **«САГА СМЕРТИ»**.

После катастрофы Зона расширилась и преобразилась. Появились новые породы мутантов, которых еще не знали эти места. Возникли новые сталкерские группировки. Аномалии меняются и срачиваются, порождая опасные гибриды.

А в глубине Зоны появился ОН — темный зловещий разум, повелитель северной Зоны.

Никто не знает, кто он на самом деле — человек? монстр? разумная аномалия? симбионт нового вида?

Он опасен. Он подчиняет себе все новых мутантов, он похищает сталкеров и тайно захватывает контроль над Зоной.

И тогда начинается **БОЛЬШОЙ ПОХОД** в глубину территории отчуждения. Катя Орлова, женщина-сталкер, собирает отряд наемников и ведет за **ЧАЭС**. Они пройдут Болото, Рыжий лес, Лиманск, Припять и Грязевое озеро. Они пересекут границу **СЕВЕРНОГО МОГИЛЬНИКА** — таинственного района с удивительными свойствами, откуда живым не выходил еще никто, и достигнут сверхсекретного **БУНКЕРА**.

Параллельно развивается история двух сталкеров, уже знакомых читателю по другим книгам автора. Уходя от погоны сектантов из **МОНОЛИТА**, напарники попадают в Скрытый город, где им предстоит сыграть немаловажную роль в Большом Походе на север Зоны.

И когда герои достигнут конца долгого пути — вы узнаете, кто же такой на самом деле **ХОЗЯИН МУТАНТОВ**, узнаете его страшную тайну и заглянете в душу Зоны.

САГА СМЕРТИ

МГЛА

САГА СМЕРТИ

МОГИЛЬНИК

САГА СМЕРТИ

БУНКЕР

*КОГДА ТЫ ГЛЯДИШЬ В ЗОНУ,
ЗОНА ГЛЯДИТ В ТЕБЯ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЁМНИКИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ МОСТ ГОБЛИНОВ

1

Небо над Зоной напоминало телеэкран, включенный на мёртвый канал. Матово-черное, холодное, чужое — это было небо другой планеты, параллельного мира, иной реальности, но не Земли. Как может Зона влиять на атмосферу? Почему одиннадцать месяцев в году тяжелые влажные облака скрывают солнце, почему здесь почти не бывает снега, да и летняя жара не частая гостья в этих местах?

Катя уже давно бросила размышлять на подобные темы. Она медленно, неумело зарядила СВД, улеглась поудобнее и застегнула воротник костюма, чтобы сухие травинки не кололи шею. Рюкзак лежал под боком, рядом — маленький контейнер для артефактов, закрытый выпуклой крышкой.

С вершины холма открывался вид на речушку под названием Зеленка, обмельчавшую так, что ее теперь следовало бы назвать болотом. В вечерней полутьме вода мерцала мутно-зеленым. Черт его знает, почему она светится. Может, радиоактивная, а может, эта часть речки теперь сплошная аномалия.

Берега соединял старый железнодорожный мост в один пролет. Уже много десятилетий поезда не ездили по нему — рельсы заржавели, между гнилыми шпалами ветер нанес земли, там проросла трава.

Сооружение выглядело необычно. Словно кто-то слепил мост из пластилина, а после полил кипятком, и мост потек, но не расплавился целиком. С балок и решетчатых ферм свисали металлические сосульки, низкие ограждения стали извилистыми, опоры покрылись покатыми буграми. Катя понятия не имела, как такое могло произойти. Что это, влияние Зеленки? Или аномального излучения самой Зоны? Но почему другие мосты вокруг ЧАЭС не меняются подобным образом? Нет, дело явно в реке.

В светящуюся воду никто не полезет, а чтоб обойти зараженный участок, надо сделать крюк километров на пять. В Зоне это день пути, сутки, может, и больше, зависит от аномальности территории. Получается, если хочешь пересечь речку в этом районе, единственная дорога — через мост.

И скоро по нему пройдет группа Короба.

Катя потеряла уставшие глаза. Короб не враг ей. Он с Опанасом и Глебом даже как-то ходил в совместную экспедицию. Но и не друг. У нее теперь вообще нет друзей. Важно только то, что ей нужны деньги, а сталкеры возвращаются с артефактами. Да не с простыми — у них должна быть душа, может, даже не одна.

Расстегнув пуговицу, она просунула пальцы под ворот и нащупала медальон на серебряной цепочке — тонкую прямоугольную пластинку, на которой была выгравирована карта Зоны. Такие же были у брата и жениха, их когда-то по заказу Опанаса сделал один ювелир. Девушка сжала медальон так, что свело пальцы, и надолго замерла, не чувствуя боли, не видя происходящего впереди.

Что-то шевельнулось на краю моста, и она вздрогнула. Прищурившись, разглядела три человеческие фигуры.

Это они. Короб шел первым, потом молодой светловолосый Скворец, замыкал Дюган. Катя схватила СВД. Совсем старая винтовка, но другую она не успела раздобыть, а эту взяла в подвале их дома неподалеку от Кордона, где лежали добытый в Зоне хабар и оружие.

В прицел она разглядела небритое лицо Короба, мохнатые брови, темные волосы. Глубоко вдохнула холодный воздух, раздвинула ноги шире, легла удобнее, уперев локти в землю. Вновь нашла фигуру сталкера. Группа преодолела уже четверть моста, шли они медленно — вряд ли там есть аномалии, но зачем рисковать? У двоих за спиной рюкзаки, у Скворца железный ящик. Это мультиконтейнер для артефактов на тринадцать ячеек. И он не пустой.

Перекрестие прицела совместилось с лицом старшего группы. Короб двигал челюстью — жевал что-то. Надо стрелять. Потом быстро перевести ствол дальше — и по Скворцу. Дюгану с моста некуда деться, он может только развернуться и побежать обратно. Катя не бог весть какой стрелок, но успеет засадить ему между лопаток.

Хотя лучше все же, чтобы они зашли дальше на мост.

Палец на спусковом крючке расслабился, Катя перевела дыхание, слегка опустив ствол. Глянула поверх прицела.

С каждой секундой становилось темнее. Ты просто тянешь время, сказала она себе. Успеешь убить всех троих — уже сейчас. Так чего ждешь, выдумываешь какие-то отговорки?

Подняв СВД, девушка прицелилась в Короба. Палец напругся...

Ведь он ни в чем не виноват. Убить его, потом еще двух — пристрелить троих неповинных людей ради каких-то артефактов, ради хабара и денег, грязных сталкерских денег! Она скрипнула зубами. Неповинных? Это же сталкеры! Бродяги, алкоголики, наркоманы, психи, по всей Зоне ни одного нормального человека!

Но ты собираешься убить их.

Да.

Ради чего? Ради какой-то возвышенной цели? Ради свободы, всеобщего счастья? Нет, ради денег!

Но для чего они мне нужны? Не чтобы обогатиться, я собираюсь...

Какая разница? Важны не намерения, а дела. Ты хочешь убить трех людей и снять с трупов артефакты. До чего ты докатилась, кем стала?

Тем, кем меня сделали люди.

И твари.

У нее заслезились глаза. Группа дошла до середины моста, палец придавил крючок...

Она не выстрелила. Просто не смогла заставить себя — опустила оружие.

И увидела, как что-то шевельнулось под мостом возле озаренной зеленым светом решетчатой арки. Быстрая тень скользнула между железных сосулес, взобралась по одной. Кто это? Какой-то мутант, снорк? Может, псевдоплоть? Или...

Вскинув СВД, она посмотрела в прицел. Сдвинула оружие вбок, подняла немного... Вот они! Фигуры — одна, вторая, третья, еще... Двое у дальнего конца моста, двое на ближнем, один повернулся, мутно-зеленый свет озарил лицо — и Катя узнала его.

Несколько раз она бывала в сталкерском баре за Периметром, Глеб с Опанасом водили. И видела там этого человека — его звали Рашпиль. Тоже сталкер, но Глеб сказал — ходят слухи, что он *гоблин*, то есть промышляет мародерством, грабежом тех, кто возвращается из глубины Зоны с хабаром. Пока нет никаких доказательств, поэтому сталкеры не убили Рашпиля до сих пор, но дело к тому идет...

И вот теперь она получила доказательства. Хотя Кате они были ни к чему.

Она поняла, что сейчас будет: два мародера выберутся на мост сзади, два — спереди, и убьют Короба с Дюганом и Скворцом. Заберут оружие, добычу, возможно, снимут комбезы, обувь — и растворятся в темноте.

Рашпиль присел на корточках за ограждением, пригнув голову. В руке его Катя разглядела пистолет. Второй бандит висел на решетчатой ферме ниже, ждал, когда главарь выскочит на мост. Ну точно как злые гоблины, поджидающие путников. В сказках ведь гоблины под мостами и живут. Сдвинув винтовку, девушка увидела, что Короб со своими уже на середине моста. Переместила СВД обратно, нащупала прицелом голову Рашпиля, разглядела его сплюснутый нос, низкий лоб, ежик волос — и вдавила спусковой крючок.

* * *

Кланица, глухой стук — СВД не выстрелила. Она нажала еще раз. Тишина.

Времени разбираться, в чем дело, не было. Может, просто осечка — патрон перекосило, — а может, он негодный, как и все, которыми заряжен магазин... Она бросила винтовку, вскочила и побежала со склона. Высокие армейские ботинки взрывали мягкую землю. На ходу выхватив «ТТ» из кобуры, крикнула:

— Короб, засада!!!

Но было поздно: ее голос заглушили выстрелы.

В полутьме с двух сторон моста блеснули вспышки. Раздался тонкий крик — это Скворец. Гоблины убивали людей!

Хотя ведь и Катя собиралась сделать то же самое.

Значит, и она — гоблин, нелюдь? Нет, она только собиралась — но не сделала этого, не смогла перебороть свою человеческую природу. А эти твари убивают людей ради хабара и денег, грязных сталкерских денег!

Катя слетела со склона. От холма до берега — метров пятнадцать, не больше. У реки должно было быть прохладней, но почему-то, наоборот, стало теплее. Вновь блеснули вспышки, звуки выстрелов раскатились по округе. Девушка увидела силуэт перед собой, еще один — левее, у ограды. Она вскинула «ТТ». Впереди громыхнул автомат, и Катя выстрелила.

Она так и не поняла, попала или нет в подручного Рашпиля. А главарь вдруг оказался перед ней — он удивленно поворачивался, привставая, девушка с разгону налетела на него.

Бандит вскочил, обхватив ее за пояс. Катя ударилась в него всем телом, Рашпиль отшатнулся, врезался спиной в ограждение — оно проломилось.

Катя вскрикнула, когда поверхность под ногами исчезла, выпустила пистолет. Рашпиль заорал с перепугу, и они упали с моста.

Но не свалились в Зеленку: бандит успел вцепиться в нижний пояс опорной фермы, которая дугой протянулась от берега к берегу.

Девушка повисла на Рашпиле, схватившись за ремень, подтянулась. Он пнул ее коленом в лицо и разбил нос. Катя качнула ногами — назад, вперед, — перепрыгнула на поперечную балку, оплывшую, усеянную покатыми буграми. За эти выступы было удобно держаться.

Рашпиль ударил ее носком сапога по ребрам, она сделала «солнышко» и уселась верхом.

— Ты кто?! — рывкнул бандит, подтягиваясь, забрасывая ногу на штангу, соединяющую опорную ферму с балкой. Штанга под действием непонятной силы стала извилистой и напоминала отлитую из железа змею.

Катя вдруг поняла: металл под пальцами теплый, почти горячий. Мост излучает тепло?

Тихо журчала вода, гнилой зеленый свет озарял двоих людей под мостом. Вверху стреляли, тонким голосом кричал Скворец. Катя ударила Рашпиля кулаком по голове, едва не упала, прижалась к балке всем телом. Та дрожала под ней, шевелилась, будто живая. Бандит наотмашь врезал ей тыльной стороной ладони в скулу, попытался ткнуть пальцами в глаза, но Катя отбила руку. Не зря она каждый день делала зарядку, бегала по несколько километров, не зря тренировалась с Опанасом, который раньше занимался каратэ, — теперь все это пригодилось.

Костяшками пальцев она ткнула Рашпиля в шею, но он пригнул голову, и удар пришелся в подбородок. Оба чуть не упали, Катя едва сумела удержаться, а бандит повис спиной книзу, обхватив штангу руками и ногами. Крякнув от натуги, он рывком перевернулся. Штанга прогнулась под его весом, вытягиваясь, как резиновая.

Он потянулся к правому сапогу.

На поясе в узком продольном кармашке у Кати был плаستيковый нож — рукоять в виде прямоугольной рамки, куда можно просунуть пальцы, клинок когтеобразной формы с лезвием в мелких зубуринах. Она подцепила рукоять пальцем, дернула. Рашпиль достал из сапога пистолет и навел на нее.

— А, блин! — хрипнул он, шурясь в полутьме. — Сеструха Глеба! Ты чего здесь?!

Если бы гoblin не сказал этого, сразу выстрелил — конец ей. А так Катя успела размахнуться и вонзить нож ему в запястье.

Рашпиль заорал, его крик заглушила автоматная очередь. Пистолет полетел в воду. Катя выдернула нож, отклонившись назад, легла спиной на балку и со всей силы пнула главаря шайки каблуком в лицо.

Он сорвался, взмахнув руками, попытался ухватиться за железную сосульку, не смог — полетел вниз.

Вода под ним вспухла горбом — река будто потянулась навстречу человеческому телу. Гоблин врезался в этот горб, и тот лопнул. Пошли волны, заколыхались кусты и острова густой травы. Рашпиль ушел под воду с головой, тут же вынырнул, заорал.

Из носа Кати по губам и подбородку текла кровь. Не замечая ее, девушка свесилась с балки и оторопело глядела под мост. Зеленоватое свечение со всех сторон стягивалось к Рашпилю, а он барахтался, вопя от ужаса. Вода вокруг него стала ярко-зеленой, вспыхнула, гоблин вытянул руки над головой и вдруг без всплеска ушел вниз — словно водяной схватил за ноги и дернул. Катя моргнула. Был Рашпиль — и не стало Рашпиля, даже пузырей нет. Зелень, собравшаяся со всей округи, повисла ярким сгустком посреди черной воды. Сгусток дрогнул, будто сглотнул, закружился и стал расходиться по реке, вновь превращаясь в мутную фосфоресцирующую пелену.

Над Зеленкой прокатился грохот еще одной автоматной очереди. А потом раздался взрыв.

Граната ничего не может сделать железнодорожному мосту, пусть даже легкому, на один пролет. Это все равно что ударить молотком по стене — она дрогнет, отколется кусок штукатурки, разлетятся бетонные крошки, не более.

Но это был не обычный мост. Аномальная энергия давно подтачивала его, как термиты подтачивают деревянный дом. Только с виду он казался крепким.

Отголоски взрыва еще не успели стихнуть, когда середина моста провалилась.

Балка под Катей изогнулась. Стиснув зубы, она обхватила податливое железо, поползла вверх. Ноги оказались над самой водой, зелень со всех сторон стала собираться к этому месту, на поверхности реки вспух горб. Катя ползла. Мост не скрипел, трущиеся друг о друга железные элементы не скре-

жетали — конструкция бесшумно сминалась под собственным весом.

Мимо Кати пролетел человек, она едва успела разглядеть лицо — незнакомый мужик с дыркой от пули во лбу. Один из гоблинов Рашпиля. Дюган всегда был хорошим стрелком...

Бандит свалился головой вниз, река плеснула, зеленый свет стал ярче, мигнул — будто сглотнул — и снова начал тускнеть, расходясь по реке. Гоблин исчез. Катя ползла, а вокруг все текло, извивалось, гнулось.

Она подтянулась, держась за конец сломанной шпалы. В полутьме у другого берега горбилась вторая половина моста. Может, это влияние аномалии под названием «зыбь»? Размягчение материи... Действие похоже. Что, если на мосту поселилась какая-то модифицированная зыбь?

Настил кренился все сильнее. Вцепившись в ограждение, Катя медленно зашагала к берегу.

Сзади раздался стон.

Она обернулась: на шпалах ниже лежал Скворец. Сталкер пытался ползти, но тяжелый мультиконтейнер тянул его к воде, опять вспухшей зеленым горбом.

— Ты... — слабо позвал он. — Эй... помоги...

Катя повернулась, села и на задуползла к нему. Скворец что-то просипел. Задержал рукой, скидывая контейнер.

— Нет! — крикнула она. — Не бросай его!

— Тяжелый... — откликнулся парень. — Он... тянет, не... не могу с ним...

Протяжно хлопнув, мост просел.

— Держись! — Улегшись на спину, она вытянула ноги и растопырила руки.

Настил накренился сильнее, еще немного — и станет вертикальным.

— А-а-а! — закричал Скворец и обеими руками вцепился в ее лодыжки.

Катю дернуло вниз. Она пятилась на спине, цепляясь за шпалы, упираясь в них задом. Сталкер висел на правой ноге, остатки моста съезжали с берега, погружались в воду. Зелень со всей реки стянулась сюда, вокруг стало темно, кусты и трава исчезли во мраке. Будто сияющий изумрудный дым

клубился под мостом — хищный, ядовитый. Катя ползла, Скворец дергался, словно хотел оторвать ей ногу. Какой же ты тяжелый! Хотя нет, это не ты, это контейнер на твоей спине... Контейнер! В нем то, за чем она пришла сюда, в нем артефакты, а значит — деньги...

— Сними его! — крикнула Катя. — Сними, слышишь!

Он что-то хрипнул в ответ. Мотнул плечом, застонал, засучил ногами. Одна лямка соскользнула с плеча.

— Не бросай! Вон костыль торчит, зацепи!

— Зачем? — простонал Скворец, пытаясь стянуть вторую лямку.

— Зацепи, я сказала!

Упираясь каблуками, Катя стала приседать. Парень сделал, как она велела, и сразу стало легче.

Мост протяжно, глухо всхлипнул, потом закачался.

А Скворец вдруг заплакал. Громко, навзрыд. Катя застыла на гнилой шпале, сжав зубы. Человек и контейнер — в полуметре ниже, первый держался за шпалу, второй висел на торчащем из нее костыле.

Мост тонул в реке. Она видела бурлящую зелень под собой, видела запрокинутое лицо Скворца — совсем еще мальчишка, ему и двадцати нет, гладкая кожа, чистый лоб, — мокрое от слез.

Видела контейнер, ради которого пришла сюда.

В контейнере было все, что ей еще нужно в этой жизни.

Теперь не успеть. С ними двумя — никак не успеть. Горб на воде вспухал все сильнее, зелень будто распирала его, приподнимая, еще немного — и он доберется до ног плачущего от ужаса Скворца.

Девушка потянулась к сталкеру. Цепляясь одной рукой за шпалу, он поднял вторую, пальцы коснулись ее пальцев. И вдруг лицо Скворца изменилось. Миг — и Катя увидела на его месте другое. Увидела Опанаса.

— Нет! — крикнул Скворец, когда она подалась вбок. — Нет, что ты... Вытащи меня!

Она нащупала лямку контейнера, потянула. Лямка зацепилась за костыль. Зеленый горб под мостом достиг ступней Скворца, и Катя как в кошмарном сне увидела: его ноги *текут*. Черная грубая кожа ботинок запузырилась, Скворец

закричал тонким детским голосом. Она сорвала лямку с костыля, стала приподнимать тяжелый контейнер, с трудом сгибая руку, будто выжимала пудовую гирю.

— Нет, меня! — пытаюсь схватить ее за рукав, всхлипнул Скворец.

Его ступни целиком погрузились в зелень. Катя согнула руку, боковая стенка контейнера прижалась к груди. Сгорбившись, пригнув голову, зубами вцепилась в длинный выпуклый фиксатор, прикусила его и рванула.

Контейнер раскрылся. Внутри — тринадцать квадратных и круглых ячеек разных размеров, в них пять или шесть артефактов. Жирный улов у Короба.

Катя перевернула контейнер, и они посыпались в воду.

Вслед за ними полетел и железный ящик. Когда артефакты упали в водяной горб, тот набух сильнее — и опал. Внутри за клубилось. Артефакты вступили в реакцию с напитавшей реку аномальной энергией, изумрудная муть пошла кругами, темный силуэт идущего ко дну контейнера вдруг расплылся пятном... Дальше Катя не видела — схватив освободившейся рукой Скворца за шиворот, с хриплым выдохом вздернула его выше. Развернулась лицом к шпалам. Сталкер обнял ее за поясницу, она поползла.

И ползла долго — через шпалы, по настилу, по обломкам, потом по влажной земле, пока на склоне холма не потеряла сознание.

2

Когда она очнулась, так и не пришедший в себя Скворец громко стонал. Катя поглядела на часы — полночь. Она с трудом встала. Нос распух, очень болели зубы, ныла челюсть после удара Рашпиля.

От моста остались только опоры на берегах, все остальное ушло в реку и растворилось там. Зелень расплылась в протоках между островами травы, пригасла, речка вновь испускала мутное блеклое сияние.

Ступни Скворца превратились в культы странной формы. Катя втащила его на вершину холма, срезала лоскуты

кожи и ткани. При виде того, что открылось под ними, ее едва не стошнило. Брошенная СВД валялась рядом с рюкзаком и контейнером; девушка достала медпакет, залила раны регенерирующим пластиком, забинтовала, вколола Скворцу обезболивающее, а после вновь потеряла сознание, не успев сделать себе инъекцию стимулятора.

Когда на рассвете она очнулась, пальцы просунутой под ворот руки сжимали медальон. Им с парнем повезло, ни одна тварь не выбралась на холм из ночного леса. По небу ползли облака, дул холодный ветер, было зябко, трава блестела от росы. Катю вдруг прихватило — накатили боль и ужас, пришедшие издалека, откуда-то из темных глубин Зоны. Она упала на бок, съежилась, подтянув колени к груди.

Глеб, что они делают с тобой?

Приступ длился почти полчаса — раньше они никогда не бывали такими продолжительными, — и потом еще почти час Катя приходила в себя. Она села возле контейнера и долго глядела на стальную крышку-полусферу. Наконец, сдвинув фиксаторы, распахнула ее. Выпуклая часть звонко стукнула по стенке контейнера.

Клубень устался на нее, а Катя устала на артефакт.

Так его называли Опанас и Глеб. Артефакт напоминал крупную луковицу — мягкую, будто подгнившую, покрытую полупрозрачной кожицей. То есть это раньше она была полупрозрачной, но за последние недели потемнела и стала тверже. А еще клубень немного увеличился, будто распух. И девушке казалось, что он едва заметно светится.

Но главным было другое.

Как только Катя откинула крышку, над склонами пронесся неслышный шепот.

Померкло осеннее небо, на холме стало темнее. Она прижала пыльца к вискам. Дуновение ментального ветра, чьи-то голоса в голове, тени клубятся вокруг... В этот раз сильнее, чем раньше. Что это такое, что происходит каждый раз, как она открывает контейнер? Что-то очень странное начинается в сознании. Странное — и опасное.

А потом откуда-то из глубин Зоны, затянутой мхами и лишайником, скрытой за непроходимыми лесными дебрями,

полями аномалий и болотами далекой темной глуши к Кате устремился ВЗГЛЯД.

Она была готова к этому — и все равно вздрогнула, ощутив его.

Всякий раз одна и та же картина возникала перед ее мысленным взором: огромное темное поле, ночь, ничего не видно. И где-то там, во мраке посреди поля, сидит ОН. Хозяин этого места. Ему кое-что нужно, очень нужно, но он не видит этого в темноте.

И когда Катя открывает контейнер — она словно приподнимает крышку сундучка. А в сундучке горит свеча. Свет вырывается наружу, и посреди чернильной тьмы поля возникает одинокий блеклый огонек.

И тогда он — тот, что притаился во мраке, — замечает огонек. Понимает, что именно там прячется то, чем он так жаждет завладеть. Он поднимает огромную косматую голову. Его бездонные черные глаза смотрят на Катю.

А потом он начинает говорить.

На самом деле она не слышала никакого голоса. Но из глубин Зоны пришли слова и мерным похоронным звоном зазвучали в голове: *Принеси его. Принеси клубень. Принеси, иначе умрут оба. В страшных пытках умрут, каких не знал еще ни один человек. Вы близнецы. Между вами связь, тесная связь. Ты чувствуешь его боль? Его страх, его ужас? Ты понимаешь, каково ему. И второму, который тоже дорог тебе. Чтобы прекратить эти мучения, чтобы спасти их обоих — принеси артефакт, принеси клубень, а иначе...*

Она захлопнула крышку, громко шелкнув фиксаторами.

И сразу светлее стало на холме, отступили тени, прозрачный шепот смолк.

И ВЗГЛЯД исчез. Исполинская косматая фигура, которую она увидела внутренним зрением — возникшая где-то в глубине Зоны, в самой глуши, за Северным Могильником, подпиравшая головой черное звездное небо, — пропала, растворилась в дымной мгле.

Катя встала на подгибающихся ногах и принялась собираться.

* * *

Скворец так и не очнулся. Целый день она тащила его на волокуше, которую смастерила из веток, потом шла еще полночи и преодолела в общей сложности километров восемь, вряд ли больше. Она легла спать рядом с бредящим сталкером, а под утро проснулась и долго сидела над ним, разглядывая покрытое испариной симпатичное лицо с тонкими чертами. И что такому мальчишке в Зоне делать, ему бы в институте учиться да с девчонками знакомиться после пар...

На рассвете Катя двинулась дальше. С каждым шагом ненависть к людям и злость на саму себя крепили в ней, и острая злая дрожь пронзала тело.

Зачем она спасла его? Что получила взамен, какую благодарность?

Никакой — и теперь приходится волочить полутруп на своем горбу. Зачем спасать людей, зачем вообще помогать им хоть в чем-то? Надо думать только о себе, о своих нуждах. Дура, чувствительная дура, потеряла артефакты, а ведь за них можно было выручить немало. Теперь придется продавать дом и всё остальное.

Белобрысый мальчишка на волокуше бредил и звал кого-то. К полудню лес закончился, Катя сняла с плеча СВД, посмотрела в прицел и увидела далеко впереди будку, земляную дорогу, шлагбаум, людей в форме. Она присела, чтобы военные не заметили ее. Надо обойти КПП. Повернулась к волокуше — и поняла, что тащит Скворца зря. Он умер, а Катя и не заметила. Может, он уже пару часов как мертв...

Зря, все зря! Мальчишка умер, не приходя в себя, и последние сутки его жизни были заполнены кошмарами, которыми боль напивала сумрачное сознание. Зачем было спасать его? От людей не дождешься благодарности. Все люди — твари. Больше никогда не поступлю так. Я знаю, для чего живу, в отличие от всех этих грязных бродяг Зоны, у меня есть цель. Я существую ради нее. Сплю ради нее, ем, хожу, дышу — вся моя жизнь подчинена этой цели. Есть только я — и она.

Людей нет — только твари.

ГЛАВА ВТОРАЯ НАЕМНИКИ ЗОНЫ

1

Гостиница называлась «Хобот кровососа». Мало кто обращал внимание на этот невзрачный трехэтажный дом, вокруг которого обычно стояли несколько джипов с противотуманными фарами, мощными антеннами и листами брони на корпусе. Вы бы не увидели здесь блестящие представительные внедорожники, предназначенные больше для того, чтобы пустить пыль в глаза, чем для передвижения по бездорожью. Нет, это были рабочие лошадки — впрочем, исходя из габаритов, их скорее следовало бы назвать рабочими буйволами или быками, — заляпанные грязью, болотной тиной... или кровью. Налоговым органам давно следовало обратить внимание на гостиницу. Постояльцев мало, доход хозяевам они наверняка приносят мизерный, но при этом налоги платятся сполна...

На самом деле постояльцев в «Хоботе» жило, как правило, раза в три больше, чем следовало из журнала регистрации. Просто большинство из них были, мягко говоря, специфическими личностями и не желали светиться. Ну а содержатели заведения исправно платили не только положенные налоги — но и положенные взятки, потому ни милиция, ни городская администрация никогда не проявляли к гостинице повышенного интереса.

Остановив потрепанный «жигуль», Катя откинулась на сиденье. Закурила, сквозь боковое стекло посмотрела на гостиницу. Было зябко и влажно, лучи солнца, прорываясь сквозь кружево облаков, расцвечивали бульвар узором блеклых теней и пятен света. Они ползли по асфальту и стенам домов, как в калейдоскопе, тени меняли форму, сливались и распадалась.

Она часто затягивалась, будто курила последний раз в жизни, искры на кончике сигареты потрескивали, вспыхивали алым. Стряхнув пепел в приоткрытое окно, подняла, поставила пальцы — они дрожали. Катя нервничала, потому что сейчас все начнется. Все, к чему она готовилась этот месяц, — и назад пути уже не будет.

Повернув зеркальце заднего вида, девушка глянула на свое отражение. Хороша, нечего сказать. Бледная, как осеннее небо, рыжеватые волосы всклокочены, под глазами круги, подбородок заострился. Был округлый и даже с намеком на ямочку, а теперь будто кость там торчит. Глубоко затянувшись напоследок, Катя выбросила сигарету. Провела ладонями по лицу, помассировала виски, пощипала себя за нос, хлопнула по щекам. Соберись! Ты должна выглядеть властной, деловой, смелой. Решительной. Нет, не выглядеть — ты должна такой быть.

Я именно такая, сказала она себе. Жалости я теперь не знаю, во всяком случае — к тварям. А больше на свете никого и нет. Твари, вы будете умирать, а я не заплачу. Не огорчусь, наоборот, стану радоваться. Смеяться над вашими трупами, запрокинув голову, скалиться в унылое небо Зоны, пинать ваши безжизненные тела, а потом поворачиваться к вам спиной и уходить, забросив автомат за плечо, чтобы убить еще какую-нибудь тварь... двуногую или нет — не важно.

Вот так, сказала она себе. Это правильно. Смелая девочка, беспощадная.

С этими мыслями Катя взяла с соседнего сиденья кожаную сумку, заглянула под сиденье — АКМ и контейнер с клубнем лежали на месте, замотанные в старые тряпки, — и выбралась из машины.

По бульвару перед гостиницей прохаживалась бабуля с коляской, рядом трое пацанов гоняли мяч, пытаюсь заколотить его в ворота, образованные краем скамейки и кустом. На скамейке сидел пьяница и что-то бубнил, ругался на них, пытаюсь прогнать, а они не обращали на него внимания.

Тряхнув головой, как всегда, когда настраивала себя на деловой лад, Катя пересекла бульвар. Дверь гостиницы проскрипела что-то презрительное, и она вошла в пыльный просторный холл. Впереди — лестница, покрытая старой, как сама Зона, потертой ковровой дорожкой; слева стойка регистрации, справа раскрытые двери бара. Оттуда доносился гул голосов.

Все правильно, так он и говорил. Ей направо.

Дюжий портье за стойкой поднял голову. Ежик волос, квадратная башка, квадратный подбородок, квадратные гла-

за — и кулачиши наверняка такие же. Явно отставной вояка, старший сержант или капитан. Из тех, кто служил на Периметре, на какой-нибудь базе Объединенного Командования, хотя, может, он бывший военный сталкер — туда любят всяких мордovorотов брать, чтобы они кровососов башмаками давили и псевдоплотям клешни отламывали, как спички. После отставки многие из них (те, конечно, кто остался жив) оседают в этих местах. Либо в Зоне, либо неподалеку, занимают всякие должности в охране и смежных структурах, там, где требуется особая подготовка, физическая сила и умение обращаться с оружием.

Хотя зачем портье захудалой гостиницы уметь обращаться с оружием, а?

— Ты куда, девочка?.. — начал он.

Псевдоплоть тебе девочка, хотела сказать Катя, но вместо этого ткнула пальцем в сторону бара и уверенно зашагала туда, стуча подкованными каблуками туфель.

— Э! — Портье выдвинулся из-за стойки, придерживая полу расстегнутого пиджака, чтоб не оттопыривалась слишком уж явно.

Но она уже нырнула в бар. Полутемно, приглушенная музыка, из семи столиков заняты три. Бармен за стойкой — волосатый байкер в джинсах и черной футболке, с белым черепом на бандане. Карла она увидела не сразу, он сидел в глубине помещения и казался совсем маленьким по контрасту с огромным пивным бокалом, водруженным в центре стола.

А вот коротышка ее тут же заметил и энергично закивал. Не оглядываясь, Катя пошла к нему, но на середине зала все же не выдержала, посмотрела назад. Портье сунулся следом, что-то проворчал и ушел обратно после того, как Карл махнул ему — мол, все нормально, это клиент ко мне подвалил.

Вот так, подумала она. Веди себя независимо, и люди от тебя отстанут.

Впрочем, теперь Кате не нужно было подбадривать себя, настраивать на воинственный лад. Неуверенность, охватившая ее в машине, прошла. С каждым шагом она чувствовала себя все более твердой, целеустремленной, и знакомая дрожь, а вернее — злая острая вибрация, впервые поселившаяся в теле после *тех* событий, — вновь наполняла ее.

Карл — маленький, с лысоватой головенкой, крючковым носом и нервными морщинистыми ручками. Они вечно перепархивают с места на место, то касаются чего-то, то совершают быстрые волнообразные движения. Почему-то его пальцы всегда напоминали Кате ножки насекомого, и это было неприятно. Одет Карл в серый костюм и белую рубашку, пиджак висит на спинке стула. Без галстука, расстегнутый ворот обнажает дряблую шею в темных пятнышках.

— Привет, привет! — мелодичным голоском пропел он. — Присаживайся, малышка, не соблаговолишь выпить?

— Нет, — отрезала Катя, села на край стула и поставила сумку на стол перед собой (взгляд Карла небрежно скользнул по ней). — Давай закончим все это побыстрее.

Коротышка всегда вызывал у нее смешанные чувства: сострадание, жалость, неприязнь. Он был болен, что-то связанное с облучением аномальной энергией, какая-то специфическая зоновская болезнь, она появлялась мало у кого, но если уж появилась — вылечить невозможно, недуг медленно сводил человека в могилу. Проблемы с эндокринными железами, нарушение работы внутренней секреции, отчего коротышка выглядел лет на десять старше своего истинного возраста. Жалко его, да. И все равно — какой-то он мерзкий.

Приподняв седые бровки, Карл кивнул.

— Быстрее так быстрее.

Раньше он вел дела с Опанасом и Глебом, часто приезжал к ним в поселок. Карл приторговывал оружием, иногда у него можно было достать полезные новинки, и кое-чем еще занимался. Это «кое-что» и требовалось сейчас Кате.

— У тебя всё готово? — спросила она.

— Ты, конечно, хотела спросить, все ли готовы, солнышко?

Она отбросила со лба прядь рыжих волос.

— Именно это я и хотела спросить, Карл.

— Готовы, — подтвердил он.

— Сколько их?

— Ты удивишься, но девять, моя дорогая. Уж я постараюсь...

Она оглянулась — никто на них не смотрел, — протянула через стол руку, ухватила Карла за шиворот и приподняла.

— Не «дорогая», малыш, — промурлыкала Катя, ощущая, как злая вибрация усиливается, пронзает тело и уже готова выплеснуться в виде какого-нибудь отчаянного, опасного для окружающих поступка. — Меня зовут Катя. Екатерина Викторовна Орлова, ты помнишь, да?

Глазки Карла вспыхнули — и погасли. Мелькнувшая в них злоба сменилась равнодушием, но Екатерине Викторовне Орловой на мгновение показалось, что, кроме злости, там блеснуло что-то еще... страсть, вожделение?

Он что, *хочет* меня? — поразила ее. Этот сморчок, этот сморщенный лилипут, кочерыжка, старый стручок — хочет со мной...

Катя чуть было не рассмеялась, едва сумела сдержаться.

Слабые пальчики ухватили ее запястье, другая рука поднялась, и девушка не успела отклониться — Карл похлопал ее по плечу.

— И с чего мы так волнуемся? — пропел он своим детским голоском, который так не вязался с внешностью старого лепрекона.

— Я не волнуюсь. — Она выпрямилась на стуле. — Я...

— Расскажешь об этом снарку, — отмахнулся он. — Как будто старый Карл не видит. Не дорогая... Ладно, пусть ты не будешь моей дорогой.

— А также не буду малышкой, деткой, крошкой, лапочкой, зайчиком и солнышком. И больше мы не возвращаемся к этому вопросу. Так их девять? И почему я должна удивиться?

Он пожал узкими плечиками.

— Очень трудно собрать большую компанию для одного дела. Особенно после всего этого хаоса, когда все перекроилось, и Периметр сместился. Да и платишь ты не очень много. Кстати? — Карл кивнул на сумку и неопределенно промычал: — Э-э...

— Они там.

— Покажи.

— С чего вдруг?

— С того, девочка. — Он подался вперед, глядя ей в глаза, улыбаясь, и тогда наконец она окончательно поняла, что Карл страстно желает ее, хотя и знает: никогда ему не заполучить Катю к себе в постель, это же просто смешно, — и

потому его влечение носит оттенок мазохизма. — С того, крошка, малышка моя, *моя дорогая*, с того, что я не отведу тебя куда надо и никого не покажу, если не буду знать, что деньги у тебя с собой. Ну, быстро! — прошипел Карл, и глаза его блеснули. — Показывай, твою мать!

Ты еще поплатишься за это, подумала она, расстегивая сумку. За эти слова, за этот жаждущий взгляд и покровительственный тон.

Карл привстал, заглядывая. Она показала содержимое сумки — неаккуратно перетянутые резинкой пачки банкнот.

— Что ж так неопратно? — спросил он.

— Некогда было складывать по линейке, — буркнула она. — Я собиралась в спешке.

— Кто-то сел на хвост? — тут же насторожился коротышка.

— Нет. Всякие дела отняли много времени.

Она не стала рассказывать ему, что продала дом со всей мебелью и артефакты, оставшиеся в подвале, гараж, новенький «шевроле»... что теперь у нее лишь старые «жигули» Глеба, стволы и снаряжение, лежащие на складе у перекупщика по кличке Сорняк, владельца небольшого заведения в Зоне. Да еще вот кожаная сумка. То есть Карл и так наверняка все узнает — но позже, а она не хотела разговаривать с ним об этом.

— Хорошо, — сказал он, сползая со стула. — Пошли, я представлю их тебе.

— Что значит — представишь? — удивилась Катя, поднимаясь. — Я собираюсь провести с каждым собеседование, прежде чем нанимать.

Карл, уже шагнувший в глубь бара, оглянулся.

— Собеседование? Я успел насобеседоваться с каждым. Эти люди, знаешь ли, не очень-то любят беседовать. Им привычнее убивать, а не говорить. Они подходят — это лучшие, кого можно найти сейчас. Ты, кажется, не представляешь себе, как ведутся такие дела...

В последнее время Катя стала очень недоверчивой, вот и сейчас подозрение возникло немедленно. Почему Карл не хочет, чтобы они поговорили, прежде чем заключить контракт?

— Я пообщаюсь с каждым, — отрезала она.

— Но зачем? Говорю тебе: найти их было трудно! Да еще в таком количестве. Они — лучшие, кого можно нанять за эти деньги...

— Я плачу приличные деньги.

— Это ты так считаешь. На самом деле не такие уж и большие.

— Ты меня за дуру держишь, Карл? Именно что большие. А ты получаешь свои десять процентов от сделки. Поэтому вначале я поговорю с каждым.

— Для этого надо специально арендовать комнату для переговоров.

— Недолго — хотя бы по пять минут. Иначе ничего не будет.

Он скривился и зашагал к стойке, на ходу бросив:

— Некоторые из них и разговаривать толком не умеют.

Бармен-байкер кинул на них равнодушный взгляд. Против обыкновения, он не был занят Самым Главным Делом Барменов — протиркой хрустально чистых бокалов, — а сидел на высоком табурете и слушал музыку через крошечные наушники.

Карла здесь знали, никто не пытался остановить их.

Он провел Катю в дверь за темной занавеской, по лестнице, коридору — к арке и высокой серебристой подкове сенсора. Из-за нее доносилась музыка, рядом торчали два типа в джинсовых костюмах и узконосых «ковбойских» сапогах, один даже со шпорами-звездочками, звенящими при каждом шаге. Пестрые банданы, ремни в заклепках, железные цепочки... Униформа у них такая, что ли? Под джинсовыми куртками виднелись кобуры; возле подковы на низком шкафчике стояла бутылка пива «Черный Бык» и полная окурков пепельница, лежали две биты, обмотанные изолентой, пачка «Нью-Киева» без фильтра и разорванная упаковка жвачки «Роналдо-Зубастик». С другой стороны подковы — стеллаж, ячейки с номерами, в них всякая мелочевка: кастеты, ножи, фомки, несколько пистолетов и заточек. Рядом на стене висел монитор.

— Это моя гостья, парни, — пропел коротышка.

— А нам какая хрен разница? — пробубнил один, монотонно двигая челюстью. — Оружие здесь оставить.

— У меня ничего нет, — покачав головой, Карл шагнул в подкову.

Охранники поглядели на монитор, где возникло туманное изображение человеческой фигуры.

Катя направилась за коротышкой, внутренне подобравшись. Если каким-то образом они засекут... Но никакой звонок не прозвенел, и на мониторе охранник не увидел ничего подозрительного. Карл толкнул дверь, она шагнула следом — и очутилась в подпольном клубе, где желающие могли нанять людей для экспедиции в Зону.

После джинсы, шпор и бандан с черепами Катя уже не удивилась, увидев, что заведение оформлено как рок-клуб.

В центре круглого зала высился широкий стеклянный столб, освещенный изнутри молочно-белым светом, с прозрачными полками, где стояли бутылки. Вокруг столба была круглая стойка, за ней расхаживали три бармена, по всему залу стояли столы. В полутемных нишах, озаренных красноватым светом настенных бра, виднелись диванчики.

Играла музыка, какой-то хард-рок, но не очень громко — чтоб не мешать сидящим за столами людям обсуждать дела, ведь сюда приходили больше для этого, чем для развлечения. На каждом столе стояла лампа под темно-красным абажуром. Рокот голосов — словно прибой. Звон бокалов и рюмок. Шарканье ног.

Карл обернулся к девушке и пошел вперед. Он больше не улыбался, желание Кати обязательно поговорить с наемниками не нравилось ему. Следуя за коротышкой в обход стойки, девушка исподтишка оглядывалась. Вот пара мужиков в блекло-синих комбинезонах сидят перед высоким худым стариком, он что-то уверенно втолковывает им. А там — двое в обычном сталкерском прикиде пьют водку и закусывают. Вон огромный бугай — такой здоровый, что и взглянуть страшно, и как его стул держит — пригорюнился над бокалом пива, который в огромной лапище напоминает рюмку, глядит в стол перед собой, и лицо у него — тупое-претупое. Впрочем, когда Карл проходил мимо, бутристая башка поднялась, на широкой плоской роже мелькнуло не-

определенное выражение. Наемник привстал было навстречу коротышке, открыв рот, но Карл махнул ему — сиди, мол, потом поговорим, — и здоровяк плюхнулся обратно.

Возле стойки жирный скупщик с отечным лицом разговаривал с двумя гориллообразными субъектами, даже не снявшими брезентовых плащей. Дальше стоял мужик на одной ноге, вторую в районе колена украшал железный кругляш, к нему была приварена толстая арматурина с изогнутым концом, напоминающая фомку. Каждый раз, когда человек поворачивался или переступал, она глухо лязгала о пол.

Здесь было полно бродяг, всяких оборванных личностей, грязных, патлатых, хромых, кривых — их никто не гнал. Проводник по Зоне может быть каким угодно, это не имеет значения. Зачастую какой-нибудь нервный кривобокий замухрышка с ржавыми гайками и раскладным ножом в кармане лучше знает свое дело, чем увешанный датчиками статный самоуверенный красавец, который вляпается в первую же аномалию и тебя за собой утащит.

— Если б я договаривалась сама, пришлось бы здесь сидеть? — спросила Катя, нагоняя Карла.

Он хмуро кивнул.

— Ладно, найди комнату, где можно будет переговорить с каждым.

— Без тебя знаю. Заткнись, не мешай мне.

На другой стороне зала возле черной кожаной двери сидел мужик, одетый во все джинсовое. Карл подошел к нему, мужик встал, нависнув над коротышкой, и они стали разговаривать.

Сумка висела на плече, локтем Катя прижимала ее к боку. Не то чтобы боялась, что кто-то попытается отобрать деньги, но... В общем, она теперь никому не доверяла. Вообще никому.

Дверь открылась, оттуда вышел длинный парень с остроконечной бородкой и таким низким лбом, что его вообще трудно было разглядеть между темными волосами и мохнатыми бровями. Джинсовый мужик сел обратно на стул, Карл, задрав голову, вступил в беседу с дылдой. Тот стоял в той же позе, что и джинсовый, — подавшись вперед, согнувшись, склонив голову, смотрел на Карла сверху вниз. Пере-

вел взгляд на девушку, опять на коротышку. Что-то сказал. Карл ответил.

И вдруг приступ жалости к этой сморщенной кукле, этому *старому ребенку* охватил ее. Катя увидела, как он хорохорится, как пытается выглядеть крутым, независимым, деловым в мире больших людей, и ему это вроде бы удастся, он и вправду решает какие-то дела, может, даже важные, зарабатывает деньги, устраивает всякие аферы — и *большие* делают вид, что принимают его на равных, но на самом деле во взгляде этого бородатого великана читается плохо скрываемое снисхождение, если не презрение, как и во взгляде джинсового, и Карл знает об этом, и большие тоже знают, что он знает...

Ей даже захотелось подойти к нему, похлопать по узкому плечу. Катя тряхнула головой, отгоняя жалость. Какое ей дело до Карла? Наплевать на него и его чувства, лишь бы он все решил как надо, а там хоть солнце над Зоной не всходи.

Бородатый скрылся в дверях, Карл оглянулся, махнул рукой, и Катя пошла к нему.

Кольцевой коридор вокруг зала, приглушенные голоса, двери... Дылда раскрыл одну, они с Карлом вошли. Здесь были только стол с креслом и четыре стула перед ними. На потолке тускло горела светопанель, было душно, музыка из зала доносилась приглушенно.

— Еще один стул, Адольф, — попросил Карл.

Дылда проскрипел что-то и ушел.

— Я буду присутствовать при вашем разговоре, — объявил коротышка.

— Для чего?

— Так положено. Есть свои правила, понимаешь? Если я посредник — все решается через меня. А вдруг ты попытаешься меня кинуть теперь, когда я нашел людей? Садись за этот стол. Дай сумку. Будешь говорить с ними по очереди, я буду давать им деньги, задаток. Потом...

— Нет, — сказала она. — Я сама...

— Ты мне надоела! — зашипел Карл, подступая ближе. — Ты жадная рыжая стерва! Есть правила, понимаешь?! Правила, как ведутся такие дела! Я не позволю тебе нарушать их! Ты даешь сумку мне, разговариваешь, если наемник подходит — киваешь, я расплачиваюсь. Не согласна — всё, наша

договоренность расторгается, даешь мне три штуки за то, что привел тебя сюда, и я ухожу!

— Я могу найти наемников в этом зале.

Он фыркнул.

— Дура! Откуда ты знаешь, с кем говорить, кто из них что умеет, кому можно доверять, кому нет? Там, — детская ручка взлетела, пальчик ткнул в стену, из-за которой доносились музыка, — полно бродяг, всяких аферистов, обычных бандюков. Ты наймешь кого-то, а в Зоне они отрежут твою тупую башку, заберут бабки и смоятся!

— Я собираюсь спрятать деньги сразу за Кордоном, в старом схроне Глеба и Опанаса. И окончательно расплачусь, только когда мы вернемся.

— Это не важно! Они убьют тебя, чтобы оставить себе задаток и не делать дело, чтобы сразу вернуться сюда и подцепить следующего лоха! — Карл поднял руку. — Сумка. Или я ухожу.

— Сколько ты собираешься дать им сейчас?

— Половину. Каждому — половину от обещанной суммы. То есть по семь тысяч. Но ты никаких разговоров о деньгах вести не должна, поняла? Денежные вопросы решаю я.

Катя отдала сумку и села, положив локти на стол.

— По сколько в пачках? — спросил коротышка.

— По десять.

Появился Адольф, поставив пятый стул, ушел. Карл повесил сумку на плечо, сказал: «Жди» — и направился вслед за ним.

Катя привычным движением запустила руку под воротник, нащупала медальон на цепочке. Злая дрожь наполняла ее. Девять наемников по четырнадцать тысяч — это сто двадцать шесть. Карл берет десять процентов, то есть еще почти тринадцать косых. Двенадцать она уже потратила на оружие, еще четыре на снаряжение. Итого сто пятьдесят пять. А у нее после продажи было сто шестьдесят две. Остается семь... совсем мало. Ну и черт с ними. Тем более что сейчас Карл будет выдавать наемникам по семь, то есть на самом деле останется около пятидесяти тысяч, а там... вряд ли выживут все.

Собственно говоря, вряд ли выживет она сама.

2

Дверь открылась, и в комнату вошли четверо в блекло-синих комбинезонах группировки наемников — впрочем, назвать ее полноценной группировкой со своей штаб-квартирой, командованием, базами, как это было у Долга, Греха или даже анархичной Свободы, нельзя. Все четверо — крепкие мужики, один пониже ростом и очень коротко стрижен, второй белобрысый, у третьего шрам через все лицо, четвертый со сломанным носом. Этот, с носом, держался так, что сразу стало понятно — он старший в группе.

Сидя за столом, она молча разглядывала их.

— Катрин Орлова, — представил Карл. — А это — Мировой, Кирилл, Нешик и Брюква.

Трое сели, Мировой — тот самый, старший, — встал за их спинами. Карл передвинул пятый стул к углу стола и уселся так, чтобы видеть и Катю, и наемников. Сумку поставил между ногами.

Катя заметила насмешливый взгляд коротышки. Она ведь никогда таких переговоров не вела, Карл был уверен: девчонка растеряется, начнет что-то мямлить...

— Давно Зону топчете? — спросила она.

Наемники зашевелились, белобрысый Кирилл с низкорослым молодым Нешиком переглянулись.

— Орлова... — произнес Мировой низким глубоким голосом. — Слышал где-то...

— Глеб-Орел, — напомнила Катя.

Наемник кивнул.

— А! Так вы... Нет, он говорил, не женат. Значит, сестра его?

— Точно! — подтвердил Нешик. — Та, у которой они с Опанасом хабар оставляли. Ну так а чего, нормально тогда...

— Отвечайте на мои вопросы, — перебила Катя. — Давно в Зоне?

Лицо Нешика вытянулось, но Мировой не стал возмущаться.

— Давно, — сказал он спокойно. — Я — семь лет, Кирилл с Брюквой по пять, Нешик три. Я в Долге когда-то был, потом ушел. Остальные — по жизни свободные бродяги.

— Надоело артефакты собирать, решили в наемники податься?

Карл дернул головой — она явно перегибала палку.

— А это не ваше... не твое дело, — ответил Мировой.

— Ладно, — согласилась она. — И долго в бригаде?

Мировой поднял глаза к потолку, припоминая, и тут опять подал голос Нешик:

— Так три года же. Мир, ты вспомни, — он оглянулся на старшего, — аккурат как я в Зону пришел, мы и начали. Меня электрой тряхнуло, но не убило, вы меня подобрали и...

— Три года, — согласился Мировой. — Да.

Она кивнула.

— Значит, спелись, знаете, как вместе работать. А в каких делах участвовали?

Карл что-то прошипел, зашевелился на стуле — по его мнению, Катя вела переговоры совсем не так, как положено. Ей было наплевать. Она платит, значит, может задавать какие хочет вопросы.

— Во многих, — сказал Мировой.

— Ну, в каких, например?

— Да ты Расскажи, Расскажи ей! — опять вылез Нешик. — Про то, как мы на Агропром ученых водили вместе с военсталами! Или как Мазу-салиста выследили и...

— Прежде чем наш командир станет отвечать на этот вопрос, — заговорил белобрысый Кирилл неожиданно интеллигентно и рассудительно, — мы бы хотели узнать, для чего вы собираетесь нанять нас.

— Это секретная информация, — ответила она. — То есть секретная для тех, кто не участвует в деле. А вы пока не участвуете.

Кирилл поднялся со стула. Мировой не возражал — должно быть, белобрысый часто вел переговоры от лица группы, язык у него явно хорошо подвешен.

— Большую часть наших, как вы выразились, дел нельзя назвать соотносящимися с духом международного законодательства, — произнес Кирилл, вежливо улыбаясь, и сделал жест в сторону коротышки. — Конечно, Карл поручился за вас, но все же мы до сих пор вас не знали, имели лишь шапочное знакомство с вашим братом и его напарником Опа-

насом. Мы не знаем, насколько можем доверять вам, и не станем посвящать в наши тайны, не имея никакого понятия о том, что вы хотите нам предложить.

По окончании этой речи Нешик дернул себя за нос, пробормотал: «Во излагает!» Брюква сидел неподвижно, равнодушно пялился перед собой и, кажется, не вникал в беседу, предоставив подельникам вести переговоры. Мировой спокойно слушал.

— Ну хорошо, — сказала Катя. — Я хочу нанять вас, чтобы довели до места за ЧАЭС. Будете охранять меня — туда и обратно. Точный маршрут покажу по карте позже. Конечно, он будет меняться исходя из ситуации, но в целом направление понятно. Я...

— Постой! — перебил Нешик. — Ты что... Ты это о чем? За ЧАЭС? Там же не пройти!

— Теперь пройти, — сказал Брюква хриплым голосом. — Теперь перетрусилось все, пройти сложно, но можно.

— И далеко на север? — спросил Мировой.

— До берега Грязевого озера.

— Ого! — вскинулся Нешик.

— Я хорошо плачу вам.

Карл закашлялся.

— Я же предупреждал — не о деньгах! — прошептал он, повернув голову к Кате.

Она даже не взглянула на него.

— Можно ли узнать, с какой целью? — спросил Кирилл.

Готовая к этому вопросу девушка ответила:

— Мне надо передать кое-что. Кому — не скажу. Просто передать и сразу назад. Этого пока достаточно.

Спустя пять минут они договорились. Карл, поставив сумку между ног, покопался в ней и подошел к наемникам с банкнотами в руках. Мировой шагнул из-за стульев; стоя спиной к Кате, коротышка передал ему деньги, они пошептались. Девушка внимательно наблюдала. Кирилл вновь поднялся, отстегнул от пояса коричневый сверток, развернул — это оказался кожаный пакет на «молнии». Мировой положил туда деньги, Кирилл застегнул пакет и повесил на пояс.

— Отправляемся сегодня? — уточнил старший.

— Вечером. У вас есть машина?

— Джип. Обычно оставляем снаружи Кордона.

— На каком КПП у вас прикормлены солдаты? Я не хочу ехать до Кордона вместе, привлечем ненужное внимание. Встретимся в Сундуке, знаете такое место?

— Ясное дело, — сказал Нешик.

— Да, и оружие у вас какое? Мне надо знать...

Мировой кивнул — тут наниматель и вправду должен быть в курсе.

— «М-4», — сказал он.

Катя разбиралась в оружии все больше теоретически — она нахмурилась, припоминая.

— Карабины, модульная схема, можно менять блоки из «М-16»...

— Ну да, — сказал он. — Только приклад телескопический и ствол укорочен.

— Это те, что со съемной рукоятью, чтобы легче носить?

Он впервые с интересом глянув на Катю — и откуда рыжая девка знает подробности? — потом поправил:

— У Нешика и Кирилла с рукоятями. А у меня и Брюквы оптика стоит, прицел то есть. У всех такое цевье, чтобы подствольник можно было повесить. Калибр «М-4» знаешь? — Когда она кивнула, Мировой добавил: — А подствольники там сорокамиллиметровые.

Катя сказала:

— Значит, в Сундуке завтра вечером. Или от КПП, через который вы обычно проходите в Зону, туда далеко? Тогда...

— Мы успеем, — сказал Мировой, и Кирилл кивнул.

— Боеприпас и провиант обеспечиваю я, — заключила она.

Следующим наемником оказался тот самый здоровяк с плоской рожей, которого Катя заприметила в зале. Войдя, он плюхнулся на тяжело заскрипевший стул, положил на колени пудовые кулаки и неподвижно уставился перед собой. Глядел наемник вроде на девушку, а вроде и мимо, не разберешь.

— Хохолок, — сказал Карл. — Это Хохолок. Он с Карпатских гор к нам спустился.

Нарядом здоровяку служили широкие красные штаны, короткие сапоги и меховая безрукавка на голое тело. Под ней — волосатая, будто мхом заросшая грудь и выпуклое пузо с пупом, куда Катя могла всунуть кулак. Руки как бревна, бицепсы как ядра. Нос маленький, монгольские скулы. И ни тени мысли на лице. Башка лысая, только с центра макушки свешивается длинная прядь волос, уходит за правое ухо и дальше, аж до плеча.

— Еще его Пуленепробиваемым кличут, — продолжал Карл. — Нет, пули нашего Хохолка, конечно, берут, но очень уж много их надо, чтобы его завалить. Скажи, Хохолок?

— Што? — тот поднял взгляд.

— Пули, — повторил Карл со значением.

— А то! — рывкнул вдруг Хохолок сипло и поскреб грязными ногтями шрамы на груди. — Раз с этими... с военстами зацепились, ёп. Бригада ихняя, пять человек. Из этих... «Миними» в меня. А вот те хрен! — Он поднял кулак и стукнул ладонью по бицепсу. — Чешите грудь! Не взяли меня, не уделали. Я их сам уделал. Урыл всю группу!

— Ты уничтожил отряд военных сталкеров? — осторожно уточнила Катя.

— Ну так ёп!

— В одиночку?

— Ну!

— Хохолок никогда не врет, — пояснил Карл. — Не умеет.

— Не вру, — мотнул головой наемник. Выражение лица немного изменилось, он с сомнением поглядел на Катю, перевел взгляд на Карла и сказал: — Слышь, а чё она спрашивает?

— А почему бы ей и не спрашивать? — отвечивал Карл, явно забавляясь.

— Не, ну она ваше при чем тут? Сидит и спрашивает... чё это?

— Так она нанимательница твоя, Хохолок, — пояснил коротышка. — Деньги она тебе платит.

— Што — баба?! — поразился наемник. — Чеши грудь!

— Имеешь что-то против? — холодно спросила Катя.

Он поскреб небритый подбородок.

— Не, та я... Чё ж — «против». Наоборот. С бабой, мож, веселее там. Хотя примета есть, э? На рыбалку и в Зону женщин не брать, ни рыбы, ни артефактов не будет.

— Так мы не за артефактами идем, — сказала Катя. — Какое у тебя оружие, Хохолок?

— Так что же, ну, «Печенег», — буркнул он. — Ручной вот... пулеметц.

— Калибр я знаю, хорошо. И все?

— Нет, ну... еще есть, канешна...

Катя не удивилась бы, если б он сказал, что помимо «Печенег» таскает с собой какой-нибудь жуткий многоствольный мини-ган типа «GAU» или «М-134», хотя понимала, что эти монстры в руках носить могут только в кино, поскольку там и электропитание от пары-тройки аккумуляторов разом, и боекомплект с собой надо иметь на десятки тысяч патронов, ведь скорострельность у них сумасшедшая, да и отдачу, когда из стволов за минуту тысяч пять пуль вылетает, ни один человек не выдержит, даже вот этот Кинг-Конг в красных штанах.

Но Хохолок оказался скромнее и сообщил, что помимо пулемета таскает с собой только компактный ручной *гранатометц* «ХМ-25» с двадцатипятимиллиметровыми гранатами да «тэтэшник».

Сначала у Кати возникли сомнения — слишком уж Хохолок был глуп, — но потом она решила, что в группе не помешает такой вот тупоголовый пуленепробиваемый крепыш без страха и упрека.

Через пару минут, получив у Карла деньги и расставив их по просторным карманам красных штанов, Хохолок ушел. Он не поинтересовался, куда направляется отряд и кто еще в нем, будет ли это простым путешествием в Зону, когда предстоит встретиться с привычными опасностями, или предполагается какой-то конкретный враг.

Но даже Хохолок мерк перед следующими двумя кандидатами. Девушка приподняла брови, когда они вошли в комнату. Близнецы! Они с Глебом тоже близнецы...

Но эти — еще и синхроны.

Двое юношей — худые, длинноволосые, с женоподобными лицами и мягкими кошачьими движениями — скольз-

нули в комнату. Смуглые, темноглазые, одеты в одинаковые рубашки и узкие штаны, на ногах туго зашнурованные высокие ботинки.

— Карим и Аслан, — сказал Карл.

Единственное отличие — волосы Карима были черные, а у Аслана — белые, да еще и пушистые.

Они разговаривали мало, свистящими тихими голосами, и двигались совершенно одинаково.

Катя знала, что это означает.

Синхронов нельзя назвать мутантами в полном смысле слова, хотя они — исчадия аномальных земель, дети Зоны. Если женщина выносит ребенка внутри Периметра, младенец может родиться с отклонениями, как телесными, так и умственными. Катя слышала по крайней мере про две пары рожденных в Зоне близнецов, которые приобрели странное свойство, — и, вероятно, видела сейчас одну из этих пар. У Карима и Аслана был один разум, одно сознание на двоих. Мозг их будто разделился пополам и был помещен в два черепа, но при этом между половинами сохранилась незримая связь. Один синхрон — или дубль, как их еще называли, — всегда знал, чем занят и где находится другой, они ощущали общую боль, могли мгновенно обмениваться мыслями. Это превращало их в опасных бойцов.

Синхроны сели перед ней в одинаковых позах. Как и Хохолок, они почти не задавали вопросов. Она спросила про оружие — оказалось, что у братьев «узи» и боевые крюки.

Их все устраивало, как и ее. Они получили свои деньги и удалились.

Следующего человека, которого привел Карл, звали Анчар. Или Командор — Катя, естественно, слышала о нем, кто ж не слышал?

Невысокий мужик лет пятидесяти, в узком кителе, брюках-галифе и узких сапогах, с суровым лицом и отрывистыми жестами человека, большая часть жизни которого была связана с армией. Вместо левого глаза у него было нечто вроде объектива от фотоаппарата: серебристые кольца, круглое стеклышко, насечки с цифрами.

Про этот глаз Катя тоже слышала, хотя раньше ей с трудом верилось в его существование. Говорили, что, меняя на-

стройку, Анчар может использовать его как дальномер, оптический прицел, прибор ночного видения и даже тепловой сканер. Она не понимала, как такое возможно, как это всё подключить к мозгу? Видно же, что под объективом не прячется глазное яблоко, оптика установлена вместо него, а не поверх, — тогда как устройство заведено на мозг Анчара? Современные биотехнологии вроде еще не дошли до прямого нейрошунтирования. Или дошли? Она слышала, как раз в Зоне в одной лаборатории такие опыты проводили — может, Анчар как-то с той лабораторией был связан?

Он разговаривал вежливо, сдержанно, негромким голосом.

Цель путешествия?

Она изложила то же, что группе Мирового: север Зоны, граница Могильника, берег Грязевого озера.

Это — географическая цель, а практическая? К кому идем?

Это вас не касается, сказала она. Ваша задача довести меня туда и обратно.

Касается, спокойно ответил он. От цели зависит, кем будут наши враги.

Никаких особых врагов не предвидится. То есть предвидится — обычные для Зоны. Мне просто надо передать кое-что.

Кто еще в группе?

Она рассказала, кто уже побывал здесь, а Карл добавил про тех, кому предстояло зайти после Анчара.

Тот кивнул задумчиво. И спросил: кто будет командиром отряда?

Катя пожала плечами: видимо, я.

Есть ли у вас опыт?

Нет, вынуждена была признать она.

Бывали в Зоне?

Бывала. Хотя не часто. Но наслушалась рассказов о ней. От брата, от жениха. Они — сталкеры, зовут так-то...

Слышал о них, сказал Анчар. Но рассказы — одно, а практический опыт — другое. К тому же раньше вы не командовали десантными группами, каковой, по сути, будет являться набираемый вами отряд. Вы можете показывать направление, но тактическое руководство должен осуществлять кто-то более сведущий.

Вы, сказала она. Я понимаю, это должны делать вы.

Я отнюдь не настаиваю на своей кандидатуре, сказал Анчар. Я услышал описание ситуации и теперь констатирую факт.

Хорошо, согласилась Катя. Согласны ли вы взять на себя тактическое командование группой?

Он пожал плечами.

Согласен, если дело требует того, за дополнительную плату.

Тут, конечно, вмешался Карл: привстал, замахал руками и заявил, что денежный вопрос с Анчаром он решит.

Катя осталась сидеть на месте, а коротышка подступил к отставному вояке и принялся с ним негромко разговаривать. «Объектив» Анчара зажужжал, в нем что-то сдвинулось — наверное, автоматически поменялась фокусировка, когда Карл приблизился.

В конце концов они договорились. Карл чуть не бегом вернулся к стоящей под стулом сумке, покопался там, опять подошел к Анчару, уже с деньгами. Тот взял их, сунул в карман и сказал:

— Какое у кого оружие, перечислите.

Катя рассказала и нахмурилась, когда Анчар покачал головой.

— Что не так? — спросила она.

— Этому Хохолку гранатомет не нужен, — пояснил Командор. — Зачем, если их и так будет четыре в группе? Необходимо унифицировать боеприпас. У людей Мирового карабины под натовский патрон пять пятьдесят шесть. Хорошо, у моего «Mark-16» такой же. Но гранатомет с гранатами на двадцать пять не нужен, вместо этого вам следует купить Хохолку «М-4». К «Печенегу» патрон другой, скорострельность у пулемета большая, в случае чего боезапас будет расстрелян быстро, тогда он сможет использовать карабин, обмениваясь патронами с остальными членами группы. У «Mark» и «М-4» даже магазины унифицированы. Но и вам необходим «Mark». Далее — «узи» синхрон. Это никуда не годится, «узи» — швейная машинка, а не оружие...

— Они не согласятся на другое, — перебила Катя. — Вы видели их? Они гибкие, быстрые... Им нужно что-то совсем небольшое.

— Я видел их. И я не предлагаю снабжать их гаубицами — купите пару немецких «НК»...

Катя завела глаза к потолку, припоминая, и сказала:

— Но это же штурмовая винтовка, она здоровая...

— Нет, — сказал Анчар, — есть укороченная модификация «А3». Со сложенным прикладом длина меньше шестидесяти сантиметров. Из ремня можно сделать петлю и носить под мышкой, это подойдет синхронам. Для себя вам также нужно приобрести «Mark», как у меня...

Катя поморщилась.

— Штурмовые винтовки для синхронов, карабин для Хохолка... Слишком дорого.

— Зато мы получаем унификацию боеприпасов, а это крайне важно. Впрочем... — Анчар пожал плечами. — Как хотите. Поход к Северному Могильнику — дело в любом случае сложное, без нормального вооружения группы приниматься за это нет смысла. Если вы не имеете возможности или желания потратиться на дополнительное вооружение, я не могу взять на себя тактическое руководство.

Видя, что он полез в карман за деньгами, Катя махнула рукой.

— Ну хорошо, хорошо! Я всё поняла. Боюсь только, сами наемники могут не захотеть.

Анчар поднялся.

— Этот вопрос я решу. Но мне нужно иметь четкое подтверждение от вас: я команду группой. Тогда они будут вынуждены согласиться на замену части своего оружия.

Кате пришлось смириться. Они условились о месте встречи, после чего Анчар ушел.

Последним оказался угрюмый сталкер по кличке Болотник. Станный человек, неприятный — у него была тяжелая аура, и говорил он необычно, очень отрывисто, а еще Кате показалось, что Болотник не любит произносить слово «я», как-либо упоминать в разговоре свою персону. Невысокий, как и Анчар, в пятнистом плаще с капюшоном. «Шаман» — так представил его Карл. Катя в мистику не верила и в шаманов тоже. Бубны, пляски вокруг костра, заклинания, стеклянные ножи... это все не для Зоны. Но с некоторых пор кое-кого из сталкеров, долго проживших в ней, действи-

тельно стали называть шаманами. Девушке больше нравилось другое слово — следопыты. Они знали тайные тропы, недоступные обычным бродягам Зоны, лучше других разбирались в аномалиях и артефактах. Говорили, из последних они даже умеют мастерить так называемые сборки — артефактные конструкции, обладающие необычными свойствами.

Болотник был ценным приобретением для нее, потому что мог тихо провести группу за ЧАЭС. По словам следопыта, он много времени провел за Радаром, бывал и на севере Зоны. Оружие у него оказалось странным: набор из семи костяных ножей на перевязи и черный маузер «С-96» семьсот двенадцатой модели, с дополнительным переводчиком системы огня и с расширенным до сорока патронов магазином — древний, с кобурой из орехового дерева.

Катя сказала, что не представляет, где достанет патроны к нему. Болотник тихим, лишенным эмоций голосом ответил, что «ТТ» сконструировали под маузеровский патрон, так что проблем нет. Катя кивнула — ага, хорошо, она этого не знала, никогда эти маузеры трофейные не видела. На том и порешили.

Когда Болотник покинул комнату, она встала, прошла перед столом. Мысленно перечислила: четверо наемников — Мировой, Кирилл и Нешик с Брюквой, еще Хохолок, Анчар, Болотник, братья Карим и Аслан. Девять человек — нормально.

И тут ее прихватило. Издалека пришла боль вместе с тоскливым чувством: одиночество, страх, понимание, что смерть близка... *Глеб, где же ты?* Она повернулась спиной к Карлу, оперлась ладонями о стену и зажмурилась. Резкая боль — будто крюком пронзили бок, дернули ребро... *Глеб, что они с тобой делают? Я иду, я скоро буду!*

Боль прошла внезапно. Раздался голос Карла:

— Что с тобой?

— Ничего. — Она повернулась, но перед тем смахнула выступившие на глаза слезы. Коротышка внимательно глядел на нее.

— Это все, — сказал он. Поставив сумку на край стола, довольно потер руки.

— Благодарю, — ответила она. — Ты действительно хорошо поработал. Теперь отдай то, что наварил на этом.

Злобная гримаса мелькнула на лице Карла и мгновенно пропала, сменившись обидой и удивлением, впрочем, явно показными.

— Что? — спросил он, скривив губы.

Катя вздохнула — она устала от разговора с таким количеством мужчин.

— Твоя доля — тринадцать тысяч, — пояснила она. — Ты сказал мне, что платишь им по четырнадцать, семь — вперед. Думаешь, я не видела, как ты совал деньги в карманы каждый раз, как подходил к ним? Ты держишь меня за идиотку, к тому же слепую?

— Ты что говоришь, девка?! — прошипел он, сжимая кулаки.

— Скорее всего ты договорился с ними на двенадцать тысяч, — продолжала она, склоняясь над столом. — И сейчас дал каждому по шесть. Хотя нет, Анчару пришлось отдать семь, как будущему командиру. Значит, сколько получается... Ага, могу поспорить — сейчас у тебя в кармане лежит восемь тысяч сверх того, что ты получил от меня. Решил в полтора раза поднять свою ставку, придурок?

И тогда он попытался ударить ее. Заехать кулаком в лицо.

Из кармашка на поясе Катя выдернула не замеченный сканером пластиковый нож, перехватила руку Карла и вывернула за спину так, что коротышка ударился затылком о стол.

Он закричал от боли. Клинок-коготь коснулся дряблой шеи.

— Сука ты, — сказала Катя, наклоняясь над Карлом. — Барыга и тварь. Своих кидаешь, лишь бы хапнуть побольше. А я теперь решила тварей убивать. После того как... Всех, кто мне на пути попадется, в любом обличье, человеческом или зверином, — убивать. И тебя сейчас убью.

Она нажала сильнее, по шее потекла кровь.

— Не надо, — попросил он.

— Деньги давай, урод.

Детская ручка задергалась, как крылышко цыпленка, захлопала по бедру, наконец попала в карман.

— Сколько здесь? — спросила она, когда на стол упали смятые банкноты.

— Во... восемь тысяч.

— Давай те, что получил как свои проценты.

— Но это мое, я их честно заработал!

— Честно?! — выдохнула она, склоняясь ниже над искаженным от страха лицом, нажимая ножом сильнее и понимая, что еще немного — и она действительно прикончит Карла. — Честно, твою мать?! Ты, сволочь, только что пытался на..... меня, а теперь что-то про «честно» говоришь? Доставай — или прирежу на ...!

Из глаз Карла текли слезы, Кате вновь стало жалко его, но она тут же изгнала непрощенное чувство. А ее жалел кто-нибудь? Кроме Глеба и Опанаса — кто хоть раз пожалел ее? Может, эта сволочь? Урод наверняка догадывается, на что она пошла, чтобы раздобыть деньги, ведь он знает, ради чего Катя затеяла все это, что случилось тогда в Зоне, — и все равно хочет вырвать из нее побольше. Никакой жалости. Никакого снисхождения. Все люди — твари. Все вокруг — враги. Есть только она. И *он*. Тот, к которому Катя отправляется.

На стол упал тугой рулончик, перетянутый резинкой. Кровь текла по шее Карла, коротышка дергался, сипел, плакал. Катя заколебалась было — может, оставить ему хотя бы половину того, что обещала, хотя бы тысяч шесть? Нет. Наплевать на него. В Зоне деньги не очень-то нужны, но — могут пригодиться. Вдруг не хватит боеприпасов, или надо будет докупить оружие, или датчики сломаются... Никакой жалости, есть только я, мои желания, моя цель. Я — и *он*.

Отпустив вывернутую за спину руку, она стала собирать деньги в сумку. Нож с шеи Карла не убирала.

Дверь открылась, в комнату вошел дылда с остроконечной бородой.

— Карл, время заканчивается... — начал он и удивленно смолк, увидев происходящее.

— Адольф! — сипнул Карл. — Я... помоги...

— Э, ты чего?! — заорал дылда, бросаясь к ней. — Ты... ах ты стерва! Здесь нельзя с оружием...

Из его рукава выскочила телескопическая дубинка. Адольф обежал стол — и Катя врезала ему носком ботинка между ног.

Он с визгом упал, дубинка улетела под стул, дылда скрючился, ухватившись за поврежденное место. Карл закричал. Катя рубанула его ребром ладони по шее. Он заскулил, свернувшись под столом в позе зародыша, держась за горло.

Она схватила сумку, на ходу застегивая, перешагнула через дылду, сунула нож в ремень и вышла наружу. Музыка стала громче. Коридор, двери, зал... Кате казалось, что все сидящие за столами уставились на нее, но это были просто нервы, в ее сторону глянул только джинсовый мужик на стуле у двери.

— Что там? — спросил он, и она пожала плечами.

— Нормально. Карл через минуту появится.

— Ладно, — сказал джинсовый.

Народу добавилось, хотя ни одного человека из тех, кто теперь входил в ее группу, в зале уже не было. Катя обошла стойку, миновала сенсорную подкову. Только бы не прихватило сейчас, только бы опять не пришли боль и тоска. Двое охранников откровенно пялились на ее грудь и зад, она не обращала внимания. Коридор, лестница, бар, холл, квадратный портье... Когда девушка шагнула наружу, где-то в глубине здания раздались взволнованные голоса, заглушившие тихий гул в баре.

Она почти бегом пересекла бульвар, открыла «жигули», упав на сиденье, повернула ключ. Сумка полетела назад, из-под сиденья Катя выдернула АКМ, сорвала с него тряпки. Выруливая от поребрика, открыла второе окошко, протянула руку вправо и выставила наружу ствол. Если сейчас кто-то выскочит из этого «Хобота» — завалю на хрен. Она точно знала, что не сдрейфит, что действительно способна положить несколько... нескольких тварей.

Но что бы ни происходило в гостинице, снаружи пока никто не появлялся. «Жигуль» пронесся по бульвару, нырнул за поворот, и только после этого она опустила оружие. Раскурила сигарету, затянулась так, что чуть уши в трубочку не свернулись. Пепел упал на штаны. Наплевать. Сейчас — в юго-западном направлении, по шоссе, потом на север, несколько километров — и...

Зона ждала ее.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ БОЛОТО

1

...сообщение в закрытой сталкерской сети, подсеть «Долг-2.0», ветка «Запросы, информация (*модерация; обязательная регистрация; доступ членам группировки и сочувствующим*)».

запрос:

от: нестер, следящий по южному району.

по нашим сведениям, в направлении агропрома движется хорошо организованная и вооруженная группа (наемники? военные сталкеры?). с меня полковник петренко требует информацию. все, кто может что-то сообщить, — сообщайте.

сообщение:

от: кирза

не, это не военсталы. их на вертолете куда надо забросать, чего им от самих дитяток переться?

сообщение:

от: пушкарь

на вертолете не везде можно. на чзас, к примеру, не пролетишь.

сообщение:

от: кирза

и то верно. я, короче, разузнал тут кое-что. в той группе парней мирового видели. наемники это.

сообщение:

от: нестер

проверенные сведения? мы решили, что это члены последнего рубежа.

сообщение:

от: кирза

ага, проверенные. нет, не порубежники это, наемники. у меня новая инфа, свежая: они чего-то с гоблинами одними не поделили на краю южных болот. те по своим делам шли, увидели эту группу, ну и решили наскочить, покрошить их, себе снарягу забрать и стволы. вот их самих и покрошили. один только раненый остался, глава их семка бык, я его знал когда-то. случайно натолкнулся на него в осоке, он мне все и рассказал. в общем, это мировой и трое его парней, и еще какие-то люди с ними, человек 6—7, семка толком не разглядел. вроде снаряга будь здоров у них и стволы. гранатометы есть. в дальнее путешествие собрались.

сообщение:

от: нестер

семен бык допрошен? доставлен на ближайшую базу долга? если нет — выполнять немедленно.

сообщение:

от: кирза

чё-то я недопонял, нестер, ты мне кто? ты мне батя командовать, чё мне куда делать? я не в долге, между прочим, а свободный бродяга. хрен тебе на рыло, больше слова с тобой не скажу.

сообщение:

от: нестер

прошу прощения. решил, ты из наших. от лица полковника петренко благодарю за информацию и содействие.

сообщение:

от: кирза

не за что. а семка тогда копыта откинул у меня на руках.

* * *

Покачав «Печенегом», Хохолок сказал:

— Он же Болотник. Болотник, э? — Здравяк пошевелил бровями, что у него обычно означало либо напряженную работу мысли, либо желание тонко пошутить. — Болотник — значит, в болотах разбирается. А мы на болотах. От пусть и ведет нас, чё мы на месте торчим? Жрать хочу!

Они стояли посреди заросшего кустами топкого ландшафта. До лагеря сталкеров оставалось около километра, в тумане его видно не было.

— Болотник, веди, — сказал Мировой.

Он, Нешик, Кирилл и Брюква были одеты в одинаковые блеклые комбезы и короткие куртки. На плечах объемистые рюкзаки, в руках «М-4» с подствольниками.

Следопыт выступил вперед, осмотрелся и пошел между зарослями в северо-западном направлении. Брезентовый капюшон был откинут на спину, полы расстегнутого плаща качались при каждом шаге, утренний ветерок приподнимал их, они едва слышно хлопали по ногам. Болотник не сказал ни слова — Катя вообще не привыкла слышать его голос, он больше молчал, как и синхроны.

Зато Нешик болтал за троих.

— Впереди лагерь, когда-то давно там одна группировка базировалась, — говорил он, широко шагая рядом с Кириллом. — Чистым небом называлась, но их давно уже нет, теперь там свободные бродяги обитают. Я троих знаю: Коржика, Люпена, Суслова. В том лагере лавка, так Суслов в ней до сих пор торгует. Уже много лет ее держит, ветеран, можно сказать. Оружие у него есть, припасы, ну и мелочевка всякая. Зайдем к ним...

Шагающий сзади Хохолок прогудел:

— Пожрать надо нормально, у костерка есть, надоело на ходу жрать!

Идущий рядом с девушкой Анчар был в той же полувоенной форме, в которой приходил на первую встречу. Колоритнее всех выглядел Хохолок, и дело даже не в огромном бритом черепе с длинной прядью на макушке. Вместо ярко-красных штанов он нацепил другие, такие же широченные,

но травянисто-зеленые, надел черную майку, а поверх меховую жилетку. Широкую грудь стянули крест-накрест ленты патронташа, на спине висел рюкзак и «М-4», в руках пулемет с широким ремнем.

К рюкзаку Кати сбоку был прикреплен запакованный в непрозрачный целлофан контейнер с выпуклой крышкой. «Mark-16» — на плече, на поясе нож и «ТТ».

Аслан с Каримом легко шагали впереди, по сторонам от Болотника, проскальзывали между кустами, почти не задевая их. Синхроны оделись одинаково: узкие штаны, заправленные в высокие черные ботинки на шнуровке, теплые шерстяные рубахи и жилеты, на узких спинах небольшие рюкзаки. Каждый член отряда тащил боеприпасы, всякую походную снарягу и еду, но у братьев всего этого было меньше. А вот у Хохолка наоборот. Катя кинула на него взгляд через плечо. Он навьючил на себя рюкзак, который она бы, наверное, и приподнять не смогла. И это не считая десятикилограммового пулемета в руках и штурмовой винтовки на плече. Как нормальный человек, пусть даже здоровый, может волочить столько, Катя не понимала. Она слышала, как общительный Нешик пытался расспросить Хохолка о его прошлом, но тот лишь отмахивался и бормотал что-то невразумительное. Карл тогда сказал, что здоровяк пришел в Зону с Карпатских гор. Может, соврал? Катя все больше склонялась к мысли, что Хохолок из этих мест, что он родился в Зоне, ну или где-то неподалеку от Периметра. Не обошлось тут без аномального излучения, нормальные люди не бывают такими огромными...

Ее взгляд обратился к синхронам. Эти двое не лучше, хотя и в своем стиле. Радиации не боятся — когда пару раз отряд приближался к загрязненным участкам и счетчики начинали трещать, все шли в обход, а синхроны — напрямик. И еды с собой почти не взяли, едят непонятно что, охотятся, корешки какие-то собирают... ну натуральные дети Зоны.

Они миновали чешуйчатого болотного бюрера, плавающего в ряске кверху раздутым пузом — уродливого мутанта, похожего разом на ящерицу и лилипута, — и Катя увидела, как насторожились Мировой с Кириллом.

— Что? — тихо спросила она.

— Где бюеры — там и болотные ведьмы, — пояснил Кирилл.

Катя слышала про них, но мало, эти твари появились относительно недавно, хотя и до катастрофы. Ластоногие ведьмы быстро стали хозяевами болот и почти вытеснили оттуда исконных обитателей этих районов Зоны — выдр и кабанов. Да и чешуйчатые бюеры не подарок, но все же не так опасны, как обычные, — они не владеют телекинезом.

— Не обязательно где-то в округе ведьма, — возразил Анчар. — Бюеры иногда убегают далеко от гнезда.

Воздух на болотах был влажный, полон испарений и будто заплесневелый. Этот район находился возле Кордона, дальше на север — Агропром, а к востоку — Свалка, Темная долина и река. На Агропроме, по словам Командора, с недавних пор обосновались ученые, исследовали там что-то, а военстали из ОКа их охраняли. Ну и патрулировали заодно окрестности, поэтому туда лучше не соваться. Анчар решил обогнуть Агропром с запада, потом взять немного правее, пройти между Янтарем и Дикой территорией, пересечь Лиманск и за ним свернуть на восток, чтобы обогнуть Рыжий лес.

Впрочем, в Зоне трудно надолго планировать. Территория тут подвержена всяким странным изменениям, самые мощные выбросы могут перекроить ее так, что любые карты начинают врать. Взять тот же Лиманск — его вообще называли блуждающим городом, потому что за десятилетия разные люди видели его в разных местах. Во всяком случае, если верить слухам.

Анчар и Мировой шли по сторонам от Кати. За первым давно закрепилось прозвище Командор, второго называли просто «командиром». Роли между ними распределились сами собой: Анчар занимался общей стратегией продвижения, Мировой — непосредственной тактикой, планированием боевых действий. А этих самых «действий» было уже несколько, и лишь благодаря умелому руководству Мирового отряд вышел из них без потерь. Хотя Кирилла гоблины Семки Быка легко ранили в левое плечо, а Брюква прихрамывал после удара прикладом.

Кусты расступились, отряд вышел к длинному извилистому озерцу с плоскими островами, поросшими зарослями. Тихо затрещали счетчики радиации. Стоячая вода была зеле-

но-серой, мутной, в ней плавала гниющая трава, ветки, сплюснутые консервные банки. Через озерцо вел мосток на низких сваях. Болотник шагнул к нему, но Мировой сказал:

— Нет, подожди.

Берег второго острова порос густыми камышами, лишь прямо за мостком была узкая просека. В зарослях на противоположной стороне мог спрятаться кто угодно, и Мировой приказал негромко:

— Карим, Аслан, проверьте, что там.

Братья, стоящие на краю пологого берега, одновременно ступили в воду с двух сторон от мостка. Катя невольно поморщилась — она радиоактивная, а этим хоть бы что. Нет, они и вправду дети Зоны, мутанты какие-то, а не нормальные люди...

Синхроны сделали несколько шагов. Если бы не волосы цвета снега у Аслана, а у Карима — смолисто-черные, девушка бы вообще не различала братьев. Глубина была немного ниже пояса, но оба вдруг нырнули, с головой ушли под воду. Нешик тихо присвистнул и поежился, должно быть, представил, как сам ныряет в эту зеленую муть.

Пошли мелкие волны, закачался плавающий у мостка дырявый башмак, стукнула о сваю ржавая банка. Волны исчезли, и все застыло. Прошло несколько секунд — на другой стороне шевельнулись камыши, что-то скользнуло в них, раздался тихий плеск, шелест, в глубине зарослей мелькнула фигура... опять тишина.

Катя опустила оружие. Молчаливый Брюква, как всегда, жевал жвачку, мерно двигая челюстью и часто сплевывая. Кирилл, присев на корточки, достал головоломку — дощечка под прозрачной крышкой, внутри какие-то деления и квадратные костяшки с иероглифами, которые надо сдвигать, выстраивая их определенным образом, — и занялся ею, иногда поглядывая на другой берег. Мировой стоял рядом с Анчаром, оба молча смотрели вслед синхронам. Механический глаз Анчара едва слышно прожужжал, на нем провернулось серебристое колечко.

— Да чё мы палимся? — не выдержал Хохолок, качнув «Печенегом». — Давайте я с пулеметика по тем кушам чесану — и нормально!

Ему никто не ответил. Катя не знала, как Хохолка воспринимает Анчар, но Мировой здоровяка невзлюбил, это стало понятно, еще когда на отряд напали гоблины Семки Быка. Хохолок тогда впервые не подчинился прямому приказу, хотя в конечном счете это привело к тому, что он скопил длинной очередью троих мародеров и тем спас попавшего под перекрестный огонь и прячущегося за пнем Кирилла. И все равно — при работе в группе нужно уметь подчиняться, поэтому Мировой после сделал ему выговор. Хохолок это воспринял равнодушно, лишь проворчал что-то и пожал плечами. И продолжал своевольничать.

Вновь шевельнулся камыш, на другом берегу появились синхроны. Карим поднял руку, Аслан сказал шепчущим голосом: «Тут чисто» — и тут же рука Карима опустилась. Впечатление было такое, будто это один человек одновременно сделал короткий жест и произнес слова.

Кирилл пружинисто вскочил, сунув головоломку в карман, глянул на командира. Мировой уже собрался отдать приказ, когда заговорил Нешик:

— Слушайте, а ведь что-то тут не так. А? Оглянитесь. Блин, не могу понять, что именно, но не то что-то!

Катя мысленно согласилась с ним — что-то не в порядке на этих болотах, но она никак не могла понять, в чем дело.

По узкому мостку можно было идти только гуськом. Мировой приказал:

— Нешик — первый, потом Кирилл, Катя, Анчар, я. Хохолок — замыкаешь.

Нешик тут же бодро шагнул на мосток, а здоровяк проворчал:

— Чешите грудь! Обратно замыкаю. А чё я всю дорогу замыкаю, чего...

Мировой глянул на него, но ответить не успел — Анчар отрезал, будто ножом рубанул:

— Молчать! Выполнять приказ!

Он по-военному четко развернулся к Хохолку, встал перед ним, подняв голову. В сравнении с гигантом низкорослый Командор казался чуть ли не карликом, но Катя заметила растерянность, мелькнувшую в маленьких глазках Хохолка. Она сменилась злостью, которая тут же исчезла.

— А, ладно... сзади так сзади, — пробурчал здоровяк.

Нешик с середины моста оглянулся на них и зашпешил дальше. Синхроны, отступив обратно в заросли, пропали из виду.

За камышами показался остов сгоревшего дома, за которым виднелись еще два островка, мостки через стоячую зеленую воду. В ней плавала дохлая псевдоплоть. Нешик сказал:

— А все же что-то тут не так. Пряма я мучаюсь из-за этого душевно. Вы мне скажите: что с этим болотом не в порядке, чего не хватает?

— Впереди большой лагерь, — откликнулся Кирилл, проводя ладонью по светлой шевелюре и стряхивая с нее теплые капли. — Там передохнем, тогда и подумаешь, что не так.

— Долго отдыхать нет времени, — сказала Катя. Висящий на рюкзаке контейнер с выпуклой крышкой будто подталкивал ее в спину, гнал дальше — в глубь Зоны, быстрее, быстрее! Дважды с тех пор, как они пересекли Периметр, ей становилось дурно, она ощущала брата, его ужас и боль. Прошлым вечером во время привала, убедившись, что никто не смотрит в ее сторону, девушка украдкой приоткрыла контейнер — и тут же пожалела об этом. Пришедший из глубины Зоны ВЗГЛЯД вдавил ее в землю. Она ощутила чье-то присутствие, в голове поднялся рой шепчущих голосов... Катя сразу захлопнула крышку, но успела заметить, что клубень немного вырос и к тому же мелко подрагивает, будто живой.

Они вышли на небольшую поляну, посреди которой торчал скелет псевдогиганта. Ноги его почти целиком ушли в мягкую землю.

— Ух, ё! — сказал Нешик, с удивлением разглядывая толстый хребет, состоящий из позвонков шириной с ладонь, белесые дуги ребер и венчающий их могучий череп. — Такого здорового я еще не видел...

— А ты вообще их много видел? — буркнул Брюква, сплевывая и вытирая рот ладонью.

— Да уж побольше, чем ты! — запальчиво ответил Нешик.

Брюква недоверчиво хмыкнул в ответ. Эти двое были полными противоположностями, но, к удивлению Кати, дружили. К тому же им хорошо удавалось работать в паре,

Мировой часто посылал их на разведку. Впрочем, только поначалу, когда группа начала удаляться от Периметра, — а потом быстро выяснилось, что лучшими разведчиками в отряде являются синхроны, и командир стал отряжать их.

Скелет будто светлая решетчатая башня возвышался над землей. Нешик шагнул было к нему, но Аслан, скользнув к наемнику, положил узкую смуглую ладонь на его плечо. Это было неожиданно, на памяти Кати синхроны никогда ни к кому не прикасались, держались в стороне и старались, чтобы и к ним никто не притрагивался. Нешик удивленно оглянулся.

— Тебе чего?

Аслан прошептал: «Аномалия», — и пошел в обход полянки.

— О, блин, — произнес молодой наемник растерянно. — А ведь точно, смотрите!

Катя уже и сама увидела: между дугами ребер, торчащих из позвоночного столба, поблескивали зеленоватые молнии аномалии.

Брюква брюзгливо сказал:

— Отойди, а то разъест всего.

Вслед за синхронами и Болотником они двинулись по самому краю поляны. Молнии накрытой скелетом аномалии потрескивали, облизывали ребра. Почему они не растворяют кости? — подумала Катя. Это ведь так называемая кислотная вдова — гибрид холодца и электры. Ее молнии не жалят электричеством, но действуют наподобие соляной кислоты...

Впрочем, мысли об аномалии недолго занимали ее. Когда полянка со скелетом осталась позади, Болотник вдруг сказал:

— Никого нет.

Некоторое время все молча обдумывали эту реплику, а потом Нешик звонко хлопнул себя по лбу.

— Да тихо ты! — сказал Кирилл, морщась.

— А ведь точно! — воскликнул Нешик. — Пусто, понимаете? Ни животных, ни птиц каких, ни даже ворон... И не свиристит никто в траве. Почему, а?

Катя раньше никогда не бывала в этих местах, но и ей стало понятно, что даже в Зоне болото не может быть таким тихим.

— Макс, какие мутанты здесь водятся? — спросила она у Болотника.

— Ведьмы. Чешуйчатые бюреры. Кабаны, выдры, псевдособаки, — негромко ответил он.

Катя глянула на часы — половина восьмого утра. Было уже светло, но туман не рассеивался, наоборот, казалось, он только густеет.

— И почему никто из них не появляется? — спросила она.

Болотник, не оборачиваясь, ответил:

— Не это главное.

И надолго замолчал. Впереди из земли торчала бетонная панель, рядом лежал клубок спутанной арматуры, между ними вращалась воронка. В стороне валялись строительные блоки, серые ноздреватые кубы и параллелепипеды. Аслан с Каримом плавно повернули в стороны, обходя аномалию, Болотник приостановился на секунду и повел остальных вдоль блоков. Он так ничего и не сказал. Катя раздраженно глядела ему в спину — отрешенная молчаливость этого человека начала выводить ее из себя, еще когда они только пересекли Периметр. Он не был враждебным, не был странным, как синхроны, не казался утрюмым, как Брюква, или вздорно-непослушным, как Хохолок, — но Кате почему-то казалось, что у Болотника за душой какая-то тайна. Она не знала, как реагировать на этого человека, чего от него ждать.

— Ну так что, по-твоему, главное? — спросила она наконец.

Переступив через ржавую трубу, следопыт сказал:

— На болотах людей много. Здесь Рыбацкий хутор, бывшая насосная станция, другие места. Всегда бродяг хватало. А теперь никого нет. Совсем.

— Да, правда, — подтвердил Нешик. — Ни зверей, ни людей — почему? Я вот...

Он замолчал, вглядываясь в туман, и сказал:

— О, до церкви дошли. Я как-то здесь бывал.

Возле полуразрушенной деревянной церквушки было небольшое кладбище с рядками могил. По приказу Мирowego отряд направился к зданию, но тут идущие впереди синхроны одновременно зашипели. Болотник отшатнулся, вскинув перед собой нож. Крякнул Нешик, и через мгновение

Катя ощутила, как что-то невидимое с неслышным хлопком расступилось перед ней — она будто нырнула в мыльный пузырь — и вновь сомкнулось позади. На мгновение заложило уши, возник и пропал тончайший, на грани слышимости, звон.

— Ё... — протянул Нешик. — Мы будто в поле какое вошли.

Кирилл возразил:

— Радиации нет, током нас тоже ничего не бьет, кислотой не жалит.

Все остановились, Кирилл с Брюквой и Нешиком разошлись в стороны, подняв оружие. Хохолок, громко сопя, встал возле Кати, покосился на нее и сказал:

— Слышь, рыжая... я теперь охранять тебя буду.

— Чего? — не поняла она. — Вы все меня охраняете, для того и наняты.

— Не, ну то понятно... но я дальше всю дорогу возле тебя держаться буду, глядеть, чтоб не обидел никто. — Он поскреб пятерней волосатую грудь под расстегнутым жилетом и добавил, ухмыльнувшись: — Ты мне нравишься. И денег ты мне должна.

— Все получишь, когда вернемся к Кордону, — отрезала она.

— Ну от потому мне и надо, шток ты живая была, — согласился он.

Мировой вновь отправил синхронов на разведку. Братья перемахнули через приземистую ограду, пробежали между могил и нырнули в пролом, зиявший в стене церкви.

Нешик пробормотал: «А ну-ка, а ну-ка...», приблизился к ограде, нагнулся, заглядывая между прутьями. Обернувшись, сказал Мировому:

— Командир, нычка там.

Мировой в это время разговаривал с Анчаром. Они посмотрели на молодого наемника, и тот пояснил:

— Схрон, говорю. Вон, между могил, отсюда вижу. Второпях кто-то делал, плохо присыпал. Так я гляну?

Мировой посмотрел на церковь. В проломе показался Аслан, сделал короткий жест и ушел обратно.

— Смотри, — разрешил командир. — Но осторожно, там где-то пятно, у меня счетчик щелкает. Остальные — за мной.

Нешик полез через ограду, а они направились к калитке. Молодой наемник присел у крайней могилы и стал копать землю широким армейским ножом. Хотя синхроны находились внутри и никаких звуков оттуда не доносилось, Мировой все равно сделал знак Брюкве с Кириллом, и те разбежались, подняв штурмовые винтовки. Пока остальные шли к пролому в стене церкви, эти двое быстро обогнули здание с двух сторон и заглянули в окна, выставив перед собой стволы.

— Чисто, — сказал Кирилл. Брюква молча кивнул.

Анчар первым шагнул внутрь, за ним вошел Болотник.

Раздался голос Нешика:

— Во, есть!

Стукнул нож о камень, что-то звякнуло, и Нешик победоносно к нему, потрясая свертком, с которого сыпалась земля.

— Нюх у меня на эти вещи! — гордо объявил он, оставаясь между Хохолком и Катей. — Как запах их ощущаю, синхроны всяких, постоянно нахожу, Мишка, скажи?

Брюква в ответ что-то неопределенно промычал. Катя впервые услышала его имя, она понятия не имела, как зовут четверых наемников, знала только клички. Хотя неясно, Кирилл — тоже прозвище или все же имя? Не разберешь этих сталкеров...

Анчар с Болотником скрылись в церквушке, Мировой приостановился в дверях, оглядываясь. Брюква так и остался у окна, а Кирилл подошел ближе. Нешик развернул грязную промасленную ткань — под ней оказалась жестянка с патронами, граната, бинт в целой упаковке и небольшой целлофановый пакет. Рассовав остальное по карманам, наемник разорвал целлофан. Внутри лежали два шприца, полных бурой жидкости, с одинаковой красной маркировкой. Короткие иглы были скрыты под прозрачными колпачками.

— О! — Нешик показал находку остальным.

— А вот это я бы тебе не советовал, — сказал Кирилл. — Это не обычный стимулятор, видишь, змея нарисована? Печень посадишь на раз.

— Правильно! — громыхнул Хохолок и сграбастал шприцы с ладони Нешика. — Давай мне, мелкий, пригодятся.

— Э! — возмутился наемник. — Ты чего? Отдай!

Хохолок, не обращая на него внимания, сунул шприцы в свободные ячейки патронташа. Нешик потянулся к ним.

— Чеши грудь! — Здоровяк отвел его руку и шагнул к пролому.

— Мировой, скажи ему! — крикнул Нешик. Он стал похож на обиженного ребенка, у которого во дворе старший пацан отобрал только что купленный родителями пластмассовый автомат.

Командир глянул на Хохолка, но тут из церкви донесся голос Анчара:

— Взгляните на это.

Вслед за остальными Катя вошла внутрь. Церковь была двухэтажная, наверх вела лестница, в потолке зияли проломы, и сквозь самый большой виднелся квадратный колодец — башенка, увенчанная куполом с облетевшей позолотой. Внутри короткими зигзагами тянулась узкая лесенка, на нижних ступенях стояли Аслан с Каримом.

Свет падал сквозь дыры и щели между досками, деревянный пол частью прогорел, частью сгнил. На черной земле под стеной лицом вверх лежал труп, над ним стояли Мировой с Анчаром. К ним подошел Нешик, склонившись, присвистнул. Кирилл исчез из окна, вскоре появился в дверях и тоже направился в ту сторону, а Брюква все еще маячил в проеме, оперевшись локтями на подоконник, заглядывал внутрь.

Услышав сопение над ухом, девушка оглянулась — Хохолок топтался рядом, наверное, охранял ее. Это выглядело глупо, но она решила: ну и правильно, пусть. Катя теперь смерти очень боялась — не смерти вообще, она-то как раз не страшила, но преждевременной смерти. Нельзя было умереть раньше, чем она доберется до *него*. Вот после этого — запросто, наплевать. Но не раньше. А раз так — пусть здоровяк охраняет ее даже сейчас, когда все спокойно.

Решив больше не обращать на Хохолка внимания, она встала между Нешиком и Кириллом.

И поняла, что человек на полу жив. Он мелко дрожал, лицо искажено ужасом. Заглянув в эту бледную восковую маску, Катя и сама ужаснулась. Глаза были как две дыры — сталкер будто заглянул в бездну, и та выжгла его мозг.

— Что с ним?

— Что-то его напугало, — ответил Мировой. — Сильно напугало.

— До дрожи, — добавил Кирилл без улыбки. — Кстати, я его знаю...

— Ему можно помочь? — спросила Катя и тут же одернула саму себя: зачем? Какое тебе дело до этого stalkера? Не мели чушь, вам надо идти быстрее, а не заботиться о каких-то бродягах.

Шагнув назад, она добавила:

— Ладно, черт с ним, идемте.

Кирилл с легким удивлением глянул на нее.

— Это Гриб, — сказал он. — Один из ренегатов. То есть бывший честный stalkер, ставший бандитом...

— Честных stalkеров не бывает, — отрезала она. — Идем!

Сверху донесся странный звук — низкое протяжное «ува-ува». Воздух будто плеснулся, и у Кати на мгновение возникло то же чувство, которое появилось, когда они подходили к церкви: словно она прошла сквозь стенку мыльного пузыря.

Сквозь большой пролом в потолке спиной вылетел Аслан. Взметнулись белые волосы, и он упал, проломив остатки гнилых досок на полу. Раздался треск, по лестнице с приглушенным воплем слетел Карим, бросился к брату.

Он схватил Аслана за плечи, но тот уже пришел в себя и попытался сесть. Карим поддержал его, остальные, кроме Брюквы, сгрудились вокруг синхронов.

— В чем дело? — спросил Мировой. Оружие в руках всех наемников было направлено в сторону пролома. — Кто там наверху?

— Аномалия, — шепнул Аслан. — Когда подошел ближе, ударила.

— Какая аномалия? Трамплин?

— Нет. Другая. Новая. Не видел такой раньше.

Мировой глянул вверх, приказал: «Брюква, на месте. Нешик — к другому окну, наблюдай», — и направился к лестнице.

— Осторожно, — сказал Анчар. — Все вместе не идите, может обвалиться.

Мировой стал подниматься; Кирилл, подождав, пока командир преодолает две трети лестницы, осторожно зашагал следом. Из другого конца церкви появился Болотник и двинулся за ними. Катя сказала топчущемуся рядом Холку:

— Здесь останься.

— Не, ты чё, — пробубнил он. — Я ж тебя охраняю, я с тобой...

— Вот и охраняй снизу! — отрезала она.

На втором этаже они увидели плавающий в воздухе над полом возле дальней стены клубок полупрозрачных нитей. Будто паутину собрали комком... только очень уж большую паутину — эта штука была больше человеческой головы. По прозрачно-белым толстым нитям иногда пробежали темные пятнышки.

— Напоминает воздушную паутину, — сказал Кирилл.

Катя никогда о такой не слышала и спросила:

— Что это?

Светловолосый наемник пожал плечами.

— Мы не видели, у Кордона ее нет. Но сталкеры знакомые рассказывали, в глубине Зоны появилась такая штука. Вроде аномалии, но непривычная очень. По описанию похоже, только воздушная паутина обычно висит между стен или в кронах деревьев. Ну, как обычная паутина. И еще, говорят, по ней какие-то черные шары перекатываются.

Они осторожно подошли ближе. Белесый ком, помигивающий темными пятнышками, неподвижно висел в полуметре над полом. Катя присела, заглядывая под него.

— Болотник, видел раньше такое? — спросил Мировой.

Следопыт покачал головой и добавил:

— От него излучение идет.

Ощувив дуновение теплого воздуха, Катя спросила:

— Какое излучение? Я вроде сквозняка чувствую... Ладно, не важно. Рассмотрели? Все, идем.

Снаружи хрустнула ветка, все разом оглянулись на лестницу. Мировой первым заспешил вниз, за ним Анчар, потом Катя и Болотник.

Спина Брюквы маячила в окне, Нешик выглядывал в другое.

— Идет кто-то, — доложил он через плечо. — В зарослях плохо видно... А, вон!

Мировой и Анчар, подняв оружие, направились к нему, Болотник пошел к окну, за которым стоял Брюква. Катя присела, заглянула в щель между досками.

И увидела прямо перед собой зомби.

Вернее, это лишь в первую секунду ей показалось, что там идет зомби — очень уж характерно он двигался, переставлял негнувшиеся ноги, будто ходули, — но потом она подумала, что как-то все же не похож. Слишком опрятный, что ли? Чистый...

Но секунды этой оказалось достаточно, чтобы девушка, присев на корточки, вскинула «Mark-16». Она приставила ствол к щели и вдавила спусковой крючок.

Раздалось клацанье, оружие не выстрелило.

И почти одновременно из окна донесся голос Брюквы:

— Командир, автомат отказал!

Раздался приглушенный шелест кустов, потом — сухое клацанье.

— И у меня! — крикнул Нешик.

Болотник, выхватив маузер, прицелился в темную фигуру, возникшую в проломе стены, но выстрелить не смог.

Катя снова глянула в щель. Из зарослей шли уже трое, и за ними брели еще несколько, один — с черенком от лопаты в руках, другой с ржавыми граблями, третий с топором, четвертый с палкой — движения их были удивительно одинаковыми, слаженными.

— Это что, синхроны?! — выкрикнула она, вскакивая. — Мировой, там синхроны! Но их слишком много...

Мировой, сдвинув штурмовую винтовку на спину, командовал:

— Достать ножи!

Очень немногие контролеры способны на такое — лишь самые старые и опытные, живущие в норах далеко на севере. Простые контролеры могут забавляться с людьми, заставляя их видеть то, чего нет, могут управлять ими. Самые сильные иногда вытворяют кое-что похлеще: срачивают, слепляют

сознания, превращая людей в синхронов. Вот только обычные синхроны вроде Аслана и Карима рождаются такими, с детства обучаются жить одной на двоих жизнью. Взрослая личность не способна выдержать, когда ее сознание срастается с другим, когда чужие привычки, опыт, воспоминания, чувства и пристрастия становятся чьими-то еще, а ее собственные разделяет другой человек или двое, трое, четверо... Такое искусственное создание быстро сходит с ума, объединенный разум, управляющий несколькими телами, превращается в безумный хаос, состоящий из противоречивых желаний и устремлений. Заканчивается это смертью либо агрессивным безумием.

Церковь окружили около полутора десятков синхронов. Катя была уверена: ни один контролер не способен на такое, тут поработала какая-то другая сила.

— Что там? — рыкнул Хохолок, выглядывая сквозь щели в досках. — А, ренегаты! Это банда Бритвы!

— Кого? — переспросила она.

— Вон Динамит, здоровый тот, — стала перечислять он. — А того Гангреной кличут. А этот мелкий — Битый, а Бритву не вижу пока...

Карим с Асланом, взбежав по лестнице, присели на краю пролома. Бесполезные «НК» висели на спине, братья держали крюки, Аслан сматывал с ремня веревку.

В щель Катя увидела, как один из зомбированных ренегатов вонзил в стену церкви ржавый топорик. Полетели щепки. Зомби выдернул оружие, бездумно оглядел его и зашагал к ближайшему окну.

— У них должен быть главарь, — сказал Болотник, стоящий ближе к лестнице. — «Контейнер», так называют. Тот, в котором спрятано ядро коллективного разума. Надо убить его.

Забравшийся через окно Брюква схватил с пола камень, размахнулся и швырнул наружу. В щель Катя увидела, как булыжник попал в голову ренегата, огибающего здание со стороны кладбища. Тот упал навзничь, приподнялся, приложил ладонь к окровавленному лбу. Взял выроненный черенок лопаты, встал и пошел дальше.

Мировой, Кирилл и Анчар встали посреди помещения с ножами в руках, Нешик мелкими шажками приближался к

противоположному от Брюквы окну. Хохолок ударом кулака высадил доску, вставил в прореху ствол пулемета и попытался открыть огонь.

— Да не стреляет же оно! — крикнула девушка. — Тупой, ты что, не понял?!

— Как это не стреляет? — удивился наемник, бессмысленно вдавливая спусковой крючок. — Ты што? Не бывает такого, штоб не стреляло!

Болотник распахнул плащ. На ремне висело несколько мешочков из необычной зеленоватой ткани, следопыт стал развязывать один. Катя опять выглянула в щель. Ренегаты, окружив церковь, замерли — все разом.

— Они остановились, — сказала она Мировому. — Сейчас нападут, наверное.

— Ножи к бою, — повторил тот. — Нешик, Брюква — контролируете окна. Кидайте в них камнями хотя бы. Болотник...

— А я гранатой! — вдруг вскричал Нешик, выхватывая ее из подсумка. — Она, может, сработает...

Сорвав чеку, он швырнул гранату в окно, но взрыва не последовало, и он нагнулся за камнем.

— Болотник, так что с этим «контейнером»? — спросил Мировой. — Кого из них надо убить?

— Да всех уьем! — рыкнул Хохолок, скалясь.

Следопыт достал из-под плаща высушенный до желтизны толстый прутик, сунул руку в раскрытый мешочек на поясе. Мировой и Кирилл медленно приближались к пролому в стене. Анчар снял с ремня штык-нож и пошел за ними.

Перевесив «Марк» за спину, Катя взяла из ножен длинный нож, другой рукой подцепила пластиковый «коготь» в ремне, вытащила его. Хохолок с сожалением оглядел пулемет, положил на пол и достал из ножен на боку здоровенный тесак, больше похожий на меч.

Сквозь щели и окна было видно, что ренегаты все еще стоят на месте. Длинный тощий Гангрена, ударивший в доску топором, замер у самой стены.

— Как определить, кто из них «контейнер»? — повторил Анчар вопрос Мирового, но Болотник вновь не отве-

тил. Он достал что-то из мешочка на ремне, стал развязывать другой.

Получив неслышную команду, ренегаты зашагали к зданию.

Третий камень, брошенный Брюквой, ударил в грудь Битого. Катя обернулась. В проеме возник коренастый зомби с вилами наперевес.

Прямо позади Кати раздался треск. Несколько досок обвалились, зомби полез в пролом, сильные руки ухватили за шею, сдавили. Она рванулась, лягнула его ногой, начала извиваться, пытаясь освободиться от рюкзака. Зомби одной рукой душил ее, а другой зачем-то тянул рюкзак. Катя захрипела.

Хохолок подбежал к ней. Почти вплотную подступив к девушке, сунул тесак в зубы, широко развел руки и хлопнул зомби по ушам. После такого обычно лопаются барабанные перепонки — и скорее всего они действительно лопнули, но на противника это не произвело особого впечатления, он лишь сильнее сжал шею. Одна рука Хохолка легла на плечо девушки, второй он сгрел в пятерню ухо, по которому только что ударил, и рванул — Катю к себе, а зомби от себя.

Она как раз смогла избавиться от рюкзака, и тот полетел на пол, когда зомби выпустил его. Присев, Катя скользнула в сторону, упала, перекатившись, опять вскочила. Хохолок обхватил зомби за поясницу, поднял и швырнул — прямо под ноги Анчара. Механический глаз того зажужжал. Широко разведя колени, Анчар присел и аккуратно, выверенными короткими движениями несколько раз резанул ножом по шее ренегата.

Теперь зомби лезли со всех сторон. Они оттеснили Брюкву с Нешиком от окон, заставили Кирилла и Мирового отступить на середину помещения. Кирилл схватил валявшуюся под ногами длинную палку, ударил несколько раз, потом она сломалась, наемник отбросил ее и вонзил нож в глаз подступившего совсем близко зомби. Мировой и Анчар приняли одинаковые позы, которые Катя видела в видеоруководстве по ножевому бою. Они наносили удары, двигаясь почти в такт, будто танцуя.

— Наверх! — крикнул Мировой, отшвыривая от себя низкорослого ренегата.

Катя бросилась к лестнице, Хохолок тяжело затопал следом, но на него набросились сразу трое. Здоровенный ренегат с гаечным ключом преградил дорогу девушке. Катя ударила первой, выдернула нож из-под ребер, отскочила. Хохолок сзади ревел и матерился на всю церковь. Зомби шагнул к ней, и вдруг из пролома со второго этажа прилетел крюк — зазубренное кривое острие вонзилось в шею. К рукояти была привязана веревка, другой конец которой сжимал стоящий сверху Аслан. Он рванул — крюк, почти до половины прорезав шею, выскочил из раны. Пустив веревку волнами, синхрон подбросил его, крюк взлетел обратно в пролом. Аслан поймал его и тут же снова метнул вниз.

Теперь крюк попал в грудь одного из зомби, набросившихся на Хохолка. Отшвырнув двух других, наемник рванулся вслед за Катей. Нешик с Кириллом были уже наверху, Анчар — на середине лестницы, Мировой внизу. Он побежал на второй этаж, Катя с Хохолком устремились за ним.

Лестница глухо затрещала, зашаталась — и провалилась.

Запрыгнув на пол второго этажа, Катя оглянулась: Хохолок висел, ревя во всю глотку, вцепившись в крайнюю доску. Присев, девушка сжала толстое, как бревно, запястье. Да он же, наверно, тонну весит, как его удержать?! Доска затрещала, проламываясь. Катя крикнула:

— Помогите!

Хохолок что-то орал, обратив к ней широкое красное лицо, дергал ногами. Катя сидела на корточках, широко разведя колени, опустив обе руки, сжимала запястье и тянула, тянула изо всех сил.

Под ними сбоку выбежал долговязый Гангрена, взмахнул топориком — ржавое лезвие ударило по подошвам наемника.

Доска сломалась, и Катя завалилась лицом вперед. Толкнув ее в плечо, рядом на колени упал Мировой, вцепился в руку здоровяка, и тут же Хохолка за длинную прядь растущих из макушки волос схватил Нешик. Они рванули одновременно, Катя увидела еще две пары рук — не то Анчара, не то Кирилла, — ухватившие наемника за плечи...

Через миг они совместными усилиями втащили его на второй этаж.

Девушка уселась, вытянув ноги, потрясла ноющими руками. Наемники побежали куда-то, лежащий на спине Хохолок сел.

— Что с ногой? — хрипло спросила Катя, потирая запястье.

Он привстал, показывая надрубленную сбоку толстую подошву.

— Да ничё. Не пробил. — Здоровяк схватился за растрепавшиеся волосы. — Чуть волосся не выдрал мне!

Уловив краем глаза движение внизу, Катя заорала: «Ложись!» — и пнула его ногой в грудь.

Хохолок опрокинулся навзничь, брошенный Гангреной топор пролетел низко над ними и вонзился в потолок.

Гангрена и еще двое ренегатов полезли на второй этаж по стенам, просовывая пальцы в проломы между досками. Катя вскочила. Аслан с Каримом поднимались по шаткой лестнице внутри башенки с куполом.

— Сюда! — услышала она и оглянулась. Нешик, потом Кирилл и Мировой пролезли на крышу сквозь слуховое окно.

— За мной давай! — крикнула девушка Хохолку и побежала туда.

Она выбралась на круто наклоненный скат, расставив руки, сделала несколько шагов. Хохолок протискивался следом. Наемники полезли вверх по стене башенки, стоящей примерно на середине крыши. Там и здесь зияли проломы. Катя приподнялась на цыпочках, осматриваясь. Церковь была окружена ренегатами, они приближались...

Но двое, наоборот, ковыляли прочь от здания, сжимая рюкзаки, на боку которого был пристегнут контейнер с выпуклой крышкой.

Не задумываясь, она оттолкнулась от ската, боком упав на мягкую землю, вскочила на колени. Прямо перед ней были две пары ног, и Катя рубанула по ним.

Ренегаты не издали ни звука, хотя одному она чуть не перерубила лодыжку, а второму пластиковый «коготь» прорезал артерию под коленом. Раненые зашатались, девушка

подхватила выпавший из их рук рюкзак. Вскочила, увидела прямо перед собой Гангрена с занесенным над головой ржавым топориком, отпрянула — и, зацепившись за подоконник, спиной влетела в окно церкви.

Со всех сторон в скрипящих завалах досок и бревен бродили фигуры. Набросив на плечо лямку рюкзака, Катя вскочила, вонзила нож в щель между досками, подтянулась, вонзила второй выше, потом еще раз... Через несколько секунд она была на втором этаже, куда уже забрались несколько ренегатов. Перепрыгнув через пролом за их спинами, она пролезла в слуховое окошко. Правую ногу сильно кольнуло, девушка едва не свалилась обратно, но выпрыгнувший сбоку Аслан поддержал ее, помог выбраться на скат.

Катя тяжело дышала, волосы разметались по плечам. А синхрон выглядел по-прежнему спокойным и слегка отрешенным.

— Ты ранена, — сказала он, отворачиваясь.

Она опустил взгляд: из правого ботинка торчал обломок клинка. Вошел он неглубоко; выдернув его, Катя вслед за Асланом поспешила к башне, из окна которой выглядывали лица наемников.

По другому скату бежал, низко пригнувшись, Карим. Крюками он за шею подцепил зомби и теперь волочил его, негромко шипя. Зомби дергался и сучил ногами, пытаясь высвободиться.

Когда синхрон был уже возле самой башни, сверху, из пролома в ее стене, спрыгнул Хохолок с занесенным тесаком. Скат содрогнулся, мгновение казалось, что наемник провалится, но крыша лишь просела. Услышав грохот, Карим обернулся и сразу бросился ничком, выдернув крюки из шеи своей жертвы. Зомби попытался встать. Тесак тускло блеснул, описав широкую дугу, будто лопасть мощного винта, врезался ему в плечо.

Еще один ренегат возник на скате слева, и Катя развернулась, взмахнув ножом, распорол ему брюхо над пупком. Живот бандита раскрылся, как чемодан, зелено-синяя влажно поблескивающая гроздь вывалилась из него. Вспрыгнув на конек, Катя ударила зомби ногой в грудь, и тот отлетел на край крыши. Позвоночник отчетливо хрустнул, тело, сломавшись в поясе, упало дальше.

— Хохолок, давай на башню... — начала она, и тут четверо забравшихся на второй этаж зомби, подчиняясь приказу коллективного разума, метнули то, что было у них руках.

Вилы, топор, тяжелый булыжник и длинный гаечный ключ вылетели из пролома. Кожей лица Катя ощутила порыв ветра и отпрянула, свалилась на спину. Вращающийся топор зацепил обухом нос Хохолка, тот охнул, присев, схватился за лицо. Сзади донесся грохот и гулкий звон. Катя перевернулась на живот, задрала голову. Все, что метнули зомби, ударилось в башню, пробив дощатую стену, а вилы попали в колокол под куполом. Башенка покосилась, и внезапно из нее выпал Брюква. Сунувшийся следом Мировой попытался схватить его, но не успел.

Брюква рухнул на торчащие из крыши сколы проломленных досок, во все стороны брызнуло красное. Тело заскользило вниз, оставляя на черепице потек, перевалившись через край, упало на землю.

— Мишка!!! — заорал сверху Нешик.

Башня сильно накренилась, теперь она каждое мгновение могла обвалиться. Анчар, Мировой и Болотник с Нешиком полезли вниз, с другой стороны крыши показался Аслан и перебежал по краю на ту половину, где находилась Катя. Следом проскользнул Карим.

— Макс, кто из них «контейнер»?! — крикнул Мировой.

Болотник держал короткий толстый прутик, на конец которого был нанизан незнакомый Кате артефакт. Следопыт сжимал прут двумя пальцами, тот вращался из стороны в сторону, артефакт то наливался светом, то почти гас.

Прут замер, и он разгорелся ярко-белым.

— Должен вспыхнуть, когда найдет «контейнер», — сказал Болотник и вдруг опустился на одно колено, выхватив костяной нож.

Следопыт метнул его куда-то за спину Кати. Она повернулась. На край пролома забрался зомби, но клинок ударил его в лицо и сбросил обратно.

Загрохотали разбитые доски, мимо пронеслись Карим с Асланом, прыгнули вниз и тут же возникли опять — крюками они волочили бандита, подцепив его за грудь и плечо.

— Хэ! — Вперед выскочил Хохолок. Братья отпрыгнули, выдернув крюки.

— Хохолок, нет! — крикнул Мировой. — Упадет...

Но огромный тесак уже опустился, чуть не перерубив тело напополам. Крыша содрогнулась — и башня наконец рухнула.

Хорошо, что все находились по одну сторону от нее. Башня опрокинулась в противоположном направлении, проломила оба ската, превратив треть здания в пологую гору обломков.

— Хохолок, идиот! — взвыл Нешик. — Теперь они все залезут...

Вооруженный ржавым топориком Гангрена первым выбрался на крышу, следом шли другие. Прут в пальцах Болотника провернулся сам собой, загнутый конец указал на Гангрена, артефакт вспыхнул.

— Это он! — Следопыт показал направление. — «Контейнер» там!

— Пригнитесь! — прошипел Аслан.

Стоя на коньке, он крутанулся, гибкая серая змея рванулась над крышей. Крюк на конце веревки впился в шею Гангрены, и Аслан дернул.

Зомби крутануло, топорик отлетел в сторону. Крюк метнулся обратно к синхрону. Гангрена упал, голова перекатилась по скату, повиснув на лоскуте кожи — все остальное было перерублено.

— Есть! — выдохнул Нешик.

Ренегаты один за другим взбирались на крышу, ступали тяжело и уверенно, хрустя досками.

— В чем дело? — спросила Катя у Болотника, пятясь вместе с остальными к дальнему краю. — Макс! Почему они не...

Тот хмурился, оглядываясь.

— Не знаю. «Контейнер», должно быть, там...

Она посмотрела между ренегатами в сторону обрушившейся части крыши и наконец увидела.

— Вон! Дальше, на кладбище, твой прут туда показал! Кто это там сидит?

— Бритва, — прогудел Хохолок.

— Ага, он! — заорал Нешик.

Главарь банды сидел у одной из могил в полусотне шагов от здания, вытянув ноги, пустыми глазами наблюдал за происходящим.

Первым сообразил, что к чему, Анчар.

— Карим, Аслан, убейте его! — приказал он, махнув ножом. — Того человека, у могилы. Хохолок, расчисти им путь!

Хохолок бросился на толпу бандитов, молотя тесаком, следом побежали братья. Они одновременно метнули крюки, те пролетели по бокам от здоровяка, вонзились в двух ренегатов, сбили с ног. В плечо Хохолка ударила дубинка с торчащими во все стороны гвоздями, сзади на него прыгнул зомби. Здоровяк хрипло взревел, Катя с остальными кинулась на помощь. Прорвавшись сквозь толпу зомби, Аслан и Карим соскользнули с крыши, низко пригнувшись, побежали к Бритве.

Человек-«контейнер» заволновался, увидев их, привстал, но братья уже добежали до него. Взметнулись и опустили заточенные крюки — еще раз, еще, еще. Тело на могиле стало напоминать освежеванную свиную тушу. Несколько секунд главарь дергался, слепо шаря по земле руками, потом замер. Толпа ренегатов навалилась на наемников. Катю ударили обломком доски по голове, она упала на колени, вонзила нож в бок зомби. Он отшатнулся, кто-то схватился за ее рюкзак, пытаясь содрать с плеч, ренегаты сомкнулись вокруг... и свалились, как подрубленные деревья.

Она вскочила на ноги, не сразу сообразив, что произошло. Вокруг валялись тела. Сплюнув кровью, девушка шагнула к краю, выглянула: зомби внизу тоже лежали неподвижно.

— «Контейнер», — сказал Болотник, подходя к ней. — Это был Бритва.

Следопыт казался по-прежнему спокойным, даже волосы не растрепались. Катя побрела по крыше в сторону рухнувшей башни.

— Мишка... — потерянно сказал Нешик и на заду полез вниз. Мировой с Кириллом стали спускаться за ним, оба были с ног до головы забрызганы кровью ренегатов.

— Ха! — выдохнул Хохолок и потряс тесаком, ухмыляясь во весь рот. Грудь его под патронташем тяжело вздымалась, из носа текла кровь.

Мировой прыгнул на землю, встал над Нешиком, который молча сидел возле неподвижного Брюквы. Подняв голову, командир глянул на Анчара с Катей и сказал:

— Какой контролер мог сделать синхронами целую банду? Никто в Зоне не способен на такое...

— Никто, про кого мы знаем, — возразил Анчар и бросил на Катю косой взгляд. — Неподалеку находится постоянный лагерь местных сталкеров. Идем туда.

2

Небольшую радиостанцию из рюкзака Брюквы взял Нешик, они с Кириллом понесли тело убитого. Когда отряд покидал поле действия неизвестной аномалии, возникло уже знакомое ощущение: Катя будто прошла сквозь стенку незримого пузыря. После этого оружие заработало.

Они миновали два островка и болотистые протоки между ними, обошли сгоревший дом, рядом с которым поблескивал зеленым холодец, и остановились. Кирилл с Нешиком опустили на землю тело Брюквы.

— Нешик, копай, — сказал Мировой. — Только быстро.

Вооружившись обломком доски, тот начал рыть мягкую землю. Остальные разошлись полукругом, подняв оружие. Хохолок присел и принялся осматривать пулемет, Болотник встал между отрядом и сгоревшим домом, синхроны отодвинулись в другую сторону.

Катя исподтишка оглядела лица наемников. Мировой застыл, поджав губы, Кирилл был бледен, Нешик морщился и часто моргал. По лицам Болотника и синхронов ничего невозможно определить, Анчар же, казалось, о чем-то напряженно размышляет. Она вновь посмотрела на Кирилла. Катя знала — деньги они с собой не взяли, оставили где-то неподалеку от Сундука. Теперь доля Брюквы поделится между остальными тремя наемниками...

— Это были не зомби, — произнес вдруг Анчар.

— Кодированные, — сказала Катя.

— Да. Живые люди, мозги которых склеились.

— Может, из-за той аномалии? — предположила она. — Которая нарушила работу оружия? Если они находились рядом с ней долго, аномалия могла воздействовать как-то еще...

— Нет, — сказал Болотник, и все, кроме Нешика с синхронами, посмотрели на него. Следопыт стоял, широко расставив ноги и сложив руки на груди, полы плаща качались на ветру. — Никакая аномалия не может склеить человеческие сознания.

— Тогда что? — спросил Мировой.

— Что-то живое.

— Живое, — повторил Анчар недовольно. Катя уже заметила эту черту его характера, естественную для человека, привыкшего командовать и брать на себя ответственность за жизнь других людей. Анчара мало что могло вывести из себя, но он начинал сердиться, когда кто-то что-то не понимал. — Живое — слишком общее понятие. Значит, это сделал человек?

— Мутант? — добавил Мировой.

— Контролер? — предположила Катя.

Болотник ответил:

— С таким раньше не сталкивался. Не знаю.

Заговорил Кирилл, внимательно слушавший разговор:

— В том-то и дело — их же было больше десяти. А синхроны... — Он покосился на стоящих в стороне братьев. — Двое, ну, трое. Я слышал, один контролер за Темной долиной когда-то сумел срастить разумы квада из Долга, то есть четверых. Они тут же сошли с ума и перестреляли кучу народа. Но двенадцать человек? Пятнадцать? — Кирилл пожал плечами. — Что вообще происходит на этих болотах?

Катя поймала на себе взгляд Анчара, наклонив голову, из-под опущенных ресниц незаметно покосилась на него. Командор смотрел со странным выражением. Он подался вперед, собираясь что-то спросить, но глянул на Мирового, на Кирилла — и передумал. Наверняка хочет узнать, что я несу в контейнере, решила она. Понять, какова цель всей экспедиции.

— Ну так чиво? — спросил Хохолок, выпрямляясь. — Идем, што ли?

— Помоги ему, — велела Катя.

— Чиво это? Я тебя охраняю!

— Помоги, я сказала! — Она показала на Нешика. — Быстро, ну!

Хохолок упрямо насупился, но девушка глядела так грозно, что он, проворчав что-то, положил пулемет у ее ног и пошел к Нешику.

Вдвоем они быстро покончили с ямой. Хохолок отошел, отряхивая ладони и все еще недовольно зыркая на Катю, Нешик с Кириллом подняли тело, осторожно перенесли и положили в могилу. Кирилл и Мировой были, в общем, спокойны — Катя видела, что смерть товарища не вывела их из душевного равновесия, — а лицо Нешика стало будто мертвым.

Когда Брюкву положили в яму, Аслан вдруг подошел к могиле. Карим остался на месте, глядя в сторону церквушки, а брат его присел на краю ямы и заглянул.

— Ты чего? — спросил Нешик угрюмо.

Несколько секунд синхрон молча разглядывал труп, потом выпрямился и вернулся к Кариму.

Кирилл, проводив его взглядом, пожал плечами и взялся за доску.

— Командир, — позвал Нешик.

— Просто закопайте его, — откликнулся Мировой.

Катя нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Вся Зона усеяна трупами, так из-за чего тут канителиться? Импровизированные похороны уже начали выводить ее из себя. Но при этом какая-то частичка Кати, будто обладавшая собственным разумом, смотрела на нее со стороны. Смотрела — и ужасалась ее черствости, жестокости, ужалась той Екатериной Орловой, какой она стала в последнее время.

Нешик что-то пробормотал, откашлялся и неловко произнес:

— Мишка, ты... покойся с миром, в общем.

Кирилл стал забрасывать тело землей, и молодой наемник, помедлив немного, присоединился к нему.

Катя сказала:

— Что, если эта сила, которая срастила ренегатов, появлялась и в других местах?

— В смысле? — спросил Мировой.

Она повела рукой вокруг.

— На болотах тихо, потому что здесь никого нет. Нет людей. А в сталкерском лагере — есть. Но если их тоже... склеили? Зачем нам идти в этот лагерь? Надо обойти его стороной.

— Запасы не помешает пополнить, — возразил Мировой. — Там же лавка Суслова. Хотя вообще ты права, конечно.

— Э, а пожарть? — влез Хохолок. — У костерка, а? Вы чё!

— Мы можем обойти лагерь, — сказал командир, не слушая. — И дальше двигаться намеченным курсом. Только... Что это?

Все вскинули оружие, развернулись. В стороне по болоту катил большой, по пояс человеку, клубок веток, на которых еще сохранилась желтая сухая листва. В глубине тускло поблескивали кости, крепко опутанные тонкими корнями и стеблями вьюна.

— Перекати-еж... — прошептал Нешик.

Мировой приказал негромко:

— Никому не шевелиться! Он далеко, не почувствует нас.

Катя во все глаза смотрела на эту штуку. Раньше она их не видела, хотя наслушалась рассказов от Глеба и Опанаса. В Зоне за последний год возникло много нового: начали расти Деревья-Кукловоды, появились новые аномалии — слизистый пузырь, купол, поганка, кислотная вдова, свеча... Перекати-еж — подвижная аномалия, очень необычная, наподобие Дерева-Кукловода, то есть аномальное растение. Этот был явно очень старым и катался по просторам Зоны уже не один год — распухший от комков земли, древесины, листьев, от костей и черепов.

Стволы оружия медленно поворачивались вслед за аномалией, а она, двигаясь со скоростью пешехода, взобралась на плоскую вершину болотного холмика, мгновение помедлила там, будто раздумывая, скатилась с другой стороны и пропала из виду.

Нешик громко выдохнул. Катя, уже несколько секунд искоса приглядывавшаяся к Болотнику, спросила:

— Что с ним?

Следопыт побледнел, обхватив себя за плечи, усталился куда-то на юго-восток. Глаза были сощурены.

— Макс! — позвала Катя, и тут Аслан с Каримом зашипели. Первый присел, вытянув перед собой руку с крюком, второй побежал к сгоревшему дому. Синхрон взлетел по обугленной стене, выпрямившись на вершине, усталился в ту же сторону, куда глядел Болотник.

А тот вдруг опустил на колени и зажмурился.

К этому времени три «М-4», два «Магка» и один пулемет смотрели на восток. Катя приподнялась на цыпочках. Ей показалось, что рюкзак дернулся — вернее, дернулся висящий на нем контейнер, будто артефакт внутри ощутил что-то. Да и сама девушка почувствовала темный колючий ветер, подувший из глубины болот.

— Что там? — громко прошептал Нешик.

Мировой позвал:

— Аслан!

Катя видела: командир наемников растерян. Он вопросительно посмотрел на Анчара, тот нахмурился, сделал шаг к Болотнику.

Следопыт выпрямился. Качнулся, отставил ногу, чтобы не упасть, и сказал севшим голосом:

— Что-то идет.

— Вон! — крикнул Нешик, показывая. — Вижу! Это что там... туман какой-то? Купол!

— Аномалия? — переспросил Анчар.

— Да нет, купол из тумана.

Аслан спрыгнул и бросился к ним. Катя наконец разглядела — туман на востоке сгустился. Плотное мутно-белое марево приняло форму большой полусферы, которая медленно ползла к ним по болоту. Пока что она находилась далеко — может, в километре, а может, и больше, определить расстояние было трудно.

— О! — Хохолок ткнул пальцем. — Ползет, гля. Шмаль-нем по нему?

Он единственный в отряде не выглядел взволнованным — на любую незнакомую вещь наемник реагировал лишь всплеском агрессивности.

— Это не туман, — сказал Анчар.

Остановившись рядом с Каримом, Аслан прошипел:

— Марево, ядовитое. Уходить надо, уходить.

— Ядовитое? — повторила Катя.

Призрачный купол и вправду излучал что-то. Девушка ощущала приближение очень старой, мощной и безумной силы, подавляющей все живое вокруг, ломающей тонкие структуры, из которых состоит психика людей. Она была словно танк, который едет по лесу-молодняку...

— Уходить! — повторил Аслан.

Не дожидаясь приказа, они с Каримом развернулись и быстро зашагали прочь.

— Макс, ты не знаешь, что это? — спросил Мировой.

Следопыт качнул головой.

— Такое впервые вижу. Очень сильное.

— Но это что-то живое?

— Не знаю.

— А может, подвижная аномалия? — предположила Катя. — Новый вид, то есть гибрид...

Давление на сознание усиливалось, по спине побежал холодок, начали дрожать руки. Она попятилась: древний косматый ужас напал на нее из болота.

— Командир, оно... — пробормотал побледневший Нешик. — Страшное что-то, чувствуешь?

— Да што страшное?! — рыкнул Хохолок. Плечом отеснив Катю, встал перед ней, поднял «Печенег». — Ни хрена не страшное, а просто туман, ёп!

Он вдавил спусковой крючок. Пули пошли низко над землей, ломая кусты, пробивая просеку в зарослях. Марево приближалось, и вместе с ним из болота накатывал страх. Катю затрясло.

— Уходим! — крикнула она и ударила Хохолка кулаком в спину. — Прекрати, уходим!

Пулемет смолк, Хохолок повернулся.

— Отступаем, быстро, — сказал Анчар.

Когда со стороны сталкерского лагеря донеслись выстрелы, Мировой приказал Хохолку идти впереди. Оглянувшись на Катю, здоровяк ухмыльнулся и широко зашагал,

выставив перед собой пулемет. Синхроны двигались позади него, Кирилл и Нешик — слева от Кати, Мировой с Анчаром справа.

Впрочем, выстрелы почти сразу смолкли, и больше из лагеря никаких звуков не доносилось. Купол ядовитой мглы исчез, растворился в болотном тумане, но Катя ощущала его присутствие — непонятная сила давила на рассудок.

Впереди из тумана выступили деревянные столбы в человеческий рост, с колючей проволокой между ними. Нешик закашлялся, постучал себя по груди и сказал:

— Слева топь. А справа пятно радиационное большое. Можно все это обойти, но пока крюк делать будем, эта штука, — он махнул назад, — догонит.

— Хочешь сказать, она специально нас к лагерю гонит? — спросила Катя.

— Ничего я не хочу сказать! — После смерти Брюквы молодой наемник стал агрессивным, почти как Хохолок, и неприветливым, как Болотник. — Я только...

— Хохолок, к калитке поворачивай, — перебил Мировой. — Левее...

Он не договорил — истошный вопль донесся спереди.

Наемники встали. В одном месте колючка на ограде была перерезана, и в прореху вдруг выскочил сталкер. Он рванулся к отряду, вопя от ужаса. Прежде чем остальные успели отреагировать, Хохолок открыл огонь, и очередь подкосила незнакомца.

— Стой, это же Корж!!! — закричал Нешик. Подскочив к здоровяку, он заехал ему прикладом в плечо.

Хохолок, прекратив стрелять, машинально отмахнулся — пудовый кулак попал наемнику по голове. Тот кувырком отлетел в сторону, растянулся на земле, ствол висящей на ремне штурмовой винтовки стукнул его в скулу.

Кирилл прыгнул вперед, его «М-4» уставился в голову Хохолка. Здоровяк с хриплым ворчанием повернулся, Кирилл проорал:

— Не шевелись! Пристрелю, на месте замер!!!

Хохолок сплюнул под ноги светловолосого наемника.

— Сука-а-а, — злобно протянул Нешик и сел, держась за лицо. — Чуть челюху не сломал, гад...

Он стал поднимать оружие, чтобы выстрелить в Хохолка, и тогда Анчар гаркнул:

— Отставить!

Командор быстро шагнул вперед, оказавшись между наемниками, пролаял:

— Оружие опустить! Все трое — опустить! Не шевелиться никому!

Он даже не поднял «Magk» — но резкий повелительный голос заставил Нешика бросить винтовку. Кирилл скосил глаза на Мирового, тот кивнул, и второй наемник тоже опустил ствол.

Хохолок прогудел, пожимая плечами:

— Да я и не думал по ним шмалять.

Анчар повернулся к Кириллу.

— Ты — приведи в порядок молокососа. Аслан, Карим — на крышу того дома, контролировать сверху. Хохолок — охраняешь ее. Назад. Отойди назад!

Хохолок, пожав плечами, шагнул к Кате.

— То вперед иди, то назад, — пробурчал он, сплевывая.

Кирилл помог подняться Нешику. За оградой было небольшое поросшее бурьяном поле, посреди него ржавел трактор, а дальше начинался лагерь. Синхроны пересекли поле и повернули к дому на сваях, окруженному забором из металлической сетки. Нешик поморщился, держась за челюсть, оглянулся. Катя последовала его примеру: полусфера серой мути медленно проступала в тумане.

— Опять в голове хреново как-то становится, — пожаловался Нешик. — Аномалия эта, или что оно там, к нам приближается.

На крыше дома возник силуэт одного из братьев. Он сделал жест — все в порядке, — присел и на корточках пополз вниз по скату.

— Болотник, Кирилл, вперед, — сказал Мировой. — Нешик — рядом со мной идешь. Хохолок, охраняешь ее. Чтобы ни на шаг не отходил, понял?

— Да я и так охраняю, — пробурчал Хохолок. — То туда иди, то сюда иди...

— Заткнись.

Миновав калитку, они пересекли поле и вступили на территорию сталкерского лагеря.

— Интересно, оно и вправду нас к этому месту гонит? — тихо спросил Нешик, шагая возле Болотника с поднятой к плечу штурмовой винтовкой. — Или просто в том же направлении ползет?

Следопыт не доставал свой маузер, хотя обе руки его были скрыты под плащом — может, он там держал наготове ножи. Болотник хорошо умел метать их, это Катя уже поняла. Сама она шла рядом с Анчаром, подняв «Mark-16», над ухом сопел Хохолок. Было тихо, только где-то вдалеке на болотах каркала ворона. По крыше скатился камешек, четыре ствола рывком переместились в ту сторону, но оказалось, что это просто Карим выбрался на скат. Братья залегли на крыше, выставив над краем «НК», контролировали местность сверху.

Отряд оставил позади баскетбольную площадку, стойку с ржавым кольцом для мяча, миновал навес из алюминиевых труб с остатками камуфляжной сетки поверху, колодец и большую круглую колоду, откуда торчал топорик.

Болотник остановился и сказал, ткнув пальцем за спину:

— Оно здесь было.

— Что было? — спросила Катя. — Купол этот, аномалия?

Нешик поморщился:

— Это ты откуда знаешь?

— Чую, — сказал Болотник. — Оно через лагерь прошло и в болото уползло. Покрутилось там, теперь назад.

— Назад... Может, оно нас искало? — предположил Нешик. — Ну, пошаталось по болоту и, когда нас заметило, следом поперло, чтоб догнать.

— Заметило? По-твоему, у этого тумана глаза есть? — возразил Кирилл. — Да и вообще, зачем мы ему?

— Чтoб я знал! Мы ж не знаем, что это за явление такое. Мне другое непонятно: куда все подевались? Аслан, эй! — Нешик задрал голову. — Видишь что-нибудь?

Они поглядели вверх. Синхрон, привстав, отрицательно качнул головой.

Впереди было черное кострище, когда-то вокруг костра там сидели сталкеры, травили анекдоты, баловались спиритиком, прихлебывали приготовленную в котелке похлебку... казалось, над этим местом еще висит гул неторопливых раз-

говоров, звучат плоские сталкерские анекдоты, звякают кружки, звенит гитара, трещат ветки в огне.

— Идем дальше, — решила Катя, делая шаг в сторону.

— Стойте, — сказал Анчар. — Что это за постройка? —

Он показал на кирпичный дом.

Нешик пояснил:

— Магазин. Лавка то есть.

— Что внутри?

— Ну, перегородка там, за ней стойки, стеллажи всякие, там Суслов товар хранил. А еще...

В голове опять начало происходить что-то странное. По мере того как мгла из болот приближалась, туман в сознании густел. Кате казалось, что из этого тумана в ее душу заглядывают злые нечеловеческие глаза.

— Идемте! — решительно сказала она. — Это все нас не касается, нам надо дальше. Купол останется на своем болоте, пусть другие с ним разбираются.

— Да, а вдруг он за нами дальше поползет? — возразил Нешик. — И вообще вы подумайте: что это за штука такая, если она...

— Человек! — донеслось сверху.

Аслан показывал в сторону деревянного домика на сваях, стоящего рядом с магазином. Под домом были навалены ящики.

— Лежит возле ящиков, неподвижно.

— Нешик, Кирилл, проверьте, — приказал Мировой. — Остальные — за мной.

Они очень медленно пошли дальше, а двое наемников свернули к дому на сваях. Возвратились они меньше чем через минуту.

— Мертвец, — доложил Кирилл. — Убит совсем недавно.

— Он сам себе из ружья в рот выстрелил, — добавил Нешик. — Точно, эта штука туманная тут до нас прошла, и у всех местных крыша поехала. То есть ренегатов она синхронно сделала, а этим просто мозги сломала...

Он не успел договорить — в дверях магазина появился человек.

Так получилось, что ствол Катиного «Марка» был направлен как раз туда, и от неожиданности она вдавила спусковой крючок. Пуля ударил незнакомца в плечо, он покач-

нул, поднял руку — и вдруг вонзил указательный палец себе в глаз. Катя, вскрикнув, отпрянула, Хохолок выругался, ойкнул Нешик. Человек погрузил палец до среднего сустава — и вытащил глаз из глазницы. За ним из дыры в черепе потянулся красно-розовый жгутик.

— Твою мать... — выдохнул Нешик, пятясь.

Человек рванул, поднял руку — окровавленное яблоко лежало на ладони — и шагнул вперед. Болотник, стоявший позади Мирового, быстро переместился в сторону, достал из-под плаща маузер и выстрелил ему в голову. Незнакомец упал навзничь, взмахнув руками, глаз подлетел в воздух и шмякнулся в траву.

Катя сглотнула. Болотник, спрятав маузер в кобуру, оглянулся.

— Оно близко. Надо уходить.

— Окна того здания в крови, — объявил вдруг Анчар, показывая в сторону бревенчатого дома на сваях, самого большого здания в лагере. — Вымазаны изнутри.

— Кирилл, Нешик, проверить, — тут же приказал Мировой.

Наемники побежали туда, а командир поднял голову к синхронам.

— Спускайтесь, уходим.

Нешик с Кириллом одновременно заглянули в окна, и Катя услышала сдавленный всхлип молодого наемника.

Кирилл сделал несколько шагов в сторону, припал плечом к стене и уронил голову на грудь. Нешик отшатнулся, прыгнул за угол и там упал на колени. Его стошнило.

— Что? — спросила Катя.

Кирилл отвалился от стены.

— Они вроде сами себя разорвали, — невнятно ответил он. — Или друг друга...

— Идемте отсюда! — слабым голосом произнес Нешик, на заплетающихся ногах следуя за Кириллом. Молодой наемник был смертельно бледен.

— Быстрее. И купол этот близко, уже башку крутит. Да еще...

Из магазина донеслись тяжелые мерные шаги. В проем упала тень, и наружу вышел человек в экзоскелете, с пулеметом в руках.

* * *

— Суслов! — крикнул Нешик.

Увидев людей снаружи, человек закричал от ужаса и начал стрелять.

Катя разглядела его глаза — они были как у того, под стеной в церкви. Не глаза — дыры, полные жути. Экзоскелет искрил, при каждом шаге брызгали струйки масла. Какая-то старая модель, скорее всего сталкеры нашли мертвого военного в экзоскелете, притащили устройство в лагерь и попытались отремонтировать агрегат. Это им удалось лишь частично, и теперь Суслов качался, припадая на левую ногу, из шаров-суставов, к которым крепились титановые трубки, сыпались искры, скрипела ребристая защитная оболочка на шлангах.

Грудь, живот и пах сталкера прикрывали гнутые броневые пластины, колени, бедра и плечи тоже были защищены.

Анчар с Мировым упали за колоду, откуда торчал топорик, Нешик сиганул в колодец, синхроны на крыше растянулись плашмя, выставив стволы «НК». Болотник мгновенно куда-то исчез, Катя с Хохолком отпрыгнули за угол приземистого дощатого сарая.

Она осторожно выглянула. Синхроны открыли огонь, но стрелками они были не слишком умелыми — Аслан вообще промахнулся, а Карим попал в грудь, защищенную броней. Размеренно хромая дальше, Суслов поднял пулемет. Это был «Корд» — двадцатипятикилограммовая дура на легком двухном станке, с ящиком для лент, притороченным к боковой стойке рамы экзоскелета. Из такого можно стрелять, только если он стоит на земле, но экзоскелет даже устаревшей конструкции делает человека в два-три раза сильнее.

Пули взломали крышу. С грохотом верхняя половина дома обрушилась, стены дрогнули, поднялось облако пыли. Суслов шел дальше. Из колодца вылетела граната, пронеслась, кувыряясь, по крутой дуге, упала ему под ноги и взорвалась. Сталкер упал, очередь смолкла. Из-за колоды выглянул, подняв «М-4», Мировой, но выстрелить не успел — Суслов рывком сел, вдавил спусковой крючок. Пули выбили щепки из колоды, Мировой убрался обратно. Суслов встал, в

клубах пыли и дыма двинулся дальше. Теперь он давал короткие частые очереди, постоянно поворачивая ствол из стороны в сторону. Когда пули врезались в сарай, Катя отпрянула. Грохот стал громче: сталкер приближался.

— Рыжая, держи!

Получив тычок в плечо, она оглянулась. Хохолок скинул с себя ремень пулемета и сунул ей оружие.

— Ты чего? — крикнула Катя.

— Держи, ёп!

Она схватила «Печенег», а наемник выдернул из патронташа оба шприца, найденные Нешиком, сорвал колпачки и вонзил себе в шею.

Очередь смолкла, застучала штурмовая винтовка Мирowego, к ней присоединился «НК» Анчара — и тут же вновь загрохотал «Корд». Суслов приближался к сараю, пули пробивали дощатые стены навывлет.

Хохолок зарывал. Он отступил на шаг, потом еще на один. Глаза налились кровью, будто в них разом лопнули все сосуды, на лбу выступил пот. Очередь смолкла, ударила опять. Суслов шел где-то рядом, за торцевой стеной сарая. Хохолок отошел еще дальше, взревел и бросился вперед.

Он врезался в постройку, пробив доски, влетел внутрь. Там что-то упало с оглушительным протяжным лязгом. Хрустнула другая стена.

Сарай обвалился. Катя успела заметить, как строение кренится, и отпрыгнула. Перекатилась, как когда-то учил Опанас, вскочила на одно колено. Приклад «Магка» больно ударил по ребрам, она вскинула оружие. Увидела краем глаза Мирowego с Анчаром, которые поднялись над колодой, выставив стволы.

Между ними и Катей стояли Хохолок с Сусловым. Одну руку здоровяк положил на ствол пулемета, наклонил его к земле, вторую пытался просунуть над краем выпуклой овальной пластины, защищавшей грудь сталкера. Тот все еще стрелял, пули взрывали землю у их ног, человеческие силуэты наполовину скрыл бьющий вверх фонтан земли. Катя целилась. Перевела ствол немного левее, потом правее... Не попасть — зацепит наемника. Пулемет грохотал, черные комья летели во все стороны.

Из металлического ящичка на боковой штанге экзоскелета выстрелили искры. Сквозь грохот донесся вой сервомоторов-усилителей, ствол пулемета начал подниматься. Хохолок изогнулся, словно борец-тяжеловес, лицо его налилось кровью. Суслов медленно поднимал оружие. Наемник переступил с ноги на ногу, отодвинувшись немного вбок, убрал руку с пулемета и навалился на плечо сталкера. Ствол пулемета взлетел, пули ударили в стену магазина, и тут другой рукой Хохолок ухватил Суслова за шею. Рванул — и раздавил сталкеру горло.

Пулемет смолк, Суслов завалился на спину. Хохолок, хрипло рыча, выдрал «Корд» из его рук. Сталкер упал навзничь, руки его дергались, сервомоторы гудели — после грохота звук казался едва слышным. Наемник поднял пулемет выше и обрушил приклад на голову Суслова. Череп лопнул, как упавшее на асфальт яйцо.

Хохолок оглядел дело рук своих, ослабившись, повернулся. Анчар и Мировой выпрямились позади колодки, из колодца по цепи выбрался Нешик и угрюмо сел на краю, свесив ноги. С него текла вода. Хохолок посмотрел на пулемет, отбросил и зашагал назад к Кате.

— Где он? — спросил здоровяк, проходя мимо. — Где... А! — Он схватил с земли брошенный девушкой «Печенег».

Груда бревен и досок, в которую превратился дом на сваях, зашевелилась, оттуда высунулась голова Аслана. Вниз скатилось бревнышко, синхрон выпрямился во весь рост, следом выбрался Карим. Братья полезли вниз, а из-за магазина показался Болотник с маузером в руке.

Глаз Анчара зажужжал, в нем прокрутилось серебристое кольцо. Катя, так и стоящая на одном колене, уперлась руками в другое и с натугой выпрямилась. Адреналин растворялся в крови, сердце колотилось уже не так часто, хотя руки еще дрожали. Горячка боя отступала, но вместо нее наваливалось что-то другое. Катя зажмурилась, пытаясь справиться с тяжестью. Ей казалось, что небо Зоны опустилось к самой земле и навалилось на нее, вдавливая в землю.

Пошатнувшись, Командор привалился к колоде.

— Что это? — хрипло спросил он.

Анчар казался Кате человеком-кремнем, но сейчас в его голосе прорезалась слабость, а еще — испуг, и это казалось

невероятным. Лицо Командора мучительно сморщилось, он с трудом выпрямился, потрогал глаз, осторожно провел ногтем по линзе.

— Как... — пробормотал он. — Почему...

— Что с вами? — спросил Мировой, шагнув к нему. Наемник попытался придержать Анчара за плечо, но тот с неожиданной злостью оттолкнул его руку и чуть ли не отпрыгнул в сторону. На лице мелькнула злоба, Командор обвел отряд взглядом, слегка пригнувшись, будто попал в окружение стаи псевдопсов.

Потом он выпрямился, лицо разгладилось. Анчар показал за спину Кати. Она обернулась — купол марева висел над сталкерским лагерем. Непонятное явление приближалось.

— Уходим, — сказал Анчар. — Быстрее уходим отсюда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЛИМАНСК

1

срочное сообщение:

от: нестер

группа-3! что у вас со связью? есть кто-то в сетке? ответьте хоть через нее.

срочное сообщение:

от: нестер

группа-3! группа-3! ответьте немедленно любым доступным способом!

сообщение:

от: кирза

я извиняюсь, это обратно кирза. не ответит ваша группа. помните, вы недавно про наемников спрашивали, которые от дитяток шли? они с вашей группой-3 столкнулись. это ж разведотряд у вас так называется? напо-

ролись они друг на друга. я просто в том же направлении иду, меня сидорович тут отрядил... со стороны наблюдая: наемники эти покروшили ваших.

сообщение:

от: нестер

кирза, это точно?

сообщение:

от: кирза

чтоб меня контролер трахнул, если вру

сообщение:

от: нестер

благодарю, ваша информация передана генералу воронину

сообщение:

от: кирза

ух ты, самому? вот так и я в историю попаду.

сообщение:

от: пушкарь

есть кто?

сообщение:

от: тура

я тут

сообщение:

от: кирза

и я. час ночи, а не спится. мы тут у костерка, все дрыхнут, а я вот водочкой балуюсь да по сетке шарюсь. хлопцы, что это за вспышки на северо-западе?

сообщение:

от: пушкарь

короче я только что видел блин там такое! это возле армейских складов ну блин!

сообщение:

от: кирза

спокойно, пушкарь. и запятые ставь, а то путаешься, что ты там пишешь. так чего у вас, рассказывай.

сообщение:

от: пушкарь

не умею я запятых. ну короче помните скока-то дней назад тут следящий долга запросы писал? про группу каких-то вояк которые от дитяток шли. ты их еще заложил кирза?

сообщение:

от: тура

было дело

сообщение:

от: кирза

я не заложил, а поделился инфой с союзниками. понимать надо.

сообщение:

от: пушкарь

да вы слушайте. короче вечером мы с шалым и микросхемой идем вдруг впереди этот отряд. я сразу догадался потому что нешика узнал мы с ним одноклассники ваще. и вдруг на них долговцы. из кустов из засады как насядут! что началось ё!

сообщение:

от: тура

пушкарь, куда делся? дальше рассказывай.

сообщение:

от: пушкарь

извиняюсь. попить захотел наладонник чуть в колодец не упустил. так я что? а! там такое началось не описать. у тех гранатомет и у этих. потом там вдруг баба

рыжая из двух стволов давай палить. и здоровяк такой с пулеметом ручным. а те залегли. и в обход. а в плаще такой маленький на дерево полез и с него из маузера давай гасить. ну или из нагана я не разбираюсь и далеко было. короче раздолбали они их. я до сих пор отойти не могу а шалого трясет всего. нас же самих чуть не положили чуть не попали под перекрестный огонь. микросхема раненый очень, страдает.

сообщение:

от: тура

ох и рассказчик, умереть можно

сообщение:

от: кирза

пушкарь, не части. кто кого раздолбал?

сообщение:

от: пушкарь

так наемники должовцев. а микросхема когда убегал головой в дерево ударился и теперь раненый, страдает.

сообщение:

от: кирза

серьезно, должовцев положили? это должовцы, значит, посчитаться с ними решили, устроили наемникам засаду, а те их... ни фига себе! как бы эти наемники не решили мне отомстить за то, что я с нестером инфой поделился. куда они потом пошли?

сообщение:

от: пушкарь

дык эта. вглубь.

сообщение:

от: кирза

в какую глубь, зелень необразованная?

сообщение:

от: пушкарь

ну, на север.

запрос:

от: нестер

всем! крайне важно! в районе нии агропром появилось неисследованное явление, уничтожающее живые организмы в округе. по нашим сведениям, именно это явление привело к многочисленным смертям на болотах, про которые все слышали. кто обладает хоть какой-то информацией?

сообщение:

от: карпаты

тю на вас! яке ще «неисследованное явление»? то ма-буть контролэр якийсь шариться.

сообщение:

от: тура

там серьезное что-то очень. мы с шустрим только что оттуда. два лагеря сталкерских разбиты. и позади этого явления или как его назвать вроде зона непроходимости образуется.

сообщение:

от: карпаты

як цэ розбыты? цэ що значить?

сообщение:

от: тура

значит: все убиты.

сообщение:

от: нестер

тура, есть еще какие-то сведения? раз уж ты в том районе.

сообщение:

от: тура

подождите до вечера, попытаюсь собрать инфу.

запрос:

от: нестер

тура, на связи?

сообщение:

от: карпатый

я тэж чикаю

сообщение:

от: пушкарь

и я тут, короче

сообщение:

от: ладонин

и я

сообщение:

от: кирза

о, ладонь, и ты тут? когда долг отдашь?

сообщение:

от: ладонин

подходи к курильщику через три дня, сможешь?

сообщение:

от: тура

так, все заткнулись. короче, вот что. эта штука превращает сталкеров в зомби. или с ума сводит. они себе глаза выцарапывают, режут себя... верите — много повидал, а два раза рвало, когда в лагерь попал, по которому оно прошло. желудок до сих пор крутит. дальше, оно когда идет, перед ним аномалии гаснут, вроде прижимает оно их, но позади они с новой силой вспыхивают. потому за ним идти не получится, там вправду

зона непроходимости. и вообще близко к нему не подойти. ну чтобы расстрелять в упор. на мозги давит жутко, с ума вроде как сходишь. видишь только туман вдалеке над лесом. вроде пузырь такой ползет, и все. вот так, братья бродяги.

сообщение:

от: карпаты

вот это шо ты зараз за фигню нам рассказав?

сообщение:

от: кирза

ни хрена себе.

сообщение:

от: пушкарь

правда что ль?

сообщение:

от: нестер

тура, генерал воронин предлагает встретиться лично, чтоб ты сообщил все, что запомнил. твою безопасность он гарантирует. и награду. где тебя искать? мы пришьем квад.

сообщение:

от: тура

нестер, передам координаты. но тут еще такое дело. помните тот отряд наемников? ну, которые две ваши группы положили? так вот, явление это вроде как преследует их. не знаю, что это значит. но оно за ними идет, точно.

— На месте! — негромко сказал Мировой, и все остановились, лишь идущий сзади Хохолок сделал по инерции еще пару шагов.

Катя с Анчаром находились в центре группы, Мировой и Кирилл шли слева, Нешик по правую руку. Трое наемников

одновременно присели, направив «М-4» туда, куда смотрел командир. Стоящие в авангарде синхроны и Болотник замерли.

Было раннее утро, солнце скрыто облаками, холодно, тускло. Центральная улица Лиманска состояла в основном из двух- и трехэтажных домов, облицованных потрескавшейся плиткой. Пока что они не встретили ни одного человека. Катя надеялась, что так и будет до тех пор, пока отряд не покинет город с северной стороны.

— Ну так чиво там? — проворчал Хохолок сзади.

Мировой повернул голову к Болотнику, и тот едва заметно пожал плечами, показывая, что не ощущает впереди опасности. Аслан с Каримом замерли по бокам от следопыта. Каждый раз, замечая краем глаза их гибкие фигуры, Катя не могла отделаться от мысли, что это не люди, а кошки, большие сильные лесные кошки. Штурмовые винтовки висели у них под мышками, стволы обращены к земле, на плече у каждого остро заточенные крюки. Как и Болотник, они предпочитали не пользоваться огнестрельным оружием без крайней нужды. Сейчас это было только на руку: патронов после стычек с бойцами Долга и схватки с псевдогигантом возле Рыжего леса осталось совсем мало.

Стоящий рядом с девушкой Анчар был бледен и едва заметно дрожал. Катя не понимала, что с ним происходит, — и никто не понимал. Казалось, то странное явление, которое они уже успели окрестить Мглой и которое медленно, но упорно преследовало их от самых болот, действует на Командора особым образом. Все в отряде ощущали ментальную тяжесть, когда Мгла подходила близко: в душу заползал страх, хотелось бежать сломя голову, нестись со всех ног, не оглядываясь, от того огромного, могучего, древнего, что находится за спиной. Но Анчара к тому же трясло, голова дергалась, левый глаз вылезал из орбиты, а другой начинал непрерывно жужжать, меняя фокусировку, что-то в нем двигалось и потрескивало, пару раз Кате показалось даже, что она видит свет, пробивающийся из-под линзы. В такие моменты близко к Анчару лучше было не подходить, даже не обращаться к нему: он становился агрессивен.

Передвинув «Mark» за спину, Командор повернулся, осмотрел улицу. Механический глаз едва слышно прожужжал, меняя фокусировку. Катя кинула взгляд через плечо: Хохолок топтался на месте, покачивая «Печенегом», крутил головой. Без здоровяка пришлось бы туго, в конечном счете это именно он завалил псевдогиганта... но из-за него и началась конфронтация с Долгом.

— А, вижу! — сказал Хохолок. — Ну, так чиво встали? Там же мертвяки...

— Надо проверить, — сказал Мировой. — Карим, Аслан!

Пригибаясь, они перебежали к растущему на газоне тополю, миновали ржавый грузовик. Остальные стояли неподвижно, не спуская глаз с углового дома. На втором этаже был балкон, там лежали два тела.

Повернув за угол, синхроны вошли в заднюю дверь. Наступила тишина, лишь Хохолок сопел. Казалось, весь Лиманск пуст, здесь нет ни людей, ни мутантов — вообще ни одной живой души.

Через минуту из дверей балкона высунулся ствол, потом возникла голова Аслана. Он шагнул вперед, за ним показались Карим. Встав возле ограды, синхрон поглядел на остальных. Кирилл, шагнув к Мировому, что-то негромко сказал ему, тот кивнул и сделал жест, будто перезаряжает оружие. Карим в ответ коротко кивнул, повернулся. Аслан уже присел над телами.

Вскоре они вернулись с тремя магазинами и парой ручных гранат. Отдав магазины Мировому, Аслан заговорил тихим голосом, пришептывая:

— Двое, монолитовцы, застрелены. Давно, разлагаться начали. У одного пуля в глазу, у другого на голове каска, в ней тоже дырка.

Катя уже давно заметила, что разговаривает почти всегда Аслан. И он при этом может стоять совершенно неподвижно, а Карим — сделать несколько коротких жестов, подчеркивающих слова брата. Речевой центр у человека находится в левом полушарии, выходит, Аслан в паре синхронов выполнял его роль?

— Наверно, стреляли из снайперского ружья. Спецпулями, — заключил он.

— Так это наблюдательный пост там был? — спросил Нешик.

Карим кивнул, Аслан сказал:

— В доме никого.

— Монолитовцы... — Мировой повернулся к Анчару.

— Если мертвецов с балкона не убрали, значит, группировки давно нет в городе, — сказал тот.

Катя поторопила их:

— Нам надо идти.

Злая дрожь, желание действовать, двигаться дальше — в глубь Зоны, за Грязевое озеро, через Северный Могильник, как можно быстрее достигнуть далекой цели и сделать то, что она собиралась сделать, — это острое, навязчивое желание за последние дни превратилось в ее второе «я». Они обошли Агропром и Янтарь, мимо Рыжего леса, уничтожив два отряда Долга, — и все это время она подгоняла наемников, заставляла спешить дальше, почти без остановок. Катя понимала, что становится одержимой — вернее, уже стала, — но ничего не могла с этим поделать. Не могла и не хотела. Она позволила жажде мести полностью овладеть собой, возвела месть на пьедестал и молилась ей, как кровожадному языческому богу. Каждая минута промедления была для нее мучительна, поэтому она и злилась на Хохолка — ведь это он тогда сцепился с должовцами, из-за чего отряд потерял много времени.

— Идем, — повторила Катя.

Анчар кивнул Мировому, тот скомандовал:

— Вперед, тем же порядком.

Когда они прошли следующий квартал, слева между домами потянулся бетонный канал со сломанным мостом. Из грязной коричнево-зеленой воды торчала кабина грузовика.

Болотник остановился, и тут же, оглянувшись на него, встали синхроны. Узкие смуглые лица их были невозмутимы.

Мировой бросил настороженно:

— Что?

Болотник поднял руку, показывая, чтобы все молчали. Катя не видела ничего опасного, да и никто не видел, но они уже привыкли доверять чутью следопыта, который умел

ощущать опасность задолго до того, как остальные хоть что-нибудь заподозрят. На всякий случай она оглянулась, хотя и знала, что во время марш-броска к Лиманску отряд существенно опередил Мглу, которая никогда не двигалась особо быстро. Нет, мглистая полусферы не было видно сзади над крышами домов.

Впереди поперек улицы лежал старый «уазик» со спущенными шинами, над ним торчала крыша уличного киоска, сбоку — разбитая витрина продуктового магазина.

— Площадь там, — сказал Нешик неуверенно. — А? Светлее вроде, домов меньше... ну да, улица на площадь выходит.

Никто не ответил, и он замолчал. Болотник медленно пошел дальше, но тут же вновь остановился. Катя приподнялась на цыпочках, пытаясь поверх «уазика» разглядеть, что насторожило следопыта. Увидела что-то непонятное, какие-то темные изогнутые штуки...

— Ну, ё! — недовольно пробасил Хохолок и выдвинулся в авангард с «Печенегом» наперевес. — Жрать пора, сзади хрень ползет, а вы топчетесь!

— Хохолок, стой! — приказал Мировой, но здоровяк уже обходил машину со стороны капота.

Катя покосилась на командира. Мировой стоял неподвижно, скривив рот, направив ствол «М-4» в спину Хохолка. Обычно спокойный наемник еле сдерживается, он не привык, чтобы его приказам не подчинялись. Казалось, еще немного — и Мировой выстрелит над головой здоровяка. Девушка понятия не имела, как тот на такое отреагирует, но вполне допускала, что он может в ответ полоснуть с разворота очередью из «Печенега».

— Проверим на нем, что там, — сказала Катя негромко. — Пусть лучше этот дуб в аномалии погибнет, чем все мы.

Ее услышали все, кроме «дуба», который как раз шагнул за машину. «Во-во» — пробормотал Нешик, а Кирилл кивнул. Мировой переступил с ноги на ногу.

Катя повернулась к Болотнику.

— Так почему встали? — спросила она.

Следопыт ответил, не оборачиваясь:

— Странное впереди. Живое. Но... не живое.

— Что это значит? — спросила Катя. — Еще одна Мгла, что ли?

— Нет, другое.

— Э! — донеслось спереди. — Гляньте, чего эта тут...

— Вперед, осторожно, — приказал Мировой.

Выглянув из-за машины, Катя увидела, что рядом с газетным киоском асфальт разворочен — вскрыт, как консервная банка. Из-под него торчали крючья черно-бурого и желтого цвета. Это напоминало пасть гигантского песчаного червя, которого девушка видела в каком-то фантастическом фильме.

Все остановились. Хохолок, сделав пару шагов к киоску, тоже встал.

— Это же симбионт, — сказал Нешик.

В середине между «крючьями» воздух дрожал и будто пенился под напором аномальной энергии. Только теперь Катя, да и все остальные ощутили то, что раньше почувствовал Болотник, — напряжение, идущее от аномалии-симбионта. Девушка прижала ладонь ко лбу, поморщилась. Наемники побледнели, у Нешика и Кирилла на лице выступили капельки пота.

— Карим, Аслан, проверьте боковую улицу, — сказал Мировой. — Попробуем обойти.

— Что такое симбионт? — спросила она. — Там, в середине... кажется, это жарка?

Хохолок развернулся и потопал к ним.

— Да, жарка, — ответил Кирилл. — Симбионт — это симбиоз жарки, мясорубки и пси-поля. Хотя, говорят, есть несколько разновидностей. Аномалии мутируют, как и живые организмы. Меняются, срачиваются, у них происходит естественный отбор, понимаете, Катерина?

Он был единственным в отряде, кто еще обращался к ней на «вы».

— Понимаю, — сказала она. — Излучение от этого симбионта чем-то напоминает то, которое идет от Мглы, когда она подползает ближе.

— Хочешь сказать, Мгла — здоровый симбионт? — удивился Нешик. — Только он так мутировал, что стал подвижным?

— Я ничего не хочу сказать. Я только предполагаю. Почему симбионт так выглядит?

Хохолок, остановившись перед ними, спросил:

— Ну так чё? Потопали?

Не обращая на него внимания, Кирилл продолжал:

— В этом месте многократно усиливается естественное планетарное гравитационное поле, возникает так называемый гравитационный узел. Некоторые элементы, силикаты и другие, из почвы, асфальта или где там возникает симбионт, сплавляются, как в зыби, образуя вещество с новой атомной структурой, и вытягиваются вдоль векторов гравитационного узла.

— Идем, — повторил Хохолок нетерпеливо. Он явно не понимал, почему остальные стоят.

Кирилл, повернувшись к Анчару, сказал:

— Симбионт — источник пси-поля. Если долго находиться рядом, могут возникнуть необратимые изменения нервной системы. Лучше тут не задерживаться.

— А ты ничего не чувствуешь? — обратился Командор к Хохолку.

Тот недоуменно глянул на него, пожал плечами.

— Чё — «чувствуешь»? Ты о чем?

Анчар качнул головой и сказал Мировому:

— Надо обходить. Только если...

Раздались мягкие шаги, из боковой улицы вынырнули синхроны. Карим молча присел на корточки, Аслан загворил:

— Там мины. Растяжки, тросики через улицу. Снорки взорванные.

— Снорки взорвались на минах? — переспросил командир.

— Да. Но мы и целые мины видели.

— Кто-то заминировал город, оставив только центральную улицу, — понял Мировой.

— А на подходе к городу, если помните, валялось несколько тел, — добавил Анчар. — Не монолитовцев, другие комбинезоны.

— Ага, на парней из Долга похожи, — вставил Нешик.

— Возможно, две группировки боролись за контроль над городом. И ключевым пунктом для них была площадь

вперед. Вот почему улицы по сторонам заминированы — чтобы помешать противнику ночью совершить обходной маневр.

Мировой кивнул.

— Значит, что-то произошло, и обе стороны покинули Лиманск. А иначе нас бы уже обстреляли. Хорошо, пройдем по другому краю улицы. Карим, Аслан, разведайте.

Аслан выпрямился; не обменявшись ни словом, братья пересекли проезжую часть, двигаясь совершенно одинаково, придерживая локтями оружие на боку.

Симбионт находился ближе к одному краю улицы, синхроны достигли другого края и пошли вдоль стены. Остановились. Отошли немного назад. Наемники и Катя молча наблюдали за ними. Братья сорвались с места, помчались вдоль стены, почти вплотную к ней, чтобы двигаться как можно дальше от симбионта.

Аномалия ощутила людей — в центре между «крючьями» выстрелил прозрачный гейзер. Болотник вскинул руку, будто прикрываясь от яркого света. Синхроны бежали, они были уже прямо напротив симбионта. Аслан вспрыгнул на подоконник широкого окна на первом этаже, будто обезьяна на ветку, на четвереньках проскакал по нему, оттолкнулся и сделал длинный прыжок вдоль стены. Еще секунда — и братья миновали аномалию. Гейзер в ее центре потух, «крючья» вяло шевельнулись — хотя Катя решила, что это всего лишь искажение из-за нагретого воздуха.

Синхроны остановились на другой стороне улицы, повернулись к остальным. За спинами братьев между домами был широкий просвет, дальше — площадь.

— Хорошо, — сказал Анчар. — Старайтесь идти вплотную к дому. Хохол — первый.

— Как опасность — дык я первым сразу, — пробурчал тот, впрочем, довольным тоном. Катя уже давно уяснила — здоровяк любит опасность, без этого ему скучно живется.

Они пересекли проезжую часть и двинулись гуськом: Хохолок, Болотник, Нешик, Катя, Анчар, Мировой, Кирилл. От аномалии вновь плеснулась незримая рябь, задрожала над растрескавшимся асфальтом, искажая очертания домов и деревьев.

— Во как плещет, — пробормотал Нешик, касаясь ладонью лба. — Аж вроде стучится в мозг. Хотя та штука, что за нами, — он махнул рукой и чуть не стукнул Катю по голове, — сильнее будет.

— Ровно шагай! — шикнула она, помимо воли оглядываясь. Чем бы она ни была, Мгла преследовала их не слишком быстро, к тому же не по прямой, а зигзагами. Болотник недавно сказал, что Мгла, похоже, идет по полям аномалий, то есть по тем районам, где их больше. Словно она питается аномальной энергией... может такое быть? Что, если это таки подвижная аномалия, пожирающая другие — жарки, электро, трамплины, свечи и холодцы...

Неясным оставалось другое: почему преследует отряд? Ведь это была именно погоня, Мгла неотступно следовала за ними. Если бы дело происходило где-то в другом месте, уйти от него было бы легко, но в Зоне быстро двигаться невозможно, к тому же у отряда была определенная цель — Грязевое озеро, Северный Могильник, — они не могли свернуть, допустим, к Темной долине, пытаясь уйти от преследования.

Спереди призывно зашипел Аслан, и Катя отвлеклась от размышлений.

На фоне светлого проема между домами, где улица выходила на площадь, мелькнул силуэт. Исчез — существо упало, — появился вновь.

— О, снарк! — воскликнул Хохолок обрадованно, поднимая пулемет.

— Не стрелять! — гаркнул Мировой, и Катя ощутила, как от звука его голоса незримый гейзер энергии выстрелил из центра аномалии-симбионта.

— Какой-то он необычный, — сказал Нешик. — Пятнистый, что ли. А это там что?

С площади появился тушкан, и синхроны повернулись к нему с поднятыми автоматами. Напоминал мутант маленького тираннозавра, передвигался прыжками на задних лапах, передние же, тонкие и с длинными пальцами, прижимал к груди. Кольчатый хвост, похожий на червя, упруго раскачивался над асфальтом.

Тушкан преследовал снарка, который был раза в два крупнее его. Почти голый, лишь с какой-то рваниной, обма-

тывающей бедра. Кожу его покрывали зеленые пятна, похожие на лишай.

— Быстрее! — поторопил Мировой.

Они шли вдоль стены. Сквозь окна Катя видела комнаты и кухни, сломанную мебель, осыпавшуюся штукатурку. Незримый гейзер бил из симбионта, а сзади раздавались частые щелчки — судя по всему, на Анчара накатил один из его приступов, и механический глаз сам собой менял фокусировку.

Снорк оглянулся, почти припав брюхом к земле, на четвереньках засеменил прочь. Его шатало, на асфальте сзади оставались пятна крови. Тушкан бежал, щелкая длинными пальцами, как клешнями. Синхроны стояли неподвижно, поднимая оружие. Тушкан повернул башку, разинул пасть — и Катя увидела, что у него нет глаз.

— Слепой! — ахнул Нешик. — Тушкан-телепат, как слепая собака...

Мутант приостановился, отвлекшись на братьев, потом голова дернулась в сторону снорка.

А тот, собрав остаток сил, запрыгнул на киоск. На асфальте осталось темное пятно — кровь. Тушкан присел, подогнув костлявые лапы, оттолкнулся и тоже прыгнул. Растянувшийся на крыше снорк заверещал, перекатился на спину, попытался лягнуть преследователя. Тушкан упал ему на грудь. Из пасти выстрелил длинный язык — и тут крыша под ними провалилась.

Киоск был совсем старый, разохшийся. Пару секунд из него доносились визг и звуки ударов, а потом он рассыпался — распался, как карточный домик. Два тела выкатились из обломков. Катя еще успела разглядеть, что снорк сумел взобраться на тушкана, обхватив его руками и ногами, а тот вновь выстрелил языком в грудь противника — и потом мутанты ударились о «крючья» аномалии.

— Бегом! — крикнул Мировой.

Однако впереди шел Хохолок, которому не очень-то хотелось бежать. Он с детским любопытством наблюдал за дракой мутантов, а когда они свалились в киоск, и вовсе остановился.

— Хохолок, беги! — крикнула Катя.

Она отскочила от стены и бросилась вперед мимо остальных, на ходу ударила здоровяка прикладом в бок. Наемники побежали за ней — и в это мгновение аномалия ощутила их.

От симбионта покатилась дрожь, внутри него что-то вспыхнуло. «Крючья» дрогнули и стали расходиться, а потом аномалия выстрелила, словно гранатомет.

Только вместо гранаты из нее вылетела трещина.

На ходу расширяясь, она проломила асфальт и длинными зигзагами рванулась к людям. По трещине потекло что-то невидимое, но очень горячее — будто прозрачная лава.

— Это разлом!

— Быстро отсюда!

— Вперед!

Кирилл, Нешик и Мировой закричали одновременно. Катя бежала что было сил, сзади громко стучали подошвы. Синхроны были совсем близко, они пятились, наблюдая за происходящим с одинаково равнодушным выражением на лицах. Сапоги Хохолка тяжело бухали в асфальт прямо позади Кати, на мгновение у нее мелькнула мысль: если сейчас она споткнется и упадет, набравший ход здоровяк просто раздавит ее.

Жар ударил сбоку, аномалия под названием «разлом» почти достигла стены. Синхроны разом повернулись и побежали, когда Катя оказалась между ними. Гигантским прыжком Хохолок нагнал ее, понесся рядом. Стало светлее — они почти добрались до площади. Заметив сбоку за домом детскую площадку, Катя прыгнула туда, перемахнула через деревянный бордюр песочницы, упала в кучу грязного песка, развернулась и выглянула.

Все остальные, кроме синхронов, повернули за ней. Вокруг стояли обычные для таких мест сооружения: железный жираф-горка, горка в виде ракеты, петух из сваренных металлических колец... А посередине площадки — черная воронка от взрыва, на дне ее труп. Там же валялся АКМ с треснувшим прикладом.

Наемники бросились в разные стороны, Нешик спрятался за жирафом, Кирилл с разгону влетел на вершину раке-

ты, Анчар и Мировой повалились в песок рядом с Катей, а Болотник, отбежав на другой конец площадки, остановился возле воронки.

В ту же секунду разлом достиг стены дома. Трещина копьем вломила в нее, плеснулся жар, ударил фонтан огня. Миг — и трещина побежала вверх по стене, проламывая панели. Задребезжал и отвалился жестяной карниз, лопнуло еще целое стекло в окне третьего этажа. Катя и наемники лежали неподвижно, следя за ней взглядом. Трещина, двигаясь все медленнее, поднялась до крыши — и остановилась. С сухим шелестом просыпалась струйка цементной пыли. В одной из комнат что-то с глухим стуком упало на пол.

— Ну вот... — начал Нешик, приподнимаясь.

И тут дом рухнул.

Казалось, это сцена из дорогого блокбастера, показанная в замедленной съемке, сделанная не при помощи компьютерной графики, но снятая вживую.

Расколотый пополам фасад начал медленно обваливаться. Первой упала та половина, что находилась ближе к детской площадке — и превратилась в груды обломков. Вторая, пластом отделившись от здания, опрокинулась на асфальт. Вся улица содрогнулась, скрипнул жираф, Нешик крикнул. Огромный блин из бетонных панелей лопнул, разлетелся тысячами крупных и мелких обломков. Взлетел, бешено вращаясь, кусок арматуры, поднялась серая пыль. Взгляду открылись коридоры, комнаты, кухни... Катя как будто смотрела на улей, давно брошенный пчелами.

Грохот стих, пыль осела, все смолкло. Привстав, она огляделась. Отсюда была видна часть площади, лежащий на боку автобус и деревья. Анчар, что-то глухо пробормотав, повернулся и сел на вершине кучи песка, Мировой выпрямился. Из-за жирафа показался Нешик, рядом на земле потурецки сидел Хохолок. Обойдя воронку с трупом на дне, к ним приблизился Болотник.

— Знато оно осыпалось, — сказал Нешик, мелкими шажками отходя от жирафа. — Аж земля задрожала.

Раньше он сказал бы это задорно, может, даже с восхищением, и глаза бы его светились радостью — а теперь они были совсем унылыми. После смерти Брюквы молодой на-

емник утратил часть своей говорливости и погрузился. Катя понимала, что виновата она, нанявшая этих людей и ведущая их на смерть. — она была уверена, что погибнут все. Несмотря на все старания, девушка не могла думать о членах своего отряда как о тварях в человеческом обличье — нет, они были людьми, каждый со своим нравом, привычками, манерой жестикулировать и говорить.

Катя скинула рюкзак, положила его на землю и присела на корточки, машинально поглаживая бок запакованного в целлофан контейнера. Она сознательно заставляла себя думать о наемниках как о безликих манекенах, роботах, не испытывающих боли — ни физической, ни душевной, — лишь имитирующей ее, как велят им вложенные программы. Робот модификации «Брюква» окончательно вышел из строя и ржавеет сейчас где-то позади, закопанный в землю. В роботе с операционной системой под названием «Анчар» что-то постепенно выходит из строя — вон как он держится за глаз, скоро совсем разладится. А с остальными пока все в порядке, хотя модификация «Хохолок» с трудом совместима с другими роботами, у нее сбит блок выполнения команд. Но зато мощность большая...

Катя встала, кивнув самой себе. Да, вот так — это не твари, но и не люди. Роботы, которые должны помочь ей дойти до конца пути. Просто механизмы, машины-охранники. В дороге они будут разрушены — и черт с ними, не жалко. Зачем жалеть машины? Конечно, это дорогие роботы, но на деньги ей наплевать.

— Нешик, Кирилл, идите к синхронам, — сказал Мирной. — Посмотрите, что на площади, отсигналите.

Двое наемников направились в сторону братьев, отошедших на другой конец площадки. А Кате захотелось раскрыть контейнер и посмотреть на клубень. Захотелось мучительно, у нее даже руки задрожали. Девушка потянулась к рюкзаку... Нет, нельзя. *Он* увидит ее, поймет, где находится отряд. Но я просто взгляну — и все. Нет, опасно. Да ладно, ничего опасного... Она взялась за край целлофана — и застыла. Сгорбившийся на вершине песчаной кучи Анчар наблюдал за ней. Он мелко дрожал, линза правого глаза поблескивала, будто большое круглое око, левый был прищурен.

Командор глядел внимательно, недобро, и вид у него был слегка безумный.

Она встала, так и не открыв контейнер, подхватила рюкзак. Спросила у Мирowego:

— Ну что? Мгла скоро будет здесь.

Командир поднял руку, Катя обернулась в сторону площади — Нешик с Кириллом стояли неподалеку от синхроннов. Молодой наемник махнул, и Мировой сказал:

— Да, идем. Анчар, ты как?

Катя выпрямилась. Командор сидел неподвижно, уставившись в одну точку, внутри механического глаза что-то едва слышно потрескивало, медленно-медленно вращалось серебристое кольцо.

— Анчар! — повторил Мировой.

Вздвогнув, тот поднял голову — с усилием, будто она три пуда весила. Левый глаз сверкнул — и погас. Анчар встал, покачнулся, быстро провел рукой по лицу, будто снимая паутину.

— Да, конечно, идем, — произнес он.

Катя отступила от Командора и, пока они шли к площади, старалась не поворачиваться к нему спиной. Перед тем как Анчар выпрямился, в его взгляде мелькнула ненависть — только вот непонятно к кому. Этот робот точно сломался, но у него повреждение не механическое, как у Брюквы, а сбой на программном уровне. Пока что проблема проявляется не часто, но подобные нарушения имеют обыкновение распространяться, как вышедший из строя кластер в Винчестере. Поломка может повлиять и на другие программы поведения, заложенные в роботе Анчаре.

Она тряхнула головой, широко шагая вслед за Мировым, положила руку на «Mark-16». Просто не надо поворачиваться к Анчару спиной, вот и все.

Хохолок ткнул ее локтем в бок.

— Ну, ты как? — спросил он, ухмыляясь. — Набегалась, рыжая?

Роботы должны говорить только по делу. Никаких личных чувств, никаких привязанностей, никакого сочувствия. Хохолок открыл рот, чтобы еще что-то сказать, и Катя перебила:

— Заткнись и делай свое дело.

Он смолк. По роже видно было, что здоровяк удивился такой отповеди и, может, даже обиделся, но ей было не до него. Махнув рукой, Хохолок стал нагонять синхронов, маячивших впереди.

Нешик с Кириллом стояли лицом к площади. Катя увидела дома, большой магазин с витринами без стекол, сквер, лежащий на боку автобус.

А потом разглядела и силуэты посреди всего этого.

— Снорки, — сказал Нешик. — Городская порода.

Их было много. Более мелкие, чем «полевые» собратья, пугливые, пятнистые, то есть покрытые лишаем, — они сидели на крышах, прыгали по балконам, высовывались из окон.

— Здесь был приличный бой, — сказал Кирилл. — Вон там трупы, это долговцы. Слева под подъездом лежит монолитовец. Видны следы взрывов. Балкон сломан... короче, дрались тут. Снорки большинство трупов потом растащили, сожрали, но что-то еще осталось.

Странное дело — на самой площади снорков не было. Мутанты оккупировали дома, но спускаться не спешили.

Мировой отдал приказ, и отряд, ошестинившись стволами, пошел вперед. Катя, как обычно, оказалась в середине, рядом с Анчаром, но только теперь ей не нравилось, что тот идет так близко. Еще совсем недавно отставной военный казался чуть ли не самым надежным человеком в Зоне, теперь же внушал тревогу. Черт знает, что там в его голове происходит, какие мысли бродят...

Не, он не человек — робот. И мыслей в его голове нет, только программы. Он не чувствует боли, усталости, грусти, он — механизм. Как и все они. Машины. Их не жалко. Роботы помогут справиться с тварями — а больше ей ничего и не надо от них.

— Почему внизу никого нет? — удивленно спросил Нешик. — Вверху вон так и снуют, а тут...

Они медленно пересекали площадь — синхроны и Хохолок впереди, за ними Катя с Анчаром, по сторонам Нешик и Кирилл, сзади Мировой, Болотник. Каждый контролировал свой сектор обстрела. Снорки при виде людей заволнова-

лись, темные силуэты засновали на фоне крыш, в окнах появились головы. Да, здесь явно произошел бой: Катя видела следы от взрывов и пуль повсюду — и на асфальте, и на стенах домов.

Отряд достиг растущих в ряд тополей, прошел между ними, и тут впереди раздался приглушенный топот. Мировой скомандовал:

— На месте!

Они остановились, только Хохолок сделал еще пару шагов по инерции.

— Вон! — рявкнул он, поднимая «Печенег».

За деревьями находился широкий конический холм, состоящий из земли и обломков асфальта, в три человеческих роста высотой. От холма через площадь бежал снарк, его длинными прыжками преследовал тушкан. Костлявые лапы прижаты к груди, из пасти то и дело выстреливает язык. Снарк прыгал, припадал к земле, отскакивал, чтобы враг не мог ужалить его. Тушкан нагонял.

— Щас я их одной очередью... — пробормотал Хохолок кровожадно, ведя следом стволом.

— Отставить, — сказал Мировой.

Хохолок не обратил на него внимания. Мутанты бежали зигзагами, и он продолжал целиться.

— Не стрелять! — повторил командир напряженным голосом. — Можешь спровоцировать...

— Та ладно! — перебил Хохолок. Палец на спусковом крючке напрягся, и тогда Катя решила, что программное обеспечение этого робота пора отрегулировать.

Она ударил его прикладом по голове.

Здоровяк крикнул, ствол опустился.

— Ты што?! — рявкнул он. Катя врезала Хохолку кулаком по челюсти, постаравшись попасть костяшками пальцев снизу в мягкое место над горлом.

— Тебе что приказали?! — процедила она, ткнув ствол «Марка» ему в брюхо. — Что тебе командир приказал, я спрашиваю?!!

Хохолок слегка отступил, сглотнув.

— Не стрелять, — сказал он. — Ну так што? Он кто такой, чиво мне его слу...

— Он — твой командир! А я — та, кто тебе деньги платит! Так, все, разворачивайся, назад чеши.

— Чиво? — удивился здоровяк.

— Половину денег ты получил. Через пол-Зоны меня провел. Ну, не через половину еще, но не важно. Все, ты мне ничего не должен, я тебе. Сейчас от тебя больше вреда, чем пользы. Пошел назад — быстро!

— Не, ты чё, рыжая...

— Остальные — вперед.

Она развернулась и зашагала в обход насыпи. Снорк с тушканом уже скрылись из виду. Остальные, кроме Хохолка, пошли за ней.

— Да сзади ж эта, блин, Мгла... — растерянно пробормотал здоровяк и пошел следом. — Э, рыжая, слышь! Та ладно, чё ты? Нормально все, я тоже иду, буду слушаться этого хмыря, не бойсь...

— Осторожно! — закричал Нешик, но Катя уже заметила сама: конический холм впереди шевельнулся:

2

Это казалось обманом зрения, каким-то ловким фокусом. Еще мгновение она видела то же, что и раньше: куски асфальта и землю, сваленные кучей. А потом реальность колыхнулась, дрогнула — и Катя разглядела нечто совсем иное.

Хохолок глухо, злобно зарычал, как зверь, окруженный охотниками. Мировой сдавленно выругался, зашипели синхроны.

Теперь там был не холм, а конус из хитиновых зубцов, сужающихся кверху. Зубцы медленно расходились, между ними что-то пузырилось, тянулись и лопались клейкие нити, покачивалась мягкая влажная субстанция — не то кожа, не то слизистая оболочка, не то внутренности этого невероятного существа... Нет, не существа — это была аномалия, аномалия-симбионт, но преображенная, мутировавшая!

Она раскрылась — многометровые хитиновые зубцы застыли вертикально, образовав подобие устремленной в небо широкой трубы.

Из нее полезли тушканы.

Они повалили толпой, как воины-муравьи, получившие сигнал о том, что их дом собирается атаковать враг. Выскакивая между зубцами, мутанты рвали клейкие нити, прыгали на асфальт, прижав к животам костистые передние лапы, скакали к людям. Нешик открыл огонь. Мировой приказал: «Рассредоточиться!» — и тоже начал стрелять. Они с молодым наемником метнулись влево, к перевернутому автобусу, а Кирилл — вправо, к универмагу с разбитыми витринами. Рядом с Катей остались Анчар и Болотник. Последний достал маузер.

Хохолок, сделав несколько шагов вперед, опустил на одно колено, чтобы остальные могли стрелять над его головой, и открыл огонь из «Печенег». Грохот пулемета заглушил выстрелы остального оружия. Широкая спина наемника была напряжена, руки согнуты в локтях, он подался вперед, нагнув голову, медленно поворачивался из стороны в сторону, выпуская пули веером. Тушканы приближались скачками, ошметки слизи летели с них. У монстров не было глаз, лишь темные пятна на месте глазниц, как у слепых собак. Пули сбивали их с ног, вырывая из тел куски плоти, но мутанты вскакивали и бежали дальше.

— Бегите! — крикнул Анчар.

Рядом застучал маузер: Болотник, пристегнув к нему деревянную кобуру, как приклад, переключил оружие в режим автоматической стрельбы.

— К автобусу! — гаркнул Анчар и толкнул Катю. — Быстро!

Патроны в магазине закончились. Катя попятилась, обходя Командора, перезарядила оружие, старый магазин сунула в карман — и побежала, полуобернувшись, на ходу стреляя. Лежащий на боку автобус был прямо перед ней, вверху стояли Мировой и Нешик. Их подствольники одновременно плюнули огнем, над головой Кати пролетели гранаты. Она с разбегу подскочила, ухватилась за край покореженного окна кабины, качнулась, подтягиваясь. Нешик подал ей руку, помогая забраться. Оказавшись на автобусе, девушка развернулась, краем глаза увидев в кроне дерева неподалеку силуэты синхронов, и вскинула «Mark».

Кирилл, спрятавшись за прилавком внутри магазина, вел огонь сквозь разбитую витрину. Тушканов стало меньше,

новые почти не выскакивали из аномалии, несущаяся к людям толпа поредела. Воспользовавшись этим, Анчар приказал Болотнику с Хохолком отступать к магазину. Они отбежали к мусорным бакам, развернулись и вновь открыли огонь, тогда за ними последовал Анчар. Мировой выстрелил из гранатомета, взрыв разворотил асфальт в десятке метров позади Командора, убив трех преследующих его тушканов. Анчар, оглянувшись на автобус, махнул рукой.

— Что он хочет? — крикнул Нешик.

Несколько мутантов почти добрались до автобуса, и он тоже выстрелил из подствольника. Граната взорвалась между ними, разбросав костлявые туши.

— Чтобы мы все в магазине собрались, — пояснила Катя. — Правильно, там задний выход должен быть, уйдем через него.

Когда Анчар и Хохолок с Болотником оказались в магазине, новые тушканы уже не выпрыгивали из прорех между зубцами. Короткими очередями Мировой, Нешик и Катя добивали тех, что бежали к автобусу; вскоре с этим было покончено. Площадь усеивали тела, ни одного живого мутанта не осталось. Катя посмотрела на Мирового, оглянулась на магазин. С кроны растущего неподалеку дерева соскочили Аслан и Карим, метнулись к нему. Выглянувший из-за длинного прилавка Анчар крикнул:

— Командир! Сюда, мы прикроем!

— Сейчас! — крикнул Мировой в ответ, перезаряжая «М-4», и повернулся к Нешику с Катей. — Тушканы могут опять появиться. Бегите первыми, прикрою сверху, они — из магазина. У мусорных баков стойте, прикрывайте меня. Вопросы?

— Нет вопросов, — сказал Нешик.

Катя соскользнула, встала на край окна, прыгнула. Нешик стал на заднюю часть автобуса, ползая вдоль покатого бока. Девушка попятилась к магазину, направив оружие в сторону симбионта.

Оттуда донеслось приглушенное клокотание и бульканье.

— Нешик, быстрее! — позвала Катя.

— Да я сейчас, сейчас... — Он наконец прыгнул.

Они побежали, то и дело оглядываясь. Звуки стали громче. Зубцы содрогнулись, между ними запузырилась густая

красно-розовая субстанция. Катя с Нешиком успели преодолеть примерно треть расстояния до мусорных баков, когда они дрогнули, расходясь шире, и наружу повалили тушканы — теперь их было гораздо больше, чем в прошлый раз.

Поток мутантов разделился на два неравных рукава, большой устремился к Нешику с Катей, другой свернул к автобусу.

Из разбитой витрины, своротив остатки покореженной алюминиевой рамы, вывалился Хохолок с пулеметом. Бегущие к магазину синхроны остановились, повернувшись, опустились на одно колено по сторонам от него.

Они начали стрелять одновременно. Позади над прилавком возникли головы Болотника, Анчара и Кирилла. Последние двое что-то кричали, но за грохотом выстрелов было не слышно. Катя бежала что было сил, рюкзак с контейнером подпрыгивал на спине, рядом топал Нешик.

Позади громынуло. Взрывная волна ударила в спину, едва не опрокинув, лишь в последнее мгновение девушка успела выставить ногу, припала на нее. В колене хрустнуло.

А Нешик не устоял — упал. Катя не собиралась помогать ему, пусть спасается сам, она бежала дальше... Нет, не бежала. Тело двигалось само собой — остановилось, схватило наемника за плечо, помогло встать. При этом Катя увидела стоящего на автобусе Мирового, заряжавшего подствольник новой гранатой. Второй поток преодолел уже половину расстояния до лежащей на боку машины, но командир не стрелял по этим мутантам, он прикрывал отступающих Нешика с Катей.

Девушка опомнилась уже когда они с наемником вновь бежали вперед. Тушканы были совсем близко, поблескивали темные пасти, раскачивались длинные хвосты, похожие на червей. Стреляя с одной руки, она волокла парня дальше. Потом «Mark» смолк: закончились патроны в магазине.

— Стреляй! — крикнула Катя, но наемник мотнул головой — скорее всего рожок его «М-4» тоже был пуст.

Хохолок, перекинув через голову ремень «Печенег», положил пулемет на асфальт. Тяжело опустившись на одно колено, он принял такую же позу, что синхроны, поднял штурмовую винтовку.

И тут Катя поняла, что орали стоящие за прилавком Анчар с Кириллом: Хохолок мешал им стрелять. Теперь они открыли огонь. Болотник, еще раньше вспрыгнувший на прилавок, поднял маузер и дал очередь.

Сзади с короткими промежутками прозвучали еще два взрыва. Катя с Нешиком почти достигли мусорных баков, она вновь оглянулась.

И поняла, что Мировой, прикрывая их, погубил себя.

Если бы он все это время стрелял по тушкам, бегущим к автобусу, то скорее всего отбил бы атаку. Но он переключился на приближающихся мутантов слишком поздно. Прозвучал запоздалый взрыв, штурмовая винтовка дала короткую очередь — и потом волна мутантов накрыла автобус. Они заскакали, будто кенгуру, высоко подпрыгивая, некоторые перемахнули через машину, другие очутились на ней. Мировой закрутился, нанося удары прикладом и ножом, а после поток тушканов смел его за автобус.

Наемники в магазине не могли стрелять по мутантам, бегущим прямо позади Нешика и Кати. До сих пор лишь огонь Мирового помогал беглецам, теперь же стало ясно — они не успеют. Если бы Катя не остановилась, чтобы помочь упавшему наемнику, она бы добралась до магазина, но те секунды, что она тогда потратила, решили дело.

— Стреляй! — заорала Катя, на бегу перезаряжая автомат. — Стой и стреляй!

Он что-то выкрикнул в ответ, девушка не расслышала — развернувшись, упала плашмя, чтобы находящиеся в магазине могли вести огонь поверх нее, вскинула «Mark» и вдавила крючок. Тушканы были прямо перед ней. Пули врезались в морду того, что бежал первым, — и автомат смолк. Но ведь она вставила новый рожок, в чем дело? Катя гаркнула: «Стреляй!» — да так громко, что голос сорвался на визг. Вскочила на колени, пытаясь выщелкнуть рожок, обернулась: Нешика рядом не было, он летел сломя голову к магазину. Катя еще успела заметить, как Хохолок бежит к ней,

размахивая штурмовой винтовкой, как Анчар, Кирилл и Болотник, стоя на прилавке в одинаковых позах, ведут огонь по тушкам, — а потом сразу несколько мутантов налетели на нее. Один ударился всем телом, опрокинул ее. Туши их были покрыты комками слизи, в темных глазных впадинах — потрескавшаяся сухая корка.

Катя врезала одному стволом в морду, раздробив несколько острых клыков, а потом в воздухе мелькнул тонкий длинный язык, и хитиновая иголка на его конце впиалась в шею. Тело сразу охватила слабость.

Тушканы побежали дальше, но один задержался рядом, поставил лапу ей на грудь — как варвар на тело поверженного врага. Катя прохрипела ругательство, хотя губы едва шевелились и язык почти не слушался. Ноги онемели, руки непроизвольно подергивались — сознание покидало ее. Пальцы заскребли по кобуре. Пересиливая слабость, девушка расстегнула ее, потянула наружу пистолет. Тушкан склонился ниже, пасть раскрылась, язык то выныривал из нее, то исчезал во влажной темно-красной пещерке за частотоколом клыков. Пустые глазные впадины оглядели жертву. Катя достала пистолет, начала поднимать его — он весил килограммов пятьдесят. Она уже почти ничего не слышала, грохот выстрелов и все остальные звуки слились в отдаленный рокот, медленно затихающий. Смутные тени проносились мимо — тушканы бежали к магазину. Ствол пистолета ткнулся в грудь мутанта. Тот распрямил прижатые к груди лапы, и длинные твердые пальцы, похожие на ножки краба, ухватили ее за плечи. Рядом остановились еще два тушкана.

Катя попыталась спустить курок, но не смогла — не осталось сил. Глаза ее закрылись, свет померк, и все смолкло.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

1

ОБЩЕЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

От: полковник Петренко.

Всем командирам военизированных подразделений.

КРАЙНЕ ВАЖНО.

КРАЙНЯЯ ОПАСНОСТЬ.

В Зоне появилось нечто, которому мы дали название **ЯВЛЕНИЕ**.

Неизвестно, что оно собой представляет.

Возможно, это подвижная аномалия или мутант с крайне мощными пси-способностями.

Вероятно, **ЯВЛЕНИЕ** преследует отряд наемников (предположительно: группа Мирового плюс несколько неустановленных личностей, среди них женщина), который следует в северном направлении с неизвестной нам целью.

Во избежание дополнительных потерь командованием Долга принято решение не атаковать **ЯВЛЕНИЕ**.

Уходите с его пути.

Старайтесь не приближаться ближе, чем на 1—1,5 километра.

По имеющимся сведениям, **ЯВЛЕНИЕ** накрывает территорию вокруг себя неизвестными пси-волнами, подавляющими высшую нервную деятельность. Кроме того, возле **ЯВЛЕНИЯ** периодически происходит т.н. **МАЛЫЙ ГОН** (волны разбегающихся в панике мутантов).

По имеющимся сведениям, **ЯВЛЕНИЕ** подавляет аномалии вокруг себя, однако позади него они вспыхивают с новой силой.

Повторяю: не вступать с ним ни в какой контакт до выяснения его сути и возможных способов нейтрализации.

Мы будем следить за дальнейшим передвижением **ЯВЛЕНИЯ**. Сообщения будут передаваться через следящего южной зоны Нестера.

* * *

Сообщение:

от: нестер

явление между янтарем и дикой территорией.

сообщение:

от: нестер

по нашим сведениям, явление приближается к армейским складам.

сообщение:

от: шульга

кто в ччернобыле ббывал?

сообщение:

от: карпатый

я

сообщение:

от: кирза

ну, я, а че?

сообщение:

от: шульга

мможет кто помнит тогда вводокачка там старая стоит?

сообщение:

от: карпатый

ни, я не памьятаю

сообщение:

от: кирза

шульга, а ты чего заикаешься? кнопки западают?

сообщение:

от: шульга

ккакие на фиг ккнопки!

сообщение:

от: кирза

не, ну чего у тебя по две буквы проскакивает? заика, что ли? и тоже запятых не ставит.

сообщение:

от: шульга

ббля какие буквы! у мменя драйвер голосового набора стоит и микрофон подключен. я говорю оно ппишет. я заикаюсь. а эта ссука по две буквы тогда сставит. и запятые она не умеет. тты чего при.....?

сообщение:

от: кирза

братан, извини. не хотел обидеть, честно. извини. так что ты говорил?

сообщение:

от: шульга

так вводокачку никто не помнит? короче мы как-то с коршневым ттуда попали. ппод ней вроде живет что-то. или в ней. или не живет а ппросто аномалия ттам какая-то внутри. мы ее назвали оно. с большой буквы. ттакая аномалия или ттварь. оно если ккто приближается так волны ккруговые пускает. нну типа страха. ппси-волны то есть. такая ппаника охватывает суши весла. ббежишь оттуда пока не упадешь. нне только люди. звери птицы крысы ддаже. все бегут. червяки и те ддумаю уползают. я в общем после того случая и стал ззаикаться.

сообщение:

от: кирза

ага! помню, пригоршня мне рассказывал что-то такое. знаете его? с химиком тусуется. вроде они видели это твое оно когда-то давно и тоже тикали от него. так к чему ты это, шульга?

сообщение:

от: шульга

ну так мможет это явление про ккоторое теперь ввся зона шумит и есть это оно? из-под вводиокачки выползло и поперлось за теми ннаемниками? или другая но из той же породы тварь. очень уж ппохоже.

сообщение:

от: кирза

интересная идея. может, и так, только это ничего не объясняет. если б мы знали, что такое это оно...

сообщение:

от: нестер

изменение маршрута явления. оно движется на запад от радара.

сообщение:

от: нестер

наблюдения крайне затруднены. По нашим сведениям, явление обходит район чаэс с западной стороны /возможно, двигается за отрядом мирового?/

сообщение:

от: нестер

полностью уничтожен крупный сталкерский лагерь

сообщение:

от: нестер

явление приближается к чаэс

сообщение:

от: нестер

уничтожен небольшой разведотряд военных сталкеров

сообщение:

от: нестер

явление где-то в районе чаэс. уничтожен взвод военсталов, посланный с периметра

сообщение:

от: нестер

вероятно явление в районе лиманска. теперь контроль за его передвижениями крайне затруднен. дальнейшие наблюдения прекращаем.

Правую руку жгло. Судорожно, со всхлипом вдохнув, Катя раскрыла глаза.

И увидела прямо перед собой зеленоватую субстанцию — влажную, с непривычным запахом.

Девушка лежала на правом боку, придавив руку. Запястье и правую щеку щипало, в ухе булькало. Она была одета, ботинки тоже на месте. Скосила глаза — вот она, широкая ляжка, значит, рюкзак по-прежнему на спине. А контейнер? Только бы не потерять клубень!

Она вздрогнула от внезапно накатившего ощущения, что артефакт исчез, что, пока она валялась без сознания, тушки — сорвали с нее контейнер, и теперь все кончено, все ее приготовления, весь поход — Глебу с Опанасом не помочь... Судорожно дернувшись, Катя подняла голову и краем глаза разглядела угол запакованного в целлофан металлического ящика за спиной.

Девушка находилась в помещении с низким бетонным потолком. Из стены слева торчали концы сломанных ржавых труб, с них сочились светящаяся блеклым сине-зеленым светом слизь. На полу ее было целое озерцо, Катя лежала в ней...

Да не просто лежала — медленно погружалась!

Она с шипением втянула ноздрями воздух и попыталась встать. Ничего не вышло, Катя была полупарализована, впрыснутый тушканом яд еще действовал. Автомата нет, пистолета тоже, хотя остался нож, а еще — подсумок, там кое-что припрятано.

Сцепив зубы, Катя осторожно перевернулась на спину, огляделась. Похоже на подсобное помещение, только давным-давно заброшенное. Куда ее заташили? Слизь залепила все вокруг, из ржавых труб под потолком свешивались све-

тящиеся мягкие сосульки. Катя попыталась сесть — никак. Она видела свои ноги в черных высоких ботинках, тщательно зашнурованных. Конечно, она ведь не Нешик, который все делал наскоро, она скрупулезно собиралась после каждого привала, застегивала все ремешки, пуговицы, подгоняла амуницию. Штанины заправлены в ботинки, а те крепко стянуты толстыми шнурками — вот почему слизь не проникает внутрь и ноги пока не жжет в отличие от запястья и щеки, где боль постепенно увеличивается. Надо встать, для начала — хотя бы сесть, но тело не слушается. Катя уставилась на ботинки, словно гипнотизируя их. Пошевелитесь, ноги! Ну же, давайте!

Но они оставались неподвижны. Перевернувшись на спину, Катя потратила все силы, которые у нее еще были, и теперь их едва хватало на то, чтобы держать голову приподнятой, еще немного — и упадет. Ну нет, если она выпустит ноги из поля зрения, то точно не сможет пошевелить ими. Катя сжала зубы так, что загудело за ушами, вперила пронзительный взгляд в закругленные носки ботинок и приказала: двигайтесь! Эта слизь разест меня, растворит всю, и вас тоже, а поэтому — сдвиньтесь с места, ну же, ну! Согнитесь в коленях, вы мои ноги, вы — часть меня, вы и есть я, а я всегда была хозяйкой над собой... Нет, неправда, Глеб и Опанас были главнее, я слушалась их, но это раньше, а теперь я слушаюсь только себя, моя воля — титановый стержень, который заменяет мне хребет, он не гнется и не ломается, его невозможно повредить, и потому приказываю вам: ноги, шевелитесь!

Она оскалилась, послав в нижнюю часть тела волевой импульс, будто с усилием сдвинула что-то внутри себя, как поршнем в насосе, сжала кровь, толкнув ее тугой волной, — и ноги дрогнули.

Окрыленная успехом Катя *нажала* еще раз. Колени начали сгибаться — неохотно, со скрипом, ломая ржавчину, которая накопилась в коленных суставах. От напряжения из ноздри тонкой струйкой потекла кровь. Еще немного, и...

Сдавленно рывкнув, она рывком села.

И увидела извилистый узкий проход на другой стороне комнаты. Огляделась, посмотрела вниз. Слизь, мягкая и по-

датливая на поверхности, дальше густела, превращаясь в прозрачную смолу. На этом более твердом слое и сидела Катя, очень медленно погружаясь в него.

Организм еще не до конца справился с ядом тушкана. Двигаясь неловко, скованно, она вытащила из бокового отделения рюкзака фляжку, непослушными пальцами свинтила колпачок, сделала глоток, потом помыла руки и лицо. Жжение уменьшилось. Убрав флягу обратно, Катя ощупала себя. Болели колено и локоть, саднило запястье. На скуле кровоподтек, тупая приглушенная боль в затылке.

Надо выбираться отсюда. Она раскрыла клапан рюкзака, достала и надела перчатки. Со свода свешивались густые толстые слюни, источающие синюшно-болотное мерцание. Катя на четвереньках добралась до лаза. Тот был совсем узкий, тесный, с потолка свешивались нити слизи — целый лес застывших толстых нитей, и с каждой будто гной сочилось мертвенное сияние. Пригнув голову, девушка поползла. Что за мерзкое место! И запах — незнакомый, сладковато-кислый, гадкий запах. В других обстоятельствах ее бы уже тошнило, выворачивало наизнанку, но яд тушканов до сих пор притуплял ощущения, внешние раздражения доходили до Кати приглушенно, смазанно.

Наконец голова вынырнула из лаза. Еще немного — и она выпрямилась во весь рост. Даже не пытаясь понять, куда попала, рванула клапан, выхватила фляжку. Почти вся вода ушла на то, чтобы избавиться от слизи на голове, коленях и перчатках. Стянув их, девушка осмотрела правое запястье — кожа покраснела, но не сильно. Жжение почти прекратилось.

Ладно, что дальше?

Она находилась посреди наклонного коридора, от которого в разные стороны расходились тесные лазы. В коридоре слизи было мало, здесь она подсохла, источаемый ею свет изменился, стал грязно-желтым.

Куда тушканы затащили ее? Может, это часть городского коллектора... или под Лиманском спрятано что-то по-серьезнее? Военный бункер, лаборатории? Если до аварии на ЧАЭС Лиманск и вправду являлся «ящиком»... Что бы там ни было, людей в этом месте давно не осталось. Катя повер-

нулась, прикидывая, куда идти. Имеет смысл двигаться к верхней части коридора, чтобы выбраться на поверхность...

Но там путь перегораживала круглая металлическая диафрагма. Под нею лежала бесформенная тушка. Катя оглянулась — с другой стороны коридор уходил в бледно-синий сумрак, который сменялся темнотой. Нет, вниз ей точно не надо. Чем здесь пахнет? Хотя вернее будет сказать — воняет. Ну да, мертвечиной, чем же еще. За последние недели этот дух стал Кате очень хорошо знаком — вся Зона пропиталась им.

Положив ладонь на рукоять ножа, она подошла к тушке. Запах усилился, пришлось дышать ртом. Детеныш тушкана лежал на боку, он уже частично разложился.

Стараясь вдыхать воздух только ртом, сквозь зубы, маленькими порциями, Катя сунула нож в ножны, подняла руки. На середине диафрагмы, где сходились лепестки, была выпуклость, девушка коснулась ее, и та слегка подалась под пальцами. Не зная, к чему это может привести, она нажала сильнее, еще сильнее...

Что-то щелкнуло, и диафрагма с мягким шелестом раскрылась.

Катя покачнулась, переступила с ноги на ногу. Дальше была длинная наклонная пещера с земляными стенами. По стенам тянулись вертикальные металлические штанги, похожие на ребра, и на них висели тушканы, прилепленные спинами. Неподвижные туши покрывала застывшая слизь. Как машинное масло, которым смазывают детали разобранного оружия при длительном хранении, подумала она.

Взявшись за нож, Катя осторожно шагнула вперед. На другом конце пещеры виднелся проход, но чтобы достичь его, надо пройти мимо мутантов на стенах. Так здесь над ними когда-то опыты проводили? Или тушканов в этом месте и создали, как биологическое оружие?

В проходе на другом конце пещеры мелькнула тень, за ней другая, третья. Катя попятилась, чуть не наступила на тушку детеныша, перешагнула через нее. В пещеру повалили тушканы.

Целая толпа — больше десятка. Четверо, бегущие впереди, волочили пару дохлых снарков.

Катя отступила еще на шаг. Раздался шелест, лепестки диафрагмы сошлись. Другого пути не было — девушка попятилась, развернувшись, побежала вниз.

2

Она попала в небольшой подземный лабиринт, образованный переплетением коридоров. Фосфоресцирующая слизь почти исчезла, пришлось достать фонарик. Трижды Катя замечала впереди смутные силуэты, гасила свет и замирала под стенами, сжимая рукоять ножа. Тушканы пробегали мимо, спеша по своим загадочным делам.

Преодолев несколько коридоров, Катя оказалась в пещере, затянутой паутиной. Внутри толстых белых нитей виднелись тончайшие синеватые волоски, на стене в ряд висели обмотанные паутиной грушевидные коконы. Кате показалось, что они дышат. Внутри находились зародыши размером с собаку — но она не смогла понять, на что они похожи, какая тварь вылупится из этих личинок, а вскрыть какой-нибудь кокон и рассмотреть его содержимое не решилась.

Вода закончилась, девушка устала, голод и жажда мучили ее. Коридоры тянулись бесконечно. Несколько раз ей попадались участки, где приходилось идти по булькающей густой жиже, где со свода свешивались жирные мягкие сосульки, а в стенах зияли прорехи, полускрытые натянутыми хрусткими нитями.

В конце концов Катя потеряла всякое направление и уже не понимала, удаляется ли она от земляной пещеры с тушканами на стенах или приближается к ней. Хорошо хоть фонарик светил ровно и ярко — если бы он разрядился, Кате ничего не осталось бы, как сесть под мягкой стеной и дожидаться смерти.

В подземном мире царила своя, тайная жизнь. Иногда вдалеке что-то вздрагивало и глухо поскрипывало, в трубах за стенами булькало, иногда Катя слышала быстрые шаги, цокот коготков о бетон, мягкие шлепки или попискивание. Она шла дальше, и злость на весь мир наполняла ее. Наемники из отряда предали свою нанимательницу! Когда тушка-

ны схватили ее, никто не попытался вмешаться, никто не подбежал. Они топтались возле магазина и внутри, боясь приблизиться. Людям верить нельзя, все люди — твари. А она уже начала испытывать подобие приязни к Нешику, Болотнику, Мировому...

...который умер, защищая тебя, — шепнул внутренний голос. Да откуда ты знаешь?! — мысленно прикрикнула она на саму себя. Ты видела это?

Конечно — мутанты набросились на него, скинули с автобуса и потом наверняка растерзали.

Нет! Ты не видела, а домысливать можно все что угодно.

Но у него не было возможности спастись.

Была. Ты даже не видела, как он падал с автобуса. Мировой спрыгнул сам и убежал от них, вот как было дело. Недалеко за машиной росли деревья, а эти твари лазать по деревьям не умеют. Мировой спрятался в кроне — значит он предал ее, как и все остальные.

Ты врешь. Лжешь сама себе. Ты повела этих людей на смерть — потому что была уверена, что из этого путешествия они не вернуться, тебе надо было лишь, чтобы они тебя довели живой — и теперь ты пытаешься оправдаться, придумать...

СТОП!

Последнее слово она чуть было не сказала вслух.

Два внутренних голоса, которые даже звучали в голове по-разному, один требовательно и зло, другой мягко и просительно, смолкли.

Так я сойду с ума. Я уже схожу с ума! Это что — шизофрения? Раздвоение личности? Прекрати мучить себя! Мир мучает тебя, так попытайся хотя бы оставаться в согласии с собой. Где-то на поверхности осталась Мгла, которая приближается. Надо выбраться, и побыстрее.

Но как?

Раздумывая над этим, она повернула, и луч фонарика осветил железную диафрагму в стене. Катя нахмурилась. Уже давно эти штуки не попадались ей, а эта к тому же не перего-раживает коридор, как все предыдущие, но расположена в стене... Что за нею?

Может быть — выход?

В любом случае она слишком долго бродит здесь. Рано или поздно очередной тушкан наткнется на нее и поднимет тревогу.

Катя проделала то же, что и раньше: стала давить на полусферу в центре диафрагмы, пока что-то не щелкнуло, и та не раскрылась. Фонарик пришлось держать зубами.

За стеной обнаружилась большая извилистая пещера сложной формы. Девушка сделала несколько шагов, водя фонариком из стороны в сторону. Какой-то узел в системе подземных сооружений, куда сходились несколько коридоров, — она различила другие диафрагмы в покатых стенах.

Пройдя немного, Катя остановилась. Нож она сжимала в одной руке, фонарик — в другой. Желтый луч озарил туши мутантов, висящие на клейких жилах-лентах по всей пещере. Слепые собаки, крысы, псевдоплоти... Вон snork со вскрытой грудиной, видны темно-красные легкие, там крупная псевдоплоть — у нее срезана верхушка черепа и ампутированы клешни, рядом освежеванная псевдособака, поблескивают обнаженные мышцы. Они кажутся влажными — значит тело подвесили недавно.

Она направила луч фонарика в глубину пещеры. Ленты были разной длины, некоторые туши висели у самого потолка, другие — низко над полом. Далеко в глубине пещеры виднелся широкий горб высотой ей по пояс.

На потолке была слизь. Капельки ее поблескивали и на жилах, она покрывала некоторых мутантов. Возможно, слизь предохраняет от разложения те туши, что висят давно? Клейкое вещество могло выполнять и еще одну функцию — не позволять недавно подвешенным тварям сбегать.

Здесь было тихо, а еще как-то очень глухо. Катя медленно шла, прислушиваясь.

Из глубины пещеры донесся хрип.

Они прищурилась. Вроде хрип звучал и раньше, но только сейчас, зайдя в глубь пещеры, она осознала это. Девушка подняла фонарик выше, луч сместился, и туши мутантов словно закачались на потолке. Хрип не прекращался. Непонятно, откуда он идет. Наверное, одна из жертв еще жива.

Она медленно пошла вперед, пригибая голову, чтобы не зацепить туши, висящие повыше, и обходя другие. Мягкий

пол гасил звук шагов. Надо же — они даже кровососа сюда притащили. Старый матерый мутант, толстенные щупальца на морде, кривоногий, корявый... У него не было обоих глаз, а еще отрезаны пальцы на руках. Кто все это сделал? Тушканы могли принести в пещеру парализованные тела — но кто занимался вивисекцией?

Вивисекция — повторила она про себя. Это когда режут еще живое тело. Почему-то Катя была уверена, что большинство мутантов погибли здесь же, в пещере, а не раньше, умерли под ножом — скальпелем, когтем, клыками? — неведомого хирурга, который проводил какие-то дикие опыты. Только ведь это не тушканы — так кто еще живет здесь?

Хрип стал громче, и вскоре луч фонарика озарил человеческое тело.

Сначала она решила, что это спорк, потом попыталась убедить саму себя, что там висит кровосос или, может, контролер, — но вскоре окончательно уверилась в том, что на длинной жиле повис человек. Присоски впились в спину между лопаток, он замер, опустив голову, уткнувшись подбородком в грудь.

Сделав еще пару шагов, Катя разглядела лицо Мирового.

Отведенные за спину, облепленные слизью руки его были выломаны в локтевых суставах. Пожелтевшая слизь распалась на твердые сухие жилы, они протянулись от плеч к запястьям наемника. Живот разрезан наискось, от правой стороны ребер до левой части таза.

Но он был жив. Мировой слабо дергался и почти неслышно хрипел. Лицо его залепила слизь, сквозь густое мутно-прозрачное вещество Катя разглядела глаза, полные боли.

Мировой попал в плен из-за нее. Это она повела их в поход. Это ее прикрывал наемник, стреляя с автобуса по тушкам, вместо того чтобы защищать себя и спастись.

Он — не тварь и не робот, он человек, случайная жертва, как и Брюква, и другие наемники отряда, которые, возможно, еще не погибли, но погибнут до того, как поход в глубину Зоны закончится, погибнут наверняка, потому что смерть с самого начала витает над отрядом — в лице каждого наемника Катя видела ее тень.

Мировой хрипел монотонно, на одной ноте, лишь изредка тихий хрип сменялся коротким сипением, когда он втягивал воздух ноздрями. Нос его оставался единственным, что не залепила слизь. Это намеренно? Тот, кто свеживал и вскрывал тела, хотел, чтобы наемник оставался жив?

Если бы у нее был пистолет...

В глазах Мирового не было ничего, кроме боли, но Кате показалось, что он заметил девушку сквозь наполнявшую сознание пелену, осознал ее присутствие. Его не спасти — с такими ранами не живут, — она должна прекратить мучения. С пистолетом это было бы легче, а так... Подняв нож, Катя шагнула вперед. Занесла нож над головой, закрыла глаза и ударила. Ощутила, как лезвие прошло между ребрами, нажала, чтобы оно достигло сердца, провернула. Выдернула. Тело дернулось, и ребра сжались, будто не желая выпускать обратно клинок. Хрип смолк.

Она не стала смотреть на дело рук своих. Опустив голову, обошла Мирового, вытерла нож о штанину. В душе ее все омертвело. Ни единой мысли, никаких чувств, кроме одного: добраться до *него* и отомстить. Что там происходит с Глебом и Опанасом? Или Опанас уже мертв? Она ощущала боль Глеба, ведь они были близнецами, а с Опанасом просто любили друг друга... *Просто?* Это делало их очень близкими, но все же той ментальной нити, которая часто соединяет близнецов, между ними не было. Когда в последний раз она видела их обоих? Всего три месяца назад — а ей казалось, что прошло тридцать лет. Она-то уж точно постарела за это время лет на тридцать. А может, и на триста. На три тысячелетия. В ней ничего не осталось от той, прежней Катки Орловой. Что, если Глеб висит сейчас на каком-то крюке или ленте с присосками, раненный, облепленный слизью?

Катя прикусила губу. До сих пор у нее было очень смутное представление о враге. У нее не было даже четкого плана, как уничтожить *его*, когда она достигнет цели.

И зачем ему нужен клубень? Для чего этот странный артефакт в контейнере?

Она оглядела затянутый пленкой слизи свод и неподвижные ряды свисающих с него тел.

Кто проводит опыты над пойманными мутантами, ви-сящими здесь? Мутантами и людьми?

Девушка пошла дальше — и вскоре достигла горба, замеченного минуту назад. Вокруг было свободное пространство, тела там не висели, жилы-ленты спиралями свернулись под потолком. Катя остановилась.

На большом костяном бугре с плоской вершиной лежали хитиновые инструменты: зазубренный серп, ножи с лезвиями пугающе неестественной формы, какие-то крючки, пилочки — ее передернуло при виде всего этого. Очень необычные рукояти, человек не сумеет толком ухватиться за такие. Но и тушканы не смогут их взять, они рассчитаны на руки — или лапы — другой формы, другой скелетной конструкции. Так кто же...

Туши вокруг слабо закачались: из глубины пещеры потянуло сквозняком. Катя оглянулась, повернув фонарик.

Желтый луч лизнул извилистую стену метрах в пяти слева — пещера там изгибалась — и большую круглую диафрагму. На глазах Кати она раздвинулась.

Массивный силуэт возник в проходе. Это было существо ростом почти с девушку, странным образом напоминавшее одновременно тушкана-мутанта, паука и человека. Катя отпрянула, луч дернулся, но она успела разглядеть отставленные далеко в сторону длинные тонкие руки с парой локтевых суставов, хитиновое тело на кривых не то ногах, не то клешнях, вверху — выступ необычной формы, голову.

Раздались частые щелчки, и мутант вошел в проход, покачиваясь.

Может, это самка тушкана? Как пчелиная матка, которая гораздо крупнее рабочих муравьев. Может, она даже разумна? Но если так — это совсем чуждый, не похожий на человеческий разум. Слишком уж странно выглядит это существо, слишком нелепо и зловеще. Обычно всегда понимаешь, кого видишь перед собой, ощущаешь, кто это — человек, обычный зверь или мутант. Но сейчас Катя не могла сообразить, чувства смешались.

Монстр зашагал к ней. Девушка повернулась, наткнулась на костяной горб, схватила серп, швырнула в мутанта и побежала.

* * *

Луч фонарика метался, выхватывая свисающие с потолка туши — настоящую коллекцию представителей фауны Зоны. Катя поворачивала, обегая их, пригибалась, прыгала из стороны в сторону. Она так и не разглядела толком, кто бежит за ней, но про себя назвала преследователей матками. Их было с полдесятка, конечности глухо стучали о пол, щелкали суставы. Девушка бежала быстрее — самки тушканов постепенно отставали.

Пещера сузилась, превратилась в коридор, изгибавшийся длинной пологой дугой. Жилы-ленты на своде исчезли, бежать стало легче, больше не нужно было лавировать между тушами.

Но и матки, добравшись до этого места, будут двигаться быстрее.

Она бежала, тяжело дыша. Во рту пересохло, а фляга давно опустела. Голод тоже давал о себе знать.

Коридор круто изогнулся — и Катя вылетела в небольшую пещеру. Остановилась, лихорадочно оглядываясь. Тупик! Впереди — пологая стена, покрытая грязной слизью. Что это такое, куда она попала?! Девушка подняла фонарик. Скользя по стене, луч осветил метрах в трех над головой круглое окно, прореху в слизистой стене. Топот маток стал громче. Сунув руку в подсумок на ремне, Катя пригляделась. Ржавая жесь, филенки, ручка... Дверь! Там, за слизью, была обычная подвальная дверь.

Она достала из подсумка гранату и швырнула в проход, где появились твари. Вспышка высветила уродливые тела, по стенам пещеры заматались тени. У Кати было еще две гранаты, и этого не хватит, чтобы справиться со всеми. Сжав фонарик зубами, Катя выхватила нож, вспрыгнула на стенку — и соскользнула вниз. Залезть можно, но на это потребуется время, которого нет...

Швырнув вторую гранату, она упала на колени. Теперь рвануло у самого входа, от стены над ним откололся большой кусок бетона, рухнул вниз и частично перегородил проем.

Скинув с плеча лямку рюкзака, Катя распустила ремень, перехлестывающий контейнер, рванула целлофан. Тот не поддавался — крепкий, она специально такой выбрала. По-

лоснув ножом, девушка взрезала его, сунула в прореху пальцы, шелкнула фиксаторами и сделала то, чего не делала уже давно: распахнула крышку.

И увидела, что клубень стал заметно больше. Раньше он был размером с кулак, а теперь вырос вдвое. Кожица приобрела другую фактуру, немного поменялась форма.

А потом из глубин Зоны к ней устремился ВЗГЛЯД.

Она закричала — призывно и угрожающе, злобно, требовательно... и беззвучно. Это был мысленный крик, крик о помощи: *Хочешь, чтобы я пришла?! Чтобы клубень попал к тебе? Ничего не получится — меня сейчас убьют! Я навсегда останусь в этих подземельях, тушканы сожрут меня или матки разрежут на части, а твой клубень исчезнет, пропадет навсегда. Ты слышишь меня, Хозяин?!*

Из коридора доносились приглушенные звуки. Ее мысленный крик улетел вдаль, отразился, вернулся эхом...

Что-то беззвучно лопнуло в голове — и вокруг Кати развернулось ментальное пространство Зоны.

Девушка вскрикнула от неожиданности. До того она находилась в узкой комнатенке, в тесной кладовой — а теперь стены мгновенно разошлись, исчезли, и Катя очутилась посреди огромного поля под беззвездным небом, темного, но полного жизни.

Она слышала чужие мысли.

Черное поле населяли множество существ. Неземные ветры дули над ним, несли шепот сотен тысяч голосов. Некоторые были едва слышны, другие — совершенно бессмысленны, но третьи — более явные, четкие. Вот псевдоплоть, бормоча всякую абракадабру, бежит вдоль лесной опушки, вот хор голосов — стая слепых собак трусит по улице заброшенного поселка. А этот угрюмый злобный бас — старый матерый кровосос, устроивший засаду двум сталкерам, идущим к Темной долине. В темноте двигались тени, хлопали крылья, шелкали клыки, скрипели когти о камень и дерево. Катя так же ощущала и мысли людей, их ментальные голоса были куда более ясными, хотя тех, кто находился дальше, разобрать было труднее.

Зато неподалеку она расслышала холодный скрипучий голос. Это же Болотник! А рядом кто это возле него? Ну да,

Анчар! Что-то не в порядке с Командором, внутри него горит огненный шарик, багрово-красный, безумный, он рассылает импульсы, которые постепенно выжигают сознание старого наемника. Что это за маленький огненный клубок, откуда он? Она не успела понять — отвлеклась, ощутив сдвоенное сознание синхронов, формой напоминавшее гантель: два шара, соединенные ментальным стержнем. А вот Хохолок — совсем простой разум, мерный рокот на одной ноте. Они недалеко, идут медленно, Кирилл с Нешиком ранены, Командор ведет их на северо-восток, в сторону Припяти. Если она выберется отсюда, то сможет догнать отряд.

Кате казалось — прошли минуты, но время в ментальном пространстве движется иначе, и в реале миновало не больше пары секунд.

А потом в безбрежной тьме, окутавшей ментальную Зону, она разглядела Хозяина.

Он не шептал, как другие, — его мысленный голос звучал подобно реву.

И он был не смутной тенью, пробирающейся во тьме, — но темной башней, исполинским силуэтом, который высился над всей округой.

Когда он заговорил, ураганный ветер пронесся над полем, разметал тени, взвихрил тьму.

СПАСИ АРТЕФАКТ!

А ты спаси меня! — прокричала она в ответ.

Видение темного поля начало гаснуть, физический мир медленно проявился перед глазами, как фотография, поступающая на пленке. Перекрывший вход в пещеру кусок бетона закачался, фонарик осветил уродливые головы над ним. Катя швырнула третью гранату. Бетонная глыба накренилась.

Она захлопнула крышку контейнера. Щелкнув фиксаторами, затянула ремешок. Вскочила, повернулась и вонзила нож в слизистую стену над головой.

Граната позади взорвалась.

Клинок пробил твердое основание под слизью. Упираясь ребристыми подошвами, девушка подтянулась, нащупала скользкий бугор, напоминающий бородавку, поднялась еще выше. Отзвуки взрыва за спиной смолкли, донесся стук, он

быстро приближался — монстры были прямо за ней, она не успела.

А потом что-то произошло.

Ей показалось, что из пещеры на мгновение высосали весь воздух. И не только из пещеры. Некто, находящийся в глубине Зоны, тот, кого она называла Хозяином, вдохнул — а потом выдохнул. Во все стороны от него покатились круговая волна, достигла Лиманска, прошла по нему.

Волна эта была приказом, командой, какую хозяин отдает своему псу.

И пес услышал его.

Катя понимала, что за время, пока она находилась под землей, Мгла успела приблизиться — но она не знала насколько. А теперь преследователь прыгнул вперед, как собака на дичь.

Смертельный, гнетущий ужас упал сверху, просочился сквозь щели и прорехи, проник во все мельчайшие отверстия в земле и бетоне.

Позади раздался стон. Человек не мог бы так застонать — он напоминал скрежет, какой издает железо, если им с силой провести по стеклу.

Полившийся от Мглы ужас чуть не сбил Катю со стены, но она была готова — сцепила зубы, зажмурилась и поползла, вонзая нож в мягкую стену, нащупывая бугры-бородавки, подтягиваясь, переставляя ноги. Внизу что-то дергалось, стонало, билось в истерике. Катя не оглядывалась. Чтобы как-то справиться с ужасом, она про себя громко пела песню о моряке, который слишком долго плавал — ту, что они с Глебом любили в детстве, — повторяла раз за разом один и тот же нехитрый куплет, стараясь думать о прошлом, о жизни до того, как ее брат и жених пропали в Зоне.

Уже почти достигнув круглого окошка, она кое-что поняла. Мглу — чем бы она ни была — послал Хозяин. И послал за ней, за Катей. Он имеет огромную власть — но только здесь. Находясь за Периметром, клубень был для Хозяина вне досягаемости, но как только артефакт пересек Кордон, он решил — зачем Кате тащить клубень в глубину Зоны? Пусть лучше это сделает Мгла — нагонит отряд, уничтожит, завладеет клубнем и отнесет ему...

На мгновение ей показалось даже, что она понимает сущность Мглы, перед мысленным взором мелькнул какой-то образ — вполне знакомый, никакой мистики и теней во мраке... Мелькнул — и пропал, оставив по себе мучительное ощущение простой, но так и не познанной тайны.

Она достигла круглой прорехи, перчатками счистила слизь с ручки, поковырялась ножом в замочной скважине, наконец сумела раскрыть дверь и вывалилась в подвал. Впереди была короткая лесенка и тускло озаренный проем над ней. Вскоре Катя очутилась в длинном кирпичном коридоре с рядом запыленных окошек, сквозь которые виднелся внутренний двор магазина.

Через минуту она была на улице. Мгла находилась где-то неподалеку, за домами. Кате казалось, что в голове горит костер — нет, множество костров, от них валит черный дым, заполняет сознание, из него выглядывают ужасные злобные морды. Незнакомые твари шипят и скалятся, они близко, совсем рядом, они тянут к ней костлявые руки.

Едва сдерживаясь, чтобы не заорать, Катя побежала в противоположную от Мглы сторону. Дважды она падала, едва не наткнулась на электру, потом чуть не подорвалась на mine, лишь в последний момент заметила тонкую лесу и перескочила через нее. На пути попадались трупы, по большей части обьеденные снорками. Через пару кварталов девушка остановилась над телами двух долговцев, лежащих возле джипа со спущенными шинами. В нескольких метрах поблескивала белым аномалия под названием «молочный пузырь». Рядом с одним долговцем валялся АКМ, в сумке на ремне была граната, запасной магазин и жестянка с патронами.

К этому времени поток бьющего из-за домов ужаса уменьшился. Хотя задерживаться надолго все равно нельзя — Катя не знала, атакуют ли тушканы Мглу, когда та подползет ближе, но была уверена: даже если это произойдет, с незванным гостем им не справиться. Сейчас Мгла определит, что Кати больше нет под землей, поймет, что девушка направилась на северо-восток, — и повернет за ней.

Все же она забралась в кабину джипа и позволила себе пять минут отдыха.

Отзвуки ментального шепота тысяч существ до сих пор эхом гуляли в ее голове. Катя знала, куда пошли наемники. Вскоре они будут вынуждены остановиться на привал, ведь Кирилл с Нешиком ранены. Она сможет нагнать их.

Вот только захотят ли они дальше идти с ней?

Захотят, если пообещать им больше денег.

Но даже в этом случае они потребуют объяснения. Все давно поняли, что это не рядовая экспедиция, что Мгла целенаправленно преследует отряд. Может, Хохолку и все равно, что происходит, но остальным — нет.

Не важно, решила Катя, я что-нибудь придумаю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДВА СТАЛКЕРА

ГЛАВА ШЕСТАЯ СКРЫТЫЙ ГОРОД

1

Плохо уходить от погони, когда бензин на нуле. Из-за этого чувствуешь себя как-то неуверенно.

Внешние видеокамеры броневика давно не работали. Я посмотрел в зеркало заднего вида и сказал:

— Теперь их три.

Напарник вцепился в руль и сжал зубы так, что на скулах выступили желваки. Я перевел взгляд на датчик топлива, опять глянул в зеркало — три черных джипа мчались метрах в ста позади — и достал из кобуры «файв-севен».

— Топливо через минуту кончится. Максимум через две. Что делать будем?

— У тебя ствол, — процедил он, напряженно глядя вперед. — У меня тоже. По тридцать патронов у каждого. Еще «калаш» у нас...

— И два рожка к нему, — подтвердил я. — И все, больше ничего нет. Вообще, понимаешь?

— У меня еще граната.

— Да, и нож, знаю. А за нами — три тачки, в каждой по пять монолитовцев. Пятнадцать сектантов, Никита, против двух рожков и двух пистолетов!

— И гранаты.

Я со злости чуть не стукнул его кулаком по башке, удержало лишь то, что напарник на большой скорости вел многотонный бронированный вездеход по дороге, состоящей в основном из ухабов, и мог запросто вылететь на обочину.

— Сейчас они нас догонят, напарничек.

Он лишь мотнул головой в ответ, и тут же воскликнул:

— Домá, Химик! Дома впереди! Там город, наконец-то!

— Мы уже давно городскую черту пересекли, зоркий ты наш, — сказал я, распахивая дверцу.

Покрепче ухватившись за скобу, встал на подножке — ветер ударил в лицо, растрепал волосы. Броневи́к ехал по окраинному заводскому району, мимо выщербленных стен, завалов цемента, чахлах деревьев и рельсов с одинокими вагонами. Сжимая «файв-севен» стволом к небу, я кое-как повернулся, припал к покато́му боку кабины. Поднял оружие, собираясь открыть огонь по лобовому стеклу первого джипа, но в последний момент передумал и нырнул обратно.

— Давай свою гранату!

Никита наклонился, почти прижавшись грудью к рулевому колесу, чем-то щелкнул под приборной доской и достал округлую «грушу».

— Что ты хочешь делать?

Схватив ее, я сунулся за сиденья, к люку.

— Сейчас наверх вылезу, услышишь взрыв — сразу тормози и выворачивай поперек дороги. Там кусты впереди, постарайся так встать, чтобы зад возле них оказался. Я брошу гранату в первый джип и стану по ним стрелять. Если повезет — первый перевернется, и задние в него врежутся. А не повезет... Короче, как встанем — сразу в салон беги, только автомат не забудь. Я тоже туда. Закупориваемся и, пока они пытаются внутрь прорваться, выползаем из люка, который в днище. Между колесами... попробуем в те кусты нырнуть незаметно и сразу ходу отсюда. Спрячемся между домами...

— Во бред! — рявкнул он, не отрывая взгляда от дороги впереди.

— Знаю, что бред! Но другого выхода нет у нас, понял? Всё, давай.

Раньше сразу за кабиной была короткая шахта, где на платформе стояла турель с пулеметом, управляемым из ка-

бины. Ленты к нему давно закончились, да и подъемный механизм вышел из строя, теперь бесполезное оружие лежало в салоне.

Раскрыв дверцу, я залез на платформу, сдвинул люк и выбрался наверх. Броневи́к мягко покачивался, на обочинах мелькали деревья и кусты, за ними были дома. Ветер чуть не снес меня с крыши, я распластался на холодном металле, сжимая пистолет в одной руке, а гранату в другой. Главное — не слететь, когда Никита разворачиваться станет. Прополз немного, кое-как приподнялся на локтях, посмотрел: до джипов с полсотни метров. Стекла тускло-свинцовые, что там внутри происходит, не видно. Значит, сначала граната, потом — держаться покрепче, чтоб не сбросило при развороте, и как только встанем — выпустить по ним весь магазин. И сразу обратно, люк над собой закрыть... Бредовый план, прав напарник. Ни черта у нас не выйдет. Я приподнялся повыше, отвел назад руку...

И увидел, как три черных джипа быстро уменьшаются в размерах — они тормозили.

В первый миг я не поверил своим глазам. Ведь это у нас топливо заканчивается, не у них! Почему они... Поднявшись на колени, стал оглядываться, пытаюсь понять, что заставило преследователей отступить. Вроде ничего необычного вокруг...

Развернувшись, я сунул голову в люк и заорал:

— Пригоршня, они встали!

— Без тебя вижу! — гаркнул он. — А у нас стрелка на ноль легла, вмертвую. Все, мы тоже, считай, встали. Лезь назад давай.

Джипы остановились посреди дороги, в одном открылись дверцы, наружу выбрались три плечистых мужика в черных комбезах. Постояли, глядя нам вслед, и полезли назад. Первая машина развернулась, ее примеру последовали остальные.

Впереди на дороге блеснули молнии — электра. Закрыв люк, я метнулся в кабину и упал на сиденье, поджав ноги. Преимущество «Малыша» в том, что многие аномалии, смертельные для человека, он может на скорости преодолеть. Только это и позволяло нам раскатывать по Зоне, хотя, конечно, не по всей — вокруг ЧАЭС, к примеру, или в некото-

рых других местах аномалий слишком много, чтобы проехать по ним даже в броневом вездеходе. Да и район Радара в машине не очень-то пересечешь. Но по обычной территории, которую сталкер-пешеход преодолевал, допустим, за сутки, постоянно кидая перед собой гайки и замирая от каждого шороха, мы прокатывались часов за пять. Это отнюдь не делало всю Зону доступной для нас, но давало большие преимущества. Хотя вообще-то Зона на три четверти — сплошная область непроходимости, вернее, непроездимости. Нам-то ездить позволял пробиватель пространства, возможность сокращать путь через пузыри, но обычным транспортным средствам передвигаться здесь куда сложнее, потому-то их в Зоне так мало.

Электра была совсем близко. На полу кабины именно для таких случаев расстелены резиновые коврики, но я все равно поджал ноги, продавив задом сиденье. Напарник свои копыта пятьдесят второго размера тоже поднял, хотя руль, обтянутый толстой резиной, не выпустил.

«Малыш» проехал по электре, как асфальтовый каток по медузе, — раскатал ее, раздавил энергетическое ядро аномалии. Треск, за окнами скользнули молнии, тусклые зигзаги зазмеились по лобовому колпаку — и аномалия, разрядившаяся на многотонную машину, осталась позади.

Я опустил ноги, отдал напарнику гранату. За лобовым колпаком поблескивала грязь. Дорога шла между оградами из бетонных плит и стенами ангаров. Стояла холодная весна, на деревьях только-только проклюнулись первые листья, по ночам температура падала до нуля.

Броневик постепенно замедлял ход.

— Вон! — Пригоршня крутанул руль, направляя машину к раскрытым воротам большого железного ангара. — Туда нам. Давай, родимый, давай! Не тормози, немного осталось, еще чуток, милый...

Прежде чем выветрились остатки топливных паров, Никита успел въехать в ангар и поставил броневик на ручной тормоз в начале пологой горки, которая заканчивалась обширной ямой в земляном полу.

— Всё? — спросил я, выпрыгивая на подножку с «файв-северном» наизготовку. — Доездились. Говорил тебе: менять его надо было, на стволы менять и боезапас!

Пригоршня в ответ что-то пробормотал, но я не стал слушать, схватил наш последний автомат, АКМС со складным прикладом, спрыгнул и побежал к дыре в стенке.

В ангаре было тихо и тепло, из-под далекого потолка свисали полотнища воздушной паутины. Вокруг ямы — горы перемешанного с песком сухого цемента, между ними кучи жестяных листов и досок. Судя по всему, здесь много лет никто не бывал.

— Ну что? — донеслось из кабины.

Я осторожно выставил в дыру ствол, затем высунул голову, осмотрелся. С одной стороны вдоль дороги тянулись рельсы и стояли ржавые вагоны, с другой высилась бетонная ограда завода. Пришедший в упадок окраинный городской район был давным-давно заброшен.

— Все портится со временем, но с разной скоростью, — сказал я, отворачиваясь.

— Что там? — повторил напарник, выглядывая в приоткрытую дверцу.

Вновь забравшись на подножку «Малыша», я ответил:

— Уехали. Кровосос их знает почему. Развернулись и уехали. Никого вокруг нет, вообще. Пусто и тихо.

Пригоршня завозился в кабине, скрежетнул чем-то, потом тоже вылез на подножку. Мы переглянулись через лобовой колпак и не сговариваясь посмотрели вверх. Воздушная паутина — лохматые мягкие простыни, сотканые из белесых нитей, — образовывала горы и долины низко над нашими головами. В ней поблескивали черные капли размером с кулак. Непроницаемо черные — они казались дырами в пространстве, ведущими во вселенную вечной ночи. Слезы мрака, вот как мы называли их, когда увидели впервые. Никита поднял руку, осторожно сунул в одну слезу палец — тот исчез, будто в банке чернил.

— Не надо, — сказал я.

— Да они безопасные.

— Не знаем мы этого. В тысячу слёз засунешь палец — и ничего, а на тысячу первый его там кто-то откусит. Или сожжет. Или кислотой разъест. Или он просто исчезнет... прекращай, короче.

Он опустил руку. Положив автомат на сиденье, я спрыгнул и медленно пошел прочь от броневика, прислушиваясь.

В ангаре и вокруг стояла тишина, не слышно ни щебета птиц, ни шороха, ни шелеста — ничего.

— Слушай, что это за городишко такой? — спросил напарник. — Никто ничего не говорил ни о каких городах в этом районе.

— А ты много знал людей с севера Зоны?

Он почесал лоб.

— Не-е. Болотник вроде здесь бывал. И Бегун хвастался, что как-то проходил мимо, еще до того как со Свободой связался. Ну и Лохматый, по-моему...

— Ну и почему так мало людей отсюда? — уточнил я.

— Как это — почему? — удивился он. — Потому что южная Зона в сравнении с северной — как эта... Как лужа против океана. На севере вообще ходить нельзя, здесь аномалий целые поля, а еще, говорят, зыбь огромная в несколько километров площадью. Это недавно, после того взрыва... Ну, то есть после катастрофы перестроилось что-то, и мы сюда смогли проехать.

Я заключил:

— Ну вот ты сам на свой вопрос и ответил. Город этот на севере Зоны расположен, вокруг — сплошные аномалии, сюда долгие годы никто подойти не мог. Потому-то о нем и неизвестно ничего. Может, это «ящик» бывший, закрытый секретный город? Пока что мы только одно точно знаем — на краю города завод, не то цементный, не то кирпичный. Наверное, чтобы со стороны стройматериалы не возить, секретность не нарушать. Ты говорил, до армии на кирпичке подрабатывал?

Никита нырнул обратно в кабину, а я забрался на кучу цемента, стараясь не цеплять головой воздушную паутину, выпрямился во весь рост и медленно повернулся кругом, обозревая ангар.

— Ну и чё? — спросил он снизу.

Я сказал:

— Железо, дерево. Песок. Цемент. Больше ничего. Топливу настал окончательный капут?

— Окончательный. Ни капли. Ну это ничего, я его... — Вновь раздался лязг, броневик качнулся. — Я его с ручника сниму, и он вниз покатится, там опять заторможу. Засыплем, завалим — никто не найдет.

«Малыш» почти целиком занял яму, вершина оказалась как раз на уровне пола. Никита напоследок включил рацию, мы услышали шипение и писк сигнала SOS, идущего на нескольких волнах. Он стал сильнее, как и ожидалось, — мы находились возле источника.

Взяв последнее оружие, воду и спецпайки, забросали броневик жестью и досками, сверху насыпали песка. Никита все время вздыхал, а я хмурился. «Малыш» стал поводом для серьезных разногласий в последние дни, когда нас упорно преследовал отряд монолитовцев, и мы уходили от них сквозь опасности северной Зоны. После катастрофы пользы от броневика оказалось немного: топлива не достать, а установленный на машине пробиватель, благодаря которому мы могли проникать в небольшие пространственные аномалии-пузыри, перестал действовать. Кажется, все пузыри просто рассосались, хотя точно мы этого не знали. Поэтому некоторое время назад я и сказал Пригоршне: найдем скупщика и обменяем броневик на оружие и еду. Пешком от «черных» легче будет смыться: спрячемся, затеряемся в лесах. А то «Малыш» приметный слишком. Вон у нас один на двоих автомат остался с двумя рожками, два пистолета, сотня патронов и нож... И граната. Это ж псевдоплоти на смех! Но напарник не соглашался, ведь когда-то завести такой «вездеход-броневичок» было его небесно-голубой мечтой. Теперь-то, правда, он мечтал о другом, но лишаться «Малыша» все равно не хотел.

Мы присели возле дыры, чтобы контролировать улицу, достали спецпайки и принялись есть. Самая большая проблема даже не топливо — оружие. Автомат, пара ножей, пара пистолетов, граната... ну куда это годится? Тем более что пистолеты — не проверенные «Макаров» или «ТТ», а довольно-таки экзотические. Никита недавно разжился фраерским турецким «зиганом» с вычурными листовными узорами на стволе, невесть какими путями попавшим в Зону. У меня был бельгийский «FN Browning Five-seven Tactical» с магазином на двадцать патронов. К слову, патроны эти, чей калибр соответствовал названию пистолета, особые, с остроконечной пулей, которая достигает скорости что-то под семьсот метров в секунду. Кевлар пробивает с двухсот метров. Сдела-

ны машинки из сплошных композитов да полимеров, поэтому они легкие, и металлодетекторы их не секут.

Плохо лишь то, что достать патроны трудно. Хотя пистолет мне все равно нравился, даже больше, чем напарнику его «зиган». Я вытащил «файв-севен» из кобуры, повертел в руке. Под стволом протянулись узкие направляющие, на которые можно повесить фонарик или лазерный целеуказатель. Жаль, специального фонарика у меня нет, а лазер сломался пару дней назад, и я его выбросил. Зато предохранитель на «файв-севен» прямо над спусковым крючком, легко сдвигается большим пальцем — очень удобно.

— А я даже рад, что мы в северную Зону заехали, — объявил напарник. — Сколько можно на том пяточке топтаться? Темная долина, Свалка, Агропром, Склады, Янтарь, Радар... А теперь хоть что-то новое.

На краю города было тихо. Вечерело, солнце трусливо спряталось за крышами заводских корпусов, и небо на западе покраснело от стыда за него. Хорошо хоть заморозки прошли, еще вчера вечером было ощутимо холоднее. Я вспомнил, как после катастрофы мы выбрались из-под башенного охладителя Чернобыльской АЭС, и каким необычным, незнакомым, тревожным показался нам окружающий мир. Зона будто умерла тогда — и родилась заново, восстала из пепла, как феникс. Часть старых аномалий исчезла, появились новые, со своими свойствами и особенностями, излучаемая ими энергия вкуче с обычной радиацией наверняка вскоре приведет к появлению новых мутантов. Мы тогда вернулись к броневику, я забрал деньги из тайника, потом кое-как завели машину, дотащились до брошенного колхоза, где нашли старую тракторную мастерскую, — и просидели там с месяц, тихо ремонтируя «Малыша», не высываясь, отрезанные от всего мира. По рации толком ничего не удавалось поймать: шипение да неразборчивые переговоры военных. Мы не знали, что происходит вокруг, догадывались только, что Зона увеличилась и в ней начался хаос, война всех со всеми. Иногда до колхоза доносились взрывы и стрельба, несколько раз мимо пролетали вертолеты, дважды вдалеке проезжали военизированные колонны. Но мы были будто на другой планете. В подвале под колхозным магазинчиком обнаружился склад с консер-

вами и сухарями, а в подполе дома, принадлежавшего скорее всего председателю, нашлись мешки с крупой, сахаром и мукой, банки с соленьями и маринадами. Большая часть всего этого сгнила, покрылась плесенью или забродило, но кое-что осталось съедобным. Так мы и жили в сельской идиллии, которую нарушали лишь периодически забредающие на огонек мутанты да то и дело возникающие на территории колхоза аномалии, — а вокруг что-то грохотало, шумело, в мире происходили какие-то важные, опасные события... Мы ничего не знали о них. К новой консистенции воздуха мы привыкли, странный *мучнистый* свет, льющийся теперь с неба, тоже больше не удивлял. Казалось, после катастрофы в мире что-то безвозвратно изменилось — но человек привыкает ко всему, и теперь новые особенности окружающего стали для нас вполне обычными, будто так всегда и было.

Мы отъелись, растолстели. У Никиты появилась одышка. Починили «Малыша» — настолько, насколько позволял инвентарь и скудные запчасти колхозной мастерской.

А потом поймали сигнал SOS.

Он шел с севера — упорный, настойчивый... и какой-то тоскливый. Кто-то явно нуждался в помощи и взывал ко всем, кто мог услышать. Это длилось три дня, и в конце концов напарник сказал: «Не могу больше. Будто ребенок рядом кричит, жалобно так. Поехали, поглядим, что там». Я, конечно, стал возражать, но не слишком настойчиво — мне, как и Пригоршне, уже надоел этот колхоз. Мы отъехали к востоку, поймали сигнал еще раз, вычислили направление и направились к источнику.

И на вторые сутки за нами погнались монолитовцы.

— Нет, не понимаю я, что к чему, — заявил напарник, откусив от брикета сушеного мяса. — Они ж преследовали упорно, как... почему вдруг отстали?

Черные ехали следом почти целый день и взяли нас в клещи: два джипа двигались слева и справа от «Малыша», лишь немного отстав, еще три нагоняли сзади. Дважды мы ускользали от них, потом сумели взорвать мост вместе с парой машин и таким образом задержали погоню на несколько часов — а иначе она закончилась бы на подступах к этому городку, до ангара мы бы не добрались.

Пригоршня сплюнул, вытер губы ладонью.

— Ведь странно получается: они нас в город загнали, а сами въезжать не захотели.

— Вот это меня и беспокоит, — ответил я. — Нет, вроде специально черные нас не оттесняли сюда, хотели именно догнать. Но так получилось, что, смываясь от них, мы в этот городок забрались... а они заезжать не стали. Почему? Тут что, так опасно?

Не сговариваясь, мы выставили в дыру головы, окинули взглядом высокую ограду, здание заводской администрации и корпуса цехов. Со всех сторон грязь, битый кирпич, бетон и ржавчина. Унылое место, серое и тихое.

— Все равно надо топливо найти, ну и того, кто сигналы подавал, конечно, — сказал напарник. Не прекращая жевать, он задрал голову и стал разглядывать воздушную паутину. Кадык ходил туда-сюда по широкой шее, мерно двигалась мощная челюсть.

Хлебнув из фляги, я тоже посмотрел вверх. Слезы мрака медленно ползали по нитям, перетекали, струились...

— Может, они живые все-таки? — предположил Никита. Я возразил:

— Ну, тогда уж скорее вся паутина — живой организм. Но медлительный очень, как растение.

Напарник даже перестал жевать, вглядываясь в черные пятна над нами.

— А слезы, что ли, его плоды? — уточнил он наконец. — Как яблоки?

— Не знаю. Может, органы. Корни, которые он запустил в разные пространства. И держится за них.

— Межпространственное растение? — поразился Пригоршня. — Ну это ты загнул!

Я молча доел, бросил в песок обертку жвачки, вдавил каблуком и направился к ржавым воротам. Никита потопал за мной. Мы сдвинули скрипящие створки, отошли, разглядывая ангар снаружи. Старый, покосившийся, сплошные дыры и ржавчина — вряд ли кому в голову придет, что внутри что-то ценное. А если и заглянут туда, увидят воздушную паутину, бестолково качающуюся на сквозняке, да цементно-песочные завалы, и больше ничего.

— Нормально, — решил напарник, вешая автомат на плечо. — В безопасности он тут. Чего ты такой унылый, Химик?

— Потому что нет у меня никакого желания по городу этому шастать, — ответил я. — Что это за место странное? Никогда тут не был — и еще бы столько же не бывал.

— Ну так постараемся не задерживаться. По улицам прошвырнемся, топливо раздобудем, попробуем найти того, кто помощи просил, может, поможем ему — и сразу на юго-восток, в объезд, а потом напрямик на юг, к новому Кордону. Черные-то отстали от нас, а? Это же хорошо, радоваться надо! А у новой Зоны по-любому где-то должна быть граница, разве нет?

Мы понятие не имели, где теперь заканчивается Зона, но надеялись, что рано или поздно достигнем границы. Главное, не попасться на глаза кому-то, кто знает: это мы привезли к ЧАЭС устройство, которое, сработав, впрыснуло в биосферу Земли информационный вирус — яд, изменивший весь мир. Ведь остался в живых Касьян, который мог разболтать, что к чему, да и Картограф, и вон монолитовцы...

— По улицам прошвырнемся, — повторил я. — Вроде на прогулке в парке. Откуда ты знаешь, что на этих улицах есть, какие опасности? Никита, это чужая, незнакомая нам территория. Почему-то ведь монолитовцы сюда не захотели соваться.

Отойдя немного от ангара и еще раз убедившись, что преследователи исчезли, мы перебежали к старенькому «уазу», лежащему на боку в грязи. Я присел возле колеса с автоматом наизготовку, а Никита залез на машину и оглядел окрестности. Напарник лучился энтузиазмом, горделиво расправив спину и широко расставив ноги, будто капитан у мачты корабля, — радовался счастливому избавлению от погони. А вот мне происходящее совсем не нравилось.

— Что видно? — спросил я, уныло взирая на него снизу.

— А ни хрена! — жизнерадостно отвечал он и сел, свесив ноги. — Сплошные цеха вокруг. Где-то здесь топливо должно быть, нутром чую. Вон там вроде самый высокий домина стоит. Дальше по улице и налево. Давай на крышу его залезем, оттуда уже внимательно все рассмотрим. — Он похлопал по биноклю, висящему в чехле на шее. — Если

здесь заводы, то должен быть и автопарк — а там и топливо. Надо только понять, где гаражи. Э, а вон цветок на той стороне, только сейчас заметил.

Спрыгнув, он взял у меня автомат, обошел «уазик» и показал. Вглядевшись, я кивнул. Эта аномалия и вправду напоминает ромашку: прозрачно-золотистый диск на столбе дрожащего воздуха. Ядро может находиться на разной высоте, от трех до двух десятков метров, и достигать размеров холма. Заметить диск просто, особенно в пасмурный день, только для этого следует глядеть не перед собой, но вверх. А стебель увидеть нелегко. Стоит человеку вступить в него, как он ломается, исчезает — и диск падает на жертву.

Цветок как-то влияет на гравитацию. Действие ядра идет вверх и вниз невидимыми конусами: когда оно висит на стебле, один конус направлен к земле, а второй — к небу, первый увеличивает силу земного притяжения, второй ее уменьшает, причем чем старше аномалия, тем больше. Длится это не так уж и долго, затем аномалия «умирает», то есть разрушается и пропадает, но человек к тому времени, смятый весом собственного тела, превращается в кровавую лепешку на дне ямы, образовавшейся под цветком.

— Ладно, — сказал я. — Он далеко и ничем нам сейчас не угрожает.

Пригоршня быстро пошел по тротуару вдоль бетонной ограды, где грязи было поменьше. Я достал «файв-севен» и двинулся следом, уточнив:

— Одна только поправочка, напарник. Ты сказал: «Если здесь заводы, то должен быть и автопарк», а это не так. Здесь *были* заводы. Теперь-то они не действуют. И автопарк у них тоже *был*. И никакого топлива давно не осталось, все растащили, это уж наверняка.

Никита вместо ответа ускорил шаг, а затем побежал, так что и мне пришлось поспешить. Раздалось хриплое карканье — первый звук, свидетельствующий о том, что в округе есть жизнь. Вскоре мы увидели и саму птицу: в грязи посреди улицы лежал труп, на груди его стояла ворона, точнее, ворон — здоровенный, лохматый, черный, с могучим клювом и блестящими безумными глазами. Он сосредоточенно ковырял человеческое лицо. Когда мы приблизились, ворон оторвал-

ся от этого увлекательного занятия и уставился на непрощенных гостей. Никита перешел на шаг, потом остановился. Ворон склонил голову, искоса разглядывая нас. Глаза его мрачно посверкивали.

— Чё он пялится? — хмуро спросил напарник.

Ворон переступил с ноги на ногу, растопырив крылья, взобрался мертвецу на лоб и опять хрипло каркнул — будто выругался, злясь, что какие-то типы появились в его владениях и вылупились на него почему зря. Потом наклонил голову и долбанул мертвеца клювом в щеку, вырвав кусок мяса.

— Ах ты гнида крылатая! — обозлился Никита, рыская взглядом вокруг в поисках чего-нибудь, что можно швырнуть.

— Спокойно, напарник, — сказал я. — Он нас не трогает, мы его тоже. Пошли дальше.

Ворон вонзил клюв в глазницу и поелозил там, будто что-то перемешивал. Никита крикнул, наклонившись, потянулся к торчащей из грязи коряге. Я тоже не выдержал — громко хлопнул в ладоши и гаркнул на ворона:

— Невермор!

Крылатый некрофил перестал ковыряться в глазнице и вновь уставился на нас. Что-то очень мрачное, безнадежное было в черной лохматой птице, стоящей на голове мертвеца с куском человеческой плоти в клюве. Огромный ворон и труп казались символом новой, преобразившейся после катастрофы Зоны.

Никита уже почти дотянулся до коряги, когда я сказал:

— Замри!

Он, конечно, тут же последовал совету и застыл, только зрачки двигались.

— Что, Химик? — прошептал напарник.

— Ничего не чувствуешь?

Ворон громогласно каркнул и развернулся к нам задом, то есть хвостом.

— Почувствовал, — произнес Никита и медленно распрямил спину. — Вот теперь только... Вон она!

Я и сам увидел посреди улицы ленивый водоворот, вернее — грязеворот.

— Что это такое? — прошептал я. — Никогда такой штуки не видел.

— И я... — Он поднял автомат, целясь в аномалию.

— Это какая-то новая, Пригоршня. Совсем новая, в старой Зоне таких не было. И что-то у меня... — Я замолк, пытаюсь описать свои ощущения. — Такая у меня...

— Дрожь такая по всему телу, — подсказал он. — Но не эта... не физическая, потому что на самом деле не трясешься, а вроде как психическая дрожь. А?

— Что, и у тебя тоже? — удивился я.

Обычно Пригоршня глух к патогенному излучению аномалий и предпочитает полагаться на детекторы да на напарника, то есть на меня. Увы, наш детектор в кабине «Малыша» давно сломался, и починить его было невозможно без запчастей, которые мы не могли достать.

Не опуская автомат, напарник попятился вдоль ограды.

— Ага, и у меня, — подтвердил он. — Вроде напряжения такого... черт знает, не разберу, но как-то муторно на душе стало. Ты видишь, над ней дымка? Не нравится мне это, Химик. И дрожь сильнее теперь... будто нервы кто-то шиплет, как струны. Пошли отсюда быстрее.

Воронка медленно вращалась, в воздухе над ней клубилось марево, но не дым или пар, а что-то стеклистое, поблескивающее. Напряжение усилилось, у меня уже дрожали пальцы, а еще почему-то похолодели мочки ушей, будто к ним приложили лед.

Черная птица презрительно каркнула нам вслед.

— Ворон и его воронка, — прошептал я.

Осторожно, чтобы не вспугнуть эту странную аномалию, не спровоцировать ее на что-нибудь — один Картограф знает, на что именно, — мы двинулись дальше по улице, опустив оружие. Стволы бессильны против аномалии, это же не мутант какой-то, и целиться в нее ни к чему. Руки тряслись все сильнее, да к тому же начали слезиться глаза. И запах... а, так вот потому они и слезятся!

— Никита! — сдавленным голосом просипел я. — Чуешь?

Он кивнул, не оборачиваясь.

— Навроде тухлые яйца, Андрюха. И еще — здоровенный нужник. И будто сдохло что-то... Причем прямо там, в нужнике. Слушай, чем это несет, а?

— Сероводородом, вот чем. Но откуда... — Я замолчал. Воронка закружилась быстрее, дымка над ней сгустилась. Хотя мы миновали аномалию и теперь постепенно удалялись от нее, меня все еще пошатывало, слабость разливалась по телу.

Ворон, громко каркнув, поднялся над улицей и полетел прочь.

— Да что происхо... — начал Никита, поворачивая голову вслед, и гут аномалия сработала.

2

Пространство над воронкой лопнуло, и невидимая кольцевая волна раскатилась вокруг. По грязи побежала рябь; когда волна достигла края дороги, нас толкнуло на бетонную ограду — будто невидимый великан с размаху ударил теннисной ракеткой. Никита с криком врзался в бетон, распластался по ограде, прижимаясь к ней животом, грудью, лицом. У меня подогнулись колени, я свалился на мягкую землю, ногами попав в грязь. На мгновение все вокруг исказилось, а потом из аномалии вылетела выдра.

Сам я их раньше не видел, но напарник столкнулся с ними в подземельях под Свалкой и много чего нарасказывал, так что я сразу узнал в существе именно этого мутанта. Длинное доснящееся тело, кривые лапы, плавники-крылья по бокам, вытянутая зубастая пасть...

Расправив крылья, она с визгом поднялась выше. Казалось, какая-то сила сорвала ее с того места, где она находилась только что (быть может — в тех самых подземельях, где выдр впервые повстречал напарник?), перебросила сюда, и тварь не меньше нашего удивлена происходящим.

Но в отличие от человеческого ее мозг мог поместиться в сигаретной пачке. Совсем примитивный, он не был способен на длительное изумление и растерянность, зато бездумной звериной агрессивности в нем было хоть отбавляй.

Следом появилась еще одна, за ней другие. Первая заложила крутой вираж, чиркнув кончиком плавника по грязевой поверхности, устремила к нам.

Мы начали стрелять одновременно.

Никита дал длинную очередь, «перечеркнув» морду выдры, а заодно и тела нескольких летящих следом. Я вогнал две пули в отвисшее брюхо.

Несколько мутантов на скорости врезались в грязь, забарахтались, визжа и хлюпая. Кровь смешалась с черной жижей, твари месили ее лапами, а над ними летели те, в которых мы не попали. Аномалия еще пару секунд извергала их, после колыхнулась и пропала. Стеклистая дымка исчезла, воронка разгладилась.

— Ходу! — крикнул Никита, перекидывая ремень автомата через голову, но я схватил его за воротник и дернул назад.

— Не успеем! Через забор давай!

Убегать вдоль ограды смысла не было, она тянулась в обе стороны метров на сто, вплотную примыкая к зданиям заводской администрации. Выдры явно летели быстрее, чем мы бежали, они нагонят нас куда раньше, а патронов не хватит, чтобы расстрелять их всех.

Упав на колени и уперевшись ладонями в бетонную ограду, я приказал:

— На спину! На спину лезь, потом руку подашь!

Тяжелый ботинок опустился между лопаток, второй уперся в плечо, я крикнул, горбясь, напрягая мышцы, чтоб не растянуться на краю улицы под весом напарника, который, между прочим, выше меня на голову, шире в кости и килограммов на пятнадцать тяжелее...

Визг нарастал, я спинным мозгом чувствовал зубастые пасти позади себя.

— Химик!!! — раздалось сверху.

Не оглядываясь, я вскочил и подпрыгнул, выбросив руки над головой. Напарник растянулся на вершине ограды, протягивал ко мне правую. Пальцы вцепились в запястье, он потянул, я заелозил подошвами по бетону.

— Осторожно! — заорал он.

Повиснув на одной руке, я развернулся и увидел выдру, которая мчалась, будто крылатый таран, собираясь вонзиться вытянутой мордой мне между ног. Никита, кряхтя и сопя, втаскивал мое брненное тело на ограду, я же сделал единст-

венное, что пришло в голову: резко поднял ноги, будто хотел крутануть «солнышко» на турнике.

Никакого «солнышка», естественно, не получилось, но тварь врезалась в бетон немного ниже моего зада. Свободной рукой я успел выцарапать из кобуры пистолет, вскинул его, хотя стрелять из такого положения было совсем неудобно. Две выдры неслись прямо на меня, но тут сверху раздался хриплый выдох — и напарник могучим рывком вздернул меня выше. Сам он при этом повалился за ограду, я же уселся на нее, будто какой-то отошавший Шалтай-Болтай, взмахнул руками, с трудом балансируя, съезжая...

Вторая выдра врезалась в бетон, третья и четвертая, вереща, повернули морды кверху. Я выстрелил в оскаленную пасть, мир провернулся перед глазами, мелькнула ограда, небо, мои ноги, и я свалился спиной в кусты, растущие по другую сторону.

— Подъем, пионеры! — Надо мной склонилась фигура, схватила за плечи и дернула.

Голова закружилась, качнувшись, я, словно влюбленная девушка, припал к широкой груди напарника. В ушах еще стоял треск кустов, копчик болел, в поясище поселилась тягучая боль.

— Быстро, быстро!

На ограду взлетела выдра. Упав на одно колено, Никита вскинул автомат и засадил короткую очередь ей в голову.

То и дело оглядываясь, мы побежали по усыпанному мусором и битыми кирпичами двору. Несколько выдр перебрались через забор, вновь раздался визг, шелест и хруст веток. Впереди стояло длинное приземистое здание с рядом проемов — и вдруг я увидел бредущего мимо человека.

В первый миг я решил, что это зомби — слишком уж механически, монотонно переставлял он ноги, одежда давно превратилась в рвань... Но нет, не похож, у них обычно кожа другого цвета, запавшие глаза, гнилые зубы.

— Берегись! — проорал Пригоршня незнакомцу, ныряя в широкий проем.

Мы очутились в просторном помещении, заставленном электрокарами-погрузчиками. Под стенами высились штабеля поддонов, с потолка свешивались обрывки кабелей. Я на-

конец сообразил, что это был за человек. По лицу напарника было видно, что и он только сейчас понял: мы увидели двойника — то есть дубля, шатуна!

— Но откуда здесь... — начал Никита удивленно, приостанавливаясь.

Его прервал визг — выдры достигли шатуна и с ходу набросились на него.

— Дальше давай! — пропыхтел я, обгоняя напарника.

Петляя между погрузчиками, мы пересекли здание, выскочили сквозь пролом на другой стороне, перебрались через кирпичный завал, обежали склад. Взобравшись по земляному склону, миновали еще одну изгородь и тогда наконец остановились. Визг мутантов стих вместе с хлопаньем плавников. Я присел на корточки, обернулся. Никита наклонился, уперевшись руками в колени, тяжело дыша.

— Вроде оторвались, — сказал он.

— Похоже на то. — На всякий случай я пока не убирал «файв-севен» в кобуру. — Эти уродины не конкретно за нами гнались, просто напали, потому что мы на их пути оказались.

— Не фигово за бензинчиком сходили, а? — Он выпрямился, оглядываясь. — Что это за штука была, Химик? Это же... это не аномалия, а какой-то телепорт!

Я посмотрел по сторонам. Рядом высился заросший деревьями склон, дальше были склады и огромная стена одного из заводских корпусов.

— А помнишь аномалию, которая с оком срослась? — спросил напарник. — Ну та, в бункере на военной базе, через которую нас в Долину забросило?

— Помню. Но эта воронка на нее не похожа совсем. Вообще аномалии меняются со временем, срачиваются, модифицируются...

— Мутируют то есть.

— Ну да. Может, у них такой же естественный дарвиновский отбор, как у живых организмов. Сильные пожирают слабых, но и сами при этом меняются... Не знаю, короче. Отдышался? Пошли. Выдры, наверное, сейчас станут расползаться по территории, незачем на открытом месте торчать.

— Идем вон к тому цеху, — решил Никита. — Это то самое, высокое, про которое я говорил. Все равно мы хотели на крышу залезть и осмотреться, гаражи поискать.

— Это ты хотел, — возразил я. — Ладно, идем быстрее, темнеет уже.

Мы стали спускаться по склону, настороженно оглядываясь. Выдры не появлялись, люди тоже.

Внизу стена цеха была глухой, лишь на третьем этаже начинался ряд решетчатых окошек без стекол. Мы пошли в обход.

— Вроде потрескивает что-то, — сказал Пригоршня через несколько шагов, когда до угла здания оставалось всего ничего.

По двору расплзлись тени, стало прохладней — близился вечер. Судя по всему, нам предстояло заночевать на этом заброшенном заводе.

Завернув за угол, Никита хрипло прошептал:

— Мать моя Зона...

Между складом и трехэтажной кирпичной башней, стоящей возле заводского корпуса, протянулась воздушная паутина. Такую большую я еще не видел, она напоминала облако, спустившееся с неба и повисшее между домами, низко над асфальтовым двориком. Я даже не сразу признал в ней порождение Зоны, ставшее за последние дни хорошо знакомым, — нити имели непривычный синеватый оттенок.

К тому же обычная паутина не опасна, она лишь жжет кожу, если к ней прикоснуться, но не более. А эта...

— Ты видишь то же, что вижу я? — спросил Никита.

Я видел. По краям аномалию усеивали слезы мрака, на середине они собрались в черный маслянистый шар метрового диаметра. Из него торчала нижняя часть тела. Человек был жив: его ноги двигались, хрустя облепившими голени синими нитями.

— Да он же идет! — понял Никита.

Мужчина действительно пытался идти — шагал, не двигаясь с места, как марионетка, запутавшаяся в нитях.

— Что-то там в этом шаре поддерживает его жизнь, — сказал я. — По крайней мере на чисто физиологическом уровне.

Человек висел высоко над потрескавшимся асфальтом, в самом центре паутинного кокона, достать его не было никакой возможности. Пригоршня сказал:

— Не добратья нам до него никак.

— И не надо, — ответил я. — Пусть висит. Ты ж на крышу хотел?

— Ага, вон тем путем...

Вдоль стены корпуса до самой крыши тянулась железная лестница. Я покачал головой.

— Она простреливается со всех сторон.

— Да кому тут по нам стрелять?

Я глянул на него, и Никита почесал шрам на лбу.

— Ну ладно, ладно. Тогда вон видишь трубу?

Метрах в десяти над асфальтом от вершины кирпичной башенки к цеху шла труба-коридор с узкими окошками. Напарник стал пояснять:

— В башне была мастерская, ну и еще начальники бригад там сидели скорее всего. А на верхних этажах — раздевалки. Коридорчик этот — чтоб работягам не надо было спускаться, и они могли сразу в цех пройти и с энтузиазмом за работу взяться. Так вот давай в башню, по коридору тому — и в цех.

— Зачем нам в цех?

— Затем, что там наверняка несколько лестниц на крышу ведут. Такие, которые не простреливаются.

— Кто его знает, что в том цеху, — неуверенно возразил я.

— Химик, вечер уже! — повысил он голос. — Надо подняться и оглядеть окрестности, прежде чем на ночлег устраиваться, а ты тормозишь.

— Потому что мы на незнакомой территории. А к башне этой воздушная паутина прицепилась, да еще и странная какая-то...

— Паутина снаружи, а мы внутри пойдем. Не бойсь, нормально там поднимемся. Идем, короче.

Я беспокойно озирался. Вокруг все неподвижно, тишина, лишь жертва огромной слезы мрака, повисшей в хитросплетениях паутины, однообразно двигает ногами, хрустят протянувшиеся от них нити. Интересно, что видят глаза этого несчастного? Если вообще видят что-нибудь...

Мы подошли к башне. Никита опустил на одно колено сбоку от двери, вдохнул и резко повернулся, выставив в проем ствол. Я пригнулся с другой стороны, вытянув руку с пистолетом.

— Никого, — тихо сказал он.

Взгляду открылся полутемный предбанник. Слева — дверь с покосившейся латунной табличкой «КОМНАТА БРИГАДИРОВ», впереди лестница, справа проем. За ним виднелось помещение, где стояли станки. Один из них работал.

— Это мастерская там, — сказал Никита. — Слышишь, гудит?

Входить не хотелось, но все же мы прокрались к дверям мастерской. Станки стояли двумя рядами, все неподвижны, кроме одного, в котором крутилось, повизгивая, длинное сверло. Оно будто наматывало на себя воздух, закручивая в мастерской большой ленивый смерч. Сунувшись внутрь, я ощутил постоянный ровный сквозняк, некоторое время прислушивался к внутренним ощущениям, затем попятился вместе с Никитой. Черт его знает, что означают этот сквозняк и этот станок, который, кажется, даже ни к чему не подключен. Может, ничего опасного, а может, и наоборот.

Медленно водя стволом автомата из стороны в сторону, напарник добрался до лестничной клетки, подался вперед, заглядывая.

— Нормально, Андрюха. Идем.

Я нагнал его, мы стали подниматься по ступеням. Миновали второй этаж с раздевалками — и посреди третьего лестничного пролета Никита ахнул.

Он вскинул автомат и начал стрелять, присев на корточки, да так резко, что не удержался и упал на спину. Очередь, прочертив полосу по потолку над верхней лестничной площадкой, смолкла. Я к тому времени уже лежал на боку под перилами, вытянув кверху руку с пистолетом. Но не стрелял — пялился во все глаза на черную мягкую сферу под потолком и на торчащего из нее человека, который тянул к нам руки, извивался, разевая рот, вращал безумными глазами, полными боли и ужаса, беззвучно стонал, умоляя спасти...

Никита наконец сообразил, что рожок опустел, судорожным движением выщелкнул его, что-то мыча, сунул руку

под куртку, рванул, с мясом вырвав какой-то ремешок, наконец достал другой магазин.

— Тихо, тихо! — Я поднялся на колени, продолжая целиться вверх. — Эй, напарник, расслабься и получай удовольствие. Не стреляй, говорю! — Подавшись к нему, я дал ему подзатыльник. Голова мотнулась, подбородок Никиты ткнулся в грудь, он сглотнул и наконец более-менее пришел в себя. Со свистом выдохнув воздух, уселся по-турецки, не опуская автомата, уставился на жуткую картину.

Голову, руки и торс мужчины облепила мутно-прозрачная пленка, похожая на крепко сросшиеся нити воздушной паутины. Изумрудная, поблескивающая, цветом она напоминала брюшко навозной мухи. Человек до сих пор дышал, казалось, что он видит нас, что именно из-за нашего появления он стал дергаться, тянуть руки и разевать рот в немом крике. Жертва черного шара содрогалась так, будто испытывала немилосердную боль и ужас, но при этом не издавала ни единого звука.

— Тот же самый! — прошептал Никита. — Тот, ноги которого мы снаружи видели... Его слезы по пространству размазали.

Поднявшись, я сделал осторожный шаг, потом еще один. Мужчина задергался сильнее. Отсюда виднелся проем коридора, соединяющего башенку с цехом, — до него осталось с десяток ступеней, не больше, но чтобы попасть туда, надо пройти под черной сферой на потолке и торчащим из нее получеловеком. Я прикинул расстояние... до меня он не дотянется, а вот по макушке напарника может мазнуть пальцами.

— Пригнешься? — спросил я, делая еще один шаг.

— Я-то пригнусь... Но надо ж ему помочь как-то.

— Как?

Мы почти достигли верхней площадки и уже видели весь коридор, который заканчивался полутемным проемом в стене цеха. Мужчина извивался, бился в припадке. Еще шаг — и он изогнулся, мучительно скривив рот, затянутый изумрудной пленкой. Язык бился о тонкую преграду, безуспешно пытаясь прорвать ее.

И Никита не выдержал, решил прекратить мучения бедняги. Я не успел ничего сделать — вскинув автомат, он дал короткую очередь.

Пробив пленку и лицо под ней, очередь поднялась выше, раздробив челюсть, пули впились в шею. Мужчина замер, руки повисли. Никита перестал стрелять. От мертвеца к бетону протянулся длинный красный сгусток — вроде и кровь, но густая, как машинное масло. Нижний конец коснулся пола.

— Не надо было... — начал я, и тут черная сфера раздалась вширь, будто вздохнула, втянув в себя человеческий торс. Он исчез из виду, а шар лопнул, разбрызгав темные капли. Пахло озоном. Раздался громкий хлюп, словно полный воды целлофановый пакет с высоты упал на асфальт. От того места, где раньше висела сфера, вниз устремился клокоцущий поток темноты.

Густой пенящийся мрак пролился сквозь башню. Сопровождаемый волной озона, я рванулся вниз одновременно с Пригоршней, а вокруг все плыло и качалось. Мрак разъедал материю, как серная кислота органику. Ступени прогибались, перила изогнулись змеями, потолок просел. Ручьи извергнувшейся из сферы темноты клокотали вокруг нас.

Я прыгнул к двери. Вылетев наружу, споткнулся и покатился по асфальту. Кирпичная башня оплывала, будто кубик сливочного масла на сковородке. Висячий коридор сломался, половина его торчала из стены цеха, вторая упала на башню и смешалась, срослась с нею. Кирпичи меняли форму, кладка текла. Окна изгибались, словно рты призраков в немоном крике.

— Никита! — Я вскочил, увидев, что входная дверь превратилась в извилистую щель. Бросился к ней, не зная, как помочь напарнику, но тут он вырвался из прорехи, врезался в меня и опрокинул на асфальт.

Мы отползли подальше и сели, ошарашенно глядя на башню. Она кренилась, по стенам сползали комья и растекались блином у основания. Верхушка изгибалась под собственным весом, окна стягивались, как быстро заживающие раны, внутри что-то булькало, мягко перекачивалось, вспухало и лопалось.

Прилипшая к постройке воздушная паутина ходила волнами, колыхалась, как марля на ветру. Никита пихнул меня локтем в бок и показал в ее центр — нижняя часть человеческого тела, свисавшая из черной сферы, исчезла.

Вскоре все закончилось. Мрак впитался в башню и пропал, строение застыло. Теперь оно напоминало рисунок Сальвадора Дали — что-то изогнутое, в потеках, сюрреалистическое. От окон остались извилистые щели, крыша как шмат теста. Асфальт вокруг застыл волнами.

Солнце давно село, приближалась ночь. Оперевшись о плечо Никиты, я встал. Напарник тоже поднялся, и тут только я заметил его автомат, вернее, железный приклад, торчащий из-под сплющенного основания постройки.

— Никита, — сказал я. — Ты ствол бросил.

Он что-то проворчал и опасливо засеменил к башне, протягивая руку.

— Не надо, — сказал я вслед.

— У сталкера было десять любовниц за Периметром, но любил он только свой АКМ, — пробормотал напарник.

— Прекращай, говорю.

— Да ладно, — откликнулся Пригоршня, наклоняясь. Ухватившись за «пятку» на конце приклада, потянул сначала легко, потом сильнее... Исковерканная постройка будто сглотнула, сверху вниз по поверхности прокатилось вздутие, похожее на кадык.

— Отпусти его! — завопил я, но было поздно.

Никита дернул и отскочил с оружием в руках. Раздалось громкое ФУХХ! В сгушающихся сумерках я разглядел, как края рыхлого блина, которым стало основание башни, приподнялись, выпустив поток насыщенного озоном воздуха, и с мягким хлопком упали на асфальт. От того места, где раньше был автомат, к нам покатилась волна искажения: асфальт плавился и лопался, с шипением выпуская потоки газа.

— Идиот! — завопил я, бросаясь прочь, и чуть не ударился грудью о нижние ступени пожарной лестницы, протянувшейся к крыше цеха. Обернулся — Никита бежал следом — и полез.

До крыши было далеко, подниматься пришлось долго. Волна, достигнув стены, помедлила, будто в раздумье, и по-

ползла вверх. Огромные бетонные плиты лучше противостояли аномальной энергии, а вот лестница под нами стала вытягиваться двумя колбасками.

Быстро темнело. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, в коленях неприятно шелкало, ныли запястья. Порыв ветра чуть не сбросил меня, я навалился на низкий парапет, перелез. Развернулся — Никита был парой метров ниже, полз, обратив вверх искаженное от усилий лицо, спасенный автомат качался за спиной, и лестница под напарником уже почти исчезла, он взбирался словно по двум валикам теста.

Пригоршня схватился за бетонный край, я вцепился в его воротник. Лестница вытянулась парой толстых нитей, качнулась — и полетела вниз, чтобы через несколько секунд с мягким хлопком упасть на асфальт в виде бесформенной кучи.

Ноги напарника закачались в воздухе. В полутьме я едва различал бетонную стену цеха, асфальт метрах в тридцати и выпученные глаза Никиты.

Я помог ему переваливаться через край, и мы растянулись возле парапета.

— Идиот! — повторил я. — Чуть не угробил обоих. Говорил же — брось его!

— Да как же — «брось»?! — зашипел он в ответ. — Сколько у тебя патронов осталось к «пять-семь» твоему?

— Двадцать!

— А у меня к «зигану» — тридцать! Как мы без «калаша»? К нему хоть два рожка еще есть!

— Не спасут нас эти два рожка, — проворчал я, поднимаясь.

Никита встал на парапет и осмотрелся. Я сделал то же самое, но порыв ветра заставил нас спрыгнуть обратно.

Толком уже ничего было не разглядеть. В центре бетонного прямоугольника крыши стояла надстройка с приоткрытой дверью — и больше ничего здесь не было. Заглянув в будку, я направился к другому краю крыши; Никита обошел ее по периметру и вскоре оказался рядом. Ветер налетал порывами, было свежо и влажно — кажется, вот-вот пойдет дождь. В темноте едва виднелись заводские корпуса, из-за ближайшего лился ровный тусклый свет.

— Что это там светится? — спросил Никита.

— Не знаю, — сказал я. — И знать не хочу.

— Главное, ты на это посмотри!

Он показал направление, и я увидел огонь прожектора далеко слева. Должно быть, он горел на другой стороне утопающего во мраке городка. Узкий конус света то обращался к небу, то скользил по земле и домам вокруг.

— Да кто ж здесь засел, в этом городишке? — изумился Пригоршня. — Откуда электричество у них?

Мы слышали сухой хрустящий рокот.

— «Вертушка», — сказал напарник. — Химик, слышишь? Вертолет! Прячемся!

Мы бросились к надстройке, Никита рванул дверь. Железные петли застонали, с них посыпалась ржавчина.

Присев под стеной будки, мы выглянули в дверной проем. Рокот стал громче, над крышей возник ослепительно белый луч, скользнул по краю и протянулся куда-то вниз, к земле. Вертолет летел быстро, луч двигался, выхватывая из мрака фрагменты крыш и стен. Необычный хрустящий рокот начал стихать, и вскоре луч погас, хотя перед глазами еще долго плавала огненная полоска.

— Улетел, — сказал Никита. — Какой-то звук подозрительный. Очень уж тихий для «вертушки». Так, ладно. — Он уселся на рваное тряпье под стеной, вытянул ноги и положил автомат на колени. — Во-первых, пожрать надо. Во-вторых, обмозговать ситуацию.

Пока напарник доставал спецпак, я вытащил из кармана жилета фонарик, включил и положил на пол.

— Нечего тут обмозговывать, — сказал я, срывая крышку с консервы. — Мы ничего не понимаем, вот и все. Мало информации.

— Нет, ну почему, — заспорил он. — Во-первых, воздушная паутина. Она тут какая-то не такая, плюс слезы на ней...

— Та здоровая слеза превратилась в телепорт, — сказал я. — Но такой... узкоместного толка, что ли.

— Да, правильно. Одна половина мужика была в одной точке пространства, другая — в другой, неподалеку. И при этом его не разорвало на части, а как бы... как бы растянуло.

И еще новая аномалия, воронка. И еще мы знаем: в городе этом, из которого сигнал SOS идет, есть военные.

— Не обязательно. «Вертушка» может какому-нибудь клану принадлежать.

— Да чё-то сомнительно.

— Скажем так: в городе есть кто-то, кому под силу подерживать вертолет в рабочем состоянии и доставать к нему топливо. И вряд ли сигнал посылали они. Думаю, кто-то еще здесь прячется. Если только сигнал о помощи — не ловушка. Да, и кстати, мне показалось, что действие этого мрака, который всё подряд растворяет, похоже на действие зыби. Может, он и есть зыбь, только модифицированная, изменившаяся после катастрофы?

— Может, и так. И еще, Химик. Здесь есть шатуны.

Я кивнул. Это мне не нравилось больше всего: двойников, судя по всему, создает Ноосфера, хотя зачем — неясно. То ли таким способом она исследует людей, то ли у нее какая-то иная цель. Раньше шатуны возникали во время выбросов из ЧАЭС. Остаться во время выброса на поверхности нельзя, аномальная энергия сожжет мозги — ты либо умрешь, либо обезумеешь. Но иногда человек не успевает или вообще не имеет возможности спрятаться, таких Ноосфера и копирует, хотя не всех. Оригинал, как правило, погибает, его копия — или дубль, или двойник, или шатун — возникает в произвольном месте Зоны. Хотя мы слышали как минимум про одного оригинала, который не погиб: сталкера по кличке Болотник. Вернее, мы были знакомы с Болотником-копией, который утверждал, что убил своего оригинала, зарезал его, не разобравшись, кто это такой.

Так или иначе, шатуны возникают после выбросов. И с каждым днем их становится все больше, будто сила Ноосферы растет. Двойники не нападают, если не напасть на них, только защищаются, но все равно — мне они кажутся самыми опасными созданиями Зоны, есть в них что-то очень чуждое, нечеловеческое, по сравнению с ними двухголовые химеры или полтергейсты кажутся домашними канарейками и котятами. Ну, в крайнем случае — тараканами и крысами, но все равно привычными, родными даже.

— Никита, — сказал я, — мы про шатунов практически ничего не знаем. Только то, что их, по словам Картографа,

Ноосфера создает, а зачем — неясно. Точно так же мы не знаем и то, есть ли шатуны в городе или нет.

— Но мы же видели!

— Одного только. Может, он случайно сюда забрел. И его выдры растерзали наверняка. Короче: завтра надо со всем разбираться.

— И еще монолитовцы! Почему они вдруг отстали от нас, почему в город не захотели соваться?

— Надоело гоняться за нами? — предположил я, зевая.

— Фигня. Что-то их остановило, не просто так они тор-мознули, какой-то в этом смысл есть. А то что выходит? Вначале была погоня, а потом монолитовцы исчезли, и всё, и забудем про них? Не-е... — Он завёл глаза к низкому потолку, вспоминая, и шелкнул пальцами. — Во! Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить.

— Ружья сами не стреляют.

Напарник покрутил головой, морща лоб, но так и не нашелся, что ответить. Мы помолчали, думая каждый о своем. Закончив есть, он вышел наружу и вскоре постучал в приоткрытую дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Сова, открывая, медведь пришел.

— Перестань паясничать, — ответил я, — мы не одни, на нас смотрит всевышний.

— Выйди, глянь, что это там мерцает.

Покинув будку, я встал рядом с ним у парапета.

— Где, не вижу?

— Да вон, на крыше бункеровочного цеха.

— И что это за цех такой?

— Эх ты, а еще институты кончал...

— Правильно, — согласился я. — Потому-то и не знаю, как работает кирпичный завод и что за бункеровочный цех. Я их не для того кончал, чтоб на кирпичке потом вкалывать. Это ты у нас рабоче-крестьянский класс...

— И тем горжусь! — перебил он, сжал могучий кулак и напряг бицепс. — Видел это? Не то что интеллигентишки всякие занюханные, плюнешь в такого — он и упадет. А тут кровь с молоком, сила. Я — соль земли.

— Йодированная?

— Короче, слушай, умник: кирпичи делают из глины. Глину экскаватор загребает из глиняного карьера, дальше конвейер ее доставляет в первый цех, где стоят такие вальцы, цилиндры то есть. Они вращаются, комья глины с конвейера на них сверху сыплются, вальцы их дробят. Мелкая глина летит вниз, на другой конвейер, и по нему попадает в первую печку, где ее сушат. Из этой печки она идет в бункеровочный цех, там эти самые бункеры, здоровенные отстойники. А от туда ее распределяют на прессы.

— Какие еще прессы?

— Такие еще прессы, которые из этой глины штампуют кирпичи. Сырые кирпичи. Их складывают на платформы, закатывают во вторую печь и там обжигают. Получается нормальный кирпич, желтый или красный. А еще есть силикатные, но это уже другое дело, то есть другая технология.

— Ладно, понял. Значит, бункеровочный цех вон там? — Я показал на огромный бетонный куб с большими окнами, стоящий на другой стороне двора.

— Точно.

Теперь и я заметил мерцающее кольцо примерно на середине крыши.

— Не знаю, что это. Ладно, все равно сейчас оно нам ничем не угрожает, далеко слишком.

Мы вернулись в будку, Пригоршня включил фонарик и подошел ко второй двери. Выяснилось, что она ведет на лестницу, но спуститься там невозможно: верхний пролет завален шлакоблоками, а дальше лестницы просто нет. На далеком полу цеха среди обветшалого оборудования громоздилась гора обломков — по какой-то причине бетонные пролеты обрушились.

Выйдя наружу, мы переглянулись. Никита вновь осмотрел периметр крыши, я же влез на будку, встал во весь рост, широко расставив ноги — ветер усилился, — и медленно повернулся кругом. Тишина, ночь, мерцают блеклые огни, светит прожектор на другом конце городка. Зона раскинулась вокруг чернильным озером, огромным и опасным.

Когда Никита вернулся, я спрыгнул и опять залез в будку.

— Химик! — позвал он, но я не ответил. Собрал часть тряпья, сделал лежанку, улегся и закрыл глаза.

— Андрюха! — Он сунулся внутрь.

— Ну?

— Пути вниз нет!

— Да ты что? То-то я гляжу: пути-то вниз нет...

— Смеешься?! — окрысился он. — Тебе все издеваться! Мы спуститься не можем, понимаешь?! Застряли! Вообще никак — нигде ни лестницы, ни черта!

— Да понял я, понял, — сказал я. — Плакали наши задницы.

— Не, ну не помирать же тут с голоду! — Он полез внутрь, зацепился курткой за ржавую петлю, выругался сквозь зубы.

— Спать надо, — сказал я. — Утро вечера, может, не мудренее, но хотя бы светлее.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

1

Меня разбудил голос напарника.

— Химик, подъем, быстро! Посмотри, что там.

— Что-то опасное?

— Да, да, очень!

— Круто.

Я перевернулся на другой бок, зевнул и закрыл глаза. Никита всегда был ранней пташкой, а я люблю поспать, хотя в Зоне обычно не очень-то разоспишься. А он как бы ревновал к этой моей способности сладко дрыхнуть по утрам и из вредности разными способами пытался разбудить.

— Нет, ну ты погляди!

Раздались быстрые шаги — он пошел прочь от будки.

— Химик! — донеслось вскоре. — Сюда, говорю, иди!

Морщась, я сел, протер глаза. Утренний свет лился в проем, из дыры на месте лестницы шел сквозняк. Я достал

сухарь, съел и запил водой из фляги. Встал, помахал руками, несколько раз присел, разминаясь, глянул на часы: половина восьмого. Ночью я снял кобуру с «файв-севеном», она мешала спать, теперь нацепил ее опять и выглянул, шурясь. Напарник лежал у парапета, свесив голову, смотрел вниз. Автомат рядом, чтобы можно было быстро схватить и открыть огонь. Солнце только встало, небо чистое, серо-голубое, ветерок прохладный дует... хорошее утро, безмятежное, ясное.

Вот только спина у Пригоршни очень уж напряженная. Хотя прямой опасности для нас нет, иначе у него голос был бы другим, да и вообще — он бы меня за шиворот наружу выволок. Оглядевшись, я перебежал от будки к нему, лег рядом и выглянул из-за парапета.

— Что там... Ох ты ж! Мы что, спали возле гнезда шатунов?

Так и есть, хотя правильнее было бы сказать не «возле гнезда», а «над гнездом». Я присмотрелся к фигурам, которые медленно ходили между заводскими корпусами, и спросил:

— Ну и чем они заняты?

Вместо ответа Пригоршня положил на парапет бинокль, отполз от края и сел на корточки.

— Рука затекла, — пожаловался он. Порыв ветра заставил напарника упереться ладонью в бетон. — Чем заняты? Да тем же, чем и обычные люди. Спят, едят, овощи выращивают, трахаются...

— Что, и последнее тоже?

Он ухмыльнулся.

— Нет, это я так, к слову пришлось. Никогда не видел, чтобы шатуны чем-то таким занимались.

— Ну, женщина-двойник может рожать, — сказал я. — Физиология-то у них прежняя, только с мозгами что-то не то.

— Наверное. Да только я ни одной беременной среди них не видел.

— Так ты вблизи их и не рассматривал.

— Почему это? А в подземелье том, где мы с Болотником...

— Это когда было? Тогда вы встретили первые образцы, недоделанные. Эти, — я ткнул пальцем вниз, — совсем другие. Апгрейд, про-версия, можно сказать...

— Какая версия?

— Усовершенствованная. Ладно, не важно. Так, говоришь, овощи выращивают?

— Ага, смотри. — Он опять подполз к краю и показал вправо. — Видишь, огородец там у них? И где-то еще наверняка есть.

На стене склада висела облупившаяся табличка с надписью крупными буквами: ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ, неподалеку стояли поддоны с кирпичами. Асфальт рядом взломан, видна земляная проплешина, расчерченная ровными (мне показалось — идеально, неестественно ровными) грядками. Над ними склонились две фигуры.

— А вон артефактов несколько, — как бы невзначай добавил напарник, показывая вперед.

Я оглядел крыши.

— Где?

— Да вон, на бункеровочной, где ночью светилось, помнишь? Это они и светились. Возле конвейера, заметил его?

Еще бы мне было его не заметить. Квадратная дощатая труба с запыленными окошками, за которыми едва виднелась резиновая лента на валиках, шла вверх от крыши соседнего цеха — наискось, под углом градусов сорок пять к земле. Заканчивалась она метрах в двадцати над бункеровочной, верхушку с бетонной крышей соединяла вторая труба, вертикальная.

Отодвинувшись от края, я выпрямился во весь рост. Вгляделся, ладонью прикрыв глаза от ветра. Вокруг распростерся мир крыш — серые бетонные поля, пустынные и молчаливые. Суховей нес по ним песок, смешанный с цементной пылью.

— Ну и где они? — спросил я. — Где твои артефакты?

— Тебе очки надо. Слышал про них? Хорошо помогают, особенно если надеть.

— Остряк, остряк, — похвалил я. — Молодец, сумел пошутить. Натужно немного, но ничего, терпимо. Так где они, не вижу... А!

Артефакты притаились у основания вертикальной трубы: пять грибов на узких ножках по пояс человеку, шляпка — мягкий кожистый блин, морщинистый, неприятный с виду.

— Незнакомые, — сказал я, приглядываясь. — И расположены подозрительно симметрично, по кругу.

— Ага, это значит, что аномалия между ними, — подтвердил Никита. — Вот только...

— Вот только не видно там никакой аномалии, нормальный бетон. Странно.

Изучив необычные артефакты, я повернулся в сторону конвейера. При одном взгляде на эту штуку начинала кружиться голова — он был по-настоящему высок, вздымался к небесам гигантской буквой «Л». В вышине ветер дул сильнее, и мне показалось, что конструкция слегка покачивается. Хотя простоял ведь он тут не одно десятилетие — и ничего, не рассыпался, не упал.

— Для чего он? — спросил я.

— А там в крыше цеха дыра, в нижнем конце трубы этой вертикальной, — пояснил напарник. — Сквозь нее глина с конвейера падает в печку. Эх, Химик, достать бы нам артефакты. В городке этом, может, скупщики есть.

— Что в нем наверняка есть, так это мутанты и военные.

— Но и скупщики тоже. Пять артефактов, Андрюха! Ты представляешь? Смотри, интересные какие. На топливо бы обменяли.

— Городок брошен, напарник. Кроме военных с вертолетом и того, кто сигнал SOS подавал, здесь, по-моему, никого. А про грибы эти мы ничего не знаем. Какие у них свойства, насколько они опасны? Вдруг к ним и подходить близко нельзя. И еще непонятно, какая аномалия их породила. Кстати, у меня вопрос не совсем скромный — ты уже придумал, как нам спуститься?

— Нет. Что тут придумаешь? Нет вниз ходу! Хотя нижняя часть этого конвейера мимо стены торцевой проходит, то есть рядом с нашим цехом. Если бы перепрыгнуть на нее и по конвейеру к артефактам этим подобраться. Пять штук, эх...

Я лег, положив голову на парапет, и хмуро уставился в ясное утреннее небо.

— Что-то ты не рад, Андрюха, — сказал Пригоршня. — Что случилось?

— Ничего.

— Нет, я ж вижу. Это же артефакты, брат! Ты ж всегда их любил, химичил с ними всякое, потому тебя Химиком и прозвали. А теперь я больше тебя им радуюсь. Что случилось, чего рожа унылая такая?

— Не знаю, — сказал я. — Как-то... невесело мне, надоело. Артефакты, аномалии, бродим туда-сюда... И потом, мы же до сих пор не знаем, как все после той катастрофы изменилось. Может, вся система посыпалась, нет теперь ни скупщиков, ни кланов сталкерских... ни самих сталкеров? Мы как в чулане всё это время просидели, Никита, в подвале глухом, закрытом. А тут еще шатуны эти прямо под нами, а я не люблю их больше, чем... чем кровососов с контролерами вместе взятых.

Усевшись спиной к бордюру, я посмотрел на северо-запад. Там высились холмы, в дымке за ними проступал городской центр, поблескивал в лучах солнца облупленный купол церквушки.

Пригоршня пошел вдоль бордюра, иногда перегибаясь, выглядывая за стену. Пара минут у него ушла на то, чтобы медленным шагом обойти крышу по периметру, и все это время я сидел не шевелясь, прикрыв глаза, подставив лицо солнцу.

— А я не понимаю, за что ты шатунов не любишь, — донесся голос напарника. — Они ж как роботы. Какие-то эти... рефлексы с умениями остались, а остальное... ну, не опасные они, короче, если к ним не лезть.

— Вот именно: «остальное». Что у них в голове, в этом, в остальном? Пустота? Или что-то другое?

Он пожал плечами.

— Кто же знает? Ноосфера разве что, так попробуй спроси у нее...

— Никита, шатуны — главная опасность, которая человечеству угрожает, — сказал я.

— Нет, главная опасность — Зона. Видишь, как она изменилась? И разрослась наверняка. А если еще станет увеличиваться, то вообще всю планету, может, накроет. Или вдруг уже накрыла? Мы ведь не знаем, что вокруг происходит, в остальном мире. Ни связи теперь нормальной, ни черта... Короче, залепит если всю Землю — тогда вообще никакой жизни не останется.

— Правильно, но шатуны где, по-твоему, живут? В Зоне. И если она действительно разрастется на всю планету, то они ее целиком и заселят вместо нормальных людей. Короче, нельзя к шатунам соваться.

— А что будет? — спросил он, встав надо мной. — Они набросятся на меня и изнасилуют?

— О! — Я поднял указательный палец. — Молодец, опять пошутил. Да изящно как, обзавидуешься.

Напарник упрямо мотнул головой.

— А все равно — не опасные они, не агрессивные, если их не задеть, конечно. Пошли, глянешь, что там с этим конвейером.

Шатуны все так же бродили внизу, занятые своими делами. Насколько я знал, они никогда не разговаривали между собой, да и вообще не разговаривали, хотя какая-то связь у отдельных особей гнезда должна существовать, как иначе они координируют действия? Кроме телепатии, на ум ничего не приходило, но тогда возникал вопрос: шатуны ментально слышат только друг друга или находящихся поблизости людей тоже? Если последнее верно, то это делало их куда более зловещими. К примеру, они могли уже знать про двух чужаков на крыше, потенциально опасных для гнезда...

— Вот, гляди.

Мы встали на крыше спиной к городу. Наклонная часть конвейера тянулась мимо, заканчивалась она далеко внизу, в стене небольшого цеха. За ним темнели развалы глиняного карьера, где стоял покосившийся экскаватор. Под ногами полоскалась на ветру воздушная паутина — сплошная белесая поверхность, затянувшая пространство между двумя зданиями. Я спросил:

— Ну и что?

— Перепрыгнуть бы отсюда на конвейер, — неуверенно сказал напарник.

— Ты кенгуру, что ли? Он же далеко.

— Но если разбежаться...

Я прикинул расстояние, отошел к углу крыши, залез на бордюр и пригляделся еще раз.

— Метра на три ближе — можно было бы попробовать, а так... Во-первых — не допрыгнешь. Во-вторых, даже если

допрыгнешь, не сможешь уцепиться, свалишься с этой трубы квадратной. К тому же крыша высокая, падать далеко. Если бы наш цех пониже немного был, тогда еще туда-сюда, а так далеко слишком лететь.

— Так что же делать? — Никита волновался все сильнее. — Химик, ты какой-то спокойный слишком! Заторможенный. Ты, кажется, ситуацию до сих пор не просекаешь. У нас жратвы почти не осталось, воды — полфляги. За сегодня допьем-доедим, и дальше что?

— Все я понимаю, Пригоршня. Я спокоен, потому что бессмысленно из себя выходить.

— Но мы умрем тут, ё! Нет, ты сам посмотри...

— Если бы ты мог хоть ненадолго закрыть эту бездонную грохочущую пропасть, именуемую твоим ртом, я был бы тебе искренне благодарен, — поморщившись, сказал я. — Не шути, мне все обдумать надо.

Он плюнул и пошел назад.

— Давай тогда в будке еще глянем, может, там все же как-то можно...

Возвращаясь, я опять посмотрел вниз. Шатуны бродили по двору между корпусами, кто-то стоял неподвижно, кто-то копался в огороде. Из дверей кирпичного склада показались двое, волочащие тушу — я узнал обезглавленного кабана-мутанта. Шатуны тащили зверя с трудом, вскоре к ним присоединилась еще одна сладкая парочка, и они втянули кабана в ворота бункеровочного цеха.

Когда я вошел в будку, Никита сидел на корточках возле пролома.

— Ну что? — Я устроился рядом. Пол цеха, где громоздилась гора обломков, был далеко.

Напарник лег на живот и велел:

— Придержи меня.

Я ухватил его ремень, он свесился по пояс, кряхтя, изогнулся.

— Что ты видишь, сестрица Анна? — спросил я.

— Ни хрена не вижу. Ни лестницы пожарной, ни карниза... Эй, что это? Вытаскивай меня!

Я потянул, и Никита выбрался обратно, громко сопя.

— Что увидел?

— Ничего не увидел. Я услышал! Ты что, не слышишь?

— Да ты сопишь, как паровоз... А, теперь слышу.

— Это «вертушка»! — Он бросился наружу, и я поспешил за ним. — Та же, что и ночью...

Когда с пистолетом в руках я вывалился из будки, вертолет был уже близко — темный силуэт неся со стороны города.

«Черный крокодил» — детище одного европейского консорциума. Я не слишком хорошо разбираюсь в военной технике, но напарник говорил, что эта машина напоминает КА-50 «Черную акулу» и одновременно смахивает на АН-64Д, известный как «Апач». Главное, что в этой модели от «Акулы», — экипаж из одного человека.

Длинная узкая машина казалась хищным мутантом, помесью ворона и птеродактиля. Фигуру пилота не разглядеть сквозь скошенный фонарь над носовым обтекателем. Лопастей рулевого винта асимметричные, вращаясь, они напоминали размытую букву «Х». Никита как-то рассказывал, что знакомый всем громкий рокот создает в основном именно рулевой винт, и такая форма позволяет ослабить звук, к тому же благодаря асимметричному винту машину можно загружать в трюм транспортного самолета, не снимая лопасти.

Из корпуса выступали тонкие штанги датчиков воздушных параметров, над осью основного винта торчала металлическая тыква радиолокационной станции.

Должно быть, летчик заметил нас издалека — вертолет не просто облетал территорию, он неся к крыше, задрал хвостовую штангу. Мощные лопасти полосовали воздух, тускло поблескивали бронированные бока. Под каждым крылом висело по паре пилонов со штангами-направляющими, между ними виднелись блоки ПТУР — противотанковых ракет «Си Игл Модификат», — а ближе к корпусу блестели на солнце толстенькие цилиндры пусковых установок неуправляемых ракет.

Никита отпрыгнул в сторону, я упал на колено возле будки, вскинул «файв-севен» и выстрелил, хотя это было бессмысленно: броня на кабине выдерживала попадание двадцатимиллиметрового снаряда.

— Прячься! — заорал напарник, позабыв уточнить, куда именно.

В этот момент вертолет дал залп неуправляемыми ракетами. Вспышки, дробный грохот — мы метнулись в разные стороны от будки, свалились под парашютом. Я сощурился, чтоб не ослепило, и открыл рот, чтоб уменьшить нагрузку на барабанные перепонки. Всё, конец, сейчас нас по всей Зоне разметает...

Дымовые шлейфы вспороли воздух. Одна ракета зацепила вершину будки, другие пронеслись низко над крышей, врезались в здание дальше.

Цех содрогнулся, над ним вырос гриб бетонных осколков и дыма.

Почему он пулемет не использует? Решил действовать наверняка, ракетами? Так не вышло же! Я сжался, бросив пистолет, накрыл голову руками, вокруг загрохотали падающие обломки, мелкие камешки забарабанили по спине и затылку. Вертолет тенью мелькнул над нами, на мгновение скрыв солнце, хрустящий рокот прокатился тяжелой волной и схлынул — «Черный крокодил» пролетел дальше. Я вскочил, схватив «файв-севен».

Вместо будки зиял пролом, по другую сторону на ноги поднимался Пригоршня. Он что-то прокричал, но я не слышал. Сунув пистолет в кобуру, побежал вокруг дыры, и вдруг увидел гранату — напарник потерял, когда убежал от взрыва. На ходу подхватил ее и повесил на жилет. Никита был уже рядом.

— Разворачивается!

Я и сам видел: «вертушка» описывала крутую дугу над карьером. Странно, что мы ещё живы — ведь пилот явно на нас охотится. Маневренность у «крокодилов» отличная, но она снижается, если машина несет тяжелую боевую нагрузку, полные контейнеры с НУРСами, фугасную авиационную бомбу, блоки ПТУР и локационную станцию. Неужели пилот из-за этого не справился? Да нет, не может быть. Тогда почему он не попал? Вроде бы на «крокодилах» система наведения должна выдавать голографическую картинку прямо в шлем. Хотя летчик мог использовать обычный прицел — или сетку не подсвечивал, или нарушились функции обеспечения наведения на цель...

Или пилот — лох?

Это в высшей степени маловероятно — в пилоты военных вертолетов олухов не берут, — но я не мог понять, почему он сразу не расстрелял нас из четырехствольного пулемета «ГШГ-Ультра» под обтекателем.

Что бы там ни было, ему понадобились несколько секунд, чтобы повернуть. Я в это время успел заглянуть в прошлое — спуститься было по-прежнему невозможно — и, когда рокот усилился, побежал вслед за рванувшим прочь напарником.

До края крыши оставалось метров двадцать, Никита оглянулся и вдруг завопил, схватив меня за плечо:

— Стоять!!!

Он дернул так, что я упал, и сам повалился рядом.

— Ты что?! — заорал я, а он в ответ выкрикнул:

— Не дергайся!

Мы оглянулись — вертолет был уже над крышей. Должно быть, пилот не ожидал, что мы вдруг остановимся, и потому вновь не попал. Но во второй раз он воспользовался не ракетами в контейнерах, а «Иглой».

Боевая мощность у нее такая, что ракета пробивает броню тяжелого танка. Если бы мы бежали дальше, она ударила бы в крышу у наших ног, и души двух отчаянных сталкеров воспарили бы к небесам, оставив бранные тела внизу, — а так с раздирающим уши ревом «Игла» пронеслась над нами.

Ракета с кумулятивным зарядом и сверхтвердым сердечником, пробив бетон, взорвалась. Сквозь грохот я не услышал крика напарника, но он вновь схватил меня, поднимая навстречу волне раскаленного воздуха. «Игла» долбанула крышу далеко впереди, метрах в пяти от края. Теперь фонтан осколков оказался не таким мощным, ведь там не было будки, лишь бетонная плоскость, в которую ракета вонзилась, как гвоздь в фанеру.

Цех содрогнулся. Мы влетели в облако пыли и дыма, кашляя, побежали сквозь него. Крыша накренилась, и я упал. Всё зашаталось; плохо понимая, что происходит, я попытался уползти назад, но провалился куда-то. Застучали, осыпаясь, куски бетона — и часть здания обрушилась.

Под нами образовалась наклонная крошащаяся поверхность, за краем ее, гораздо ближе, чем раньше, виднелась труба конвейера. Впереди «крокодил» разворачивался в опасной близости от соседнего цеха.

У нас не было времени, чтобы толком разбежаться и оттолкнуться, поэтому важнее оказался вес, а не сила. Никита сильнее меня, но и куда тяжелее...

Я прыгнул дальше.

И упал грудью на трубу — зубы лязгнули, выставленные вперед локти врезались в доски, из глаз посыпались искры. Мгновение я висел, потом стал соскальзывать, но успел забросить ногу и уселся верхом. Напарник, не долетев до конвейера какой-то метр, с ревом зашел на посадку по крутой глассаде — хотя я бы назвал его траекторию не посадочной, а аварийной. Я начал съезжать, улегся, обхватив трубу руками и ногами, скосил глаза, ожидая, что увижу мертвое тело, распластанное на асфальте далеко внизу...

Но там была паутина.

Не знаю, из чего состоит эта странная аномалия. Волокна воздушной паутины прочны — порвав верхние слои, Никита застрял. Забился, проваливаясь локтями и коленями, попытался встать, не смог и пополз. Вокруг качались слезы мрака, скользили по волокнам, будто десятки маленьких черных паучков, со всех сторон приближаясь к огромной жирной мухе.

— Осторожно! — заорал я.

Вряд ли он расслышал: вертолет как раз пронесся над нами.

Пилот не мог предвидеть, что мы прыгнем, рассчитывал накрыть третьим залпом на крыше — и не смог. «Крокодил» исчез за соседним цехом. Никита сумел встать и шел по паутине, как по хлипкому подвесному мостику, раскачиваясь, хватаясь за волокна, то и дело проваливаясь, лавируя между скользящими артефактами. Он задрал голову, увидел меня и тут же рванулся в сторону, когда одна из слез чуть не коснулась его. Впереди висела большая сфера вроде той, что мы видели в башне, она медленно ползла к напарнику.

Я махнул ему, немного съехал и крепче вцепился в доски. До верхнего конца конвейера недалеко, а до цеха, из

которого он выходит, — метров двадцать. Главное, там некуда спрятаться, даже если смогу съехать на заднице — упрусь в стену без окон. А вертолет сейчас разворачивается, чтобы вновь атаковать нас, и на этот раз пилот, если он не полный имбецил, поступит умнее: зависнет в стороне, нормально прицелится...

Глубоко вздохнув, я вскочил и рванулся вверх по наклонной плоскости.

Ребристые подошвы армейских ботинок почти не скользили по доскам, но квадратная труба шла под крутым углом, долго бежать невозможно. Сила земного тяготения вцепилась в меня и потянула вниз, с каждым мгновением все настойчивее. Еще шаг, еще... Рокот нарастал. Еще — хоть немного, хоть пару метров... Ну, давай же! Я уже высоко, ветер свистит в ушах, вертолет налетает сбоку, но до конца конвейера осталось совсем немного...

Скорострельный пулемет на носовой турели загрохотал, и в трубу ударили пули.

Зазвенело стекло, затрещало дерево. Труба содрогнулась, я упал и перевалился через край, взмахнув руками. Стенку возле плеча размоловило в труху. Оконная рама разлетелась щепками, пыльное стекло взорвалось. Повиснув, я отвернулся, чтобы осколки не попали в глаза. Очередь ушла вверх, и вертолет рокочущей тенью пронесся над головой.

Пальцы заскользили. Я качнулся, коленями выбил остатки стекла и пролез внутрь, разорвав куртку.

Узкое наклонное помещение, перекладки-ступени на дощатом полу, резиновая лента конвейера на валиках, местами порванная, лохматая... Пыльно, душно, тепло. Сквозь щели бьют косые желтые лучи.

Равномерный хруст винтов звучал приглушенно. Стоя на четвереньках сбоку от конвейера, я поглядел вниз, потом вверх. До основания, то есть проема в стене цеха, куда погружался наклонный коридор, было далеко. К тому же там темно, не видно, есть ли выход или давно заколочен. До верхнего конца — метров десять, не больше. И все равно — зачем мне туда, это же тупик...

Куртка висела лохмотьями, я снял ее и поднялся, горбясь. Во весь рост не выпрямиться — голова упрется в пото-

лок. Рокот «вертушки» звучал на одной ноте, не стихал и не усиливался. Сквозь проломленное окно виднелась искореженная крыша цеха, где мы провели ночь, с дырой на месте будки.

Под курткой на мне был жилет из крепкой черной кожи, с карманами и ремешками, «файв-севен» висел на своем месте в кобуре на боку. Я завязал рукава куртки на поясе и повернулся, чтобы сбегать вниз, но тут рокот винтов усилился. Загрохотало, трассы очередей прошили трубу ниже меня. Полоса разрывов пошла вверх, взламывая стенку, и я рванулся прочь от нее.

Одно за другим разлетались тусклые стекла. Летели щепки, бронебойные пули навывлет пробивали дерево, за ними из дыр выстреливали пыльные столбики солнечного света. Я бежал, пригнувшись, а труба ходила ходуном, раскачивалась, меня бросало то на стенку, то на конвейер, полоса разрывов догоняла... Последняя пуля пронеслась у самой спины — и все смолкло.

Вернее, смолк грохот «ГШГ-Ультра» и шипение быстро вращавшегося четырехствольного пулеметного блока, но не рокот винтов. Он накатил волной, тень скользнула по трубе — и вновь стало светлее.

Я остановился у конца конвейера. Посмотрел вниз, увидел дощатый колодец и, далеко-далеко, отверстие в крыше цеха.

Рокот вновь стал громче — вертолет приближался.

Растопырив руки и ноги, я спускался по душной трубе. Проникающие сквозь щели лучи расчертили ее тусклыми полосами. Несколько секунд назад «крокодил» пролетел над мной без единого выстрела — кажется, пилот не понимал, где я. Он мог подорвать всю постройку выстрелом ПТУР или залпом неуправляемых ракет, но почему-то не делал этого. То ли боезапас экономил, то ли тот вообще закончился... То ли был уверен, что промахнется? Какой-то бездарный пилот нам с Никитой попался, создается впечатление, что не профессионал, — и это единственное, что радовало в данной ситуации.

Рокот почти смолк, вновь усилился и больше не менял тональности. Вертолет завис где-то неподалеку, но в трубе я не мог понять, где именно.

Я цеплялся пальцами за щели, упирался каблуками в доски, соскальзывал, кряхтел и сопел, как забитый пылесос, кашлял от пыли. Когда преодолел половину расстояния, рокот стал тише. Неужели улетает? Посмотрел вниз — труба немного шире темного отверстия в крыше, там можно будет остановиться, приглядеться к тому, что внизу, и определить, стоит ли спускаться дальше или лучше, выбив доски, пролезть на крышу цеха.

Но действительность, как это часто бывает, быстро внесла коррективы в мои планы.

Раздался громовой хлопок: пилот запустил ПТУР. Взвыл реактивный двигатель, и я прыгнул вниз, скользя подошвами и ладонями по стенкам, всаживая занозы в кожу. Ракета врезалась в верхнюю часть трубы, где она соединялась с конвейером.

Ко мне рванулся клуб огня. Я падал, едва касаясь стенок. Труба качнулась. Подошвы врезались в края квадратного отверстия, я присел, расставив ноги, упираясь в бетон. Внизу было темное пространство — наверное, печка, куда падала глина с конвейера.

Доски изгибались, лопались, стреляя щепками, труба кренилась.

Огонь не добрался до меня, затух по дороге, лишь волна жара лизнула голову. Подавшись вбок, я локтем врезал по остаткам фанеры, нырнул в отверстие и покатился по бетону.

И вскочил, взмахнув руками на краю тусклого свинцового озера, едва выделяющегося на сером бетоне...

На краю аномалии под названием «зыбь».

Я чуть не вступил в нее, а это не привело бы ни к чему хорошему. Отпрыгнул, развернулся — труба наклонилась, как Пизанская башня, которой надоело стоять, и она решила рухнуть на головы горожан.

Так вот что за аномалия создала светящиеся артефакты, мерцание которых мы разглядели ночью!

Теперь я видел их вблизи: мягкие влажные грибы, тонкие ножи, шляпки размером с кулак.

Вертолет летел прямо на меня.

Он мчался низко над крышей, носом вниз, почти цепляя бетон обтекателем. Винт полосовал воздух. Я рванул гранату с ремня, швырнул — пролетев над краем размытого круга винта, она врезалась в радиолокационную станцию. Машинально подавшись назад, я провалился в зыбь. Взмахнул руками, схватился за что-то мягкое, оно оторвалось, сморщилось под пальцами. Граната взорвалась, машину тряхнуло. Меня втянуло до пояса. Я пригнулся, вертолет пронесся над самой головой — и врезался в аномалию.

2

Мне дважды приходилось попадать в зыбь, оба раза спасал напарник. Наверное, так же чувствует себя лягушка, угодившая в банку сметаны. Молотишь руками и ногами по вязкой субстанции, которой под действием аномалии стала обычная материя, пытаешься выбраться — но зыбь не просто утягивает попавший в нее предмет в себя, она к тому же растет, и ты проваливаешься все глубже.

Я погрузился в жидкий бетон по пояс, затем по грудь.

Но вертолет опустился еще глубже. Кабина ушла в зыбь целиком, хвостовая штанга наклонно торчала в небо. Несущий винт тяжело вращался, взбалтывая аномалию — все медленнее и медленнее.

В любой миг зыбь могла застыть, вмуровав меня в бетон. Я рванул к границе аномалии, понимая, что не успеваю — она уже раскинулась чуть ли не на всю крышу, — и тут ноги провалились. Они вынырнули из вязкой субстанции, еще мгновение я колотил руками, не понимая, что происходит, потом сообразил: ну конечно, ведь подо мной крыша, а не земля!

Я нырнул. Кровосос меня побери, никогда не думал, что доведется нырять в аномалию!

Разжиженное вещество стало густеть, сдавливая тело. Вдохнув, я погрузился с головой, изогнулся. Бетон твердел. Голова вырвалась из объятий зыби, я увидел уходящую во все стороны серую плоскость и торчащий из нее нос вертолета.

Внизу был железный мосток с низкими перилами, дальше — полотнища воздушной паутины, еще ниже — громады прес-сов и пол... Я разглядывал цех, *высунувшись из потолка!*

Все правильно, ведь раньше эти аномалии попадались нам на поверхности земли либо в подвалах. Какая у них средняя глубина? Метра полтора, иногда два. А толщина панелей, из которых сложена крыша? Я не знаю строительных спецификаций, но вряд ли они толще метра. Вот и получается, что глубина аномалии превысила толщину крыши...

Зыбь почти застыла, я двигался как сквозь сливочное масло, слегка подтаявшее на солнце. В последнем рывке вывалился из аномалии, рухнул на мосток. Часть утопленных в потолок ржавых крепежных штанг сломалась от удара, и мосток накренился.

Я упал на живот, в груди екнуло. Рукоять торчащего из кобуры пистолета звякнула о прутья. В щелях между ними виднелась протянувшаяся по всему цеху воздушная паутина и пол под нею. Там бродили шатуны.

Почему так жжет левую руку, будто за крапиву схватился? Я скосил глаза — пальцы сжимали какую-то округлую белесую штуковину. Что это за... И тут же понял: шляпка гриба, то есть верхушка артефакта зыби! Когда меня затянуло, я машинально ухватился за гриб, будто попавший в топь человек за растущий рядом куст, и сорвал энергетическое ядро артефакта.

Бросив его, я оглядел ладонь — кожа покраснела. Не хватало еще обжечься или подцепить какую-то аномальную болячку! Впрочем, жжение сразу уменьшилось.

Артефакт упал на краю мостка, закачался на покатоj спинке. В центре розовела сморщенная выпуклость, похожая на большую бородавку, вокруг на лоснящейся поверхности были пупырчатые круги, будто мелкая сыпь.

Другой бы, наверное, оставил эту штуку в покое, отполз от нее побыстрее, но я так не могу. Артефакты, аномалии, всякая мутировавшая растительность вроде волчьей лозы и зеленухи — моя страсть. Шляпка гриба притягивала взгляд как магнит. Сколько мы с напарником гадали, какие артефакты производит зыбь и почему они ни разу не попадались нам на глаза! А тут — вот оно, рядом, только руку протяни.

Хрустнула еще одна из штанг, протянувшийся под толчком огромного цеха мосток со скрипом просел. Гриб качнулся и застыл на самом краю, между прутьями ограды. У меня внутри все оборвалось. Пол тоже из арматуры, но там щели узкие, а вот сквозь ржавый заборчик артефакт может выпасть...

Куртка все еще обматывала пояс, сорвав ее, я вытащил из заднего кармана сверток, сорвал промасленную бумагу, отбросил — на ладони остался зеленоватый мягкий комочек листьев зеленухи. Это одно из аномальных растений Зоны — наподобие волчьей лозы, лохматой лианы или Дерева-Кукловода.

Мосток вновь просел, артефакт качнулся между прутьями — но я уже накрыл его ладонью, на которой лежали широкие круглые листья, как бабочку сачком. Прижал, потянул к себе. Осторожно завернул в листья, потом отстегнул от ремня небольшой контейнер, открыл крышку. Фиксатор там был сломан, крышка болталась, но хотя я и завернул артефакт в зеленуху, все равно лучше таскать его в контейнере, чем просто в кармане.

Поднявшись на четвереньки, я огляделся. Корпус вертолета, торчащий из бетонного потолка, выглядел дико, нелепо — от такой картины могла закружиться голова. Висел он недалеко от мостка, я хорошо видел боковой обтекатель, выдвинутую до предела посадочную фару, турель с «ГШГ-Ультра» и тупоносую ФАБ-100 на пилоне под крылом — стокилограммовую фугасную авиационную бомбу с длинным стабилизатором на конце. То, что она висела под крылом, а не на брюхе, означало, что таких бомб две.

Под мостком колыхалась паутина, украшенная слезами мрака двух видов, большими синими и маленькими черными. Синие висели неподвижно, черные медленно перемещались. С одной стороны мост заканчивался квадратной площадкой, метрах в пяти под ней протянулся еще один мосток, ведущий к бетонному выступу у стены, от которого к полу шла лестница.

Я лег на живот и поглядел между прутьями.

Внизу находилось гнездо шатунов. Воздушная паутина обматывала два огромных прессы для штамповки кирпичей,

в некоторых местах нитей было так много, что они напоминали мутно-белую пленку. Под стеной среди белесых лохмотьев висели в ряд лиловые вытянутые груши, они дышали, разбухая и опадая. Что-то было внутри них — какие-то изогнутые зародыши размером с пятилетнего ребенка, — может, будущие мутанты, химеры или полтергейсты или еще кто? Что, в конце концов, мы знаем о том, как размножаются те же контролеры или кровососы? Кажется, никто никогда не видел самку контролера...

В дальнем углу цеха, возле приоткрытых ворот, в полу было круглое отверстие, из которого торчали изогнутые серые зубья длиной несколько метров каждый. Они почти сходились узкими зазубренными концами, образуя подобие конуса, мне показалось, зубья едва заметно подергиваются. Из дыры снизу лился приглушенный свет, сквозь самую широкую прореху между двумя зубьями туда один за другим уходили шатуны. Сверху мне казалось, что они бродят по залу беспорядочно, бесцельно — и все же в их перемещениях был какой-то непонятный ритм.

Раздался скрип, и мосток просел сильнее. Пора валить отсюда, а то обрушусь вместе с ним в паутину. На моих глазах две штанги медленно выходили из креплений в потолке, струйки ржавчины сыпались с них.

Я привстал. Можно добраться до второго мостка, по нему перебежать к торчащей из стены бетонной плите и дальше спуститься по лестнице.

Стволы пулемета под обтекателем «крокодила» дрогнули. Так пилот жив! Мосток скрипел, кренился все сильнее. Пулемет качнулся, донесся натужный скрип поврежденной при падении турели, и стволы завращались. Черт, черт! Он направлен в ту сторону, куда я собрался бежать, пилот начнет стрелять, как только я окажусь на линии огня...

Я взгляделся в черное бронестекло фонаря. Показалось, что смутно вижу за ним раскоряченную на ремнях в кресле фигуру, голову в шлеме и руки — хотя скорее всего это была лишь игра воображения.

Протяжно заскрипел, мост рывком опустился на полметра, я едва не полетел с него и вцепился в перила. Штанги медленно выходили из потолка, следом летел крошащийся

бетон. Сейчас мосток упадет — а мне некуда деться с него, единственный путь к отступлению перекрыт пулеметом. Подняв «файв-севен», я выпустил две пули в середину фонаря, хотя понимал, что это бессмысленно. Они срикошетили, одна лязгнула о перила, другая взвизгнула над ухом. На броне даже царапин не осталось — а мост еще просел, удерживаться на нем стало совсем трудно, подошвы скользили. Убрав пистолет в кобуру, я схватился за ограждение. Что делать?! Сейчас он упадет, но я не повисну в паутине, как Никита, этот помост — сплошное железо — наверняка порвет ее.

С лязгом предпоследняя штанга выскочила из отверстия. Мой взгляд уперся в турель. Стволы больше не вращались. Что это значит? «ГШГ» не будет стрелять, если ствольный блок не крутится — там что-то сломалось!

Времени больше не было. Я рванулся по наклонной поверхности, съезжая, перебирая руками по ограждению, царапая ладони о ржавый металл. Мосток содрогался; как в замедленной съемке, я видел выходящую из потолка последнюю штангу.

Дверца кабины раскрылась, показался пилот с «Кедром» в руках и сразу открыл огонь.

Пули врезались в мосток, и это его добило — отломившись от последней штанги, он полетел вниз. Перескочив через перила, я боком свалился на нижний помост.

Правую руку пронзила боль, я выхватил пистолет левой. Странный какой-то пилот — из-под шлема торчат длинные волосы, одет в меха... Он уперся локтями в края проема, «Кедр» — небольшой пистолет-пулемет со складным прикладом — болтался на ремне, стянувшем запястье, голова в шлеме свесилась... Мне даже показалось, что пилот мертв, но он вдруг рывком подался обратно в кабину.

Я начал стрелять.

Он тоже.

Но между нашими выстрелами была одна существенная разница.

Я открыл огонь из пистолета, а пилот дал залп ракетами.

* * *

Три дымовых шлейфа прочертили воздух над площадкой, ракеты пробили слои паутины и врезались в дальнюю стену цеха возле приоткрытых ворот.

Трещина зигзагами побежала вверх, расширяясь, повернула — и замкнулась в кольцо. Наружу выпал здоровенный кусок бетона, в цех полился дневной свет, потолок просел.

Я лежал оглушенный, корчась от боли в ушах, прижимая к ним ладони. Из носа текла кровь.

Пилота в кабине защищают броня и шлемофон, а я попал под мощнейший акустический удар — находиться поблизости от стреляющего ракетами вертолета, да еще и в помещении, опасно для жизни. Из-за контузии я оглох, в голове пульсировала боль, сердце глухо стучало. Помотав головой, встал на четвереньки, рукавом вытер кровь с лица, сплюнул. Увидел лежащий рядом пистолет, потянулся к нему, но тут все поплыло, и я упал. Зажмурился, открыл глаза. Взяв пистолет, опять приподнялся.

Пилот в кабине зашевелился, и я дважды выстрелил.

Из проема раскрытой дверцы выскользнул и полетел вниз «Кедр». Провожая его взглядом, я увидел, что обвалившийся мосток порвал лишь верхние слои паутины и повис наискось, одним концом почти касаясь пола. Паутина ходила волнами, слезы мрака раскачивались, иногда отрывались от нитей, падали на далекий пол и лопались, пуская фонтанчики черного ничто. На моих глазах один артефакт свалился на голову шатуна, залил его кислотным мраком — фигура начала оплывать, как свеча, укорачиваться... ноги без торса стояли еще несколько секунд, потом упали.

Пистолет-пулемет ударился о край мостка и отскочил в прореху между нитями. Краем глаза я заметил движение сбоку, повернул голову — из ворот, смутно видимых на другом конце цеха, появились люди. Двигались они совсем иначе, чем шатуны.

Уши болели, из носа все еще бежала кровь, в голове гуло. Я встал, широко расставил ноги. Шатаясь, сделал шаг к бетонной площадке у стены. Поглядел вверх. Что он там делает опять, я ж его пристрелил? Эй, пилот, ты почему двига-

ешься? Неуверенно, медленно я поднял пистолет дрожащей рукой. Люди внизу бежали, расталкивая неповоротливых шатунов. Совсем мало у меня патронов осталось... Возле кресла красный рычаг, пилот пытается за него потянуть...

Что это за рычаг?

В голове немного прояснилось, хотя глухота не прошла, и я по-прежнему ничего не слышал. Какой-то, наверное, тугой рычаг ему попался, не может сдвинуть, бедняга, — все потому, что я его ранил, причем смертельно. Но все же — что за рычаг, почему пилот так настойчиво тянет его?

Я посмотрел ниже, на крыло «Черного крокодила». И в этот миг будто двумя ударами молотка из моих ушей выбили затычки, какими закрывают отверстия в бочках с вином, — множество звуков ворвалось в голову.

Красный рычаг!

Упав на колено, я выстрелил — промахнулся, — еще раз, попал ему в грудь, но за эту секунду пилот таки сумел сдвинуть рычаг, и фугасная авиационная бомба калибром сто килограммов сорвалась с крыла вертолета.

Лязгнул кронштейн, и она полетела, разворачиваясь стабилизатором кверху — рухнула в паутину, как чугунная гиря в воду.

ФАБ проскользнула между нитями, едва потревожив их. Я вскочил и побежал.

И почти достиг бетонной площадки, когда внизу рвануло.

Грохоча, куски бетона посыпались вокруг. Площадка дрожала, как студень на вибростенде, несколько секунд мне казалось, что здание не выдержит, развалится. По всему цеху паутина ходила волнами, что-то сыпалось с потолка, один из прессов вдруг с тяжелым скрипом накренился, лязгнув, уперся в бок другого, да так и застыл — теперь они напоминали двух пьяниц, поддерживающих друг друга.

Когда все закончилось, я встал на ноги. В центре цеха зиял пролом, из него лился тот же чужеродный свет, что и сквозь дыру между изогнутыми зубьями. Я зашагал к лестнице, покачивая «файв-севеном» в правой руке. Патронов в магазине осталось пять, может, шесть, не больше. Вокруг про-

лома валялись тела шатунов, живые двойники бесцельно бродили вокруг. Я поднял голову — вертолет все так же нелепо торчал из потолка далеко вверх.

Из глаз текли слезы — следствие контузии, — я пока ничего не мог с этим поделать, сколько ни вытирал их, они набегали вновь.

Сквозь гул в голове донесся топот ног.

Я только успел встать на верхнюю ступень лестницы, когда внизу появились четверо мужчин. У всех «Кедры», одеты в военные комбинезоны, увешаны связками трав, бородастые, патлатые, на одном поверх комбеза — меховая жилетка, на втором вместо привычных черных ботинок — унты. Это была гремучая помесь десантника, эскимоса и индейца, почему-то при виде их в голове возникло слово «лешие».

Подняв оружие, они побежали по лестнице. Я присел на верхней ступеньке, сжимая «файв-севен» обеими руками, выстрелил.

Бельгийская «Фабрик Националь» — это вам не бобруйский макаронный завод имени Лукашенко Третьего, это ФИРМА. Помнится, когда-то парочка их «FN-P90» здорово подсобили нам с напарником.

«Пять-семь» специально создан под особый боеприпас, чтобы добиться большой мощности от компактного оружия. К примеру, обычный бронежилет средней защиты от него не спасет. К тому же стрелял я не в грудь или живот...

Пуля прошила голову навылет и ушла куда-то дальше, прихватив для компании затылочную кость. Прежде чем человек свалился на ступени, я перевел пистолет левее, выстрелил еще раз, но второй леший успел немного отклониться — и ухо его взорвалось, как помидор, по которому врезали молотком.

Я упал на спину. Пули «Кедров» задолбили по ступеням.

Перевернувшись, я выставил перед собой пистолет, взглянул. Трое леших бежали по лестнице, расходясь веером. Я поймал одну фигуру в прицел, вдавил спусковой крючок — она опрокинулась, как мишень в тире.

Через мгновение пули чуть не снесли мне верхушку черепа, пришлось распластаться на бетоне, прижавшись к нему щекой.

Все же я успел заметить, что двое оставшихся в живых тоже залегли. Очередь смолкла, но я не пытался поднять голову, понимая, что они только этого и ждут. Лешие успели преодолеть примерно треть лестницы, я лежал вверх — вроде бы преимущество у меня, но на самом деле так только кажется. Сейчас они, прикрывая друг друга, станут подниматься на корточках, готовые выстрелить, как только я покажусь. К тому же патронов у меня совсем мало...

Я отполз на пару метров и только тогда рискнул приподнять голову. Куда теперь? Сзади глухая стена, по бокам ржавое ограждение, до пола метров пять. Если выскочить на мосток, по которому попал сюда, лешие расстреляют меня сквозь перила. Да и не ведет он никуда, обрывается над цехом, буду там как на ладони.

Встав на одно колено, я поднял пистолет. Как только чья-нибудь голова появится над лестницей — сразу выстрелю. Они это понимают. Как и то, что мне отсюда некуда деваться.

С мягким стуком на площадку упала граната, и тут же, на другом краю, — вторая.

Я не сразу врубился, что это, очень уж необычным показался звук. Гранаты были обмотаны тряпками.

Мгновение я пялился на ту, что прилетела первой, потом метнулся к краю площадки и нырнул головой вперед между штангами ограждения.

Гранаты взорвались, а я повис на одной руке, сжимая перекладину-арматуру. Взгляду открылся весь цех. От ворот в мою сторону бежал Никита, полуобернувшись, на ходу короткими очередями стрелял из «калашников». В воротах мелькали силуэты леших.

Двое поднимались по лестнице, подняв «Кедры» на высоту головы, чтобы как можно раньше открыть огонь, если я окажусь жив после взрыва гранат.

Они заметили меня, когда я вскинул пистолет, два ствола дернулись. Остроконечная пуля пробила бок одного лешего, сбросила на нижние ступени, второй начал стрелять, но я уже разжал пальцы. Пули взвизгнули над головой, заколотили по ограждению. Падая, я выстрелил еще раз, сгруппировался, но это мало что дало — бетонный пол рванулся навстречу и врезался в меня.

Все же я сумел не удариться головой и перекатиться, но на большее меня не хватило. Ребра хрустнули, екнуло сердце, я растянулся на бетоне, выпустив пистолет. Толчок выбил воздух из груди.

Цех закачался, пошел волнами. Я разинул рот, пытаюсь вдохнуть. Ко мне кто-то бежал. Скрипя зубами, я потянулся к пистолету, приподнялся — и упал, так и не сумев взять его.

Леший встал надо мной, поднял оружие с разложенным прикладом к плечу. За ним возник другой, но тут же исчез. Мои пальцы нашли прохладную рукоять «файв-севена». Почему-то он оказался очень тяжелым, будто весил целый пуд.

Позади лешего выросло что-то большое. Раздался выстрел.

Мир на мгновение померк и возник вновь — теперь я видел окружающее четче. Рядом лежало тело в мехах, дальше ехал большой желтый электрокар с торчащими вперед острыми погрузочными лапами, в кабине сидел Пригоршня.

Перед каром бежал лохматый длинноволосый мужик, Никита уже почти нагнал его. Беглец оглянулся, поднял пистолет-пулемет одной рукой, собираясь почти в упор расстрелять напарника. Тот крутанул баранку, погрузчик вильнул, и лапа ударила лешего в поясницу.

Лохматый упал, взмахнув руками, «Кедр» взлетел по дуге, через панель управления — прямо в открытую кабину. Электрокар качнулся, переехав тело, напарник повернул руль, тормозя.

— Садись!

На ходу я заскочил в кар и повалился на жесткое сиденье. Пошарив руками по полу, схватил «Кедр». Мы оглянулись — шатуны шли к нам со всех сторон через развороченный взрывами цех. Со стороны ворот, в обход пролома, оставшегося после взрыва фугасной бомбы, бежали лешие.

На панели перед Пригоршной было три коротких рычага, овальный руль, внизу — пара педалей. Напарник выжал одну, погрузчик стал набирать ход, дребезжа и лязгая.

— Очухался? — крикнул Никита мне в ухо. — Стреляй по ним!

Морщась от боли в затылке, я встал коленями на сиденье, поднял «Кедр».

И только теперь увидел, что машина работает от артефакта. Мысль о том, с чего это электрокар до сих пор ездит, посетила меня несколько секунд назад. На такие погрузчики обычно вешают тяговые аккумуляторные батареи, электролит должен был давным-давно прийти в негодность... Теперь я увидел: на месте батарей лежал буро-зеленый бублик, состоящий из гниющих остатков растительности, листьев и мелких стеблей, сжатых какой-то силой. От изломанных клемм тянулись провода и погружались в незнакомый артефакт.

Погрузчик дергался, прицелиться было невозможно, поэтому я дал длинную очередь, пустив пули горизонтальным веером. Двое преследователей упали. Никита крикнул: «Осторожно!», я повернулся — впереди была задняя стена цеха, в ней проем, заколоченный досками и фанерой.

Перед каром выскочил леший с гранатометом на плече.

Навалившись на руль, Пригоршня локтем врезал по одному из рычагов. Кар качнулся, мои колени соскользнули с сиденья. Я чуть не вывалился наружу, выпустил «Кедр», он упал куда-то на заднюю часть машины. Погрузочная вилка поползла вверх по длинным вертикальным направляющим, и конец одной лапы врезался в живот лешего — не пробил тело насквозь, но разворотил брюхо. Гранатометчик повис, согнувшись, обхватив лапу руками. Оружие улетело в сторону, ноги оторвались от земли, выпученные глаза уставились на нас.

Пальцы заскребли по ржавому металлу. Вилка все еще поднималась, и я увидел рукоять «ТТ», торчащую из-за поясного ремня. Сжимая лапу одной рукой, леший схватился за пистолет.

Погрузчик врезался в закрывающие проем доски, проломил их и выкатил из цеха. Напарник крикнул:

— Руль держи!

Кар понесся по двору, петляя между поддонами с кирпичом. Вокруг бродили шатуны, справа высилась стена цеха, впереди была сеточная ограда, в ней пролом...

— Руль!

Я подался вбок, вцепился в баранку. Леший все еще висел на лапе, закрывая обзор, дергался, пытался достать пис-

толет из-за пояса. Я крутанул руль влево, потом вправо, лавируя между поддонами. Мимо замелькали фигуры.

Леший наконец достал оружие. Никита перелез через панель, ухватившись за штангу, перескочил на вилку. Выпрямился, балансируя, опустил руку с «зиганом», сверху вниз трижды выстрелил лешему в голову. Широко расставил руки, шагнул по лапе, ударив ногой в грудь, сбросил труп под колеса.

Развернулся, чтобы прыгнуть обратно, — но не успел.

Увидев пролом в ограде прямо перед нами, я заорал: «Берегись!» Колесо наехало на упавшего шатуна, погрузчик качнулся, напарник провалился между лапами, но сумел схватиться и повис. Нос машины приподнялся, мы вкатились на земляной горб, по которому шла ограда. Вилка качнулась вверх, потом вниз. Я уперся руками в панель, чтобы не вылететь из кабины. За оградой был крутой склон, дальше — улицы, крыши домов, асфальт и земля, дворики, гаражи... И нигде ни одного человека, никаких признаков жизни, лишь поблескивают пятна электр и жарок, крутятся пылевые вихри каруселей, да в стороне, на другом конце города, плещется на высоком флагштоке рваный флаг.

Перевалив через бугор, электрокар проехал сквозь пролом и понесся по склону.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ВСТРЕЧА

1

После контузии ломило виски, тошнило, тряслись руки. Голос напарника едва доносился сквозь гул в голове.

— А ты говорил — автомат оставить! Он нам жизнь спас.

— Если б ты его из-под той башни не полез доставать, мы бы на крыше не застряли. И с вертолета бы нас не засекли. И...

— Все равно могли бы заметить, — возразил Пригоршня, поворачивая руль. — На шатунов бы натолкнулись в конце

концов. А ты понял вообще, что это за красавцы были? Эти мохнатые, с «Кедрами»?

Мы ехали между домами-развалюхами. Кирпичный завод остался далеко позади, нас не преследовали, но на открытом месте все равно было неудобно, и Никита вел погрузчик по самому краю улицы, чтобы в случае чего спрыгнуть и нырнуть в ближайшее здание.

— Лучше бросить кар этот, — сказал я. — Тарахтит громко и вообще заметный. А те лешие... не знаю. Странные какие-то. Но не военные, точно, хотя и в одинаковых комбезах.

— Лешие, говоришь? Ну да, похожи. Видел, они обвешаны какой-то ерундой, иглами всякими?

— Видел. Наверняка они из группировки, обосновавшейся в этом городе. Только непонятная группировка.

— А может, из этих... из порубежников? Ну, из Последнего Рубежа, слышал? Редкостные хмыри.

Я сказал:

— Когда мы по тому склону неслись, я далеко слева флаг приметил, на краю города. Там здания одинаковые были, похожи на бараки. Короче, по-моему, военная база бывшая или училище. Так вот эта группировка, или кто они там, наверняка на той базе и обосновалась. И еще, напарничек. Выходит, они шатунов защищают. Понимаешь?

Никита кивнул и повернул баранку, объезжая ржавый остов «волги».

— Да, вертолет явно патрулировал, — согласился он. — То есть, будем говорить, совершал регулярные облеты завода. Чтоб, значит, шатунов никто не обижал. Пилот как заметил нас — атаковал, да к тому же подмогу вызвал. Странное дело, кому это надо и для чего — шатунов защищать? И еще, Химик. Монолитовцев помнишь?

— Сообразил наконец? — спросил я, морщась и массируя виски.

— Ну! Говорил же: если ружье висит — значит должно выстрелить. Если монолитовцы вдруг от нас отстали тогда, не захотели в город этот въезжать — значит неспроста. И что получается?

— Получается, они из-за этой группировки сюда и не захотели въезжать. Побоялись.

— То-то и оно. Только все же не похожи эти лешие на обычную сталкерскую кодлу. Слишком уж одеты одинаково, да и двигались так, я ж видел... Профессионально слишком, четко.

— Ну, пилот явно не профессионал был, — возразил я. — Иначе он бы нас с «вертушки» быстро на чебуреки покрошил, а не мотался туда-сюда. И потом, кто говорит про «обычную»? Явно она необычная.

— А сигнал тот. SOS, из-за которого мы сюда приехали? Может, его лешие и дают, чтоб честных сталкеров приманивать и мочить их тут почем зря? Хотя зачем...

— Тормози! — Я схватился за руль.

— Вижу, вижу, не мельтеши.

Впереди улица пересекалась с бульваром — деревья, сломанные скамеечки, разросшиеся кусты. Никита остановил кар, мы вышли, рассматривая аномалии перед перекрестком.

— Чего это они высыпали? — проворчал напарник. — Выброс скоро, что ли?

Морщась от головной боли, я распустил ремень, сложил приклад «Кедра» и повесил его за спину. Аномалии расположились извилистой полосой, перекрывая улицу. Ближе к домам клубился голубоватый туман, там посверкивали молнии двух электр. Я удивленно прищурился. Иногда молния из одной аномалии перетекала в другую по широкой дуге — они обменивались энергией. По высокой дуге, потому что на середине между электрами притаилась прозрачная пустота, область неестественно, хрустально чистого воздуха.

Мясоворот. Очень редкая аномалия.

— Давненько я их не видел, — заметил Никита.

Меня вдруг затошнило сильнее, я отошел в сторону, уперевшись ладонями в стену возле окна с выбитым стеклом, нагнулся.

— Ты чего? — спросил напарник.

Я не ответил. Постояв с минуту, отошел назад, вытер рот тыльной стороной ладони, поднял голову и спросил:

— Видишь?

— Ага, — откликнулся Никита.

На углу стоял трехэтажный дом без крыши и верхней части стены, на кирпичной кладке висели грозди артефактов.

— О, бенгальские огни, — обрадовался напарник. — Вон, искрят... Из окна того можно достать. Их электры создали. Ни вспышки, ни лунного света нет, а бенгалы есть. Надо их взять, Андрюха, от них себя лучше чувствовать начинаешь. Тебе это сейчас не помешает.

— Бенгальские огни мышечный тонус повышают, — проворчал я, не оборачиваясь. — Причем совсем слабо, зачем они мне? Ты лучше погляди, там улитки висят. Редкая штука.

— Висят, ага.

— Странно.

— Чего странного?

— Это артефакты слизистого пузыря. А сам пузырь я что-то не вижу.

— Так он мог рассосаться, — пояснил напарник. — Электры с мясоротом остались, а он исчез уже. Так бывает.

— Бывает, — согласился я. — Ладно, надо снять их, хотя бы часть.

— Зачем?

— Ты что, не видишь, что со мной?

— Ну... зеленый ты.

— Зеленый! Меня контузило, Никита. Я же тебе рассказывал: «вертушка» в крышу провалилась, в зыбь то есть. И потом выстрелила, а я рядом был, меня оглушило. Хорошо, перепонки не лопнули. Голова до сих пор вроде золой набита. А улитки знаешь как действуют?

— Знаю, знаю. Ты мне сам и показывал.

— Ну вот, значит, они мне нужны. Доставай трофеи, делиться будем.

Постоянно оглядываясь, контролируя улицу и перекресток, мы встали с двух сторон от кара, положили оружие на сиденья и стали разбираться с ним. В магазине «Кедра» осталось одиннадцать патронов, в «зигане» напарника — три, в «файв-севене» пять, АКМ был пуст.

— Вдвоем нельзя подниматься, надо кому-то за улицей следить, — сказал Никита.

— Ясное дело, ты здесь стой. Только нож еще мне дай.

— А твой «басурманин» где?

— На крыше оставил, когда от вертолета бегали.

Напарник не без сожаления отдал мне стилет с рукоятью-кастетом, которым гордился, будто сыном-отличником — из литого аносовского булата, с антибликовым покрытием, — и ножны к нему.

— Так, ладно, — сказал он, попятился и задрал голову. — Значит, я на первом этаже внутри встану и в окошко это буду осторожно выглядывать. Как раз погрузчик его сейчас прикрывает, я все вижу, а меня трудно заметить. А ты наверх. Только осторожно. И быстро. Улитки возьмешь, на башку нацепишь — сразу назад.

— Ладно, не копти копченого, — проворчал я.

Сквозь пролом мы вошли в здание. Пол усеивала всякая дрянь, осколки и мусор хрустели под каблуками. На второй этаж вела широкая лестница, из оконных проемов лился свет — светло, тепло, тихо. Напарник шагнул к окну, присел на колченогую тумбочку и положил оружие на подоконник.

— Быстро давай, — повторил он. — Пока опять вертолет какой-нибудь не объявился.

Сжимая в одной руке нож, в другой пистолет, я поднялся по лестнице. На втором этаже ничего интересного не оказалось — завалы мусора да лоскуты обоев на стенах. С площадки я увидел два коридора и часть кухни, там на боку лежала газовая плита с вывороченными конфорками. Осколки стекла, деревяшки и всякие железяки хрустели под ребристыми подошвами. Внутри разрушенного дома стояла ясная весенняя тишина, но я не расслаблялся и оружие не опускал. Когда стал подниматься на третий этаж, сверху донеслись ритмичные удары. Стало ясно: они звучали и раньше, но треск мусора под ногами мешал услышать их. Сделав несколько шагов, я остановился. Глухой размеренный звук, будто кто-то выколачивает пыль. Причем занимались этим старушка или ребенок — удары были слабые.

Вроде никакая аномалия такие звуки не порождает. Я присел, подняв пистолет, на корточках подобрался к перилам, глянул между пролетами. Серый потолок над лестницей был

близко. Посмотрел вниз, собрался было окликнуть Пригоршню, но передумал.

Звук не смолкал. Ладно, хватит медлить, в любой момент могут опять эти лешие появиться. Выпрямившись, я взбежал на верхний этаж с пистолетом наизготовку.

Здесь было еще светлее. Потолок оставался только над лестницей, дальше половина крыши провалилась. Упавшая гипсовая перегородка, сломав трюмо, лежала на обломках, как трамплин, верхняя ее часть мешала мне увидеть весь этаж.

Высоко над проломом плыли облака, в помещение задувал ветер, шелестел обрывками обоев. Глухой ритмичный звук стал громче.

Рукоять ножа удобно лежала в руке, дуги кастета облегла пальцы. Если кто появится — так врежу, что зубы через затылок вылетят. Ну и про пистолет не забуду, конечно...

Пригибаясь, я пошел вдоль нижнего края перегородки. Выяснилось, что обойти ее не удастся — с одной стороны она упиралась в несущую стену здания, с другой громоздилась куча искореженных паркетин. Залезть по ним можно, но скрипу и треску будет на весь квартал.

Я шагнул на перегородку, присел и на корточках стал подбираться к верхнему краю.

Постепенно всё большая часть помещения открывалась взгляду. А потом я увидел голову. Волосы на ней частично вылезли, нос провалился, щеки запали, между серыми губами не было зубов, лишь синеватые десны.

Облаченный в полуистлевшую военную форму зомби сидел между окнами под дальней стеной. Он не заметил меня, и я уселся на краю «трамплина», свесив ноги.

И порадовался, что еще могу сделать это — то есть свесить куда-нибудь ноги, поболтать ими, к примеру, в воздухе или постучать друг о друга. Потому что зомби ничего такого сделать больше не мог: его нижние конечности были перебиты, раздроблены так, что и взглянуть страшно. Он медленно поднимал кулаки и с глухим стуком ударял ими о пол — размеренно, неторопливо, с какой-то обреченностью, даже тоской.

Рядом валялся сломанный «Кедр» — не знаю, что надо делать с оружием, чтобы у него согнулся ствол. Наверно, швырнуть о бетонную стену с нечеловеческой силой.

Я огляделся — и понял, как это произошло. В углу притаился небольшой мясоворот.

Не замечая меня, зомби вновь и вновь бил кулаками по полу. Я слез с перегородки, сделал несколько осторожных шагов. Встал так, чтобы видеть и его, и аномалию. Голова болела невероятно, каждый шаг отдавался острой пульсацией в темени.

А сильный зомбак — мясоворот его, выходит, схватил, начал «выжимать», как хозяйка мокрое белье, ноги переломал, но в ядро свое, где самый центр гравитационной турбулентции, затянуть не смог, жертва вырвалась.

Посматривая на зомби, я подступил к окну. Зомби стучал кулаками, иногда поскрипывали обломки под перегородкой, а больше ничего не слышно. Пригоршня тревоги не подымает, но это еще ничего не значит, снизу у него обзор не такой большой. Я сунул стилет в ножны, сжал «файв-севен» обеими руками и резко повернулся, выставил ствол наружу, повел влево-вправо.

От быстрого движения будто молотком стукнули по затылку, я даже негромко застонал. Ну и потрянуло меня тогда, в цехе, ни разу в жизни так башка не болела!

На улице было пусто. Я высунулся дальше, оперевшись о подоконник, глянул вниз. Гроздь улиток мерцала в метре под окном, ниже поблескивали молнии аномалий, левее стоял кар и виднелся ствол торчащего из окна автомата. Я шикнул:

— Пригоршня!

— А? — донеслось снизу.

— Я на третьем, все нормально. Тут зомбак, но не опасный. Скоро спущусь.

— Как это, зомбак — и не опасный? — спросил он после паузы. — Старайся меньше на солнце бывать, дружище, перегреваешься быстро.

— Ему мясоворот ноги сломал, — пояснил я. — Он в транс впал. Знаешь ведь, иногда бывает с ними.

— Так там еще и мясоворот?! Щас я к тебе поднимусь, обожди...

— Нет, там сиди! — повысил я голос. — Сторожи. Не нужен ты здесь.

Выпрямившись, я полез в кожаный чехольчик на ремне, а снизу донеслось:

— Химик!

— Ну? — спросил я, вновь нагибаясь. Перед глазами поплыли сиреневые круги, и я выпрямился — так голова меньше кружилась.

— Этот дом угловой ведь. Как раз на перекрестке стоит, правильно?

— Да.

— А в другой стене окна есть? В той, что к бульвару обращена?

— Есть одно.

— Слушай, выгляни, а? Все там тихо?

— Ты услышал что-то?

— Да вроде. То ли почудилось, то ли и вправду что-то там происходит. Не могу понять. Мне отсюда не видно, потому что внизу та часть дома завалена, до окон не добраться. А наружу выходить не хочется, пока ты не спустился.

— Наружу не выходи, — согласился я. — Стой на месте, я сейчас.

Зомби по-прежнему не замечал меня — стучал, плясая в стену перед собой. Я прошел мимо, шаркая ногами, как старик. Казалось, сейчас голова свалится с плеч и потрескавшимся чугунным шаром тяжело покатится по полу.

Третье окно находилось метрах в семи от мясоворота. Нормально, на таком расстоянии аномалия меня не зацепит, тем более эта слабая, раз зомби сумел из нее вырваться.

В окне был бульвар, за ним площадь. На краю ее стояло большое здание, одна стена которого была стеклянной, рядом несколько ржавых автобусов, вверху здоровенные покосившиеся буквы: СЛАВА УДУ. В центре площади высился памятник Ленину, губы его кто-то вымазал красной краской, отчего вид у вождя мирового пролетариата был кокетливый и неприличный.

И никого там не было, даже птиц.

Стоило чуть наклонить голову, как мозги вскипали от боли. Прижав ко лбу ладонь и стараясь двигаться плавно, без резких движений, я вернулся, сказал в окно:

— Там площадь с автовокзалом. На ней пусто. Слышишь?

— Ага, — донеслось снизу. — На этой стороне тоже тихо. Ладно, давай быстрее.

Я огляделся в поисках подходящей тряпки, ничего не нашел и присел на корточки неподалеку от зомби. Он наконец перестал стучать, застыл, уставившись в стену. Паркет вокруг его кулаков потрескался. От зомби ощутимо несло — гнилью и кислятиной. Патронов мало, а то бы я давно парутройку в башку ему засадил, и тогда это вонючее порождение Зоны стало бы совсем не опасным. Но — нельзя, надо экономить боеприпасы. Я положил «файв-севен» рядом, так, чтобы схватить и с ходу выстрелить, если зомбак вдруг воспрянет духом, достал из кармашка «зиппу» и маленький плоский бензиновый баллончик к ней. Зажигалку, покрутив в пальцах, сунул обратно, баллончик положил возле пистолета, вытащил стилет и внимательно поглядел на монстра. Он меня не замечал. Надо бы тебя пристрелить, обаятельный мой, да сентиментальность не позволяет. А еще больше — жадность, патронов мало.

Быстро схватив его за рукав, я полоснул стилетом по ткани в районе плеча и отпрянул. Раздался треск, зомби качнулся и мягко завалился на бок. Внутри него что-то булькнуло.

Я отскочил, сжимая рукав. Лежащий зомби дергал головой, но выпрямиться не пытался. Подхватив баллончик с пистолетом, я отодвинулся подальше от него, разрезал рукав, полил бензином и выпрямился. Пистолет сунул за ремень, обернув запястье влажной тканью, высунулся в окно.

Голова закружилась так, что я чуть не выпал. Улегшись животом на подоконник, коснулся улиток. Обхватил их, сжал, дернул — словно большой гриб вырвал из влажной земли. Если дотронуться до слипшихся в гроздь артефактов голыми руками — ощущения такие, будто за куст крапивы схватился.

— Химик, ну что? — спросил Пригоршня. — Тебя только на Агропром за смертью посылать. Сколько можно?

— Сейчас, сейчас, — сказал я и опять присел.

Осторожно обернув тканью сорванные со стены улитки, стянул повязкой голову. Сильно запахло бензином, но это ничего — зато боль почти сразу уменьшилась. Теперь еще пара минут, и она совсем пройдет...

С площади донесся треск автоматной очереди. Лежащий на боку зомби захныкал хриплым испитым голосом, заскреб гнилыми ногтями по полу.

— Химик! — заорал Никита снизу.

— На месте сиди! — крикнул я, бросаясь к окну. — Сейчас гляну, что там...

Очередь смолкла, прозвучало несколько одиночных выстрелов. Я выглянул, сжимая пистолет обеими руками. По площади мимо памятника бежала рыжеволосая женщина с автоматом Калашникова, ее преследовали трое леших, у одного был гранатомет.

Донесся крик напарника:

— Ну так что там?!

— Катька! — ответил я, удивленно прищурившись. — Это же Катька Орлова! Какого хрена, что она здесь делает?!

2

Женщина на бегу оглянулась и дала короткую очередь. Один леший упал, остальные бросились в разные стороны. Раненый поднялся, побежал дальше, хромя. Хлопнуло несколько ответных выстрелов. Рыжая уже приближалась к зданию, где находились мы с Никитой, когда гранатометчик, опустившись на одно колено, поднял свое оружие.

Я заорал — не то напарнику, не то Кате, а скорее им обоим одновременно:

— Осторожно!

Не знаю, как насчет Пригоршни, а девчонку я этим спас. Оглянувшись, она упала, накрыла голову руками, и граната, оставляя лохматый шлейф, пронеслась выше.

— Никита! — заорал я, отскакивая. Развернувшись, мельком увидел зомби, который пытался встать, упираясь кулаками в пол и подгибая раздробленные ноги. Прыгнул в сторону лежащей на трюмо перегородки, ощутил, как мясоворот, ухватив меня невидимыми руками, дернул к себе, — и тут граната врезалась в стену дома.

Здание содрогнулось, заскрипело, качнулся пол. С низким протяжным скрипом часть дома обвалилась. Я покатил-

ся по обломкам, обхватил торчащую из груды камней балку, лежа на боку, скосил глаза — площадь была подо мной. В нижней части завала, прижавшись к нему спиной, наполовину стояла, наполовину лежала Катя, трое леших бежали к ней. Если отпущу балку — соскользну вниз вместе с пластом цементных обломков и битых кирпичей. Тогда лешие точно меня заметят, а пока что они, кажется, не догадываются, что над девушкой есть кто-то еще.

Она вскинула автомат. Сквозь шорох и поскрипывание сползающего строительного мусора донесся короткий лязг, и Катя Орлова выругалась сквозь зубы.

Леший, выстреливший из гранатомета, перезаряжал оружие, остальные бежали, подняв «Кедры».

Я достал «файв-севен», и это выдало меня — две головы дернулись вверх, взгляды уставились на меня.

Сняв пистолет с предохранителя, я разжал пальцы и вместе с кучей обломков заскользил вниз.

Лешие были метрах в пяти от дома. Катя Орлова стояла неподвижно, ей некуда было деваться. Я скользил все быстрее. Пули из «Кедров» ударили над моей головой, я на ходу выстрелил трижды — и даже исхитрился один раз попасть. Катя, вскинув голову, метнулась из-под моих ног. А гранатометчик, вместо того чтобы выпустить в нас вторую гранату уже более прицельно, развернулся и побежал прочь.

В последний момент я еще раз вдавил спусковой крючок, но так и не понял, попал или нет. Из-за угла с криком вылетел Никита, стреляя на ходу, а я соскочил на асфальт, согнув колени, оттолкнулся, чтобы падающие сверху обломки не ударили по голове, и прыгнул вбок — прямо в объятия девушки.

Что ни говори, а это была горячая встреча — мы чуть не столкнулись лбами, обхватили друг друга и на секунду крепко сжали.

Выстрелы смолкли.

— Патроны закончились! — пропыхтел Никита рядом.

Оттолкнув девушку, я развернулся, подняв пистолет. В магазине остался единственный патрон.

— Ты куда?! — крикнул я.

Никита метнулся к лежащим на асфальте телам. Гранатометчик бежал прочь. Напарник схватил «Кедр», прицелился. Леший прыгнул в сторону — и исчез за памятником.

— Твою мать! — взревел Пригоршня. Еще несколько секунд он целился, потом плюнул и опустил оружие. — Теперь подмогу приведет!

— Химик, ты? — удивленно сказала Катя.

Я отступил на шаг, разглядывая ее. Девчонка изменилась, сильно изменилась. Я толком не знал, сколько ей лет, хотя ясно было, что она младше меня, — но сейчас лицо ее осунулось, на лбу появились морщины, под глазами залегли круги. Катя удивленно смотрела на меня. Да уж, неожиданная встреча...

— Ты как сюда попала? — спросил я.

Вопрос прозвучал глупо, но ничего другого в голову не пришло. Катька ведь сама в Зону никогда не ходила, Глеб с Опанасом разве что до Сундука ее пару раз доводили, а так она жила в доме за Периметром, сбывала найденные ими артефакты, покупала оружие и припасы, в общем, занималась тем, что называют материально-техническим обеспечением. Ну и какого кровососа она здесь делает?

— На! — Подошедший Пригоршня сунул мне в руку «Кедр». — Но только патронов там мало. Так, и кто это тут у нас?

Он навис над Катей, с веселым недоумением разглядывая ее.

— Женщина в Зоне — непорядок.

Глаза у Кати недобро поблескивали. Веселый тон напарника она не восприняла, но он не обратил на это внимания. Никита привык, что женщины всегда положительно реагируют на его статью, смазливую морду, широкие плечи, высокий рост и светлые волосы.

— На рыбалку и в Зону женщин нельзя брать — ни рыбы, ни артефактов не будет. Тебя кто сюда привел, принцесса?

Катя слегка повернула голову, глянула на него и сказала коротко:

— Иди в жопу.

Пригоршня растерянно приоткрыл рот. А рыжая вдруг отступила на шаг и даже присела слегка, будто увидела за моей спиной псевдогиганта трехметрового роста.

— Ну, ты это... — начал напарник.

— Да заткнись ты, придурок! — прошипела она. — Чувствуете? Химик, чувствуешь?

Подняв «Кедр», я кинул взгляд через плечо. Среди завалов битой кирпичной кладки никого не было.

— Что я должен чувствовать?

— Выброс скоро, — сказал Никита. — Ну точно! То-то я удивился, почему аномалий столько. А теперь на небо глянь. Вон, на севере... то есть на юге.

Мы привыкли, что ЧАЭС находится в северной стороне, полосатая труба Саркофага, накрывающего четвертый и пятый энергоблоки, всегда торчала на горизонте. Но сейчас-то мы сами были на севере — вернее, к северу от станции, — значит, она осталась на юге. Трубу скрывал высокий холм на краю города, тот, где стоял кирпичный завод. Небо в той стороне изменилось, блеклые перламутровые волны прокатывались по нему.

— Точно выброс, — сказал я Кате. — Надо прятаться.

Пригоршня добавил:

— Да и лешие эти вернутся. Один спасся, сейчас дружков приведет.

Она дернула плечами и зашагала в сторону автовокзала.

— За мной идите, — бросила Катя, не оборачиваясь. — Вы должны мне помочь.

Мы с напарником переглянулись, Никита, пошевелив бровями, шелнул:

— Решительная девка. Ты откуда ее знаешь?

— Потом расскажу.

— И что-то она странная какая-то.

— Может, у нее был нервный срыв? — предположил я.

— Был или продолжается?

Катя крикнула на ходу:

— Да не топчитесь вы там!

Перекинув через головы ремни «Кедров», мы пошли следом. Никита тихо спросил:

— Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Зависит от того, на кого смотришь.

— Вот тут ты прав! — согласился он. — Когда ты прав, так ты прав, а сейчас ты прав.

Он окинул взглядом площадь и повысил голос:

— Эй! Левее бери. А то прям через площадь маршируешь, как на параде. Если кто за памятником спрятался...

— Нет там никого, — отрезала она. — Гранатометчик за подмогой побежал, больше никого не осталось.

— Все равно — ближе к стенам надо идти. Химик, ты чего?

Я сбился с шага, ощутив нечто неприятное. Нет, не приближение выброса — хотя он и вправду близился, и от этого на душе было как-то муторно, да еще сосало под ложечкой, — но кое-что еще. Будто стоишь по плечи в воде, и откуда-то сзади на тебя накатывают волны, мягко, но настойчиво толкают в спину. И волны эти очень какие-то... тревожащие, что ли. А еще кажется — они теплые, причем каждая следующая теплее предыдущей, скоро вода станет как кипяток и обожжет... обожжет сознание.

— Катя, что это там плещется? — спросил я.

Она оглянулась.

— Плещется?

— Я что-то чувствую.

— Чувствует он! — с непонятым выражением, чуть ли не презрительно повторила она.

— У напарника мово повышенная чувствительность, — пояснил Пригоршня с гордостью, будто расхваливал призового свина, которому давал отборный корм целый год. — Он всякие такие аномальные штуки враз ощущает. Вот и выброс...

— Нет, это не выброс, — возразил я. — Что-то другое.

Она вновь оглянулась — в глазах мелькнул интерес.

— Значит, у тебя есть ментальные способности, — сказала Катя. — В Зоне они у многих, она людей меняет. Правильно, это не выброс, это Мгла.

— Какая еще Мгла? — удивился Никита. — Ты так говоришь, будто это имя. Слушай, Андрюха, надо нам...

Я перебил, уставившись в спину Кати:

— Эй, Катерина, что в Зоне за последние пару месяцев случилось? А то мы отсиживались в одной дыре, ничего не знаем.

— Она расширилась, — ответила девчонка. — И еще что-то произошло, непонятное, вроде зеленого выброса.

— Зеленого выброса? — Никита покосился на меня.

— Почему твой друг все время переспрашивает, ему псевдогигант на ухо наступил? Он твой напарник, Химик? Зачем тебе такой нужен?

— Просто мне нравится, как его спина заслоняет меня от мира, — любезно пояснил я.

Катя некоторое время шла молча, потом сказала:

— Был зеленый выброс. Из-за этого ландшафт покорежило, многие районы сместились. Плюс новые аномалии полезли. Да много всякого нового возникло.

— Но с этой... с планетой-то все нормально? — осторожно уточнил напарник.

Девушка с легким удивлением оглянулась на него и пожала плечами. Он сказал:

— Так, теперь в эту дверь давай, внутрь вокзала этого...

— Я вас туда и веду, — перебила она, поворачивая.

Через площадь мы с Пригоршней шли не просто так — оба держали «Кедры» наготове, обратив стволы к памятнику. Теперь напарник негромко сказал: «Давай первым», подняв оружие, встал лицом к площади.

Вслед за рыжей я нырнул в двери, сразу отскочил вбок, вода стволом из стороны в сторону, окинул взглядом просторный зал с рядами сколоченных вместе сидений, обломки киоска на другой стороне, широкий открытый коридор, протянувшийся по периметру вдоль стен на высоте второго этажа. Слева был раздолбанный ларек, где когда-то торговали сигаретами и газетами для граждан встречающих-проводящих, я отпрыгнул за него. Катя, не обращая внимания на мои маневры, прошла к ближайшему ряду сидений и там повернулась.

— Быстрее давайте!

— Никита, вроде чисто.

— Ладно, иду, — донеслось снаружи.

Я вышел из-за ларька, а он шагнул внутрь.

— Нельзя здесь торчать, — сказал напарник. — Прямо как на ладони в этом зале.

С коридора второго этажа упал камешек, мы одновременно вскинули оружие.

— Идите сюда! — позвала Катя. — Мне вас сама Зона послала. Разговор есть.

Вверху вроде никто не прятался, и мы зашагали к ней.

— Выброс скоро, — повторил напарник. — Нельзя на поверхности оставаться, надо подвал какой-то найти...

— Здесь есть подвал, — перебила рыжая. — Я полдня в этом вокзале торчу, успела разведать. Спустимся туда, вход на другом конце зала, через служебные помещения, совсем рядом.

— Значит, лучше прямо сейчас туда идти, — сказал я.

Она тряхнула головой — я уже второй раз видел это движение. Им девчонка будто отметала любые возражения. Выглядела она очень решительно. А еще — зло. Да, изменилась Катька Орлова.

Я видел — напарнику она понравилась. Ему, по-моему, нравились вообще все женщины, попадающиеся на его жизненном пути, лишь бы они не были очень уж старыми или слишком уж уродливыми. А эта молоденькая и вполне симпатичная, если вам по душе рыжие решительные феминистки.

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но я решил — хватит тянуть, пора брать дело в свои руки — и сказал:

— Так, два вопроса. Первый: что это за Мгла? Второй: как ты сюда попала?

— Ага, и зачем? — ввернул Никита.

— Ты за воротами лучше следи, — сказал я.

— Я слежу, слежу.

Он присел на крайнее сиденье, направив «Кедр» в сторону проема.

— Вы... — начала Катя.

— Не вы — ты, — перебил я. — Про нас успеем поговорить, о себе Расскажи.

Она поглядела на меня, на Пригоршню.

— Что такое Мгла — не знаю. Это мутант, или подвижная аномалия, или еще что-то, оно нас от самых Болот преследует...

— Нас? — перебил Никита. — Кого «нас»?

— Молчи! — прикрикнул я на него. — Мы так до самого выброса разговаривать будем.

— «Нас» — значит мой отряд, — пояснила Катя.

Я видел, она изо всех сил пытается быть сдержанной и вежливой, потому что хочет от нас какой-то услуги, помощи. А выброс надвигался — мысли разбежались, в голове вспыхивали случайные ассоциации, как бывает ночью, когда уже начал засыпать, но еще не заснул окончательно. Чтобы сосредоточиться, приходилось прикладывать дополнительное усилие. Но кроме выброса к нам приближалось нечто, с чем я раньше дела не имел. От него шло мощное, тяжелое излучение.

Катя присела на корточки и сжала голову руками.

— Как все навалилось... — пробормотала она. — Эта группировка, Мгла, да еще и выброс теперь... все разом!

— Принцесса, эй! — позвал Никита. — Надо в подвал прятаться. Давай показывай, где он...

Она не слушала — выпрямившись, произнесла, глядя мне в глаза:

— Я вас нанимаю. Эти, из группировки, забрали у меня одну вещь. Артефакт в контейнере. Мне надо эту вещь у них отбить. Но только быстро — наемники, которые меня через Зону вели, ждут в условленном месте, возле реки. Так вышло, что мы с ними разошлись, и...

— Стоп, стоп! — перебил я. — Какие наемники?

— Небольшой отряд. Двое парней из группы Мирового, синхроны Аслан с Каримом, Анчар, ну и еще пара других...

Мы с Пригоршней переглянулись, и он сказал:

— Про Аслана и Карима я слышал. Ну и про Анчара тоже. Хотя ни с кем из них не знаком.

Я кивнул.

— Аналогично. А про Мирового и не слышал даже. Ладно, не важно. Так почему они тебя ждут?

— Я наняла их сопровождать меня на север Зоны, к Грязевому озеру. Но так получилось, что мы разделились. В Лиманске, долго рассказывать. После этого я почти догнала их, но возникли всякие препятствия... Потом нам удалось выйти на связь. На заброшенной военбазе я нашла старую штабную машину с радиостанцией, а Нешик — это один из наемников — носит в рюкзаке рацию. Связь была очень плохая, но мы смогли переговорить. Анчар сказал: будем ждать в таком-то

месте на границе болота к северо-востоку, если не появишься за три дня — мы уходим. С тех пор уже двое суток прошло. Я бы успела, но меня захватили в плен эти, из группировки...

— Лешие, — вставил Пригоршня.

— Лешие, да. Связали...

— Кстати, что это за группировка? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Понятия не имею. Ты слушай: они на меня напали, бросили в кузов джипа. Повезли на свою базу, которая на другом конце города. У меня ножик в ремне, я незаметно разрежала веревки, сбила с ног охранника, другого ударила, прыгнула... Сама спаслась, но контейнер с той штукой, которую везла, у них остался. Теперь надо его у леших забрать. Но времени нет! Еще немного — и не успею, наемники уйдут, не дождавшись меня. А тут еще выброс и Мгла сзади. Помогите мне отбить контейнер у леших, заплачу много. У меня деньги есть. Я вас нанимаю...

— Во бред! — сказал Никита.

Эта была его любимая присказка. Если напарник чего-то не понимал, то, как правило, и не пытался разобраться, а сразу объявлял это бредом. Напарник в душе так и остался подростком, а все подростки такие. Им так легче живется на свете.

Но я не такой. И потому я сказал:

— Нет, ты нас не нанимаешь.

Рыжая осеклась. Глаза зло блеснули, она уставилась на меня.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Потому что ты врешь. Как минимум — скрываешь что-то.

— Да нет же! Просто это длинная история, а времени мало...

— Скрываешь, — повторил я.

— Химик, ведь мы раньше знакомы были. Помогите мне, прошу...

— Слушай, а откуда ты ее вообще знаешь? — спросил Никита.

Я пояснил:

— Мы с ее братом в институте учились. В Зону почти одновременно попали, потом пару раз вместе ходили, до того как я с тобой познакомился.

— Пока мы тут торчим, Мгла нас догоняет, — нетерпеливо сказала Катя. — От нее излучение идет. Она мозги ломает, на тебя ужас накатывает, и ты с ума сходишь. Долго тут нельзя оставаться. Пересидим выброс и...

— До выброса еще несколько минут, как раз хватит, чтоб рассказать и спрятаться. Так что давай говори: что случилось, зачем ты в Зону пошла, что в контейнере и почему ты эту «штуку» в Зону несешь...

Я не договорил — Никита вскочил, перевернув ряд сколоченных сидений, вскинул «Кедр» и дал очередь по балкону, протянувшемуся на высоте второго этажа.

В первый миг я даже не понял, кто это, слишком уж твари не были похожи на привычных нам снарков. Голые, гладкие, пятнистые, как лягушки...

Два мутанта, вспрыгнув на край мостка, застыли в одинаковых позах. Экономя патроны, Никита перестал стрелять и медленно повел стволом. Я тоже поднял «Кедр», нашел в прицеле обтянутую резиной башку с болтающимся хоботом, спросил у Кати:

— Это кто?

— Городские снарки, — сказала она, осторожно кладя АКМ у своих ног. — Наверное, когда Мгла за нами через Лиманск проходила, их перед собой погнала. Но почему они до сих пор меня не догнали? И почему так странно двигаются?

Мутанты одновременно прыгнули — вытянулись в воздухе, распластались, как белки-летуны.

— Синхроны! — крикнула Катя, стреляя из пистолета. — Мгла их склеила!

Снарки упали за сиденьями в трех рядах от нас и тут же взлетели опять. Мы с Никитой выстрелили, мои пули разворотили морду того, что был слева. Патроны в магазине закончились, я швырнул оружие в голову мутанта, схватился за нож, но достать не успел — снарк сбил меня с ног.

Я упал на спину, он сел сверху. Прижав коленями локти к бокам, нырнул вниз, будто собирался вцепиться мне в шею. Раздался выстрел, второй, мутант качнулся, я увидел стоящую над ним Катю с пистолетом. Я сумел высвободить правую руку. В пистолете оставался один патрон, нож сейчас будет полезнее. Выхватил его, snork вновь подался ко мне, и я вонзил клинок ему в кадык, провернул, как пестик в ступке.

Низкое гудение и дрожь проникли в зал.

— Выброс! — закричал сбоку Пригоршня. — Химик, начинается, ходу!

Катя куда-то подевалась. Я спихнул обмякшее тело мутанта, вскочил и увидел, что она бежит в дальний конец зала, к открытой двери. За ней длинными прыжками мчался snork — еще один, третий! Я не заметил, когда он высочил. Стало темнее, сквозь стеклянную стену вокзала лился багровый свет. Девушка на ходу оглянулась, выстрелила в грудь snorkа, махнула нам пистолетом. Я прыгнул за ней, увидел торчащие из соседнего ряда дергающиеся ноги, гладкую пятнистую спину... И, вместо того чтобы броситься за Катей, свернул туда.

Snork, сидя на Пригоршне, душил его. Напарник бессмысленно вжимал спусковой крючок «корда», тыча стволом в гладкий бок. Подскочив к ним, я вонзил нож snorkу в шею, другой рукой выхватил пистолет, где оставался один патрон. Нож вошел на треть клинка, но тварь по-прежнему сжимала горло напарника обеими руками — глаза Никиты выпучились, он судорожно развел рот и корчился. В помещении стало совсем темно, багрово-черные тени протянулись по полу, небо за стеклянной стеной стало цвета свернувшейся крови. Я выпустил рукоять ножа, ухватил snorkа за плечо, рванул назад, безуспешно пытаюсь отодрать от Пригоршни. С размаху ткнул стволом в ухо, глубоко продавив резину противогаза, вставил в ушную раковину и нажал на спусковой крючок.

Остроконечная пуля пробила мозги, как долото — комваты. Голова snorkа под натянутой резиной вспухла, пошла трещинами, потеряла округлую форму и стала похожа на угловатый булыжник.

— А-а-а! — С натужным хриплым криком Никита сбросил с себя мутанта. Рывком сел, схватился за горло. Снорк боком лежал на полу. Я вцепился в плечи напарника, поднял.

— Выброс! — хрипнул он. — Щас начнется, в подвал давай! Длинные ноги Пригоршни заплелись, я обхватил его.

— Нож! — выдохнул он. — Мой нож!

Он нагнулся, вырвал нож из шеи мутанта и побежал. Мы перескочили через опрокинутый ряд сидений, свернули.

— Никита, там еще один! — крикнул я. — Осторожно, он за ней погнался!

Пригоршня первым влетел в открытую дверь. Мы повернули, оглядая длинный ряд пластиковых столов, увидели проем, сунулись в него. Здесь было совсем темно, я едва различал окружающее. Пол трясся, аномальная энергия катилась по Зоне — еще секунда, две, три, и накроет этот город. Сквозь бесшумный рев бури я различал и кое-что другое: мощную силу, источник которой находился куда ближе, чем станция, аномалию или что-то еще, медленно приближающуюся к нам.

— Вон он! — крикнул Никита.

Пол затрясся — через пару мгновений волна докатится до нас. Впереди был наклонный металлический выступ, на нем крышка квадратного люка. Железная, тяжелая...

Запертая изнутри.

То, что она заперта, стало понятно сразу — потому что на выступе спиной к нам сидел снорк и пытался приподнять ее, обеими руками вцепившись в массивную скобу. Значит, девчонка успела прыгнуть туда, захлопнуть крышку и сдвинуть засов...

Услышав топот наших ног, мутант оглянулся.

— Катька, открой! — проорал я, понимая, что это нас уже не спасет. Беззвучный рев нарастал, стены с полом ходили ходуном, позади раздался грохот и лязг — в зале что-то осыпалось, скорее всего сорвалась со стены одна из секций подвешного коридора.

— Открой! — взревел напарник и, выставив перед собой нож, бросился на снорка.

Тот прыгнул навстречу. Я тоже прыгнул — хотя толку от этого не было уже никакого.

Выброс накрыл нас.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НА СЕВЕР

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ АЛЕКС. ПОБЕГ

1

Я пришел в себя из-за того, что затекли руки. Глаза открыл не сразу — несколько секунд лежал, пытаюсь понять, что происходит. В голове пусто, никаких мыслей и воспоминаний о прошлом. И руки болят. Почему они болят? Потому что стянуты за спиной... Э, так я связан!

Раскрыв глаза, попытался сесть, но ноги тоже оказались стянуты. Глаза сильно слезились, я кое-как огляделся, часто моргая. Комната с бетонными стенами, на полу линолеум. Глухая железная дверь, в другой стене — зарешеченное окошко.

Два человека рядом, оба незнакомые. И оба связаны.

Под стеной напротив сидела рыжеволосая девушка, рядом на боку лежал какой-то мужик. Рыжая выглядела так-сяк, а парень казался совсем зачуханным — бледный как смерть, круги под глазами, волосы всклокочены, будто он сам себя за них из болота вытаскивал, как Мюнхаузен. И голова трясется.

Впрочем, моя тоже трясется, понял я. И скорее всего выгляжу я не лучше. Да что происходит, в конце концов?! Кто эти двое, где я нахожусь...

Кто я?

Я вздрогнул, сообразив, что не помню своего имени. Да ладно имени — я не помню *себя*, вообще не помню! Дыхание перехватило, я разинул рот и судорожно, с хрипом вздохнул.

Девушка и парень смотрели на меня. Я зажмурился, сцепил зубы. В голове гудело. Мотнул головой, поморщился от боли в затылке, раскрыл глаза и посмотрел на них. И спросил первое, что пришло в голову:

— Почему я связан?

Парень тоже сморщился, оперевшись затылком о стену, кое-как сел, вытянул ноги на середину комнаты.

— Ага, так ты тоже ни хрена не помнишь?

Я молча ждал продолжения. Он добавил:

— Вот подружка говорит, мы с тобой напарники. Наемники, и она нас наняла.

Рыжая выжидающе и как-то нервно смотрела на меня. Я силился вспомнить хоть что-то, но не мог. Наемники? Напарники? Черт его знает, возможно, так и есть. Единственное, что я помнил, — вокруг Зона, а я... Кто же я?

Может, имена помогут?

— Ну а ты? — спросил я у нее. — Выходит, ты не потеряла память?

Она покачала головой.

— Нет, со мной все нормально.

— Как это приятно. Значит, ты нам сейчас все и расскажешь. Как меня звать? И его?

— Имен ваших я не знаю, только клички, — возразила она. — Ты — Алекс, а ты... — Рыжая помедлила мгновение и щелкнула пальцами. — Марат.

— Марат? — изумился мужик. — Что за кликуха такая дивная?

Молодая женщина глубоко вздохнула, будто собиралась броситься в ледяную воду, и быстро, решительно заговорила:

— Мне нужно доставить артефакт в глубину Зоны. Что такое артефакты, вы помните?

Мы с Маратом переглянулись.

— Такие штуки, которые аномалии производят, — сказал он.

— Артефакты производят аномалии или аномалии артефакты?

— Аномалии создают артефакты, — сказал я.

Она кивнула.

— Правильно. Так вот, мне такой артефакт надо доставить в одно место в глубине Зоны. Я наняла отряд наемников еще снаружи, за Периметром. Мы пошли в Зону. Некоторые наемники погибли. Нас стало преследовать нечто, что мы назвали Мглой. Что она такое — до сих пор непонятно. Одно точно известно: у Мглы какая-то очень необычная ментальная сила. Необычная и мощная. Во-первых, она может вокруг себя рассылать волны страха. Во-вторых, умеет ломать мозги и как бы склеивать их, превращать людей или мутантов в синхронов. Но откуда она взялась, почему за нами гонится — непонятно. В какой-то момент, когда Мгла подобралась ближе, мы с наемниками разделились. Так получилось, это долгая история. Сейчас надо их нагнать, остались всего сутки, если не догоним — они уйдут. Уже здесь, возле этого городка, я встретила вас. И тоже наняла. Чтобы вы помогли мне дойти до места, где ждут наемники, и потом сопровождали дальше. Между прочим, заплатила вам тридцать тысяч авансом. — Она внимательно поглядела на нас.

— Тридцать тысяч? — переспросил я.

— Да, в валюте. И еще двадцать я вам должна.

— До хрена, — хмыкнул Марат.

— Ну да. Вы где-то спрятали эти деньги, прежде чем идти дальше, в каком-то своем схроне. А потом, уже в этом городе, на нас напали... напали лешие.

— Что еще за лешие?

— Это вы их так называли. Какая-то группировка. Мы от них отбились сначала, но они захватили контейнер с артефактом, который я везу. Мы спрятались в здании вокзала, там нас атакowali снарки, причем необычные — склеенные.

— Эти... синхроны, что ли? — уточнил я.

— Да, точно. Их погнала перед собой Мгла. А потом начался выброс. И так получилось, что я успела спрыгнуть от него в подвал, а вы — нет. Потом, когда выброс закончился, лешие опять появились, я еще даже не вылезла. Они взорвали люк, схватили меня и бросили сюда. Здесь я увидела вас — оба валялись связанные, без сознания. Выходит, они вас взя-

ли до того, как люк взрывать, вы лежали вверх, потеряв сознание. Я думала — с вами покончено. Сами знаете, что от выброса бывает. Или не знаете? — Она обвела нас взглядом. — Инсульт, паралич... да все что угодно. Хотя иногда он просто стирает память. Вот это с вами и произошло. Нам надо спешить! — заключила она.

— Спешить, значит, — протянул я и кое-как сел. Поморщился. пытаюсь привести в порядок мысли. Ведь совсем ни черта не помню, а тут еще столько информации...

— Алекс... — повторил я, надеясь, что имя всколыхнет в памяти хоть что-то. Рыжая смотрела со странным выражением, мне показалось, в глазах ее тревога. — Алекс... нет, вообще пусто в башке! Эй, а ты? Марат?

— И я ничего не помню, — ответил он. — Ни девчонки этой, ни тебя... напарничек.

Последнее слово вроде пробудило какое-то воспоминание, очень смутное — будто бы этот человек уже называл меня так или, может, наоборот... Я сжал зубы, напрягся. Нет — не вспомнить!

— Надо выбираться отсюда, — повторила девушка.

— Да как?! — не выдержал я и приподнялся, упираясь спиной в стену. — Как выбираться, ё-моё?! Мы связаны, у какой-то группировки в плену... Что это за группировка, кстати?

— Говорю же: никогда с ними раньше не сталкивалась. Мы в глубине Зоны, за ЧАЭС, здесь мало кто бывал, поэтому про эту группировку другие сталкеры и не слышали. К тому же она могла только после недавней катастрофы возникнуть, после расширения Зоны. Но по-моему они вроде Монолита — какие-то маньяки религиозные, сектанты.

— Почему так решила? — спросил Марат.

— А ты послушай. У них там за стеной как раз сходка.

Мы замерли, вслушиваясь. Головная боль немного уменьшилась, гул в голове стал тише, теперь я уловил очень тихое монотонное бормотание, доносящееся снаружи, и спросил:

— Они там молятся?

Она пожала плечами.

— Похоже на то.

— Кому, Монолиту, что ли?

— При чем тут Монолит? По-моему, самой Зоне. Пока они меня связанную тащили, я их разговоров наслушалась. Они считают Зону следом бога на Земле.

— Чего? — удивился Марат.

— Следом Бога, — повторила рыжая. — Мол, в этом месте стопа Бога коснулась планеты. Зона — ее отпечаток, ну как от подошвы в песке. И потому все местные твари — все мутанты, и вся измененная растительность — это как бы создания Бога, более удобные ему, чем обычные люди...

— Грязь с ноги Бога, — сказал Марат.

— Или дьявола, — добавил я.

— ...Поэтому лешие защищают их от людей. Я плохо в идеологии этих хмырей разобралась, но что-то такое. — Рыжая в упор поглядела на меня, на Марата и слегка повысила голос: — И они мой контейнер забрали, понимаете? В котором то самое, что я в глубину Зоны несла! Теперь смотрите: во-первых — наемники скоро уйдут, во-вторых — Мгла сюда приближается. Она из-за выброса остановилась, наверное, а иначе уже давно была бы здесь. Но теперь опять идет. Если она нас тут накроет... все, конец — и нам, и лешим. Выбраться надо — прямо сейчас!

— Да как же...

— У меня нож в ремне. Но я сама его не достану, он ближе к пряжке, слева. Достаньте вы и разрежьте веревки.

Мы с Маратом посмотрели на нее, затем друг на друга. Я пожал плечами, лег на пол и пополз к девчонке, извиваясь, как змея. И только сейчас обратил внимание на бледно-зеленый плоский сверток, который все это время лежал посреди комнаты. Формой он напоминал шайбу или шляпку гриба, завернутую в... Больше всего это было похоже на листья лопуха.

Марат заметил его одновременно со мной и спросил:

— Это что?

Рыжая пожала плечами.

— Не знаю. Это ваше. Когда меня сюда притащили, вы уже здесь валялись. Дергались, как припадочные, о пол колотили руками-ногами. И эта штука между вами лежала. Выпала у кого-то из кармана.

— На артефакт похоже, — сказал я, продолжая ползти. — А завернуто в эту...

— В зеленуху, — подсказала девушка.

— Точно. Слышь, Марат, помнишь, что такое зеленуха?

— Растение аномальное, — сказал он. — Эй, красавица, а тебе как звать, кстати?

— Катя Орлова. Алекс, теперь перевернись и ляг спиной мне на колени. Попробуй нащупать пояс.

Я так и сделал. Вытащить из потайного кармашка маленький скользкий ножик оказалось нелегко, но в конце концов у меня получилось. Я отполз в сторону, лег на бок и стал резать веревки, согнув кисть.

— Осторожно, — предупредила Катя. — Он хоть и пластиковый, но острый очень, руки не задень.

— Не задену, — пробормотал я сквозь зубы. — Неудобно просто...

Марат в это время подобрался к окну, упираясь макушкой в стену, встал на колени и осторожно выглянул.

— Слушайте, они и вправду молятся, — прошептал он, не оборачиваясь.

Кое-как я разрезал веревки. Потряс запястьями, восстанавливая кровообращение, несколько раз согнул и разогнул пальцы, и стал освобождать ноги. Марат смотрел в окно, а Катя — на меня.

— Быстрее! — поторопила она.

Лезвие, покрытое мелкими зазубринами, легко прорезало волокна старых лохматых веревок. Избавившись от них, я на четвереньках отполз в угол комнаты, чтобы случайно не заметили в окно, встал, помахал руками, присел несколько раз и вернулся. Освободил рыжую, потом Марата, отлипшего наконец от окна. Они оба почти в точности повторили мои движения. Напарник шагнул к двери, оглядел ее и покачал головой:

— Нет, отсюда точно не открыть.

Я в это время развернул зеленый сверток — внутри оказалась шляпка большого гриба, мягкая, зеленоватая, с бородавкой в центре.

— Помнишь, что это за артефакт? — спросила Катя. — Марат, а ты?

Мы оба покачали головами. Я завернул гриб обратно в листья зеленухи и спрятал в карман. По ходу дела заметил на брючине возле колена вырванную с мясом молнию, болтавшуюся на нескольких нитях, под нею — просторный карман за подкладкой. Может, артефакт оттуда и выпал? Пока эти неведомые «лешие» нас ташили, молния зацепилась за что-нибудь, порвалась, а уже здесь из-за судорог, какие часто бывают со сталкерами, попавшими под выброс, артефакт вывалился. Хотя вон у Марата такая же молния, но не порванная, просто растянутая. Так что, может, это его артефакт.

Выброс, Зона, сталкеры...

Каждый раз, когда я вспоминал какое-то слово, оно всплывало из глубин памяти, как пузырь, и лопалось на поверхности, разбрызгивая капли — то есть другие слова, связанные с первым. Я знал, что такое Зона и аномалии с артефактами, знал про мутантов и сталкерские группировки, я примерно представлял себе, что здесь к чему... Но я не помнил себя посреди всего этого! И напарника — совершенно не помнил.

Если я сталкер, то у меня должны быть контейнеры для артефактов. Ну хоть один. Но у меня их не было — лешие забрали. Хотя что это валяется в углу? Ну да — небольшой контейнер со сломанной крышкой. Может, этот сверток с артефактом из него выпал, а не из моего кармана?

Ладно, кровосос с ним, сейчас не до того. Я похлопал себя по груди, по бокам. Никакого оружия, одежда — крепкие широкие штаны, ботинки, свитер, куртка. Интересно, как я выгляжу? Какого цвета волосы, какой рост? Я провел ладонью по лицу, ощупал щеки, нос, лоб. Нос — большой, твердый и прямой, подбородок такой же. Колючая щетина, лоб не очень высокий, но и не слишком узкий.

— Ты что застыл? — прошипела рыжая. — Давай шевелись!

А решительная девка. И недобрая какая-то, будто ее что-то гложет изнутри, поэтому она зла на весь мир. Еще раз оглядев комнату, я прикинул, что к чему, и сказал:

— Так, слушайте оба. Марат — ложись на пол под окном, Катя — стань слева от двери. Я — справа. Как встану, Ма-

рат, каблуками выбиваешь стекло. И сразу ноги вниз не опускай, постарайся, чтобы эти, снаружи, тебя увидели. То есть увидели твои ноги, понимаешь?

— Чтoб решили, что мы еще связаны, — проворчал он. — Ясно, не нуди.

— Я не нудю, а даю четкие инструкции. Потом переворачивайся, встань на колени и постарайся собой комнату от них загородить. Они могут внутрь попробовать через окно заглянуть, так вот чтoб не засекли, что мы развязаны уже. Как встанешь — ори на них. Обзывайся как-нибудь, по матери, чтoб из себя вывести. Я с такими... религиозниками уже сталкивался, они не переносят, когда их чистую светлую веру глумят. Потому попробуй про Зону что-нибудь кричать, какая она вонючая и пакостная...

— Да понимаю я! — перебил он, мучительно морщась и растирая ладонями виски. — Как тебя... Алекс, все ясно, хватит трындеть!

Я кивнул.

— Вот и хорошо. Подруга, а мы с тобой становимся по сторонам от двери и, когда они внутрь заскакивают, вырубам их. Сразу договоримся: я — первого, ты — второго, ну а дальше как получится.

— Ладно. — Она протянула руку.

— Чтo? — спросил я, глядя на ее ладонь.

— Нож давай.

— Это еще зачем? — удивился я.

Вывести Катю Орлову из себя оказалось очень легко. Глаза ее блеснули, кулаки сжались.

— Чтo значит зачем?! Это мой нож. Попользовался — назад давай!

Покачав головой, я отошел к двери, стал сбоку от нее.

— Алекс! Нож назад, я сказала, быстро!

— Подруга... — начал я.

— И не называй меня подругой! — Она еще повысила голос.

Марат, стоя на коленях рядом с окном, хмурo наблюдал за нами.

— Ого, да у тебя истерика начинается, — удивился я. — Ладно, не подруга, слушай: сейчас не в том дело, чей это

нож. Нам отсюда выбраться надо, причем быстро, сама сказала. Ты — женщина, я — мужчина. Оружие будет у меня.

И тут она меня ударила. Резко, быстро, неожиданно — врезала ногой в бедро, я поставил блок, но оказалось, что это обманное движение, и на самом деле рыжая другое имела в виду — стукнуть меня ребром ладони по шее. У нее почти получилось, отвести и этот удар я не успел, только задрал плечо и нагнул голову, почти прижавшись к нему ухом, так что она попала мне по черепу. Ребро ладони у девчонки было как дерево, но и у меня череп не из ваты. Я отшатнулся, она с разворота нанесла удар другой рукой, но я отскочил и залепил ей оплеуху.

Это вышло неожиданно и для меня самого. и уж тем более — для Кати Орловой. Ладонь у меня широкая и тяжелая, как выяснилось, думаю, в голове у девчонки раздался оглушительный звон.

Рыжая упала на колени. Я сжал ее левую руку и вывернул, чтобы опрокинуть на пол мордой, то есть личиком, и выкрутить за спину обе руки. Женщина должна знать свое место, я считаю. Как и мужчина. Охотничьи ножи для мужчин, столовые — для женщин.

Но Катя Орлова так не считала. И прежде чем я успел уложить ее в позу номер два, она костяшками сжатых в кулак пальцев стукнула меня в то место, находящееся выше колен и ниже живота, которое так дорого сердцу каждого настоящего мужчины.

Боль разом отрезвила меня, прочистив голову от тупой ломоты в висках и затылке. Я едва не заорал, выпустил запястье девчонки, схватившись обеими руками за пострадавшую область, отскочил и ударился о стену. Вместе с болью пришла ярость — тихо зарывав, я бросился обратно, озверевший настолько, что почти всерьез вознамерился свернуть рыжей шею. Она привстала навстречу, поднимая руки...

Удар. Еще один. Звон в голове — да громкий какой! Комната качнулась, пол прыгнул вверх и врезал мне по скуле. Весь мир перевернулся...

Я моргнул.

И понял, что лежу на боку, прижавшись щекой к грязному линолеуму. В голове все еще гуляло эхо звона. Ря-

дом в похожей позе лежала Катя Орлова, над нами стоял Марат.

Пластиковый нож был в его руках.

— Идиоты! Дебилы недоделанные! — тихо, с холодной яростью цедил он. — Вы, два придурка, один — дурак, другая — дура! Какого хрена вы деретесь в комнате рядом с теми, кто вас связал?! Вы совсем долбанулись оба?! Валить отсюда надо — а они друг другу интерфейсы бьют!

Злость оставила меня. Стало даже немного смешно — а ведь и вправду, как два кретина себя ведем. Вернее, как кретин и кретинка. Я приподнялся, потрогал голову над ухом, куда напарничек врезал кулаком, и сел, поджав ноги. Катя тоже села. Глаза ее горели, взгляд скакал с меня на Марата и обратно.

— Ладно, убедил, — тихо сказал я. — И вправду дурацкая ситуация. Все, пора сматываться отсюда. Дай нож, сделаем все, как я предлагал... — И я протянул руку.

— Хрен тебе, — ответил на это Марат.

— Почему? — спросил я.

— Да ты ж псих неуравновешенный! — Он глянул на рыжую. — Мы с ним что, и впрямь напарниками были? Где я такого напарничка себе откопал больного на мозг?

Я покачал головой.

— Не-е, это она больная. Видел же — первая напала. А я что не так делал? Ясно же, с ножом в такой ситуации мужик должен быть...

Катя резко встала, и от этого у нее, должно быть, закружилась голова — слегка покачнувшись, она отступила к стене, положила на нее ладонь. Я машинально шагнул к девочке и приобнял за талию, поддерживая. Лицо ее исказилось, она оттолкнула меня. Вот чертова феминистка!

— Знал я одного мужика, — сказал я, отходя назад. — Причем не помню теперь ни как его зовут, ни кто он вообще такой был. Но вот помню, как он говорил: всем феминисткам надо перерезать фаллопиевы трубы и ссылать в Сибирь, снег убирать. Снега там много.

Марат поднял глаза к потолку, будто тоже пытался вспомнить, кто это говорил. У меня в голове встала картина: поздняя осень, холодно, ночь, костерок горит, вокруг сидят стал-

керы, и один, сбежавший в Зону от злой жены, произносит эту фразу. На мгновение показалось даже, что в памяти медленно всплывает бледный овал лица, и вот сейчас я вспомню его имя, вернее, кличку... Как же его... И — заодно уж — как же меня?..

Нет. Будто черная стена в памяти, глухая, высокая. И все, что связано со мной, все мое прошлое — позади этой стены. Я по эту сторону, прошлое — по ту. Надо пробить в стене дыру, заглянуть за нее, но пока что на это нет сил.

Катя Орлова между тем приняла какое-то решение. Она мотнула головой, прикусила губу и сказала:

— Хорошо, мне не важно, у кого нож. Хотя я умею им пользоваться. Ясно? Поэтому я хотела его забрать: я знаю, что умею им пользоваться.

— Я тоже умею, — возразил я.

— Откуда ты это знаешь? У тебя память отшибло.

— Но ведь не полностью. Про Зону вот помню, про другое. И рефлексy остались. Поэтому...

— Нож у меня будет, — отрезал Марат. — Вы двое уже себя показали, я здесь самый уравновешенный. Ты, — он кивнул девушке, — разбей окно, как Алекс говорил, потом заслоняй комнату. Мы с ним встанем у двери. Я вырубаю первого, Алекс — второго. Только не спорьте опять, достали! Если и вправду к нам какая-то штука приближается, которая мозги ломает... Уберемся отсюда, потом будем решать, что дальше.

— Ладно, делайте что хотите, — напряженным голосом произнесла рыжая, опускаясь на корточки и вдоль стены пробираясь к окну. — Но вы должны: раз — вытащить меня отсюда, два — помочь забрать мой контейнер, три — довести до места, где ждут остальные.

— Отсюда, может, и свалим, но как мы твой контейнер заберем? — проворчал я. — Откуда знать, где он вообще?

Она ткнула пальцем в стекло.

— Вон он.

Из нас троих я был единственным, кто еще не выглядывал наружу.

— Так, рекламная пауза, — сказал я. — Подождите еще немного, я тоже посмотрю, с кем сейчас дело придется иметь.

Марат молча встал сбоку от двери, Катя застыла рядом с окном. Я подполз к ней, выглянул, тихо спросил:

— Где мы вообще находимся?

— Город за ЧАЭС, — прошептала она. — То есть в северной части Зоны. Названия не знаю.

Сквозь окошко взгляду открылось что-то вроде комнаты для собраний. Большое помещение с высоким потолком, стулья, кафедра, в углу — железная стойка, там флагшток с обрывками флага. Это что, пионерлагерь какой-то бывший? Да нет, откуда ему в Зоне взяться. А знамя раньше красным было, с синими узорами, которые теперь выцвели. Похоже на армейский флаг. Военная база?

— Мы на военной базе? — шепотом спросил я.

— Наверное.

В центре комнаты стояла высокая трибуна, на ней лежал открытый контейнер, в нем что-то тускло светилось.

— Это то, что ты несешь в глубину Зоны?

— Да.

— А зачем ты его туда несешь? — спросил Марат сзади.

— Не знаю. Меня наняли, чтобы доставила, я наняла вас...

— Кто нанял?

— Не твое дело.

Вокруг артефакта широким кругом стояли те, кого Катя назвала лешими: семь патлатых мужиков в комбезах и меховых безрукавках. Возле кафедры — высокий наголо бритый мужик, одетый иначе — в светлые брюки и халат вроде докторского, забрызганный кровью. Бритый вещал, показывая одной рукой на артефакт. Было в его позе что-то очень торжественное, даже величественное.

— Все увидел? — спросила девушка. — Этот артефакт в контейнере мне и надо добыть. Без него дальше вообще нет смысла идти. Вы готовы?

— Сколько всего здесь, по-твоему, этих леших? — спросил Марат.

Она пожала плечами.

— Человек двадцать пять, может, больше. И еще — у них два вертолета. Я в моделях не разбираюсь, но один — военный, а второй вроде гражданский. Неповоротливый такой и

будто раздутый. Правда, военного что-то не видно в последнее время было.

Отдвинувшись от окна, я прислушался к себе. Такое чувство, что я с бодуна и вчера выпил не меньше полутора бутылок не слишком хорошей водки. В желудке как будто змея шевелится, очень хочется пить. Но головная боль почти прошла — и то хорошо.

Катя оглянулась на Марата, посмотрела на меня.

— Я готов, — сказал напарник.

— Ладно, тогда последнее запомните. Только хорошо запомните! Сейчас всякое может произойти, поэтому если один из вас вырвется, а меня с другим схватят, тот, кто спасется, должен на северо-восток идти. Как можно быстрее. Там река, Припять. Не доходя до нее, увидите болото, оно небольшое. Его надо пересечь, на другой стороне ждут наемники. Еще они мне по рации сказали, там монолитовские патрули крутятся, на джипах ездят. Так вот, если кто-то свалит отсюда, а других опять схватят, — он находит наемников. Говорит им, что он от Катерины Орловой, что ее нужно спасти. Что... — Она замолчала ненадолго. — Что она в полтора раза увеличивает оплату. И потом ведет наемников сюда. Есть вопросы?

Вопросов у нас не было.

2

Я стоял с одной стороны от двери, Марат — с другой. Катя легла на спину под окном, ногами к нему. Покосилась на нас. Напарник кивнул.

Рыжая согнула ноги в коленях и врезала каблуками по стеклу. Оно со звоном осыпалось, хотя несколько кусков остались торчать в раме. Монотонный голос, льющийся снаружи, сразу стал громче, но лишь на секунду — потом он смолк.

Раздался удивленный возглас. Катя перевернулась, вскочив на колени, приникла к окну.

— Молитесь, уроды?! — крикнула она.

Донесся звук быстрых шагов, скрипнули дверные петли, прозвучал короткий приказ.

Ручки на двери дернулась, шелкнул замок. Подняв нож, Марат ткнул себя пальцем в грудь, напоминая, что за первого возьмется он, и тут Катя крикнула:

— Берегись!

Дверь распахнулась, а в окно просунулись стволы ружья-вертикалки.

Получив удар кулаком в лицо, рыжая со сдавленным вскриком отшатнулась. Она упала на спину, громко хлопнув затылком по линолеуму, и сразу перекатилась вбок, к стене. За окном мелькнула фигура в белом халате, мы с напарником бросились на пол, а ружье выстрелило.

В дверь шагнул человек. Пуля ударила в стену над Маратом, ружье переместилось, стволы уставились на меня. Я лежал под стеной в такой же позе, как и рыжая: на спине, согнув ноги, почти прижав колени в груди, чтобы быстро нанести ими удар, если понадобится.

Приподнявшись, Марат сделал вошедшему в комнату подсечку, и леший опрокинулся набок.

Одновременно Катя врезала каблуками по ружью. Громыкнул второй выстрел, пуля ушла в сторону. Донеслось восклицание, и вертикалка рывком втянулась в окно.

Я вскочил. Марат выбросил в сторону руку с ножом-клинком вверх. Леший упал на него, пластиковое лезвие вошло под ребра. Сталкер захрипел, а в проеме за ним появился второй, с обрезом, наставленным на Катю. Я рванул дверь.

Тяжелый железный прямоугольник врезался в плечо лешего и припечатал того к дверному косяку. Что-то хрустнуло — должно быть, его ключица. Леший заорал, выпустив оружие. Я налег на дверь, он задергался, пытаясь высвободиться. Катя у окна вскочила. Выдернув нож, Марат встал на колени, а я рванул дверь обратно и врезал лешему кулаком в лицо. Он подался ко мне, но я, схватив его за руку, перекинул через себя. С криком он врезался лбом в пол и остался лежать неподвижно. Марат был уже на ногах с обрезом в руках, Катя бежала к нам.

— Мне отдай! — крикнул я, но опоздал — он выстрелил в глубь коридора.

Донесся стук упавшего тела. Размахивая ножом, напарник крикнул: «За мной!» — и выскочил наружу.

Мы с рыжей рванулись за ним, перепрыгнув через дергающееся тело. Марат на бегу обернулся, бросил мне обрез.

— Как дубинку! — крикнул он.

По обеим сторонам длинного коридора были одинаковые двери, а слева еще и заколоченный фанерой проем. Скорее всего он вел в помещение, которое мы видели через окно.

Поймав обрез за ствол, я заметил тень в дверях слева и крикнул:

— Осторожно!

Марат повернулся. В коридор выпрыгнул человек в забрызганном кровью халате, с вертикалкой в руках, — глаза безумно сверкали, наголо обритый череп лоснился, будто смазанный маслом. Бритый поднял ружье. Катя бежала по левую руку от меня, и я сильно толкнул ее, повалившись вбок. Человек, которого я про себя окрестил Доктором, выстрелил дуплетом, пули пронеслись вдоль коридора, но не нашли цели. Мы с Катей, проломив фанеру, влетели в помещение за стеной, а Марат отпрыгнул в дверь на другой стороне.

Опрокинув пару стульев, мы растянулись на полу. Рыжая вскочила первой и сразу бросилась к кафедре в центре комнаты. Там лежал раскрытый контейнер.

Поднявшись, я шагнул к другим дверям, ведущим в коридор. Навстречу выскочил Доктор, перед лицом мелькнул приклад ружья, я подался назад, но отклониться не успел.

Удар сбил меня с ног. Я растянулся на спине, Доктор, присев, занес оружие, чтобы вторым ударом разmozжить мне лоб. Лицо было прямо передо мной — гладкое, лоснящееся, безволосое... этот псих даже брови себе сбрил!

Я дернулся в сторону, приклад врезался в линолеум возле уха. Доктор придавил мне горло ружьем и навалился сверху, своим весом прижимая мои ноги к полу. Я засипел.

— Бог примет тебя, — сказал он, ласково глядя мне в глаза.

Раздался глухой стук, зрачки бритого прыгнули вверх, исчезли под веками. Схватив ружье за стволы и приклад, я что было сил толкнул его. В поле зрения появилась Катя, сжимающая контейнер за скобу на выпуклой крышке. Девушка подняла его, чтобы ударить еще раз, но я уже спихнул

Доктора, выхватив ружье из ослабевших пальцев. Тот завалился на бок, я высвободил ноги, вскочил.

— Сейчас другие прибегут, — сказала она, шагнув к флагу у стены.

Я распахнул забрызганный кровью халат, увидел петли с патронами на ремне, рванул пряжку. Катя тем временем выдернула из подставки флагшток.

Когда я застегнул ремень поверх куртки, из коридора донесся топот ног. Рыжая прыгнула к двери, выставив перед собой флагшток, хлопнули обрывки флага. В дверной проем влетел длинноволосый низкорослый толстяк, и плоский золотистый наконечник врезался ему в живот, отбросил назад.

Вслед за рыжей я выскочил из комнаты, на ходу заряжая ружье. Коридор наполнял топот — из-за поворота впереди к нам приближалась целая толпа.

— Туда! — крикнула Катя и побежала в другую сторону.

Коридор закончился приоткрытой железной решеткой. Толкнув ее, Катя первой влетела в следующее помещение. Услышав сзади тяжело дыхание, я с разворота выстрелил и попал в грудь одного из преследующих нас леших. Он упал, за него зацепился другой — в коридоре образовалась куча мала, и это позволило нам уйти.

Вслед за девушкой я повернул раз, другой, миновал лестницу, покрытую выцветшей ковровой дорожкой, еще один коридор.

— Стой! — выдохнул я наконец. — Куда бежишь? Заблудимся!

Катя перешла на шаг, оглянулась. Флагшток она так и не выпустила из рук.

— Надо от них оторваться.

— Уже оторвались.

— Нет. Слышишь?

— Да слышу я. Но они далеко где-то.

Шум погони доносился из глубины здания, совсем приглушенный. А домина, судя по всему, здоровый — вон уже сколько пробежали, а он все не заканчивается. Оглядевшись, я шагнул к окну.

— Сколько у тебя патронов? — спросила Катя.

— Семь.

В окне я увидел заросший травой внутренний двор. С трех сторон — стены здания, с четвертой — висячий бетонный коридор на высоте второго этажа, соединяющий два крыла. Такие иногда делают в школах или общественных учреждениях. Под коридором — потрескавшийся асфальт и заросли, дальше ничего не видно.

Посреди двора стоял вертолет незнакомой конструкции. Угловатый, приземистый, он казался неповоротливым, медлительным и напоминал спичечный коробок с короткой штангой рулевого винта. Рядом лежали раскрытые ящики, в них поблескивали крупные оранжевые шары.

— Артефакты, — сказала Катя удивленно.

— В ящиках?

— Да. Это огненные шары. Ну, их так называют. Артефакты аномалии «цветок». Вроде бомб, они взрываются от сильного удара, хотя не так сильно, как обычный динамит.

Топот ног стал громче, нас догоняли. Возле вертолета кружился серый смерч, и я прищурился, разглядывая его. Что же это такое... ага, воронка! Ну точно — одна из аномалий, опасных для человека. Воронка производит какие-то артефакты, но сейчас я не мог вспомнить, какие именно.

— Так, — сказал я. — Вон на той стороне столовая бывшая. Рядом, значит, кухня, и там должно быть место для подвоза, дорога, по которой машины приезжали с продуктами. Через кухню попадем на улицу и ходу отсюда. Пошли.

Я поспешил в сторону лестницы, которая должна была вывести к висячему коридору.

— Откуда знаешь, что там выход? — спросила Катя, идя следом.

Я пожал плечами.

— Да просто воспоминание такое.

Взбегая по ступеням, она заглянула мне в лицо.

— Что ты вспомнил?

— На самом деле — ничего. Только смутно так, будто я видел уже что-то похожее.

— В смысле? — не поняла она. — Был уже здесь?

— Нет, не в том дело. Просто знаю такой... ну, такой тип строений. Всякие военные базы, бывал на них раньше, даже жил, наверное.

Почему-то рыжую очень волновал вопрос о состоянии моей памяти. Она вновь спросила:

— Но про себя ты вспомнил хоть что-то?

— Что ты пристала? — не выдержал наконец я. — Вспомню — скажу! Меня сейчас больше интересует, куда Марат подевался.

Катя замолчала, прикусив губу, глаза ее поблескивали. Мы бегом пересекли висячий коридор, спустились по следующей лестнице и в дверях столовой остановились.

— Кровосос вас всех поберит! — сказал я, разглядывая помещение.

Столовую превратили в хирургическое отделение. Столы сдвинуты двумя рядами, на некоторых расстелены окровавленные простыни, на них лежат обнаженные человеческие тела. Культи, обмотанные бинтами головы, ампутированные конечности, на полу — тазики с красной марлей... Трупов было семь или восемь, кто-то очень хорошо поработал над ними. И я даже догадывался, кто именно.

Шум сзади стал громче. На другом конце столовой была распахнутая дверь, за ней — еще одно помещение, поменьше, в глубине его проем. Оттуда лился дневной свет.

— Когда связывалась со своими наемниками по радио, — тихо сказала Катя, делая осторожный шаг вперед, — услышала сигнал SOS.

— SOS? — повторил я.

Она пошла между двумя рядами столов, выставив перед собой флашток, как копье.

— Да. Кто-то из этого района звал на помощь. Я не потому сюда пришла, просто этот город был у меня на пути, но сигнал шел отсюда. Так, может...

— Может, это лешие, — продолжил за нее я, на ходу водя стволом из стороны в сторону. Тела были неподвижны, но меня не оставляло ощущение, что сейчас все они разом сядут на столах, опустив к земле голые ноги в кровоподтеках, повернут к нам лица и уставятся на непрошенных гостей мертвыми немигающими глазами. — Они таким способом приманивают сталкеров.

— Или гоблинов.

— Это еще кто?

— Так иногда мародеров называют. Бандитов. Многие попытаются ограбить того, кто сигнал о помощи дает...

Гулкая тишина наполняла столовую, шум сзади смолк, лишь из дверей впереди доносился едва слышный шелест листвы. Мы с рыжей шли плечом к плечу, дверь была недалеко. За проемом в конце второго помещения я видел растущие снаружи кусты. Я сказал:

— Приманивают, ловят и всякие опыты над ними проводят.

— Срачивают с разными проявлениями Зоны, — добавила она.

— Чего?

— Вон, — рыжая кивнула, — смотри.

Впереди оставалось одно тело, высокий широкоплечий человек лежал на столе слева, и теперь я разглядел, что макушка черепа у него срезана. Мозга внутри не было, вместо него в череп вставлен большой артефакт странной формы... Нет, не артефакт — сборка.

Это слово само собой всплыло в памяти. Сборка или спайка, их по-разному называют. Конструкция из нескольких артефактов — иногда у этих штук возникают новые, очень интересные свойства.

Я прищурился. Мы почти поравнялись со столом, где лежал этот тип. Сборка в его голове состояла, кажется, из кристалла, пушинки и черного семечка, артефакта, который создает... что же его создает? Одна из новых аномалий, появившихся уже после... после чего? После той недавней катастрофы, о которой упоминала Катя Орлова, когда мы только пришли в себя. После нее возникло сразу несколько новых аномалий, мы с напарником успели немного изучить их свойства. Цветок, змеиный клубок с его смерчами, что-то еще...

Но где мы были с напарником в это время? Чем занимались?

Кто я?

В висках заломило: попытки вспомнить вызывали прилив крови к голове и боль. Мы уже шли мимо стола, на котором лежал человек без мозгов.

И тут он сел, свесив к полу голые ноги в кровоподтеках, повернул к нам лицо и уставился на непрошенных гостей мертвыми немигающими глазами.

Катя вскрикнула, я заорал, шарахнувшись назад, машинально выстрелил из обоих стволов. Пули ударили в грудь живого трупа, опрокинули его. Мертвец растянулся поперек стола, а мы побежали, но я успел заметить, как труп поднял голову. Сборка в его черепе поблескивала искрами, бледные огни бежали по сплавленным воедино артефактам.

— Сын мой! — раздалось сзади.

Катя с разворота метнула флагшток. Она первая нырнула в дверь, я — за ней. Уже снаружи я оглянулся и увидел, что живой труп марширует по проходу, а навстречу ему от дальней двери идет, простирая перед собой руки, Доктор, и позади него видны фигуры других леших.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ МАРАТ. БОЛОТО

1

Теперь болото было со всех сторон. В ботинках хлюпало, штаны потяжелели от влаги. Я шел на северо-восток, как говорила рыжая девчонка, рядом с которой мы со сталкером по кличке Алекс очнулись недавно. Хотя доверять ей не стоило — уверен, она не была полностью искренна с нами. Подозрения возникли у меня с самого начала, как только мы пришли в себя и она принялась заливать насчет произошедшего раньше. Самый щекотливый момент, который Катя Орлова явно постаралась обойти стороной, — почему она успела спрятаться в подвале от выброса, а мы — нет? Может, мы не те, кого она наняла, но те, кого нанял кто-то другой? Которые преследовали ее? А она от нас убегала и спряталась в подвале? Но зачем мы ее преследовали? Чтобы убить?

Может, мы наемники-убийцы?

Я сбился с шага, подумав про это. Прислушался к себе, в который раз попытался вспомнить прошлое, но от этого лишь заломило в висках. Ни себя, ни напарника по кличке — или по имени — Алекс не помню! А вдруг никакого напарника у меня не было, и это тоже выдумки рыжей? Вот только зачем ей сочинять такую историю, зачем...

Далеко впереди возникло приземистое широкое строение. Всматриваясь в туман, я потерял бдительность и чуть не напоролся на аномалию.

Все же умения, приобретенные за годы жизни в Зоне, не покинули меня вместе с частью воспоминаний о прошлом. Будто что-то подтолкнуло изнутри, заставило окинуть взглядом дорогу...

На полном ходу я прыгнул в сторону и повалился в грязь.

Болото плеснулось, ленивая круговая волна разошлась по черной поверхности. Я замер, глядя между стеблями осоки. Спина, плечи, шея, подбородок, даже рот — все погрузилось в вязкую жижу, лишь макушка торчала из нее, словно буюк. Стараясь дышать как можно тише, я прищурился, изучая аномалию.

Я помнил — они есть разных видов, более или менее опасные, подвижные или нет, «мигающие» — эти исчезают и возникают на одном и том же месте, хорошо заметные и почти невидимые.

Аномалии порождают то, что сталкеры называют артефактами. Аномалии не обязательно материальны, зачастую это лишь энергия Зоны, принявшая определенную форму, будто жидкость, налитая в сосуд. Но вот производимые ими артефакты вполне материальны, они имеют вес, плотность, цвет... и свойства, полезные либо вредные для людей. За границей Зоны множество военных и гражданских организаций покупают артефакты, вот почему на них такой спрос.

Блеклые красноватые отблески медленно ползли по грязи вокруг, по моему лицу и слипшимся в черную корку волосам. Я прикинул расстояние и понял, что спрыгнул с дороги очень вовремя, еще шаг — и змеиный клубок засек бы меня.

Впереди между кустами на поверхности болота виднелась идеально круглая вмятина — в грязи лежал невидимый шар диаметром метра два. Из чего состоят стенки шара — совершенно непонятно. Они тонкие и прозрачные, будто пленка из чистейшей родниковой воды, и заметить их можно лишь по иногда пробегающим красным отблескам.

Красный свет излучало ядро аномалии, которое перекачивалось внутри шара, — клубок, состоящий из алых змей,

гибких, туго переплетенных. В действительности это, конечно же, никакие не змеи, а энергетические жилы, и они куда опаснее обычных ядовитых гадов.

Аномальное образование пульсировало, испуская волны напряжения, мелкой дрожи. Энергия змеино-го клубка сочилась наружу сквозь стенки пузыря, волосы на моей голове шевелились, кусочки засохшей грязи падали с них, кожей лица я ощущал, каким колким стал воздух.

Подул ветер, слева закачались заросли, и ядро тут же переместилось в ту сторону, замерло возле невидимой стены — будто уставилось на осоку.

Какое-то воспоминание проклюнулось в голове, смутное, затянутое туманом. Я сморщил лоб, пытаюсь вспомнить, — это было мучительно. Когда-то мы с кем-то... с кем же? С одним... с одним сталкером по имени Лесник*... Да — с Лесником, точно! — у нас произошел спор. Он считал, что змеиный клубок — это существо, а не просто аномальное образование. Лесник не утверждал, что аномалии этого вида разумны в той же мере, что и люди, по его мнению, они как медузы. Я возражал, что аномалия ближе к растению — бывают ведь хищные растения, которые захватывают лепестками севшую на них мошку. Хотя даже такое сравнение казалось мне слишком смелым. Скорее уж аномалия — это процесс, как морские приливы или покачивание ветвей на ветру, бездумное повторяющееся действие, заключенное в небольшом участке пространства. Но ведь оно реагирует, — возражал Лесник. Да, соглашался я, с какой стороны ни подойди — клубок заметит тебя, хотя глаз у него нет, и переместится в твою сторону, ну а если приблизиться еще, пересечь определенную границу, то... Значит, он обдумывает, пусть и на примитивном уровне, происходящее вокруг, — доказывал сталкер. А я отвечал ему: когда вода обтекает лежащий на пути камень, она свой поступок обдумывает? Течение воды — это закон природы, следствие обычных законов нашего мира. Так и «поступки» аномалий — змеино-го клубка, Деревя-Кукловода, купола, электро- или свечи — могут быть следствием без-

* Лесник — герой романа А. Левицкого и Л. Жакова «Охотники на мутантов».

думных законов. Только течение воды или сыпучесть песка является следствием законов природных, а свойства аномалий — следствие законов аномальных, возникших в Зоне.

Кажется, мы тогда с Лесником так ни до чего и не договорились и разошлись каждый в свою сторону, а после он исчез где-то в Восточном Могильнике.

Дождавшись, когда ядро откатится на другую сторону шара, я пополз вбок, едва перебирая ногами и руками. Запастя уходили в грязь целиком, на поверхность выныривали крупные пузыри, лопались с едва слышным плеском. Надо обогнуть аномалию, сохраняя прежнее расстояние до центра, а когда буду от клубка где-то в десяти-двенадцати шагах — вскочить и бежать прочь со всех ног.

А ведь я понятия не имел, что змеиные клубки попадают в болотах, считал их порождением степей. Хотя эта аномалия немного отличалась от привычных: жгуты энергии в ядре несколько иного оттенка, не такие чистые, ярко-красные, с легкой примесью зелени. Скорее всего такой особенностью обладали именно болотные клубки, так их меняла топь. Но вместе с цветом у местных аномалий могли измениться и свойства, а я ничего про них не знал.

В голове все еще клубился туман, в котором возникали и тут же исчезали смутные картины. Ничего толком я припомнить не мог, хотя теперь мне казалось, что змеиный клубок, равно как и цветок или свеча, — детища северной части Зоны. Ну да, правильно, рыжая и говорила, что мы на севере, за ЧАЭС. Далеко забрались. Странно все же. Я знаю про аномалии, вон смог вспомнить даже, что змеиный клубок специфическая северная штука, — а свое имя забыл.

Услышав тихое гудение сбоку, я замер, вслушиваясь, и вскоре сообразил, что является источником звука. Ну конечно! Если это взрослая, хорошо развившаяся аномалия — она должна породить вихри.

Гудение приближалось из-за правого плеча. Когда ядро перекатилось на другой бок пузыря, я вновь пополз, осторожно оглянувшись.

Смерч в человеческий рост высотой, поднимая листья и грязную воду, медленно двигался по дуге вокруг аномалии.

Змеиные клубки, достигшие определенного возраста, создают воздушные смерчи, обычно один или два, редко — три. Те способны кружиться месяцами, иногда уменьшаясь, иногда набирая мощь, хотя размеры их никогда не превышают одноэтажный дом. Вихрь может разрушиться, если в него попадет что-то крупное... например, человек. Этот — средних размеров, сам по себе не очень опасен, но он вырвет тело из грязи — и тогда клубок атакует меня.

Я пополз как можно скорее, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить и не броситься прочь. Громко хлюпать и баламутить грязь нельзя — аномалия тут же заметит. Красное ядро каталось по пузырю, волны напряжения расходились вокруг, тысячи незримых иголочек покалывали кожу.

Вихрь нагонял, гудение становилось все громче.

Несколько мгновений я тешил себя надеждой, что он пройдет мимо, — но тут смерч заметил меня.

Эта их особенность также стала причиной споров с Лесником. Как вихри, порожденные змеиным клубком, находят оказавшихся поблизости людей или животных? Я считал, что они реагируют на тепло тела, а сталкер — что их притягивает мозговое излучение, или аромат мысли, как он выражался. Мол, оно есть у любого человека и даже неразумного зверя, и вихри как-то чувствуют его.

Ощувив дуновение воздуха, я пополз еще быстрее. Клубок по-прежнему хищно рыскал внутри прозрачного шара, вихрь нагонял.

А потом он оказался прямо за мной, поток воздуха зашевелил волосы на голове, по грязи побежала рябь. Все, конец, сейчас смерч вцепится в меня, вырвет из болота — и красное ядро метнется на ближнюю сторону пузыря.

Оставалась единственная возможность. Про этот трюк мне кто-то рассказывал — кто именно, я, хоть убей, вспомнить не мог, — однажды он проделал его и спас себе жизнь, хотя не советовал повторять, так как на его глазах такое же пытались совершить двое сталкеров, и оба погибли.

Вихрь шипел за спиной. Грязь заволновалась, протяжно хлюпнула, вязкие черные спирали стали вырываться из нее, взлетая к смерчу, а он приближался, клокоча...

И тогда я вскочил.

Пустив густую темную волну, я встал на ноги и пригнулся, вперив взгляд в аномалию.

Красный клубок молниеносно перекатился ближе.

Он будто уставился на меня, грозно и пронзительно. Тепло пробрала дрожь.

Вихрь качнулся ко мне, поток теплого воздуха обдал спину, по ней зашуршали листья и мелкие ветки.

Аномалия выстрелила — но за миг до этого я ничком повалился в грязь.

Один из жгутов энергии распрямился, будто пружина, и стрелой рванулся ко мне, пронзительно жужжа. Внутри шара заключен участок пространства с другими, аномальными свойствами; пробив границу и вырвавшись наружу, в естественную среду нашего мира, жгут мгновенно изменился, обрел материальность.

Раскаленный до алого сияния острый прут пронесся надо мной и вонзился в смерч. С головой погрузившись в грязь, я не видел того, что случилось после. Зато я помнил рассказ сталкера, пусть и не мог припомнить его имени.

Вихрь разбух, наполняясь красным сиянием энергии материнской аномалии, и лопнул. Комья и ветки забарабанили по спине, когда я, вскочив, помчался вокруг клубка.

Гудение смолкло: выстрел разрушил вихрь. Змеиному клубку необходимо несколько мгновений, чтобы взвестись, то есть вновь напитаться энергией, которая позволит метнуть в цель новую жгучую стрелу. Эти стрелы и являются его артефактами. В отличие от большинства других артефактов, стрелы не стоят ни копейки, ведь они исчезают вскоре после того, как клубок выплюнет их.

Я бежал, как не бегал никогда в жизни, — и все же змеиный клубок успел. Раздалось жужжание, и через мгновение стрела раскаленным шилом впилась в правое плечо под ключицей, ударив меня током. Я упал — хорошо, что впереди раскинулась прогалина, поросшая сухой бурой травой, иначе мог бы захлебнуться в грязи. Мышцы скрутило судорогой, зубы лязгнули, затряслась голова. Жгучие стрелы несут приличный заряд. Вонзаясь в жертву,

артефакт мгновенно выплескивает его и превращается в труху.

Это и произошло сейчас — несколько секунд артефакт жег меня разрядами, от которых тело конвульсивно содрогалось. Хорошо, что аномалия выплюнула вторую стрелу, когда я был уже далеко, на самой границе опасного участка. Прут успел немного охладиться во время полета, да и скорость уменьшилась — иначе он выжег бы плоть вокруг себя, проделав дыру, куда можно просунуть руку.

Рана была сквозной — скосив глаза, я увидел выходное отверстие в плече, — зато небольшой, не толще спицы. Я прополз немного, поднялся на колени, упираясь в землю руками. Из дыры просыпалась темная труха — все, что осталось от артефакта. Крови не было, жар остановил ее лучше всяких лекарств и повязок.

Надо найти болотный трилист, иначе потеряю сознание от боли. Я встал, качнувшись, завалился вперед, но успел выставить ногу и не упал. Вокруг все плыло и шаталось, боль расходилась жаркими пульсациями, будто к плечу раз за разом прикладывали горящий факел.

Трилист должен расти где-то неподалеку. У него синие треугольные листья, я видел их, когда бежал. Оглянувшись: вихрь исчез, ядро змеиного клубка все так же бесшумно перекатывалось внутри незримого пузыря. Я сделал осторожный шаг, потом второй. По телу разливалась слабость. Вон что-то синее слева, в зарослях осоки. Ну да, он обычно прячется среди более сильных растений, обвивает их своими гибкими стеблями...

На следующем шаге я потерял равновесие, упал лицом вниз и пополз, хватаясь за траву. Головой раздвинув заросли, увидел жесткие желтоватые стебли, обвитые лозой трилиста. От боли туманилось зрение, мир качался, как лодка на волнах.

Я ухватил лозу, потянул. Не стал даже срывать листья — сунул ее в рот целиком и принялся жевать мягкие сочные волокна вместе с комочками земли, ощущая горечь на языке.

Некоторые сталкеры собирают трилист и продают скупщикам или нашим доморощенным костоправам, живущим в лагерях. Из растения варят настои, которыми пропи-

тывают повязки либо — в очень небольшом количестве — дают выпить больному. Ни один лекарь-самоучка из Зоны не скажет тебе жевать листья, ведь трилист сильный наркотик, вызывающий странные видения.

И вскоре я хорошо ощутил его действие. Боль исчезла вместе со всеми тревогами. Я забрался глубже в заросли, перевернулся на спину и сквозь туман уставился на далекое небо. Очень смутно я осознавал, где нахожусь, что это северная часть Зоны, я двигаюсь в сторону Припяти, надеясь встретить отряд наемников, нанятый незнакомой рыжей женщиной, которая назвалась Катей Орловой. Но понимание было отстраненным и беззаботным, оно не вызывало никаких чувств. Пусть себе ищут, я слишком безмятежен, чтобы волноваться из-за этого, и нашел для себя безопасное место — ведь эти заросли очень густые, никто не заметит меня в них, они высокие и так уютно шелестят...

Лишь много позже я осознал, как мне повезло, что тогда в осоку не забрел какой-нибудь болотный мутант. Я бы, наверное, встретил его с благостной улыбкой и не стал сопротивляться, если бы он начал грызть меня. Но никто не появился — и я лежал, благодушно глядя в небо, следя за плывущими облаками, едва различимыми сквозь туман. В какой-то момент я и сам стал облаком — взлетел, воспарил над миром и поплыл в компании тучек, радостно клубясь, по влажному синему простору. Потом набух, разросся, потемнел и потяжелел — и низвергнулся вниз проливным дождем. Из меня ударила молния, слепящий зигзаг протянулся к далекой земле, к болоту вокруг кольца гор — головокружительное стремительное падение, — впился в землю посреди зарослей осоки...

Я вскрикнул и резко сел.

И понял, где нахожусь. Голова кружилась, подташнивало, но боли не было. Оглядел рану — едва заметная темная дырочка в плече. Немного выше — и жгучая стрела пробила бы кость, чуть ниже — и зацепила бы легкие. Хорошо бы перетянуть чем-нибудь, чтобы внутрь не набилась грязь. Я достал пластиковый ножик, снял куртку, срезал рукав рубахи по локоть и намотал на плечо, ощутив совсем легкую боль. Видения прошли, но трилист еще действовал.

Осторожно привстав, я осмотрелся. Ничто не изменилось: осока, трава, топь. Сколько я лежал? Небо светлое, но наверняка давно перевалило за полдень. Надо добраться до границы болот, прежде чем наступит вечер. Здесь и днем опасно, а ночью, в одиночку, невооруженному — не выжить, каким бы опытным сталкером ты ни был.

Я сорвал несколько синих листьев, сунул под повязку и встал. Затошнило сильнее, голова закружилась. Ноги дрожали, болезненная слабость наполняла тело — действие дурманных веществ. Раздвигая осоку, я выбрался из зарослей. Далеко в стороне увидел красное пятно змеиного клубка, почувствовал идущую от него энергию, но слабо, едва-едва.

А впереди тянулась земляная дорога. И рядом стоял приземистый дом — именно его я заметил, перед тем как нагнуться на аномалию.

2

Лежа в заболоченной низине между двумя холмами, я внимательно наблюдал за дорогой. Она проходила по вершине насыпи, что за ней, видно не было, а вот на ней стоял большой бревенчатый дом, и рядом за оградой виднелось несколько машин — старый микроавтобус, трактор с прицепом, легковушка, два черных джипа.

И еще там были монолитовцы.

Я понял, что это именно они, по черным комбезам и шлемам. Двое стояли снаружи с оружием наизготовку, охраняя людей в обносках, неподвижно сидящих под стеной дома. Еще один сидел в микроавтобусе, выставив ноги в раскрытую дверцу со стороны водительского сиденья, как минимум трое находились в доме, и последний караулил на покатой крыше, высунувшись по пояс из слухового окна с автоматом в руках. Сбоку из крыши торчал широкий деревянный раструб — я так и не смог понять, для чего он.

Я лежал неподвижно, размышляя. Что происходит в северной Зоне? Лешие, теперь вот монолитовцы... И что это за

бродяги у них в плену? Обычные сталкеры или нет? Дом — их сторожевой пост, выходит, монолитовцы контролируют это болото или по крайней мере его границу? Я почесал лоб, скосил глаза на повязку. Она так и осталась сухой — оставленная жгучей стрелкой рана не кровоточила. Чувствовал я себя нормально, слабость прошла.

Ну хорошо, главное, что надо решить — собираюсь ли я помогать рыжей девчонке? И если нет, то что мне делать дальше?

Ответ был очевиден: в одиночку не выжить. Без оружия и припасов, без прошлого... Назад в город нельзя, там лешие. Возможно, Катя Орлова с моим напарником спаслись, возможно — снова в плену, а может, их вообще убили. В любом случае возвратиться я не могу, но тогда — куда мне податься? Значит, надо разыскать отряд наемников и все им рассказать. В конце концов, по словам рыжей, я сам наемник, как-нибудь найду общий язык со своими...

Но наемники — где-то по другую сторону этой насыпи, границы болота. Надо пересечь ее. Скоро начнет вечереть, следует поспешить. Черт знает, какие твари выползают из топей ночью.

Пока я размышлял, из дома появились два монолитовца, пинками заставили пленных подняться и повели к микроавтобусу. Неужели эта развалюха еще ездит? Машина казалась совсем старой, корпус проржавел, стекол нет. Сектанты выстроили пленных позади него и стали связывать им руки. Трое других вынесли из мастерской раздутую меховую подушку. Я сощурился, вглядываясь. Что это еще такое? Напоминает небольшой воздушный шар, сшитый из шкур. Монолитовцы подняли его (причем было понятно, что они скорее придерживают эту штуку, чтобы она не улетела, чем поддерживают на весу), водрузили на микроавтобус, пристегнули к нему ремнями. Раздалось гудение, и на дороге справа показались еще два джипа — открытые, покрашенные зеленой краской.

Пора. Я вскочил и нырнул в заросли по левую руку. Надо было обойти этот отрезок дороги и дальше пересечь ее.

* * *

Пока бревенчатый дом оставался в пределах видимости, я то шел, низко пригнувшись, то ложился и полз — у сектанта на крыше наверняка был бинокль. Потом дорога повернула, за поворотом открылось залитое водой поле. Насыпь длинной дугой огибала его и тянулась дальше, исчезая в тумане.

Я присел на корточки, разглядывая затопленную низину. На другой стороне виднелись облепленные мхом развалины, торчащие из воды балки и остатки стен. Оглянулся — здесь перебежать дорогу еще опасно, надо пройти дальше. Можно пересечь поле напрямую, на это уйдет куда меньше времени, чем если огибать его вдоль дороги, — очень уж велика протянувшаяся дугой насыпь.

Сзади раздалось гудение.

На повороте росли деревья с кустами, из-за них я не видел, кто приближается ко мне, хотя сразу решил, что там едут монолитовцы. Иногда двигатель принимался дребезжать и похрипывать. Нет, это не джип, скорее уж микроавтобус. Сквозь дребезжание донеслось басовитое гудение — ага, джипы там тоже сюда движутся.

Прежде чем первая машина показалась из-за деревьев, я бросился в воду под насыпью.

Опустившись в воду до подбородка, я наблюдал, как процессия удаляется по дороге. Состояла она из ржавого микроавтобуса, одного черного джипа и двух зеленых, открытых. В машинах ехали с десятков сектантов, и примерно столько же людей в обносках, со стянутыми руками, ташились позади микроавтобуса, привязанные к нему длинной веревкой. Они качались и монотонно переставляли ноги.

Дождавшись, когда машины проедут вперед с полсотни метров, я быстро пошел через затопленное поле, оставляя за собой две расходящиеся волны. На краю топи туман почти рассеялся, я отчетливо видел все поле. Когда-то это была ферма. Длинные земляные холмики — остатки грядок — наполовину размылись, но ступни то и дело попадали между

ними, и я погружался в воду почти по пояс. Вокруг тянулся лабиринт заводей, протоков и луж, я лавировал между высокими кустами, и вскоре они скрыли от меня насыпь. Местами трясина уплотнилась, превратившись в ложные острова — зыбуны, плотные растительные подушки на поверхности, которые тоже приходилось огибать.

Из-под ног взлетали гроздья пузырьков, лопались на поверхности. Я столько раз сворачивал, что вконец бы запутался, но насыпь, видневшаяся по правую руку, помогала держать направление. Туман рассеялся окончательно, было душно и тихо, гудение моторов смолкло, только ленивое жужжание слепней висело над полем. В зеркальной глади отражались облака, я шагал сквозь них, и небо качалось, дробилось на мелких волнах.

Стало прохладнее, приближался вечер. Позади осталось две трети поля. То тут, то там из дна росли целые острова травы, она волновалась на ветру, тихо шелестя. Ни одна аномалия так и не попалась на пути, но я обошел змею, которая проплыла впереди, выставив над водой плоскую голову, миновал ядовитый куст-колючку и едва не наступил на дохлого бюрера, валяющегося кверху раздутым брюхом. Труп мутанта насторожил меня — возможно, где-то неподалеку прячется и ведьма? Чешуйчатые болотные карлики и ведьмы обитают рядом...

Подумав про них, я остановился. Откуда я это знаю? Болотная ведьма... Зажмурившись, я попытался представить ее, и в голове медленно проступил образ — существо с четырьмя лапами и парой рук, нечто среднее между ящерицей и человеком. Ведьмы живут только здесь, на севере, мне про них кто-то рассказывал, про них и болотных карликов, и про их повадки. И еще — про пузырьника. Вот этой твари точно нельзя попадаться на пути!

Я удвоил осторожность, но старался двигаться по возможности быстро, все еще надеясь затемно выйти из болота. Солнце скрылось за горизонтом, небо посерело.

Наконец показалась ограда фермерского дома. Кривой частокол едва торчал над водой. Значит, поле я почти пересек, осталось миновать развалины, и откроется конец той огромной дуги, у начала которой на меня едва не напоролись моно-

литовцы. Тогда перебегу через насыпь, ну а дальше... Контролер его знает, что дальше. Надо искать отряд наемников.

Перебравшись через ограду, я привстал на цыпочках, изучая дорогу, видную поверх развалин. Если монолитовцы с пленниками двигались немного быстрее меня, то сейчас они находятся примерно на том участке дороги, который мне надо пересечь. Стоит подождать с полчаса, чтобы они точно убрались подальше, и тогда подниматься. Спрячусь пока в развалинах.

Зашагав дальше, я услышал рокот сзади. Оглянувшись — низко над полем летел гражданский вертолет, дверца его была раскрыта, наружу высунулась наголо бритая голова.

Мы увидели друг друга одновременно. Он исчез, и вертолет, заложив вираж, полетел в мою сторону.

Я побежал, петляя между развалинами. Рокот нарастал. Я оглянувшись — «вертушка» была почти надо мной. Мелькнула бритая голова, потом из дверцы один за другим вылетело несколько оранжевых шаров.

Они упали сзади, взорвались, подняв фонтан грязи и огня. Земля задрожала, я упал. Впереди торчали обугленные балки, сбоку высилась стена сарая — она развалилась, когда последний шар угодил в нее, и я покатился в другую сторону, чтобы не засыпало обломками.

Вертолет, пролетев дальше, зашел на второй вираж. Высунувшийся наружу бритый дал длинную очередь из автомата, но стрелком он был плохим. Вертолет, описав крутую дугу, понесся на меня, пришлось бежать прочь от руин и затопленного поля — то есть к насыпи.

Сверху вновь посыпались оранжевые шары. Я бежал, земля содрогалась все сильнее, отблески огня нагоняли вместе с грохотом... Последний шар взорвался, и вертолет промчался низко над головой. Повернул.

Другого пути не было — я бежал к насыпи. Рокот машины, немного стихший, зазвучал громче. До склона оставалось шагов сто, когда волосы на голове зашевелились, будто кто-то взъерошил невидимыми пальцами. Я остановился так резко, что едва не упал.

На полпути между мной и склоном находилось одно из самых необычных аномальных образований. Если бы я врезался в него, то умер бы на месте.

Сталкеры называют его цветком — ядро аномалии располагается на гравитационном столбе, который выглядит просто как полоска дрожащего воздуха. «Стебель» легко ломается, и диск падает на голову того, кто разрушил его. Над ядром гравитация ослаблена, под ним — усилена. Соответственно, все, что попадет под аномалию, увеличивает вес: в пять, десять, сто раз... Это зависит от возраста аномалии.

Диск находился не прямо передо мной, немного левее. Рокот вертолета вновь нарастал.

Я побежал к аномалии.

Загрохотали огненные шары, взбурлила грязь. Насыпь и стебель аномалии были прямо передо мной. На полном ходу я бросился в сторону, обогнул цветок и помчался вверх по склону.

Но пилот вертолета не успел повернуть, а может, просто не заметил опасности. Оказавшись над аномалией, машина попала в конус антигравитации.

Если там каким-то образом окажется человек, его зашвырнет далеко в небо. Вертолет, ясное дело, куда тяжелее, но и его подбросило с большой силой. Рокот двигателя захлебнулся, «вертушка» рванулась кверху, из дверцы выпало сразу множество шаров. Машина закувыркалась, стремительно уменьшаясь, стала точкой на фоне вечерних облаков и пропала из виду.

Последние шары, выпущенные уже после аварии, градом обрушились вокруг — один чуть было не угодил в меня, остальные взорвались выше по склону и на дороге. Я заметался между гейзерами земли и огня. От грохота заложило уши, поскользнувшись, я упал на четвереньки, пополз вниз, но сумел выпрямиться и прыгнул на плотно утоптанную землю.

И увидел, что монолитовцы как раз ехали по этому участку.

Последние шары угодили в машины — впереди царил хаос. Черный джип взорвался, оба зеленых пылали. Два или

три шара попали в шеренгу пленников, и теперь они горели, но, странное дело, люди не бегали, не катались по земле, пытаясь потушить огонь, — просто брели в разные стороны, волоча за собой обрывки веревок.

На моих глазах микроавтобус перевернулся, оттуда выкатился сектант, объятый пламенем, вскочил, пытаясь содрать с себя комбинезон. Прикрученная ремнями к джипу раздутая меховая подушка лопнула, с шипением выпустив содержимое, запахло тухлыми яйцами. Еще трое сектантов выскочили из джипа, один заметил меня, вскинул автомат, я отпрыгнул, покатился по земле...

Раздалась очередь, и монолитовец упал. Хлопнуло несколько одиночных выстрелов. Я лежал, подняв голову, но мало что видел из-за дыма. Еще два выстрела. Окрик. Звук шагов — он едва донесся сквозь гудение огня. Воздух дрожал, жар волнами обдавал лицо.

Раздался голос:

— Вставай, мы тебя видим.

Я медленно выпрямился, сжимая пластиковый нож в правой руке.

Ни одного монолитовца в живых не осталось, из пленников — только двое, оба еще горели, один брел прочь по дороге, другой спускался по насыпи. Теперь я сообразил, что это шатуны. Зачем сектанты берут в плен шатунов? И какие у них взаимоотношения с лешими?

Шатун споткнулся, упал, скатился в воду. Зашипело, повалил дым. Человек остался лежать неподвижно обгоревшим лицом вверх.

— Двойники эти, — произнес тот же голос, — совсем малахольные какие-то, скажи, Кирилл?

Я медленно обошел микроавтобус, переступил через труп монолитовца и остановился.

С другой стороны насыпи показались семеро людей. Двое — обычные наемники, один белобрысый, второй невысокого роста. Еще в двух я сразу признал синхронов. Кажется, я даже слышал про них когда-то, хотя знаком не был: молодые смуглые парни, один жгучий брюнет, а у второго волосы как альпийский снег. Пятый — невысокий пожилой мужик в полувоенной форме, с фотообъективом вместо пра-

вого глаза, шестой — здоровяк с бугристым лысым черепом и длинной прядью волос на макушке, седьмой — морщинистый мужик в брезентовом плаще.

Я уставился на него.

Мы были знакомы. Наверняка! Когда-то, возможно, очень давно, а может, наоборот, недавно, я знал его, знал, как его зовут...

Что-то щелкнуло в голове, и я сказал:

— Болотник?

Морщинистое лицо осталось спокойным.

— Откуда меня знаешь? — спросил он.

— Болотник, — повторил я. — Макс. Макс, да?

Он кивнул. И добавил, помолчав:

— Мы не знакомы.

— Разве? — осторожно спросил я. — А мне кажется, я тебя видел...

Макс Болотник внимательно оглядел меня и покачал головой.

— Так чего, — бритый здоровяк поднял «М-4». — Я его стрельну, и нормально. У меня еще полмагазина осталось.

— Всего лишь полмагазина, Хохолок, — ответил наемник с механическим глазом. — Если и есть необходимость убивать этого человека, то с помощью ножа.

— Та ладно, и нож не нужен. — Здоровяк закинул автомат за спину и шагнул ко мне, подняв руки. — Я его так придушу. Или гранатку в него? У меня последняя...

— Эй! — сказал я. — Хоть кто-нибудь из вас меня знает? Никто? Ладно, тогда вот что: Катя Орлова.

— Чё? — тот, кого называли Хохолком, вытаращился на меня. — Ты чё сказал?

Это были они, те самые наемники. Я заключил:

— Она передает привет. И просит поторопиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ АЛЕКС. БОЛОТНЫЕ БЮРЕРЫ

1

Левая рука повисла плетью, в плече пульсировала боль. Скрипя зубами, я ухватился за торчащий из кочки кривой ствол, кое-как вылез на относительно сухую землю, упал и замер лицом вниз.

Город с военной базой, где засели лешие, остался позади, вокруг было болото. Нас преследовали трое, мы ушли от них, убив двоих и ранив третьего, который уполз обратно к городу, но успел вывихнуть мне руку и едва не утопил.

Я лежал не шевелясь, постепенно приходя в себя. Что-то потрескивало и булькало, топь иногда будто сглатывала, чавкала. Так толком и не придя в себя, я уперся в землю здоровой рукой, встал на колени, огляделся.

— Алекс!

Раздавшийся неподалеку растерянный голос придал мне сил. Вцепившись в дерево, я выпрямился, обхватив ствол, чтобы не упасть.

— Эй, наемник!

Я огляделся. Между кочками брела фигура, в тумане за ней проступало что-то темное.

— Красавица! — позвал я. — Я здесь!

Рыжая повернула к островку. Отпустив ствол, я шагнул навстречу, нога скользнула по влажной земле, и я повалился ничком, растянувшись в грязи у ее ног.

Катя схватила меня за плечи, чтобы помочь встать, и я замычал сквозь зубы:

— Плечо! Не трогай!

— Что? — спросила она растерянно.

— Левая рука вывихнута. Ты что, не видела, как он меня дернул? Не трогай плечо!

— Ну, извини. — Она шагнула на островок, а я, кое-как повернувшись, сел на его краю.

С ног до головы Катю покрывала грязь, намокшая рубаха под растянутой курткой липла к груди, жижа капала с воротника; волосы, лицо — все черное, девчонка напоми-

нала мутанта из породы крюкозубов. Левую руку она запустила под ворот, крепко сжала пальцами висящий на шее медальон.

— Там... — со странным выражением сказала Катя, махнув правой в сторону, из которой пришла. — Оно там.

— Что? — спросил я.

— Оно...

— Помоги мне.

Она молчала, закусив губу.

— Что ты там увидела? Вправь мне плечо, слышишь!

— Вправить? — повторила Катя наконец. — Я никогда не...

— Не важно. Эй, приди в себя! — Повысив голос, я положил ладонь ей на колено, чтобы привлечь внимание. Рыжая вздрогнула и отскочила от меня, поскользнувшись в грязи, схватилась за дерево.

— Что случилось? — спросил я. — Что с тобой?

— Я... Почему ты...

В ее голосе прорезалась злость. Катя глубоко вздохнула и произнесла:

— Что ты хочешь, чтобы я сделала, наемник?

Я встал на колени.

— Возьми меня за кисть руки.левой, да, только осторожно. Но крепко. Подними ее, очень медленно... — Она так и сделала, и я скривился от боли. — Так. Возьмись еще крепче. А теперь дерни. Немного вверх и на себя. Дерни сильно.

— Но тебе будет очень больно.

Она сказала это равнодушным тоном, словно моя боль не заботила ее, не вызывала никакого сочувствия.

— Знаю. Иначе никак. И боль будет недолгой. Ну, давай!

Наклонившись, она заглянула мне в глаза и вдруг дернула — очень резко и сильно, пожалуй, даже сильнее, чем требовалось.

Кажется, я закричал, хотя не услышал своего крика. Будто тысяча болотных бюеров завизжали мне в уши. Красная молния расколола мир, он развалился на части и провалился куда-то в темноту.

— ...Алекс! Что с тобой?

Голос донесся из гулкой пустоты. Я открыл глаза... нет, они и так были открыты, но до сих пор я не осознавал этого.

— Алекс!

Я лежал на боку, прижавшись щекой к теплой земле. Перед глазами возникло лицо Кати.

— Нормально, — сказал я и сел. — Уже лучше.

Плечо все еще болело, но теперь не очень сильно. Я пошевелил левой рукой, поднял ее, опустил, хлопнув себя по бедру... да, порядок.

— Не очень-то умело ты это сделала, — сказал я. — Ну ладно, все равно спасибо.

Она смерила меня взглядом, скривив губы.

— Это из-за тебя они нас догнали, — сказала она. — Могли бы от них свалить, так нет, ты остановился, подраться решил!

— Чтобы от них свалить, нам пришлось бы бежать и дальше, — возразил я. — А бегать по болоту — все равно что по минному полю. Так что я все правильно сделал.

Рыжая отвернулась. Я никак не мог понять, какие чувства испытываю к девчонке. Она вызывала то почти презрение, а то нечто совсем другое. Иногда хотелось ее обнять, ну и кое-что еще сделать, иногда стукнуть, чтоб не выпендривалась и не командовала. А покомандовать она любила. Считала, наверное, что заплаченные деньги дают ей право помыкать наемниками так и этак. Хотя, по ее словам, заплатила она и вправду немало... Но — где эти деньги? Если я не могу вспомнить, где мы их с Маратом спрятали, то, значит, их для меня и не существует. Значит, ничего не принуждает меня и дальше опекать рыжую... кроме желания, чтобы она осталась жива.

Страхнув с волос быстро засыхающую грязь, я встал. Сейчас все это не важно. Вокруг болото, место явно опасное — вот о чем следует думать.

Катя брела прочь, приближаясь к темному силуэту в тумане, и я поспешил следом. Оружия у нас не осталось, разряженную двустволку я потерял во время драки, после того как раскроил прикладом череп одного из леших.

— Осторожно, принцесса, — сказал я ей в спину. — Здесь наверняка много всего... — и не договорил, разглядев наконец, что находится впереди.

Это растение называют железным деревом. Конечно, на самом деле оно не из железа, но что-то в болотах, какой-то

природный элемент придает коре тусклый стальной оттенок, а древесине — необычайную крепость. Я слышал, некоторые сталкеры даже используют ее для ножей, хотя подобное оружие большая редкость: железные деревья растут только в глубине болот, в опасных местах.

Ствол колонной поднимался над нами, из широко раскинутых сучьев торчали кривые ветки, похожие на согнутые пальцы. На них висели мертвецы, нанизанные на прутья, как креветки. Несколько десятков голых тел, покрытые коркой засохшей грязи и крови, тощие, с изможденными лицами. Концы ветвей торчали из животов и грудей.

В Зоне я привык к подобным картинам, но Катя вдруг схватила меня за плечо.

— Кто это сделал? — прошептала она.

— Хрен их знает. Обитатели болота.

— Обитатели... но кто именно?

Я покачал головой.

— Чешуйчатые бюеры, ластоногие ведьмы, болотные кровососы, пузырьники...

— Пузырьники? Никогда о таких не слышала.

— Они очень редкие. Ну и опасные, конечно. Наверно, даже опаснее крюкозубов. Хотя, конечно, пузырьники тут ни при чем, у них и рук нету. Что, ты уже не злишься на меня, Катя Орлова? — спросил я, обнимая ее за талию.

Она оттолкнула меня, но затем подалась обратно и прижалась, хотя и не слишком крепко, — и тут же поспешно отступила, тряхнув головой, будто отгоняла слабость.

— Ну да, ты, конечно, привлекательный, — признала рыжая. — Привык, что бабы на тебе виснут? Все, идем отсюда! — Она пошла в обход железного дерева, меся ботинками грязь. — Идем, ну! Мгла где-то сзади, скоро будет здесь.

— И куда ты собралась? — спросил я, нагоняя ее.

— На восток. На другую сторону болота. Надо только до отряда моего дойти, он где-то там...

— А откуда знаешь, что эта твоя Мгла все еще сзади?

— Да с чего ей отставать? Она сколько дней меня... нас преследует.

— Тебя, — поправил я. — Не знаю почему, но она именно за тобой прется, принцесса. И вообще ты знаешь, сколько

это болото тянется? До границы может быть больше километра. А может — два или три. И ты хочешь пройти эти километры по болоту вот так, топая напрямую...

— А как еще... — начала она, оглядываясь, но тут грязь хлюпнула под ее ногами, и Катя Орлова провалилась.

На небольшом островке она заставила меня отвернуться, разделась и долго отжимала от грязной жижи свои шмотки, а после чистила. Я в это время выломал деревце, сорвал ветви и часть коры, превратив его в длинный кривоватый посох.

— Бывала в глубине Зоны? — спросил я, когда она закончила. — Не у границы, а в глуши?

Рыжая покачала головой, и я продолжал:

— Тогда слушай, потому что я бывал. Надо идти осторожно, нельзя просто так топать по болотам. Во-первых, аномалии... — Я замолчал, услышав звук из тумана. Очень необычный звук, что-то среднее между протяжным кваканьем и стоном.

— Что это... — начала Катя, но я перебил:

— Ластоногая ведьма. Наверно, учуяла нас. Быстро отсюда!

Звук донесся с запада. Тыча перед собой палкой, я побежал на восток, забыв о своем призыве к осторожности. Сзади донеслось хлюпанье: Катя спешила следом.

— Я слышала про ведьм, но совсем мало. Они вправду такие опасные?

Болото — лабиринт островков, кочек и лужиц жидкой бурды, поблескивающих радужными пятнами. Идти надо по островкам, но, как ни старайся, постоянно попадаешь в грязь, куда ноги погружаются по шиколотку, а то и до колена. Каждую секунду жирное дно может разойтись под тобой, и тогда провалишься вглубе.

«Квауауаа!» — стон раздался вновь, уже громче. Мне показалось, что сквозь шлепанье наших ног доносится тихий плеск, хотя это наверняка была игра воображения. Ведьмы на то и ластоногие, чтобы в своей родной стихии передвигаться бесшумно.

— Куда мы бежим? — спросила Катя, нагоняя меня.

— Иди сзади, ступай по моим следам! — велел я. — Мы ищем холм.

— Здесь есть холмы?

— Ну типа большие горбы. Надо залезть на такой.

— Ведьма не полезет на сушу?

— Полезет. Но там она не такая ловкая. А в воде легко разделается с нами обоими.

Вскочив на высокую кочку, я осмотрелся. Железное дерево с телами на ветвях почти исчезло из виду. Туман, уже не такой густой, как полчаса назад, все еще не позволял толком рассмотреть окрестности. Влажно, душно, солнце кажется пятном холодного света далеко вверху. На востоке маячит что-то темное, приземистое.

Несколько мгновений я шурился, вглядываясь, наконец сообразил, что это, и повернулся к Кате, но не успел раскрыть рта, как она показала на запад:

— Смотри!

В тумане возник силуэт — поначалу едва различимый, он быстро приближался.

— Квауауааа!

— Алекс, она совсем близко!

Я бросился вперед, крикнув:

— Там дом какой-то!

— Посреди болота? — не поверила она.

Очень быстро выяснилось, что я не ошибся. Деревянное здание стояло в центре плоского острова, окруженного здоровенной лужей, скорее даже болотным озером. От берега к острову вели полузатопленные бревнышки. Часть крыши провалилась, в низкой пристройке не было передней стены, внутри валялись ржавые инструменты. По стенам вились толстые стебли, корешки их впились в щели между пропитанными влагой бревнами, полосы мха выросли почти до крыши. Такое впечатление, будто топь зелеными пальцами вцепилась в здание и медленно утаскивает его вниз.

Я ощутил странный запах — тухлые яйца, тина, гнилая вода... На поверхности озера то и дело вспухали и лопались пузырьки, каждый раз над водой взлетала едва заметная мутно-серая струйка, которая сразу растворялась в воздухе.

— Что там произошло? — спросила Катя.

— Я откуда знаю? Кто-то этот дом порушил. Ладно, давай за мной.

Когда я вскочил на бревнышки, рыжая прыгнула следом. Они закачались под ногами, захлюпали, подняв брызги. Я побежал, балансируя палкой, и на краю острова остановился. Катя встала рядом.

А позади нее из тумана вынырнула ластоногая ведьма.

Она не воспользовалась переправой, заскользила прямо по бурой глади. Торс наклонен вперед, широкие ладони, как весла, разгребают жижу, все остальное под поверхность.

Верхняя часть тела напоминала человеческую, но только на расстоянии, а вблизи под грубой серой кожей угадывались кости, каких у людей отродясь не было. Лицо ведьмы пугало. Две хитиновые лопатки заменяли щеки, между ними кривился почти безгубый рот, сверху выступала массивная кость лба, под ней темнели глаза. Тонкие дуги бровей и узкий нос шевелились, под кожей что-то двигалось, подрагивало, будто там прятались маленькие щупальца и хрящи. Спутанные волосы висели до плеч. Хотя это только поначалу они казались волосами — на самом деле отростки скорее напоминали кошачьи усы.

Я попятился, не сводя глаз с ведьмы, плившей вдоль ряда бревнышек.

— Куда ты смотришь? — Катя обернулась и ахнула, увидев тварь прямо за спиной. — Это... она... но она же не человек!

— Конечно, не человек. — Я схватил ее за плечо и потащил к мастерской. — Кого ты увидеть хотела, старуху с метлой?

— Нет, но...

Распахнув дверь, я ввалился в мастерскую.

— Это мутант. Они не люди, но и не звери. Принцесса, если ты думала...

Я замолчал. Весь первый этаж до колен заполняла болотная жижа, в центре помещения высился каменный круг, похожий на зев штольни. Вверху висели остатки матерчатой воронки и вертикальной трубы из жести. Я шагнул вперед, оглядываясь. Колодец, воронка, труба... это что, по ней болотный газ поднимался на чердак? А там что тогда? Рядом с

колодезем в жиге плавали обломки гигантского колодезного ворота и широченное бревно. Да это же пресс! Он падал в штольню и поднимался, баламутя топь, заставляя ее изрыгать пузыри, струи, потоки газа, которые улавливала труба с воронкой... но для чего? Что за свойства у этого газа, зачем он понадобился? И кому?

Кровосос побери, что происходит на севере Зоны?

Дальнюю часть помещения затянула ведьмина паутина — толстые зеленоватые нити, гибкие и крепкие, их вырабатывают особые стрекательные железы во рту ластногих мутантов. Нити перекрещивались под разными углами, зацепившись за стены и пол. В углу под потолком висел мутно-зеленый водянистый кокон, из него по пояс выступало тело мужчины в черном монолитовском комбезе, с ржавым тесаком, торчащим из живота. Монолитовец слабо шевелился.

Что-то это мне напомнило, какую-то картину, виденную не так давно. Паутина, шар, человеческое тело... Я сморщился — заломило в затылке, боль поползла к вискам.

— Что это? — прошептала Катя, пятась наружу, но я втянул ее обратно и закрыл дверь, заскрипевшую на ржавых петлях.

— Здесь ведьмы побывали. — Я бросился к окну.

Вероятно, монолитовец был работником газовой мастерской, расположенной в этом здании. Или охранником. Но зачем сектантам болотный газ? От спины монолитовца тянулись лохматые нити, проникшие в тело сквозь раны и ввевшиеся в позвоночный столб. И все же он оставался жив, бессмысленно шарил руками вокруг, медленно ворочал головой на распухшей синей шее, будто большая механическая кукла, у которой кончается завод. В этом полузатоленном доме посреди болот, на границе между жизнью и смертью, человек мог просуществовать еще очень долго. Месяцы или даже годы.

— Кваауааа!

Сквозь окно я увидел, как ведьма выбирается на сушу. Мутант напоминал кентавра, только вместо лошади — ящер. Женский торс торчал над чешуйчатым телом, две пары коротких лап шлепали по земле широкими ластами. Ими удоб-

но грести на глубине или мелководье, бесшумно и быстро, но для суши они не очень-то годятся.

Добравшись до острова, ведьма стала двигаться куда медленнее, заковыляла вперевалку, изгибая длинный хвост.

— Назад! — Я шагнул в глубь помещения. — Отойди от двери.

Ведьма заметила меня в окне и рванулась к мастерской, вытянув переднюю пару конечностей — почти человеческих, хотя пальцы слишком длинные, узловатые и с темными когтями.

Лишенное выражения узкое лицо казалось мертвым. Ласты глухо шлепали по земле, извивался хвост. Попятившись от окна, я наступил на что-то, опустил взгляд, увидел проржавевший нож со сломанной рукоятью, схватил и отвел руку, чтобы метнуть в мутанта. Ведьма вперила в меня неподвижный мертвенный взгляд, раскрыла рот. Грудь ее раздулась. Поняв, что сейчас произойдет, я повалился на спину.

Ядовито-зеленая слюнная нить рассекла воздух над головой. Она не рвалась — растягивалась, истончаясь. Конец влип в водяную паутину на другой стороне помещения, одновременно второй конец оторвался от стрекательной железы под языком ведьмы. Нить дернулась, опускаясь на меня, но прилипла к оконной раме.

Стало темнее: мутант закрыл льющийся из окна свет. Вскочив, я ткнул ведьму ножом в грудь.

Серое лицо оказалось прямо передо мной. Угловатое, безобразное, похожее на человеческое — вроде злобной карикатуры, нарисованной шизофреником. Оно шевелилось, под кожей двигались какие-то хрящики и суставы. Вырвав у меня нож, тварь сжала его обеими руками и сломала. До половины протиснувшись в окно, она схватила меня за плечо, не давая отступить. Рыбий рот открылся, смрадный болотный дух окутал меня. Ведьма протянула руку, метя когтями в глаза. Я ударил ее в лицо. Что-то рыжее промелькнуло мимо, и когти рванули кожу с плеча, оставив глубокие раны.

Ведьма квакнула, заклокотала горлом, пытаясь влезть обратно. Стоящая возле меня Катя вновь замахнулась ржа-

вым тесаком, который вырвала из живота монолитовца. Второй удар пришелся в грудь мутанта, рыжая опять подняла тесак, и я поймал рукоять, обхватив тонкие пальцы, меняя направление...

Третий удар мы нанесли вдвоем: клинок вошел в шею, острое показалось с другой стороны.

Позади ведьмы на остров выбрались еще две, вокруг сновали чешуйчатые бюеры с гибкими конечностями и крошечными головенками. Суетливой бестолковой толпой они двигались к газовой мастерской, а из озера выныривали все новые твари.

Когда мы только оказались здесь, я заметил на другой стороне, за паутиной, чердачную лестницу, и рядом дверь, ведущую на задний двор. Выхватив у Кати тесак, я рванулся к ней, прокричав на ходу:

— Туда! Может, они еще не окружили...

Дверь с хлопаньем опрокинулась внутрь, в проеме возникла четвертая ведьма, за ней полезли чешуйчатые бюеры.

Нижняя часть паутины находилась в паре локтей над грязевой поверхностью. Пригнувшись, я скользнул под нею к лестнице.

Трухлявые ступени затрещали. Лестница вела к раскрытому люку, и я добрался до него первым. Отпрыгнул — Катя проскочила мимо, а я развернулся и со всей силы саданул тесаком.

Он врезался в перила и опустился дальше, пробивая ступени прямо перед толпой бюеров.

Ржавый клинок сломался вместе с досками; лестница не обвалилась, как я рассчитывал, но тварей задержало и это. Три карлика с пронзительным чириканьем полетели вниз, другие отпрянули, повалив бегущих следом. В моих руках осталась рукоять с коротким обломком клинка.

— Сюда! — крикнула Катя сверху.

Она присела на чердаке, подняв крышку люка, готовая захлопнуть ее, как только я окажусь рядом. Я нырнул в проем. Под лестницей появилась ведьма, приподнялась на кривых лапах, задрав голову, уставилась на меня темными глазами.

Катя рывком выпрямилась, закрывая люк, и тут гибкое чешуйчатое тело метнулось к нам.

Болотные бюреры ростом по пояс человеку, подвижные, безмозглые и полные злобы. Страха они не знают: слишком глупы, чтобы бояться. Прямо передо мной возникла вытянутая мордочка — зеленая пасть, узкие ноздри, змеинные глазки. Карлик прыгнул, лапы толкнули меня в грудь, и я повалился, растянувшись во весь рост возле люка. Крышка захлопнулась с оглушительным стуком, дощатый пол качнулся, со скошенного потолка посыпалась труха.

Я сильно ударился затылком. Бюрер упал мне на живот, задние лапы сжали бока, когти впились в кожу. Передними тварь вцепилась в волосы и припала к горлу, разинув пасть. Длинный тонкий язык выскользнул наружу — он напоминал покрытый слизью гибкий прут, увенчанный роговым острием.

Ухватив стоящее торчком жесткое ухо, я рванул что было сил, не позволяя языку коснуться шеи, и другой рукой вонзил в узкую спину обломок тесака. Клинок вошел с влажным чмоканием, пробил позвоночник. Бюрер пронзительно зачирикал, язык дернулся, роговой кончик коснулся кадыка, стесав лоскут кожи. По шее потекла кровь; я повернул тесак в ране, погружая глубже, круша позвонки и хрящи.

Карлик квакнул, дернулся и сдох. Язык в разинутой пасти свернулся кольцом, будто пружинка, и тут же распрямился с едва слышным хрустом, превратившись в острую короткую спицу.

Над ухом гроыхнуло. Я выдернул из мутанта обломок тесака, спихнув с себя легкое тело, сел, тут же вскочил и прыгнул на помощь Кате. Хорошо, что она не растерялась — пока я дрался с бюрером, успела опрокинуть на люк колченогий стол, а теперь пыталась подтащить тяжелый железный стеллаж.

Теплая кровь сочилась по шее и груди. Я сбросил со стеллажа шипастый шар с короткой цепью и навалился, толкая. В люк ударили, крышка приподнялась, в щель сунулся бюрер, но мы уже опрокинули стеллаж сверху. Он с грохотом упал, вдавив крышку в отверстие.

— Под стеной еще один! — Катя бросилась ко второму стеллажу, огинаясь. — Ранен?

Я лишь махнул рукой в ответ. Снизу доносилось чирикание, визг и цокот когтей по ступеням. Крышка содрогнулась, гора мебели на ней заскрипела, проседая.

Мы взгромозили сверху второй стеллаж, обломки кресел, длинную лавку и окованный железом сундук. Теперь открыть люк снизу будет трудновато. Тяжело дыша, я отошел назад, окинул чердак взглядом. Одно окно в наклонном потолке, второе — в боковой стене, рухлядь по углам, над головой крепкие балки. В полу круглое отверстие, начало трубы с раструбом, оно забрано толстенной решеткой на огромном висячем замке. Проникнуть сюда мутантам будет нелегко, но мы взаперти, окружены, и пути к отступлению нет.

— Нужно оружие, — сказал я, шагнув к мертвому бюреру. Голова закружилась, ноги подогнулись, и я опустился на корточки.

— Что с тобой? — спросила Катя.

Я положил ладонь на раненую шею и сжал зубы так, что загудело в ушах.

— Очень их много, — сказал я. — Сразу несколько ведьм и столько бюреров... Совсем опасно стало на болотах. Хотя именно в этих я раньше вроде и не был. Наверное.

Присев рядом, рыжая взяла меня за плечо.

— Рана глубокая?

— Не знаю. — Я тяжело сглотнул. — Надо остановить кровь.

2

— Что ты делаешь? — воскликнула Катя.

Я взялся за торчащий из разинутой пасти язык и потянул, приподняв чешуйчатую голову. Действуя очень осторожно, чтобы ненароком не коснуться шершавого острия, сунул в пасть обломок тесака, ковырнул. Что-то чвякнуло, бюрер дернулся, будто на мгновение ожил, и срезанный у основания язык очутился в моей руке — твердый тонкий прут, заостренный на конце.

— Зачем это? — с омерзением спросила она.

Положив тесак на пол, я осмотрел добычу, наморщил лоб, вспоминая, щелкнул пальцами и пояснил:

— За языки чешуйчатых болотных бюреров скупщики пару сотен платят, ценная вещь. Их еще спицами называют. Наконечник стесывает кожу получше любой наждачки. — Я поднял язык, разглядывая на свет. — Если в увеличительное стекло глянешь, увидишь, что из кончика выходит иголка длиной с полмизинца, очень тонкая. Но крепкая. Говорят, можно еще сделать духовую трубку, зарядить спицей и...

— Наемник, у нас нет трубки.

— Ничего, все равно пригодится.

Снизу доносились скрип и плеск, но пока что никто не пытался проникнуть на чердак. Я сказал:

— Возьми тесак и у окна постой. Бюреры попробуют залезть оттуда.

— И ведьмы? — Она подняла ржавый обломок.

— Нет. Они очень сильные, но на суше неповоротливые, по стене не залезут.

— Зато одна плюнула в тебя.

— Сюда не доплюнут.

Катя встала у окна в стене, выглянула и сказала:

— Мне кажется, отсюда насыпь какая-то в тумане видна. Далеко. Может, это граница болота?

— Что-то слишком маленькое болото получается.

— Анчар так и говорил по радио, что оно небольшое.

— Это хорошо, конечно, — сказал я, подумав, — но один хрен мы сейчас отсюда вылезти никак не можем.

Я потрогал шею, замотанную рукавом рубахи. Горло ныло, сглатывать было больно. Оторвав от уже испорченной рубашки длинный узкий лоскут, я двумя пальцами аккуратно взял спицу и стал накручивать ткань на тупой конец.

— Что снаружи?

— Они со всех сторон, — откликнулась рыжая, высунув голову в окно. — Бюреры собрались толпой и чирикают, ведьмы ползают кругами... Алекс, ты с ними раньше сталкивался?

Иногда она называла меня Алексом, иногда наемником. Наверное, кличка (или это все же было мое имя?) шла в ход,

когда отношение рыжей менялось на более приятное, а «наемник» — когда она злилась, что случалось часто.

— Сталкивался, но с другими породами.

— Что это за твари? — спросила она растерянно. — Я не понимаю. Они как...

Я покосился на нее.

— Мутанты.

— Это ясно! Но они... Когда я вижу псевдопса или кабана, я знаю: это зверь. Не потому, что так меня научили, просто по ним это видно. Мутировавший зверь. У них звериные повадки, звериные мозги, звериная... натура. Когда вижу человека, пусть даже это какой-то грязный бродяга-сталкер, алкаш и наркоман, — все равно ясно, что это человек. Но ведьмы? Я гляжу на них и не могу понять, кто они такие. Не звери и не люди...

Пожав плечами, я сказал:

— Мутанты. Кабаны с псевдопсами больше на животных похожи, а контролеры, кровососы или вот ведьмы — это уже другое. Потому-то они и так опасны, что у них звериная натура, но очень развитые мозги. Хотя у контролеров они, наверное, ближе к человеческим все-таки.

В конце концов получилось нечто вроде короткой рукоятки — узковатой для моей ладони, но в остальном удобной. Я сжал спицу, повертел ею, взмахнул. Рыжая пристально глядела на меня.

— Что? — спросил я.

— Татуировки. Черная и темно-красная.

Скосив глаза, я повернул голову в одну сторону, в другую... На левом плече темнел рисунок — морда тигра в берете и с биркой на шее, на бирке крошечные цифры. На правом — перекрещенные ножи, напоминающие полумесяцы, темно-красного цвета.

— Откуда они?

— Не помню, — признался я. — Вроде... вроде ножи — знак одной сталкерской банды. Наверное, я в ней состоял? А тигр... нет, не могу вспомнить. Похоже на десантную наколку. Цифры — это, значит, номер бригады, 95-я, и годы службы, что-то такое...

— Но почему другой рисунок красный?

Я еще раз оглядел татуировки и шелкнул пальцами.

— А! Первая наколка обычными чернилами сделана, а вторая — кровью крокозуба.

Надев куртку на голое тело, я пошел к окну в крыше.

— Ты хоть что-нибудь вспомнил о своем прошлом? — спросила Катя.

— Очень смутно. Какие-то куски, ничего конкретного.

Под люком скрипнуло, и мы бросились к нему.

— Встань с другой стороны! — Я присел рядом с горой мебели. — Это ведьма пытается залезть по лестнице.

Подняв оружие, мы замерли по разные стороны крышки. Не спуская взгляда с баррикады, я попятился, нащупал на полу цепь и шагнул обратно, волоча шипастый шар, раньше лежавший на стеллаже. Обрывок цепи был длиной с метр, я намотал его конец на руку.

Скрип повторился — уже громче.

— Может, там не одна ведьма? — предположила Катя.

Я покачал головой.

— Слишком они неуклюжие на суше. А лестница не очень-то широкая, часть ступеней сломана... Нет, вдвоем им не залезть.

— У нее хватит сил открыть люк?

— Не знаю. Вообще-то они очень сильные. Хотя...

Раздался глухой удар, и гора мебели содрогнулась.

— Врежем по ней с двух сторон, — быстро сказал я, приседая и отводя в сторону руку с цепью. Шар лежал за спиной, цепь натянулась. — Попробую попасть ей в морду, а ты руби по шее.

— Обломком не очень-то нарубишься.

— Не важно. Просто тычь, режь... Только не наваливайся на нее, не попади под шар, когда я...

Под баррикадой гроыхнуло, мебель протяжно заскрипела — и вновь все смолкло. Мы не шевелились. В дальнем конце подвала за спиной девушки я разглядел покосившийся табурет, где стояла разбитая масляная лампа. Рядом в треснувшей миске лежало огниво — шершавая железная дуга и пружинка с кремнем на конце.

Вновь удар, теперь сильнее. Куча мебели начала приподниматься.

— У нее получается! — прошептала Катя.

Между обломками виднелся край крышки, она мелко подергивалась, обломки постепенно съезжали с люка. Выпустив цепь, я упал на пол, прижался к доскам щекой, заглядывая. Мускулистые руки упирались в крышку, я увидел верхнюю часть головы, глаза — и что было сил ткнул в них спицей.

Мое запястье едва успело выскользнуть обратно, когда раздалось пронзительное «Квауауааа!!!», и крышка со стуком упала. Кажется, в последний миг ведьма попыталась плюнуть в меня, но не успела, люк захлопнулся.

Снизу донесся грохот, мастерская дрогнула, с потолка посыпалась труха.

— Лестница сломалась. — Я поднялся на ноги. — Все, теперь им не...

Скрип смолк, его сменил другой звук — будто множество маленьких твердых ножек ударили по дереву.

— Что там такое? — Я бросился к окну в крыше, а Катя прыгнула ко второму.

Теперь стало понятно, что происходит. Тварь на лестнице отвлекала нас, в это время бюеры подошли к мастерской — они уже взбирались по стене, вонзая когти в дерево, срываясь и вновь бросаясь на бревна. Самые резвые преодолели половину расстояния, позади стояли две ведьмы и наблюдали за происходящим.

— Стой на месте!

Я побежал в дальний конец чердака.

— Что ты хочешь делать? — крикнула вслед рыжая.

Упав на колени перед табуретом, я сбросил с него огниво и лампу, подобрал валявшиеся на полу остатки рубахи, разордал на две половины. Схватив табурет, ударил о пол. Он сломался, две ножки остались у меня в руках.

— Что ты делаешь? Алекс, они уже близко!

— Болотные бюеры боятся огня!

Несколько секунд ушло на то, чтобы соорудить два факела. Масло в разбитой лампе загустело, я зачерпнул его ладонью, намазал на ткань, сжав факелы одной рукой, второй подхватил огниво и бросился обратно, на ходу чиркая кремнем. Раз, второй, третий... наконец брызнула струйка искр,

упала на ткань, и та загорелась. Огонь сразу перешел на второй факел.

Катя, выставив руку в окно, ударила бюрера, пытавшегося забраться на чердак.

— Держи! — Я сунул ей факел. — Просто тычь в них...

Две твари полезли во второе окно, и я прыгнул туда. Карлики заверещали, ощутив жар, один выскочил обратно, второй заметался в оконном проеме, ударяясь о раму. Огонь загудел, факел описал красную дугу и врезался в чешуйчатую башку, опалив морду и уши. Визг бюрера на миг заглушил все остальные звуки.

Дергаясь, он упал на пол, и я каблуком пробил череп, размазал мозги по доскам. Отпихнув бьющегося в судорогах бюрера, высунулся в окно, тыча перед собой факелом. Стена ниже шевелилась, мутанты лезли друг по другу, верхние уже перебрались на скат крыши и сразу поползли быстрее. Они были в метре от проема, когда почувствовали жар и остановились — даже ведьмы не могут заставить болотных бюреров лезть в огонь. Ко мне обратилось множество узких морд и полных тупой злобы глаз. Я высунулся дальше, полоснул факелом по чешуйчатым головам. Раздался хоровой визг, передние карлики отпрянули, но некоторые из ползущих сзади еще не поняли, что происходит, и рвались дальше. Началась неразбериха, они покатились по скату, сшибая собратьев.

Когда на крыше не осталось ни одного мутанта, я подбежал к Кате, но ей помощь не требовалась. По вертикальной стене взобраться труднее, все бюреры попадали, как только рыжая начала молотить верхних факелом.

Под зданием корчились несколько бюреров, остальные отбежали дальше, жалобно чирикаая, окружили ведьм. Одна, не обращая внимания на неразбериху вокруг, пялилась на нас, вторая вдруг развернулась и поползла в туман.

— Надо потушить факелы, — сказала Катя, ежась под пристальным взглядом нечеловеческих глаз. — Чтобы не прогорели совсем. Там осталось масло? Если они еще раз попробуют...

— Масло осталось. — Положив на пол факел, я наступил на него, взял у рыжей второй и тоже погасил. — Вряд ли ведьмы смогут заставить бюреров повторить это. Слишком

те огня бояться. Меня сейчас другое волнует: куда она ползла?

Катя покачала головой и спросила:

— Откуда они берутся, Алекс? Бюреры эти, ведьмы — откуда?

— Мутанты ведь размножаются, — ответил я.

— Но ведьмы... или у них есть самцы?

— Болотные бюреры — детеныши ведьм, ты что, не знала? Но те не рожают их, а... У ведьмы в определенный сезон под грудью появляется куча мутных пузырей, внутри — зародыши бюреров. Еще без чешуи, голые, розовые, навроде новорожденных крысят. Мамаша их забирается глубоко в топь, выпускает слюнную паутину, плетет кокон вокруг себя и засыпает надолго. Паутина медленно растворяется в воде. Пузыри на теле в конце концов лопаются, как раз когда паутина окончательно исчезнет, и бюреры вылезают в виде головастика. Говорят, из каждого выводка получается одна ведьма и где-то с два десятка бюреров.

— А тот человек внизу? Монолитовец в пузыре?

— Девочка, тебе будет неприятно узнать это.

Она поморщилась.

— Нет уж, говори. Я хочу знать все.

— Человек — будущая пища для головастика. Когда самка уплывет делать себе кокон, она захватит его с собой. К тому времени он уже затихнет.

— Умрет?

— Кокон полностью его в себя втянет. Когда вылупятся головастики, первое время тело будет для них пищей.

Снаружи ничего не менялось: немного успокоившиеся бюреры все так же сновали вокруг ведьмы, а она торчала на месте и мрачно пялилась на мастерскую. Вторая все не показывалась, как и та, что пыталась открыть люк.

— Ты был прав, — сказала наконец Катя. — Лучше бы я не знала этого.

На самом деле я не сказал ей всю правду. Пища для головастика оставалась живой — водянистый кокон состоял из каких-то особых веществ и консервировал тело. Человек или животное впадали в транс, но не гибли. Не знаю, может, жертва не чувствовала боли, хотя все еще оставалась жива,

когда головастики начинали жрать ее, — и, возможно, понизила свое положение. Это вызывало омерзение даже у меня, привыкшего к извращениям Зоны, что уж говорить о Кате, знавшей про них куда меньше.

— Почему так темно? — спросила она, высовываясь в окно. — Посмотри, до сих пор сумерки! Ведь уже за полдень. Это из-за тумана?

Я пожал плечами, глянул в окно, убедившись, что на скате пусто, пошел за шаром с шипами и цепью. Что они там затевают, куда делась ведьма? И где та, что отвлекала нас, пытаясь открыть люк? Хотя она-то могла погибнуть под обвалившейся лестницей, либо обломки придавили ее, ранили, и ведьма лежит в жиже, затопившей первый этаж, приходит в себя... но вот куда уползла вторая?

— Ведь мы ничего не можем сделать, наемник, — сказала Катя, будто прочла мои мысли.

Я опять стал наемником? Чем я теперь не угодил девочке, из-за чего она опять изменила отношение ко мне? Наверное, это не зависело от моих поступков и слов, настроение рыжей менялось по каким-то неподвластным для мужчины внутренним женским законам.

— Ты слышишь? Мы ничего не можем сделать, да?

— Ничего, — сказал я, возвращаясь.

— Мы в ловушку попали, оружия нет, и с теми, кто нас окружает, справиться не можем.

— А этот твой артефакт? — спросил я, показывая на необычный контейнер, висящий на ее боку. — Какие у него свойства? Может, он как-то поможет...

— Нет, — резко ответила она. — Я не знаю, какие у него свойства.

— Так доставай, узнаем.

— Нет! Мне нужно передать его в целости и сохранности.

— Для этого самим надо оставаться в целости и сохранности, — проворчал я, поигрывая цепью, прикованной к шару с шипами. Рыжая, переступив с ноги на ногу, сдула с лица прядь волос. Чего это она так занервничала при упоминании артефакта? Что-то странное с ним связано, тайна какая-то, нутром чую...

— Вообще-то есть еще один способ, — произнес я задумчиво. — Хотя... Нет, на самом деле нет у нас никакого выхода.

— Какой способ?

— Огонь.

— Огонь? При чем тут...

Я взглянул на нее.

— Красавица, если ты в Зоне хочешь выжить, то должна тактике учиться.

— Я и учусь! — огрызнулась она. — Постоянно учусь. Ну так что, наемник?

— Ты называешь меня то наемником, то Алексом. Выбери наконец что-то одно. Мы можем поджечь дом.

— Поджечь? — растерянно повторила она.

— Да. Бюреры сразу разбегутся при виде такого сильного огня. Да и ведьмы не полезут в него. Надо будет ждать на чердаке до последнего, когда уже невозможно дышать станет, а тогда вылезать в люк или в окна. Спрыгивать, факелами махать и прорываться сквозь толпу. Ну и бежать к той насыпи, которую ты в тумане углядела.

— Но они за нами погонятся.

— Конечно.

— По болоту, то есть по своей территории. Где они знают, наверное, каждую травинку. И двигаются быстрее людей, ловчее. Тьфу! Глупый план, наемник. Во-первых, можем сгореть. Во-вторых, нам не пробиться сквозь них, хотя бы и с факелами. В-третьих, даже если не сгорим и пробьемся — они скоро догонят нас и...

— Вот потому-то я и сказал, что на самом деле выхода нет.

Катя стояла возле окна, озаренная тусклым холодным светом, сжимая и разжимая кулаки... И я не выдержал. Так уж на меня женщины действуют, особенно молодые и симпатичные, пусть и злые. Особенно если я их долго не видел, женщин, не общался с ними. Выпустив цепь, я шагнул к ней, обнял, прижал к себе так, что она сдавленно охнула. Рыжая ударила меня по плечу, в спину... а потом тонкие руки обвились мои плечи. Мы замерли, прикинувшись друг к другу, но не целуясь — просто прижавшись, закрыв глаза, и стояли так

долго, пока снаружи не донеслось пронзительное «Кваууаа-аа!», а следом — взволнованное чириканье карликов.

Я отстранил ее, несколько мгновений мы смотрели в глаза друг другу, потом я спросил:

— Что за медальон у тебя на шее?

— Это мне жених подарил, — тихо сказала она.

Я отвернулся, вылянул в окно и выругался.

— Что там? — Она встала рядом, посмотрела и сдавленно выругалась. — Твою мать, что это?!

— Пузырник, — сказал я. — Вот теперь нам конец, красавица.

На островок неторопливо выползала огромная гусеница. Тело, густо поросшее отростками вроде тех, что украшали головы ведьм, состояло из пухлых шаров, сросшихся боками. Они перекатывались, подрагивали, как желе, длинное тулово ходило волнами. Я знал, что под рыхлым брюхом прячутся маленькие белые ножки, хотя видно их не было. Пузырник полз медленно, подминая куцую траву, оставляя сзади дорожку из слизистых комков, которые медленно таяли на воздухе. Таяли и воняли. Вместо глаз — лиловые складки, вместо рта из головы торчат два хобота, толстые и очень длинные отростки. Они были свернуты спиралями в тех местах, где у человека находятся щеки.

Одна ведьма шла впереди пузырника, другая — сзади. Я не смог понять, какая из них недавно покидала островок, мне ластоногие казались одинаковыми. Отступив от окна, я оглядел чердак, соображая, что теперь делать.

— Для чего они его сюда привели? — спросила Катя шепотом.

— Чтобы запузырить нас.

— Чего?

Я схватил факел с пола и вытащил из кармана огниво.

— Думаешь, он боится огня, как и карлики?

— Не знаю. Но надо же что-то делать!

Катя подняла второй факел, но мой уже разгорелся, и я остановил ее.

— Подожди, посмотрим, что это даст.

Ведьмы остановили пузыряника в десятке шагов от мастерской. Бюреры суетились, бегали вокруг, чирикавая, сталкивались и падали, ползали друг по другу. Одна ведьма засемила к пузырянику, вторая, наоборот, отошла подальше.

Я размахнулся и швырнул факел.

С гудением он упал на спину ползучего мутанта, подпрыгнул, перевернувшись, и застрял между складками.

Карлики заверещали, рванулись прочь от огня. Пузырик содрогнулся, хоботы его задергались. От факела пошел лиловый дымок, что-то зашипело, как масло на сковороде, и на длинной туше вспух дрожащий пузырь.

Тварь начала неуклюже разворачиваться, пытаясь убраться обратно в топь. Вряд ли ластоногие смогли бы снова выудить оттуда пузыряника и заставить приползти к мастерской. Стоящая в стороне ведьма заспешила к нему. Я оглянулся, выискивая, чем бы швырнуть в нее, схватил валявшуюся на полу цепь и стал раскручивать железный шар.

Катя отпрянула, чтобы шипы не зацепили ее. Цепь лязгнула, я всем телом подался вперед. Шар вылетел в окно. Ведьма протянула руку, пытаясь ухватить факел, а тот качался, шипел и плевался искрами на содрогающейся туше пузыряника. Длинные пальцы коснулись обгоревшей табуретной ножки — и тут шар врезался в голову ластоногой.

Ведьма упала, дернув рукой. Факел взлетел по дуге, вращаясь, как томагавк, с плеском шлепнулся в болото и сразу погас.

Я выругался. Раненая тварь сучила ногами, обхватив голову, пыталась отползти от пузыряника. Вторая подступила к нему с другой стороны и осторожно поглаживала пухлые бока, успокаивая. Из-за угла дома показалась третья, хромая, заспешила к ним.

— Надо еще факел бросить, — сказала Катя.

— Зачем? Теперь они его сразу погасят. А мне даже кинуть в них нечем, чтобы отогнать.

— Ладно, но что они дальше будут делать?

— Вот что! — Я ткнул рукой в окно.

Пузырик почти успокоился. Прозрачное вздутие на спине опало, втянулось обратно. Ведьмы подобрались к мор-

де твари, взялись за концы хоботов и потащили их, разматывая, к углам мастерской.

— Что они делают?

— Я же сказал...

— Хотят запузырить нас. Я слышала. Но что это значит?

Хоботы развернулись — две длинные толстые трубы, сужающиеся на концах, увенчанные хитиновыми наконечниками вроде того, что был на языке бюрера, но гораздо больше. Ластоногие воткнули их в рыхлую землю по углам здания и засемили назад. Хоботы напряглись, опали, вновь напряглись, как червяки, втягиваясь под землю.

Я отскочил от окна, лихорадочно оглядываясь. Что, если стащить мебель с люка, прыгнуть и попробовать сбежать по другой стороне островка? Наверное, все мутанты собрались здесь... Хотя нет, ведьмы наверняка оставили у лестницы часть карликов. Но ведь другого выхода все равно нет...

— Он раздувается! — крикнула Катя.

Нет, не успеем. Пока будем освобождать люк и спускаться по сломанной лестнице... Бессмысленно — и я вернулся к окну.

Пузырник надувался, толстые отростки шевелились, бугристая шкура разглаживалась по мере того, как через шельклапан на заднем конце туши внутрь втягивался воздух.

— Осторожно! — крикнул я, широко расставляя ноги и пригибаясь. — Присядь!

В этот миг пузырник выдохнул.

Пол качнулся, мы упали под окном, обхватив друг друга. Облако трухи слетело с потолка. Здание накренилось, угрожающе скрипя, — и стена обвалилась. Волна шипения поднялась снизу, запахло тухлыми яйцами и гнилой водой. Сквозь круглую решетку я увидел, как в полузатопленном зале первого этажа вспухают огромные пузыри, взрываются болотным газом.

Земля в центре островка ходила волнами, мастерская стала похожа на лодку, попавшую в шторм. Гора мебели рассыпалась, что-то с грохотом упало в дальнем конце чердака. Перевернувшись на бок, я увидел, как вдоль балки над голо-

вой бежит трещина. Балка прогнулась и лопнула, одна половина рухнула на нас. Схватив Катю, я откатился. Доски брызнули щепками, когда заостренный конец клюнул в пол там, где мы только что лежали. Обломок балки соединил пол с крышей.

Последние газовые пузыри вырывались из земли, мастерская качалась уже не так сильно, и я крикнул:

— Наверх, а то завалит!

Вспрыгнув на наклонную часть балки, я побежал к пролому в крыше, волоча девочку за собой. Когда оказались снаружи, она потеряла равновесие — пришлось лечь на краю, обхватить ее и прижать к себе.

Короткого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: мастерская вот-вот развалится. Одна стена исчезла, часть крыши обвалилась, пол чердака накренился. Середина острова просела, значит, ведьмам повезло, и хоботы пузыряника не просто взбаламутили болотные недра, но достигли подземной каверны, полной газа.

Катя наконец забралась на крышу, я отпустил ее. Сжимаемая язык бюрера, привстал и сказал:

— По-моему, пузыряник может повторить это два или три раза подряд.

Мутант опять раздувался. Второго газового взрыва мастерская точно не выдержит — уже сейчас она едва стояла. Забравшись на конек, я выпрямился и повернулся кругом. Катя ухватила за меня, встала рядом. Поколебавшись, обхватила за поясницу и прижалась к плечу.

— Опять Алекс? — спросил я, придерживая ее за плечи.

— Чего?

— Я снова Алекс, не наемник?

Бюреры внизу неистовствовали, носились вокруг здания, высоко подпрыгивая, чирикавая, как стая психованных воробьев, — готовились наброситься, как только мастерская рассыплется. Ведьмы стояли по бокам от раздувшегося пузыряника, обратив к нам мертвые лица.

— Ты не потеряла тесак? — спросил я. Увидел ржавый обломок в ее руке и кивнул. — Хотя бы постараемся перед смертью убить как можно больше их.

Катя повернулась ко мне, заглянула в глаза.

— Алекс, я хотела сказать... Короче, ты не... — начала она, и тут пузырьник взорвался.

Во все стороны разлетелась слизь и лиловые ошметки. На край островка из тумана выступили несколько человек, впереди всех шли здоровяк с бритым бугристым черепом и Марат.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ МАРАТ. ЛОВУШКА ДЛЯ МГЛЫ

1

— Припять! — сказал Нешик. — Это же Припять.

Мы с Алексом одновременно остановились. Идущий впереди Болотник сказал:

— Это не Припять, другая река. Называется Быстрианкой, начинается от Припяти и дальше впадает в Грязевое озеро. Там граница Северного Могильника.

— Ну, так нам немного осталось! — обрадовался Нешик. — Значит, отсюда можем дойти напрямик по степи, а можем еще дальше к востоку — и по реке плыть. Плот какой сделать и плыть.

Давно перевалило за полдень. По левую руку от нас раскинулась степь, границей ей служила едва различимая в синей дымке гряда холмов. Лес тянулся справа, далеко впереди был берег реки.

Мы тяжело дышали, Катю и Нешика шатало, Хохолок сопел, как носорог, а у Кирилла открылась рана. По-прежнему бодрыми казались лишь Болотник и синхроны.

— Очень много аномалий. — Следопыт показал на степь.

Было жарко. Высокая трава ходила волнами, по степи пробегали темные и светлые полосы.

— Вон я цветок вижу, — объявил Нешик, показывая в сторону холмов. — Ядро метрах в десяти над землей. А левее — змеиные клубки в ряд, и смерчи вокруг них крутятся, старые, значит. А дальше электры.

Мне даже не надо было смотреть туда, я ощущал токи энергии, завивавшиеся над степью. Аномалий там было

много, и мне казалось, что они соединены в некую структуру, образуют сложный лабиринт.

Оглядев нас, Анчар спросил у Болотника:

— Возле леса аномалий не видно. Мы сможем пройти по этой полосе между ним и степью?

Следопыт долго глядел вдоль опушки и наконец подтвердил:

— Там чисто.

— Значит, так и сделаем, — решил Анчар. — Мгла двигается через лес к нам, но она отстала на болоте, есть время устроить короткий привал. Карим, Аслан, разведайте, что впереди.

Не сказав ни слова, они побежали, и Анчар зашагал следом.

— Кто-нибудь из вас доходил до этих мест хоть когда-нибудь? — спросила Катя.

Я пожал плечами, Алекс покрутил головой, а Болотник ответил:

— Как-то пересекал эту степь. Один раз, очень давно. Тогда аномалий здесь было меньше.

— А у берега безопасно?

— Тогда там ящерицы-мутанты водились.

— Что еще за ящерицы? — удивился Алекс. Все посмотрели на Болотника.

— Красные грязевые ящерицы, — пояснил он. — Или ящеры, называй как хочешь. Они заплывают сюда из Грязевого озера. Впереди на берегу стоял постоянный лагерь охотников, которые ловили их. Опасное дело, но кожа грязевых ящериц очень дорогая. Наверное, лагерь до сих пор там, вроде вижу крыши у воды.

Мы шли вдоль леса, синхроны бежали далеко впереди. Анчар размеренно шагал слева от меня, голова его покачивалась, взгляд был опущен. Покосившись на него, я ускорил шаг. Поравнявшись с Катей, спросил:

— Это и вправду Анчар?

Она вопросительно глянула на меня.

— Сам Командор, знаменитый наемник. Не помню, кто я такой, но вот про него помню. Он командовал отрядом разведчиков-ползунов, когда они взяли лагерь Мальтуса, водил

экспедицию в Восточный Могильник... По-твоему, этот человек похож на него?

Сдув с лица прядь волос, рыжая кивнула.

— Да, я тоже удивлена. С ним что-то начало происходить еще в южных болотах, когда впервые появилась Мгла. А теперь он вообще какой-то странный. То вроде начинает командовать, а иногда совсем дохлый, будто на солнце перегрелся. А ты так ничего и не вспомнил, Марат?

Качнув головой, я опять ускорил шаг, догоняя Алекса. Прошрое то и дело всплывало в голове, но слишком обрывочно и туманно, чтобы составить четкую картину. Наемники приняли нас с Алексом в целом равнодушно, из всех любопытство к новичкам проявил только Нешик. Катя сказала им, что повстречала и наняла нас неподалеку от Лиманска. Сообщение о том, что мы попали под выброс и потеряли память, вызвало сдержанный интерес.

Нагнав Алекса, я спросил:

— Ну что, напарничек, вспомнил хоть что-то?

Он пожал широкими плечами.

— Не, ни фига. Ну то есть в башке много чего крутится, сведения всякие — так и лезут. Когда с хозяйкой нашей через то болото пробирались, я кучу всякого припомнил: и кто такие болотные ведьмы с бюроерами, и чем языки карликов опасны, и про пузырьника... А о себе — вообще ничего! — Он посмотрел на меня. — И у тебя тоже, а?

— И у меня.

— Главное, что странно, — я и себя, и тебя не помню! По словам Катки, мы напарники, значит, много времени вместе по Зоне шастаем... а у меня твой фейс не вызывает никаких приятных чувств. Или неприятных.

— Я к твоему тоже с полным равнодушием.

— Во! А ведь должны же какие-то эти... ассоциации пробуждаться. Слушай, ты когда через болото шел, на газовую мастерскую не набредал?

— Что еще за мастерская?

— Вот и я в непонятках — что за мастерская такая? — подхватил он, да так громко, что идущие впереди Нешик с Кириллом оглянулись. — Дом из бревен прямо посреди болот. В нем колодец, вóрот, навроде пресса что-то, еще раструб...

— Раструб? — переспросил я, припоминая укреп-пункт монолитовцев на границе болота.

— Ага. Короче, там газ добывали. Закачивали во что-то на чердаке... Не знаю. Может, цистерны там ставили или еще что. И потом куда-то его...

— В меха, — перебил я.

— Какие меха?

— Из шкур. Герметичные. Я видел такой, его монолитовцы куда-то повезли, дальше на север.

Теперь все в отряде прислушивались к разговору, даже тупоголовый наемник по кличке Хохолок смерил шаг и приблизился к нам, чтобы лучше слышать.

Алекс повторил со значением:

— Монолитовцы! В той мастерской тоже монолиловец был, полудохлый, болтался в коконе. Ну, в консервирующем, который ведьма делает, чтоб бюреров кормить. Странно оно все как-то. Монолитовцы, выходит, хозяйничают на севере Зоны.

— Или по крайней мере стали хозяйничать после катастрофы, — рассудительно поправил Кирилл.

— Ну или так, — согласился Алекс.

— А еще монолитовцы шатунов в плен берут, — добавил я. — Сами видели — они по дороге связанных шатунов тащили, пока в них артефакты с вертолета не попали.

Я замолчал, увидев бегущего назад Аслана. Он выкрикнул издалека:

— Никого. Там овраг.

— Овраг? — переспросил Нешик громко.

— Длинный. Кривой. Удобно прятаться. Мы — на охоту.

— Вперед, — сказал Анчар. — Остановимся возле этого оврага, нужен отдых.

Синхрон вновь побежал вперед и вместе с братом исчез среди деревьев.

Достигнув глубокой кривой расселины, заросшей травой, мы остановились. Болотник заглянул, осторожно сполз и встал на дне.

— Эй, как тебя... Хохолок, возьми меня на плечи, — сказал я.

— Чеши грудь! — Наемник окинул меня с ног до головы хмурым взглядом, и тогда Катя сказала ему:

— Хохолок, выполняй.

— А чиво... — начал он, но наконец сообразил, для чего мне это надо, и присел. Когда я выпрямился во весь рост на могучих плечах, здоровяк ухватил меня за лодыжки — наверное, он бы мог без особого труда сломать их, — повернулся к лесу.

Стена деревьев высилась шагах в двадцати от оврага, стволы поросли мхом, зеленые бороды свешивались с ветвей. Далеко над кронами пучился серый клубящийся купол, будто грозовое облако, опустившееся к самой земле.

— Ладно, хватит, — сказал я и, когда Хохолок спустил меня, обратился к Болотнику с Анчаром: — Оно еще далеко, но идет к нам. Время есть, можно все обдумать.

— Мы с каждым разом легче переносим его влияние, — заметил Кирилл, доставая из кармана дощечку-головоломку с подвижными пластинками. — Хотя Мгла еще не подбиралась к нам совсем уж близко. Не знаю, что будет, когда это произойдет.

Синхроны пока не возвращались. Из леса или степи в любой миг могли наскочить мутанты, расслабляться было нельзя, и мы заняли позиции вокруг оврага, спинами друг к другу.

— Это лучшее место для засады, — объявил вдруг Болотник, и все оглянулись на него, стоящего на дне ямы. — Мы не можем все время убегать.

После этих слов долгое время стояла тишина, потом Алекс спросил:

— Почему не можем?

Ему ответил Анчар:

— Мы доведем ее до Грязевого озера, она передаст артефакт заказчикам, мы получим остатки денег — и что дальше? Станем бегать от Мглы по всей Зоне? Совершенно ясно, что она охотится именно за нами...

— Не за нами, — сказал я. — То есть не за вами. За артефактом в ее контейнере.

Все взгляды устремились на Катю Орлову.

— Я же показывала вам эту штуку! — ответила она с вызовом. — Что в ней такого? Какой-то клубень...

Я сказал:

— Мы даже не знаем, что за аномалия создает этот артефакт. А ты знаешь?

Она потрянула головой.

— Нет. Меня наняли, как и вас, чтобы я доставила его к Грязевому озеру. Там ждут клиенты. Наверное, ученые какие-нибудь под охраной, экспедиция... Вы там получите остатки денег и еще премиальные. А про Мглу я ничего не знаю. Так что ты там говорил про засаду? — обратилась она к Болотнику.

Хохолок буркнул:

— Пострелять эту хрень, и все тут.

— Патронов у нас почти не осталось, — возразил Кирилл, щелкая квадратными пластинками своей головоломки. — У всех пустые магазины.

— Мгла может быть мутантом или мощной подвижной аномалией, которую притягивает к нам, как магнитом, — сказал Анчар. — Притягивает к этому артефакту. Если она — подвижная аномалия нового вида, то... — Он посмотрел на Болотника. Присев на дне оврага, тот раскладывал свои мешочки с артефактами.

— Аномальную энергию можно подавить, — произнес он, не поднимая голову. — Поставлю ловушки. Если Мгла на самом деле — аномалия, смогу остановить ее.

— Как? — спросил я.

— Заставлю впиться в землю. Но нужна волчья лоза, больше, чем у меня есть. Марат, поможешь найти ее.

Я выпрямился, когда Болотник полез из оврага.

— Не трогайте мои артефакты, — предупредил он остальных.

— Стойте! — окликнула нас Катя. — А что, если это все же мутант? Он смог срастить мозги стольких людей там, в церкви! И потом еще снорков. А теперь...

— Мои артефакты подавят ментальное излучение, — ответил Болотник. — Без них он превратится в обычного зверя, тогда вы убьете его.

Сидящий лицом к лесу Хохолок приподнялся и радостно оскалился.

— Жрачка!

Все посмотрели в ту сторону — синхроны возвращались, неся трех убитых зайцев.

— Костер, надо костер! — заволновался наемник, сгребая с земли мелкие ветки. — Пока этот... мутант-аномалия не подвалил, пожрать надо, пузо светло!

Оставив их заниматься костром, мы с Болотником вошли в лесной сумрак. Пройдя немного вглубь между деревьев, я спросил:

— Ну? Чего позвал?

Следопыт скользил взглядом по стволам в поисках ярко-зеленых стеблей волчьей лозы. Это растение-паразит, как правило, оплетает деревья помельче и медленно удушает их, пока через много лет они не сгнивают.

— У кого-то в отряде есть мощные артефакты, — произнес он.

Я непонимающе уставился на него.

— У кого именно?

— Точно не знаю. Но я чувствую, — скупой улыбнувшись, он коснулся пальцем лба.

Я молча ждал продолжения. Не заметив поблизости лозы, Болотник пошел дальше, на ходу поясняя:

— Тебе, возможно, это знакомо. Вроде легкий звон и дрожь еле ощутимая. Разное агрегатное состояние аномальной энергии — звон разный. Почти с самого начала я постоянно слышу его. Очень тонкий и дребезжащий, непривычный. У кого-то в отряде есть артефакты.

— У Кати, — сказал я, пожав плечами.

— Нет. Я имею в виду не просто артефакты — сборка.

— И ты по этому своему звону понял?

— Да. У сборок могут быть разные свойства. Кто-то в отряде прячет под одеждой сборку. Незнакомую мне и очень сильную. Для чего она, что делает — не знаю.

— Как вообще скрепляются артефакты? — спросил я.

— Их связывают волокнами волчьей лозы, желтым базиликом или кровянккой. Или делают клей из корней подорожника и лесных орхидей. Или скрепляют корнями Кукловода. Или вставляют друг в друга.

— Но артефакты не с пуговицу величиной. Ладно, мы с Алексом в отряде недавно, но вы-то уже сколько дней вместе? Думаешь, никто бы не заметил, если бы кто-то прятал сборку?

Болотник достал нож и стал осторожно срезать с дерева стебель лозы.

— Артефакты бывают и совсем маленькие. А сборка может состоять не из целых артефактов, а из частей. И еще — она может находиться в теле.

Он свернул лозу кольцами, повесил на ремень и пошел дальше в поисках другой. Я шел следом, уставившись ему в спину.

— Не знаю, что с этим делать, — признался я наконец. — Это или важно, или чепуха. Но даже если важно... что это значит? Я не понимаю.

— Тоже не понимаю, — согласился он. — Но хотел, чтобы ты знал.

— А почему именно я... А, ясно.

Он оглянулся на меня, и я пояснил:

— Этот, со сборкой, может быть шпионом ваших врагов. Тех, кто послал Мглу. То есть тех, кто не хочет, чтобы девочка доставила свой клубень к Грязевому озеру. А нас двоих она подцепила уже потом и в таких обстоятельствах... Вряд ли мы тоже шпионы, слишком случайно тогда все произошло, по ее словам.

— Но ты не помнишь, как это произошло? — уточнил он.

— Нет. Она сказала: встретила в Лиманске, перед самым выбросом, мы пришли туда, потому что услышали сигнал SOS, хотя позже выяснилось, что его подают лешие, обосновавшаяся там группировка, приманивают таким способом людей. Ладно, а почему ты именно мне это рассказываешь, а не Алексу?

Он пожал плечами.

— Ты выглядишь умнее.

Болотник приподнялся на цыпочках и протянул руку с ножом к лозе, вьющейся вокруг длинной ветки. Ростом он был ниже меня — я схватил конец ветки и нагнул, чтобы он мог дотянуться.

— Но для чего нужен этот шпион? — произнес я. — Если бы ночью он перерезал остальным глотки и забрал клубень или как-то попытался задержать отряд... Но он же никак не проявляется, только через излучение своей сборки.

— Не знаю. Может, она служит для связи? Через нее шпион докладывает, что происходит и где мы.

Я покачал головой.

-- Как? Бормочет в нее, как в переговорное устройство?

— А может, она — как маячок для Мглы, которая всегда знает, где огряд. Ладно, ты услышал все, что я хотел сказать. Надо н йти еще две лозы и четыре большие шишки.

— Мы были знакомы раньше, Болотник? — неожиданно для самого себя спросил я.

Он наклонился, выискивая шишки в высокой траве.

— Слышишь? Меня чуть в дрожь не бросает каждый раз, как я смотрю на тебя.

Он молчал.

— Эй! — позвал я. — Ты знал меня раньше, да?

Обернувшись, он внимательно поглядел на меня. На лице его мелькнуло какое-то выражение, слишком быстро, чтобы я мог понять, что оно значит.

— Нет. Никогда тебя не видел, Марат.

— Точно? Тогда почему ты так смотришь?

Но он лишь молча отвернулся.

Когда мы вернулись, за оврагом горел костер. Хохолок выпотрошил и освежевал зайцев, одну темную от крови тушку насадил на палку и сунул в руки Кириллу, чтоб вращал над огнем, вторую стал раздирать на части, крикнув Нешику, чтоб притащил глины со дна оврага. Наемник принес две горсти, бросил на землю. Холок обвалял куски мяса в глине, сапогом отгреб от костра немного углей, бросил в них мясо, засыпал и подтолкнул обратно, поближе к жару.

Я присел, незаметно разглядывая их, размышляя, кто из этих людей может быть шпионом неведомого врага. Здоровяк попросту туп для таких дел. Анчар... судя по рассказам, которых я успел наслушаться от разговорчивого Нешика, да и от Кирилла, он неплохо командовал отрядом, благодаря нему они выбрались из пары переделок. Какой же в этом смысл — помогать Кате дойти до цели, одновременно шпионя против нее? Так кто тогда? Говорливый глуповатый Нешик? Интеллигентный Кирилл, при каждом удобном случае достающий свою головоломку? Но они — члены группы наемников, работавших совместно уже несколько лет. А что,

если это синхроны? О них я ничего не знал. Слишком необычные создания... вернее — создание. А может, сам Болотник? Но тогда для чего ему рассказывать мне о сборке, спрятанной в теле одного из нас?

Ситуация была запутанная и какая-то нелепая. Мы с Алексом случайным образом присоединились к отряду, идущему куда и контролер псевдоплотей не гонял, чтобы доставить непонятный артефакт, который несет какая-то диковатая девица. Все это было несуразно, в других обстоятельствах я бы давно ушел — но у меня почти не было оружия, снаряжения, ничего не было. Правда, с этим плохо и у остальных, но когда ты без стволов и снаряги, выживать в Зоне легче группой. Так что в конце концов я решил остаться и потихоньку наблюдать за всеми членами отряда.

И — не доверять никому из них.

Хохолок сожрал половину зайца с вертела и схрумкал два больших печеных ломтя вместе с почерневшей растрескавшейся глиной, треща ею, сокрушая твердую корочку крупными белыми зубами. Остальное съели мы; жесткое заячье мясо, к тому же без соли и специй, не очень-то вкусное, но голод уже давно давал о себе знать. Не ел только Болотник. Сделав несколько глотков из фляги, он принялся мастерить ловушки. Помимо лозы и шишек мы притащили из леса четыре длинных прута, следопыт воткнул их в землю на полпути между расселиной и деревьями, к концу каждого лозой примотал по шишке.

— Э, а вон там оно что такое? — Хохолок привстал, глядя в сторону леса. — Туман там! Эй, слышите, туман вижу!

— Это значит, Мгла ваша приближается, — сказал я. — Болотник, долго еще?

— Почти закончил.

В голове стало как-то муторно, будто через уши туда напустили угарного дыма. Заломило в затылке, тупая боль разошлась к вискам.

— Блин, хреново мне, — сказал Алекс. — А ты как, красавица?

Он заботливо приобнял побледневшую Катю за плечи, секунду она стояла, прижавшись к нему, но потом оттолкнула.

— Я нормально, — сказала рыжая сквозь зубы.

Потянув свисающую с прута лозу, Болотник отошел к оврагу, в нескольких шагах от него сел на корточки, вырвал клоч травы, разгреб и вмял конец лозы в землю. Потом засыпал ямку.

Все выпрямились, повернулись к лесу. Я сказал:

— Спускайтесь в овраг, готовьтесь.

— Надо, чтобы каждый был на своем месте, — возразила Катя и повернулась к Анчару. — Командуй!

Он кивнул, удивленно оглядываясь, что-то промямлил и вдруг сел на корточки, обхватив голову руками.

— Что с тобой? — Катя шагнула к Командору, толкнула его в плечо. Анчар качнулся и что-то зло проворчал. Мы растерянно столпились вокруг него.

— Аслан, Карим, вы по краям оврага, — наконец решил я. — Аслан — сюда, с западной стороны, Карим с восточной.

— Мы вмес-сте, — свистящим шепотом протянул Аслан.

— Нет. — Я ткнул пальцем в другой конец оврага. — Туда иди. Вы не потеряете друг друга, если на двадцать шагов разойдетесь. Нешик, ты рядом с Асланом. Дальше Катя, я, за мной Хохолок. Слышишь? — Когда наемник согласно качнул головой, я продолжал: — Потом Алекс, Кирилл, Анчар, в конце Карим. Все всё поняли? Анчар, эй!

Он поднял голову — на лице поблескивали капельки пота, кожу стянуло на скулах, нос заострился. Командор выглядел больным.

— Да что с тобой такое? — удивилась Катя.

Он с трудом встал, распрямил плечи, прошамкал слабым, будто у старика, голосом: «Хорошо, правильно. Делайте, как он сказал», — и неловко полез в овраг.

Аслан что-то прошептал, прыгнул и направился к другому концу расселины. Покончивший с ловушками Болотник прошел мимо меня.

— Мгла близко, — сказал он. — Артефакты вибрируют.

Овраг был глубиной мне по грудь. Я положил перед собой пластиковый ножик рыжей, который так и не отдал ей, и тяжелую палку. Все, другого оружия у меня не было. Справа устраивалась Катя, слева ворочался и пыхтел Хохолок. У него был «М-4» с десятью патронами в магазине. У Нешика и Кирилла боеприпасов к штурмовым винтовкам не оста-

лось, только по несколько патронов в пистолетах. У Анчара и Кати не было оружия, зато близнецы сохранили по полтора магазина к «НК».

— Болотник, что будет, если это таки аномалия, и она наткнется на твои прутья? — громко, чтобы все слышали, спросил я.

— Ее энергия уйдет в землю, — пояснил следопыт. — Рассосется.

— Аномалия исчезнет?

— Может исчезнуть. — Голос стал громче, старик приближался вдоль оврага. — Если очень мощная, то хотя бы просто остановится.

— А если она нам мозги срстит, как тем ренегатам? — подала голос Катя.

— Не сможет, — раздалось сверху, и мы подняли головы. Присевший на корточки следопыт протягивал два зеленых кругляша. — Проглотите это. Остальным я уже раздал.

— Ну и что это такое? — Рыжая опасливо подставила ладонь.

Я тоже взял кругляш — он оказался почти горячим и неожиданно тяжелым. Состоит из спрессованных стеблей травы, комочков глины и тоненьких белых корешков. В центре виднелось крошечное черное зернышко.

— Сборка, — пояснил Болотник. — Я сам ее создал. Там черное зерно, улитки и толченый наст, артефакт мясоворота.

— Что за улитки? — спросила Катя брезгливо.

— Раздавленные улитки, артефакты слизистого пузыря. Это такая аномалия. Они хорошо действуют на мозги. Глотайте. Будут необычные ощущения — не обращайтесь внимания, пройдет. На время она не позволит никому и ничему захватить ваши мозги.

Пока он говорил, стало темнее, хотя до вечера было еще далеко. Следопыт оглянулся на деревья и поспешил обратно к своему месту в овраге. Переглянувшись с Катей, я сунул сборку в рот, и девушка сделала то же самое.

— Печет! — вдруг пожаловался Хохолок, уже съевший свою.

Во рту зашипело, запузырилось, и я поспешно проглотил кругляш. Горячий комок провалился в желудок, стал

набухать, тяжелея. Я схватился за живот, Катя выругалась. Казалось, сейчас изо рта повалит дым, но комок из раскаленного вдруг стал холодным... И взорвался. Обжигающе-морозная волна рванулась вверх, заставив сердце лихорадочно колотиться, сошлась, как в горлышке воронки, к шее — и тугой струей ударила в голову. Я разинул рот и выпучил глаза. Стужа наполнила череп, мозг превратился в ледяного ежа — во все стороны торчали острые иглы мыслей. Все вокруг стало очень четким, ясным. Холод прошел, мысли прояснились, окружающий мир приобрел объем и глубину, зрение словно улучшилось в несколько раз.

— Кровосос тебе в зад! — пробормотала Катя, поворачиваясь ко мне. — Что это было?!

— Следопытские штучки, — проворчал я. Собственный голос показался неприятно громким, а еще очень сочным, наполненным множеством интонаций, которые я не вкладывал в ответ; двумя словами я передал собеседнице бездну смысла.

— Он нам наркоту какую-то подсунул.

— Тихо, — шикнул я. Положив локти на землю, приподнялся и выглянул. — Что это?

Мгла была еще далеко, из леса к нам приближалось нечто другое. Незримая волна катилась, подминая кусты и деревья...

Все замолчали, когда над оврагом потемнело — будто дым от костра за клубился в воздухе.

— Что это? — спросил Кирилл, пряча голову в нагрудный карман и поднимая пистолет.

— Убери, — сказал я. — Присядьте все. Если Мгла не аномалия, а мутант, лучше, чтобы она не сразу заметила нас. Болотник, твои ловушки остановят мутанта?

Помолчав, он откликнулся:

— Если это контролер и он зацепит верхушку хотя бы одного прута — на время лишится большей частью своей силы. Если пройдет между прутьями... скорее всего тоже потеряет энергию, но меньше. Тогда надо будет действовать нам.

— Так, ладно, все слушайте! — громко произнес я. — Карим, Аслан, как только оно пройдет мимо прутьев, с двух

сторон бегите к нему и пытайтесь на крюки насадить. Хохол, ты тоже вперед выскакиваешь, стреляешь, а потом прикладом его молотишь. В это время мы с остальными окружаем и с разных сторон на него наседаем, если вы к тому времени не справитесь. Болотник, ты на месте остаешься. В драку не лезь, слышишь?

Он не ответил. Мои последние слова прозвучали глухо, будто в земляном подвале. Дневной свет погас, небо затянуло пеленой, словно неподалеку горел целый горотской квартал. Невидимая волна быстро надвигалась на нас. Я оглянулся — и не поверил своим глазам. Степь покрывали вспышки, земля подрагивала. Сквозь гул доносилось потрескивание разрядов — аномалии гасли одна за другой!

— Да что это такое? — крикнул Нешик. — Вы видите? Мгла ведь еще далеко...

Стало тяжело дышать. Силуэты остальных едва виднелись в дымной пелене. Я посмотрел на свою руку — она казалась черной, на концах пальцев мигали огоньки. Двигаться было трудно, приходилось прилагать большие усилия, даже чтобы повернуть голову.

— Она поняла, что мы ее ждем, — сказал Болотник. — И погнала на нас импульс.

— Импульс чего? — спросил я, кладя руку на палку.

И чуть не отдернул ее — дерево оказалось теплым и слегка дрожало. *Сеча*, вспомнил я. Так моряки называют очень маленькие и частые волны, особую зыбь, иногда возникающую возле берега. На первый взгляд не опасные для корабля, эти волны вызывают у моряков страх больший, чем обычный шторм. Если небольшая яхта или лодка попадает в них, то начинает мелко трястись, корпус скрипит, сеча ломает его, выводит из строя обшивку, расшатывает.

Что-то подобное происходило сейчас с пространством — и в большей степени с предметами. Палку колотило под ударами невидимых волн, она становилась на мгновение то тяжелее, то легче, по шершавой поверхности стремительно бежали блеклые полосы. Дубинка вдруг показалась мне каким-то опасным насекомым. Сейчас из нее высунется ядовитое жало, метнется к запястью и ужалит... Она шевельнулась, и я отбросил ее.

Тяжесть усилилась. Будто великанская ладонь нажала сверху — и давит не переставая. А ведь это еще не сама Мгла, она пока далеко. Воздух застревает в горле, спина горбится сама собой, ноги подгибаются... Хочется упасть на колени, согнуться в три погибели, прижаться лбом к земле. А лучше растянуться на ней, лечь плашмя и зажмуриться.

Тряхнув головой, я снова взялся за палку, навалился грудью на край оврага. Земля мелко дрожала. Я едва видел Катю в кипящей темно-серой мути, что стремительно неслась мимо нас. Рыжая наклонилась, показала вперед. Я перевел взгляд туда — приземистые силуэты возникли на краю леса.

Донесся топот, земля затряслась.

— Осторожно! — прокричал я, вернее, попытался, но из горла вырвался только придушенный хриплый возглас.

Несколько секачей-мутантов вырвались из леса, круша молодые деревья. Горбатые спины, рыла, копыта как наковальни, кривые клыки... Они ринулись к оврагу, смяв ловушки — все, кроме одной, которую не зацепили лишь чудом, — и мгновенно оказались перед нами. Я упал на дно, а сверху метнулась громадная туша, посыпались комья земли, потом целый пласт ее сорвался и рухнул на меня.

Когда через несколько секунд я с трудом приподнял голову, земля содрогалась уже слабее: стоя уходила в степь. Мгла стала как черный деготь, окутала меня, гася сознание, великан навалился, ладонь его давила все сильнее. Я застонал, стараясь выпрямиться, встать хотя бы на колени — но голова клонилась все ниже, и вот уже лицо ткнулось в глину... а потом земля разверзлась подо мной, развалилась, исчезла — и я упал в объятия тьмы.

Я падал сквозь черное пространство, мчался с невероятной скоростью. Что-то блеснуло, внизу возник бело-голубой шар, надвинулся, занял все поле зрения. Я камнем рушился на него, скорость все увеличивалась — быстрее, быстрее, свист, шипение в ушах... Синяя поверхность раздалась вширь, на ней проступили очертания морей, горы, долины и реки. Потом взгляду предстала Зона, разрослась... Я падал

на ее северную часть, мелькнули и пропали здания ЧАЭС, полосатая труба, бетонная громада Саркофага. Вдруг я понял: далеко на севере кто-то есть — туманная фигура, окутанная мглой. Он поворачивал голову, тяжелый мрачный ВЗГЛЯД скользил по Зоне, как луч черного прожектора, пытаюсь найти то, что было очень нужно ему. Косматый прятался внутри необычного полигона, спрятанного за огромными бетонными стенами. Этот открытый Бункер с трех сторон окружали непроходимые поля аномалий и лесные дебри, с четвертой он примыкал к Могильнику, а сверху его скрывало облако рассеянной в атмосфере аномальной энергии. Там, в Бункере, невидимом для радаров и спутников, были леса, холмы, поля и озера, там были свои обитатели, ни на что не похожие существа, но были там и люди, прошедшие через психическую мутацию, занятые непонятными мне делами, и над всем этим секретным миром, притаившимся посреди Зоны, правил он — Хозяин, обладатель черного взгляда.

Горизонт рванулся прочь, и я провалился в Зону: степь, лес, овраг, крошечные фигурки в нем... Я закричал, осознав, что сейчас разобьюсь, степь с лесом исчезли, кривая щель оврага надвинулась, я рухнул в нее — и с воплем сел на дне расселины.

Разинул рот, хрипя, выталкивая языком набившуюся влажную землю. Закашлялся, подавшись вперед, харкнул — изо рта вылетел фонтан мелких комков, и наконец воздух проник в горло. Я втянул его, казалось, не только в легкие, наполнился им целиком, будто воздушный шарик, показалось даже, что сейчас взлечу.

Голова закружилась, поросшие чахлой травой склоны закачались. Я попытался встать. Накатившая от Мглы волна прошла мимо, марево почти рассеялось, но полностью не исчезло — висело в воздухе сероватой дымкой. Впереди слабо шевелилась черная от грязи Катя, сзади ворочался и что-то глухо бубнил Хохолок.

Раздался протяжный, исполненный ужаса стон. Я наконец сумел подняться, окинул взглядом изрытую копытами землю, сломанные прутья ловушек, стену деревьев, повернулся — и застыл не дыша.

Овраг окружали аномалии. Слизистые пузыри, змеиные клубки, жарки, свечи, воронки, холодцы... Десятки аномалий со всех сторон! Они потрескивали, искрились, вспучивались радужными пузырями энергии, жили своей тайной жизнью. Мы очутились в центре непроходимого лабиринта.

К нам протиснулся Алекс, взял Катю за плечи. Она ухватилась за его ремень, выругавшись сквозь зубы, выпрямилась. Оттолкнула от себя. Он не обиделся — шагнул назад, глянул на меня и спросил севшим голосом:

— Ну, как ты, напарничек?

— Так же, как и ты, — ответил я.

Стон повторился — в нем смешались страх, тоска и злоба. Я повернулся к лесу, сощурился, всматриваясь в дрожащий воздух над аномалиями.

Пузырь тумана над кронами приближался к нам.

Прозвучал голос Кирилла:

— Аслан, что с тобой?

Мы с Катей и Алексом обернулись. Вдоль оврага полз синхрон. Смуглое лицо исказилось, рот перекосился, глаза выпучились — вот-вот вывалятся из глазниц и белыми мячиками заскачут по траве.

— Карим! — хрипело это страшное существо, скребя пальцами землю, подтягивая тело к ближнему концу оврага, где, как я понял вдруг, кое-кого не хватало. — Карим! Его нет!! Аслан потерял его!!!

2

— Стой! Туда нельзя! — Кирилл пробежал мимо Анчара с Болотником, толкнув Хохолка, протиснулся дальше и крикнул, увидев, что не успевает: — Остановите его!

— Аслан! — позвал я. — Ты не сможешь там пройти, слышишь?

Нет, он не слышал. Спрыгнув в овраг, Аслан взял лежащий на земле крюк брата и чуть ли не обнюхал его.

— Да остановите же его! — Кирилл попытался ухватить Аслана за штаны, но синхрон вдруг зашипел, будто рассерженная змея, и занес крюк.

— Не трогай его, — сказал я наемнику.

— Ты что, не понимаешь? — Кирилл развернулся ко мне. — Он там сразу погибнет!

— Нет, это ты не понимаешь, — сказала Катя. — Это синхроны, идиот! Он убьет кого угодно, чтобы найти свою половину.

— Карим там! — неразборчиво шикнул Аслан. Слова он произносил будто ребенок, едва научившийся говорить. — Там, там, Аслан знает!

Рука с крюком показала в сторону степи.

— Ты же сказал, что потерял его! — крикнул Кирилл.

Голова дернулась, грязные волосы взметнулись, влажно хлопнув по спине.

— Нет, Аслан чует. Надо туда, надо найти, вернуть!

Синхрон полез из оврага, Кирилл попытался сдернуть его вниз, и тогда я оттолкнул наемника, сделав подсечку, сбил с ног. Аслан побежал, сразу резко свернул, нырнув между слизистым пузырем и электрой. Та мелко затрещала, засверкала, среагировав на движение.

Кирилл вскочил, направил на меня «М-4», позабыв, что тот разряжен, и тогда на плечо его легла тяжелая рука Алекса.

— Успокойся, братан, — сказал он. — Синхрона не урезонить никак, если тот вторую половину потерял. Он сейчас опасный очень. Ты лучше погляди — там, по-моему, твой кореш копыта откинул.

— Нешик?! — Кирилл развернулся, увидев тело, лежащее в грязи на дне оврага, и бросился к нему.

Отвернувшись от них, я спросил громко:

— Почему никто не стрелял, когда из леса выскочили кабаны?

— Так эта... — протянул Хохолок. — Оно ж стрелять не хотело. Я жал-жал крючок — а вот ни фига. И оружие дрожало так, навряд ли рыбки билось в руках.

Я поискал глазами пластиковый нож и увидел его в руках у Кати.

— Он останется у меня, — сказала рыжая, пряча оружие в кармашек на ремне.

Она присела, осматривая валявшийся в грязи контейнер с выпуклой крышкой. Аслан почти исчез из виду, фигу-

ра его дрожала и подергивалась, будто он шел по раскаленной пустыне.

Мгла приближалась — после первого импульса ее излучение ослабло, но все равно было хорошо ощутимо. Кирилл молча сидел над неподвижным Нешиком. Вдруг он вздрогнул, похлопал по груди, раскрыв карман, достал головоломку. Она сломалась, развалилась на две половинки, на землю упали костяшки с иероглифами. Кирилл уставился на нее.

— Оно сейчас здесь будет, — сказал Алекс. — Блин, выбираться надо быстрее...

Болотник поднял руку, призывая к молчанию. Прошел на другой конец оврага и замер там, глядя вдоль леса. Казалось, что кроны непрерывно меняют форму, а стволы извиваются, как змеи, — между оврагом и опушкой возникло не меньше десятка аномалий, они искажали все, что находилось за ними. Следопыт вылез и встал на краю, чтобы лучше видеть. Пока он всматривался, Алекс приблизился к телу Нешика, склонился над ним, стал расстегивать его куртку и жилет. Кирилл, выйдя из оцепенения, что-то негромко сказал ему, Алекс оглянулся на меня и покачал головой.

— Умер? — спросил я. — Почему? Рана какая-то?

Ноги еще дрожали — я стоял, привалившись к склону, мне не хотелось подходить к ним и самому осматривать молодого наемника.

— У него кровь из ушей течет, — сказал Алекс. — И из носа. И из рта.

Кирилл выпрямился, повернулся к нам. Лицо его заливала смертельная бледность — до того он казался мне спокойным и рассудительным, но смерть синхрона и Нешика вывела наемника из равновесия.

— Кровоизлияние в мозг, — глухо сказал Кирилл. — Наверное. Не знаю точно. Брюква, Мировой, теперь Нешик... все мои погибли.

Катя, через голову стянув куртку и счищая с нее грязь, прошла в один конец оврага, потом в другой. Повернулась лицом к лесу, надела куртку. Мглистая полусфера подбиралась все ближе к нам.

— Не бойсь, — буркнул Хохолок, шагнув к рыжей. — Я тебя защищу, если чё. Вот же ж напасть... — Он похлопал себя по животу. — Обратно жрать хочу!

Аномальная энергия плескалась вокруг, отгородив нас от мира нематериальной стеной, лишенной плотности и веса, но куда более крепкой, чем если бы она состояла из дерева, камня или железа. Воздух над оврагом пронизывало напряжение. Руки подергивались, волосы на голове шевелились. Озноб пробирал до костей.

— Есть! — Болотник поспешил обратно. — Может, получится выйти отсюда.

— Мгла будет здесь через пару минут, — сказал я.

Спрыгнув на дно оврага, Болотник сказал:

— Так, слушайте. Аномалии со всех сторон. По краю леса идет полоса жарок и змеиных клубков, туда не прорваться, как и в сторону степи. Мгла послала перед собой ментальный импульс, там, где он прокатился, остался след. Ощутили ту волну? Она вроде погасила, вдавила в землю все аномалии вокруг, а потом они опять вылезли. Как нарывы. Причем лезут даже те, которые раньше были в зачаточном состоянии. Но возле концов оврага аномалий меньше. В какую сторону отсюда нам надо выбраться?

— К реке. — Мой голос дрожал, а если я резко поворачивал голову, все вокруг плыло, и перед глазами вспыхивали разноцветные круги. — Ты говорил, на берегу лагерь охотников. Может, они до сих пор там? У них наверняка есть лодки или плоты. Я забыл, как называется река...

— Быстрянка.

— Такое название дали из-за течения? И она впадает в Грязевое озеро, куда нам и надо?

— Да, — сказал он.

— Значит, если найдем лодку, попробуем уйти от Мглы по реке. Сейчас это единственный путь...

— Зачем? — перебила Катя. Присев, она стягивала волосы в хвост и снизу вверх смотрела на меня. — Мы одну засаду уже устроили, и что? Потеряли синхронов и сами чуть не сдохли. Так для чего еще раз...

— Не знаю, — сказал я. — Будем думать по дороге. Что еще остается? Все равно нам надо к Грязевому озеру. Если...

— Да о чем вы вообще говорите?! — крикнул Кирилл. Он поднял руку, сжал в кулак — раздался хруст, между пальцами посыпались кусочки гололомок. — Оно одним только импульсом нас смяло! А когда само к нам подойдет...

— Заткнитесь все! — приказал Болотник. — Можете возбуждать аномалии. Вы что, не чувствуете напряжения?

Трудно было не чувствовать его. Оно шло со всех сторон — мелкой злой рябью колыхало воздух, землю, небо. Пространство дрожало, морщилось складками, словно поверхность озера под сильными порывами ветра. В заполненной аномалиями степи что-то пучилось и раздувалось. Это ощутил даже тугодум Хохолок — он поскреб грудь, раздув ноздри, громко втянул воздух и пробормотал опасливо:

— Чиво это, а?

— Лабиринт сейчас расширится, — сказал Болотник. — Каждая аномалия — как фабрика по переработке аномальной энергии, которой напитана земля в Зоне, превращению ее в другой вид энергии. Для аномалий там слишком мало места, им нужно большее пространство. Еще немного, и они раздадутся вишрь.

— Когда это произойдет? — спросил я, протискиваясь мимо остальных к другому концу оврага.

— В любую минуту.

— Или Мгла к нам подойдет. Ну так чего ты ждешь, Болотник? — спросила рыжая. — Быстрее выводите нас отсюда!

— Достань мне лозу, — ответил он.

— Чего?

— Я сказал: достань лозу. Видишь, на прутьях, которые кабаны повалили? У тебя веревка на поясе, возьми шишку, подтяни сюда два прута.

На другом конце овраг становился менее глубоким. Опираясь на палку, я приподнялся на цыпочках, козырьком приложил ладонь ко лбу. Изломанный край лабиринта, искрясь, как сотни фейерверков, тянулся по степи слева, а справа, вдоль опушки, шеренгой выстроились жарки, слизистые пузыри и электры. Нас зажало между степью и лесом, на полосе шириной в три десятка шагов — она тянулась к далекой реке и едва различимым строениям на берегу.

Рябь аномального напряжения катилась из степи, дробила пространство, искажая перспективу. Позади свистнула веревка, выругалась Катя.

Аномалии сыпью покрывали землю вокруг, но со стороны реки покинуть овраг мешали лишь две, холодец и змеиный клубок, расположенные всего в нескольких шагах друг от друга. Никогда еще я не видел, чтобы аномалии находились так близко. Нечего и думать о том, чтобы проскользнуть между ними. Темно-красный шар, ядро змеиного клубка, хищно посверкивая, перекатывался внутри невидимого пузыря, готовый пронзить жгучими стрелами любого, кто окажется поблизости. Холодец мерцал кислотно-зеленым цветом.

Веревка с привязанной к концу шишкой свистнула еще дважды, наконец Алекс довольно крикнул, и тогда я вернулся к ним. Командор стоял ближе всех, проходя мимо, я спросил:

— Что с тобой?

Глаза у него стали совсем мутными, лицо застыло. Вдруг оно исказилось, на мгновение гримаса ненависти — безумной, звериной — вспыхнула, исказив черты, и тут же лицо разгладилось, залившись смертельной бледностью. Анчар взмахнул рукой, будто отгоняя кого-то, с губ сорвался хриплый шепот:

— Нет, уйди!

Он привалился к краю оврага, прижал ладонь ко лбу.

— Что с тобой происходит? — повторил я.

— Не знаю! — рыкнул он, оскалившись. — С головой... что-то с головой.

— Я вижу, что не с задницей. Так что с твоей головой?

Он лишь досадливо отмахнулся и сплюнул. Катя подтаскивала к оврагу уже второй прут, зацепив его шишкой, Болотник отвязывал волчью лозу от первого. Что-то мелькнуло в степи неподалеку, и я поднял палку. Извивающийся в потоках горячего воздуха силуэт прыгнул к оврагу. Кирилл вскинул оружие, Хохолок поднял «М-4», а мой напарник — пистолет, который взял у Нешика.

Белоснежные волосы Аслана почернели и выгорели с левой стороны, лицо уродовал ожог — багрово-белая лосня-

щаяся рана, кожа там будто расплавилась и потекла. Я знал, отчего это: след удара артефакта под названием «уголек». Десятки их с силой выбрасывает во все стороны аномалия поганка, если подойти к ней слишком близко. Аслан сильно хромал, прижатая к боку рука вывернута ладонью наружу, задубевшие синие пальцы согнуты крюками — значит в запястье вонзился один из шипов аномалии перекасти-еж.

— Жив! — сказала Катя с изумлением. Даже Болотник оторвался от волчьей лозы и глянул на синхрона.

Аслан упал на краю оврага, с трудом сел, свесив ноги. Кирилл шагнул к нему, чтобы помочь слезть, но Катя схватила наемника за плечо. Болотник тихо сказал:

— Не касайся его. Он сразу набросится на тебя.

— Почему? — спросил Кирилл.

— Любое прикосновение синхрон воспринимает как угрозу, если другая половина исчезла. Посягательство на остатки своей личности...

— Виделэво, — пробормотал Аслан.

Все замолчали. Обожженный глаз вылез из глазницы — влажный темно-красный зрачок плавал в нем, как гнилая вишня. Аслан напрягся, оскалившись, между потрескавшимися губами показался язык, и он с усилием выдавил более разборчиво:

— Видел-ево. Карим, брат. Там, он... там, во мгле... — Полуобернувшись, синхрон махнул искалеченной рукой вглубь степи. — Мгла там. Плохо видно... очэн. Аномалии кругом. Он там... ыдет. Уходит Карим, неэ... слышит Аслана. Аслан зовет, Карим нэ слышит.

— Ты не спасешь его, иди с нами, — сказал Кирилл. — Мгла сейчас будет здесь, мы хотим прорваться к реке.

Не обратив на него внимания, синхрон повернулся к Болотнику, вновь склонившемуся над лозой.

— Следопыт!

— Что? — бросил тот, не поднимая головы.

— Дай... каплю Аслану. Дай, ыначе... нэ пройти. Молочну каплю, не... пройты.

Аслан выталкивал слова, будто комья клейкой грязи, липнувшей к небу. Рот его кривился в звериных гримасах, язык изгибался, скользил по зубам.

— Капли тебе не помогут, — откликнулся Болотник. — По этому лабиринту не пройдешь, ты уже труп.

— Дай-дай! — взвизгнул синхрон.

Подобрав ноги, он сел на корточки, уперся в землю одной рукой и подался вперед, вытянув другую, покалеченную. Что-то лилово-синее задрожало в месиве, которым стала правая половина лица, и вдруг по ожогу потекла крупная розовая слеза.

— Дай... пройду! Найду... Карима, дай!

Присевший на дне оврага следопыт привязывал шишку к концу лозы. Отвлечшись от своего занятия, он порывлся в кошеле и швырнул Аслану три плоских белых камешка. Тот поймал один, два упали у его ног, синхрон схватил их.

Он выпрямился, пошатнулся — и только теперь я понял, что Аслан остался без автомата и крюков.

— Что-то с Каримом! — выдохнул синхрон. — Опять чую его, но Карим... не такой! Боль, ему больно... Мгла... его подчinyла! — Развернувшись, он шагнул в лабиринт аномалий. Еще несколько мгновений мы видели окутанный искрами силуэт, потом Аслан исчез.

— Что он сказал? — спросил Кирилл, поворачиваясь к нам. — Мгла подчинила Карима?

— Марат, держи это, — велел Болотник, выпрямляясь. — Не запутайся ногами в лозе. Идем в конец оврага, там скажу, что делать.

Он вручил мне привязанную к лозе шишку, и мы пересекли овраг, волоча лозу. Болотник держал второй конец, где была такая же конструкция из шишки и артефакта. Когда я проходил мимо бледного Алекса, тот вяло улыбнулся мне и тут же сморщился, схватившись за лоб. Напарник мелко дрожал.

Бьющее из степи напряжение усилилось, энергетическая рябь стала штормом, ломающим глубинную структуру пространства. А с другой стороны катила другая волна — мощная, глухая. Мгла приближалась. Все вокруг качалось, мир неслышно скрипел, готовый распасться на мелкие осколки. Горячий ветер дул со стороны аномалий, потоки воздуха проносились над оврагом — волосы на голове шевелились и мириады невидимых иголок покалывали кожу.

— Все встаньте сзади! — громко велел Болотник. — Приготовьтесь. Марат, видишь холодец?

Я кивнул, начиная догадываться, что он собирается сделать.

— И змеиный клубок?

— Вижу, — сказал я. — Ты хочешь...

— Куда ты скорее попадешь?

— В холодец, — решил я, прикинув размеры аномалий и расстояние до них.

— Хорошо. Значит, бросаю свою шишку в клубок. Кирилл, Алекс!

Ветер гудел с такой силой, что хриплый голос Кирилла едва донесся до нас:

— Что?

— Разложите лозу на этом конце оврага, перед нами, чтобы не зацепилась, когда бросим. Разверните ее... Так. Теперь отойдите. Слушайте все! Как только мы кинем шишки — вы пригибаетесь. Может произойти все что угодно. Пригибаетесь, но не падаете лицом в землю, а смотрите на нас. Когда вскочу и побегу — бегите за мной. Бегите как можно быстрее, но смотрите под ноги, в траве могут быть норы. Все поняли? Хохолок, ты понял?

— А то! — бодро откликнулся тот. — Сесть, потом бежать... Э, следопыт! А вот я тут не пойму чиво-то: почему ветруган такой свишет, а деревья вон в лесу не гнутся совсем, ветки не шелохнутся?

Я глянул туда — деревья стояли неподвижной стеной, хотя ветер стал уже почти ураганным.

— Потому что это другой ветер, — откликнулся Болотник.

— Не, не понял, чеши грудь, ты объясни... — недовольно начал Хохолок, и вдруг Анчар зашипел на него:

— Заткнись! Заткни пасть и не раскрывай, пока тебе не прикажут! Тупой дебил, недоносок... — Он замолчал, когда все удивленно повернулись к нему. Лицо Анчара покрыла испарина, он схватился за шею, зажмурился. Хохолок осклабился и покрутил пальцем у виска.

— Во придурок, — прогудел он. — Крыша в отпуск уехала, ага.

— Марат, готов? — спросил Болотник.

Ветер уже выл, я всем телом ощущал его горячее, яростное давление, но трава у оврага не шевелилась. Пространство теперь не просто морщилось — шло трещинами, зияющие провалы возникали в нем под ударами аномальной энергии.

— Готов, — ответил я, поднимая шишку над головой так, чтобы лоза не зацепилась за шею при броске.

— Раз... — сказал Болотник. — Два... Давай!

Болотник все рассчитал верно: шишки были достаточно тяжелые, чтобы долететь, но не настолько крупные, чтобы змеиный клубок отреагировал раньше времени. Следопыт отмерил правильную длину лозы — после броска она не натянулась, хотя и не волочилась по земле, мешая полету шишек.

Когда наши снаряды достигли цели, я присел.

Мой упал на краю холодца и мгновенно исчез в густой зелени. Шишка Болотника ударила прямо в центр красного ядра — следопыт каким-то образом сумел учесть его беспорядочное движение внутри прозрачной сферы.

Мгновение ничего не происходило, а потом, рванув лозу, шишки, как чугунные гири, провалились куда-то — под землю, в подвал мира. Лоза натянутой тетивой задрожала в воздухе.

Красный цвет потек по стеблю от змеиноного клубка, как кровь по вене, и навстречу ему от холодца устремился зеленый. Лоза стала прозрачной трубкой, в которую с разных концов под большим напором влились две жидкости.

На середине между аномалиями они столкнулись.

Вой, грохот, рев энергии. В десятке шагов от оврага неглубоко под землей словно вспыхнула звезда. Слепящие лучи пробили дерн и траву, вырвались наружу, вытягиваясь, прошли туман.

Звезда погасла, исчезла вместе с двумя аномалиями. Сухая пепельная змея — все, что осталась от волчьей лозы, — с шелестом упала на землю и рассыпалась.

— Вперед! — Болотник выскочил из оврага.

Я рванул за ним, слыша тяжелый топот сзади. А степь будто подобралась, съежилась, как огромный жирный осьминог, подтянувший щупальца.

— Ложись! — заорал следопыт. Добравшись до полосы чистой земли между лесом и степью, он повалился лицом вниз.

Не понимая, для чего это нужно, я тоже упал, рядом очутились Катя с Алексом и Анчаром. Кирилл повис на плече Хохолка, крича наемнику в ухо. Тот не слышал следопыта, но после приказа Кирилла тоже рухнул брюхом на землю.

— Болотник, зачем... — начал я, подползая к нему, и в этот миг степь *распрямилась*.

Осьминог выбросил во все стороны свои щупальца. Мир качнулся, как палуба корабля. Вздогнуло, застонало пространство. Если бы кто-то из нас стоял на ногах, то кубарем покатился бы по земле. Но толчок, хоть и мощный, оказался коротким — уже через несколько мгновений все замерло.

— Дальше! — Болотник вскочил. — Сейчас аномалии поползут к нам!

Я крикнул, чтобы все наверняка услышали: «Ходу!» — и помчался следом, кинув взгляд влево.

Взрыв сдвинул, сломал что-то в сложной системе потоков и узлов энергии, которой являлся лабиринт, — он начал расти. Вспышки покрыли степь, над ней проносились рои искр, вздымались смерчи, радужные пузыри набухали и лопались. Аномалии двигались, наталкиваясь друг на друга, исчезали, но тут же на их месте вспучивались новые — огромное аномальное образование расплзлось, как жидкое тесто, поглощая пространство вокруг.

Я двигался рядом с Болотником. Полы его плаща тяжело хлопали, приподнимаясь, будто крылья летучей мыши, ноги в черных ботинках месили землю. Бежать было неудобно и тяжело, ноги путались в траве, к тому же земля неровная, сплошные горбы и ямки.

Справа ряд жарок, электр и слизистых пузырей оставался неподвижен, а слева накатывали волны жара: наползая друг на друга, стреляя искрами, аномальные образования подбирались все ближе, старые то и дело исчезали в сияющих вспышках, их место занимали другие. Мы бежали по быстро сужающейся полосе.

Река приближалась, но мы не успевали: слишком узким стал безопасный участок. Сзади донесся вскрик, я обернулся —

Кирилл упал. Мгновение я колебался — вернуться, помочь? Но ведь это самоубийство... Что-то прорывав, Хохолок остановился, взрыв каблуками землю. Кирилл пытался встать, неловко поджимая раненую ногу, и наемник прыгнул к нему.

Зря я оглядывался. Нога тут же угодила в нору и подвернулась. Боль пронзила лодыжку. Я рухнул на мягкую травяную подстилку, врезавшись подбородком в земляной горб, зубы лязгнули, мир на мгновение потемнел...

Чьи-то руки ухватили под мышки с двух сторон, рванули вверх. Стопа вышла из норы, я взвыл от боли и заковылял дальше.

Катя, а затем Алекс отпустили меня, и я побежал сам, хромая. Нога онемела, я почти не чувствовал ее. Передо мной маячила спина Анчара, он успел опередить остальных. Я рискнул еще раз оглянуться: Хохолок тащил Кирилла на плече, тяжело бухая огромными сапогами.

Полоса земли сузилась до нескольких шагов. Впереди отчетливо виднелись стоящие на мелководье свайные домики. Каждое движение левой ноги причиняло боль, я спешил оттолкнуться от земли, перенести вес на другую ногу, чтобы хоть на мгновение избавиться от этой боли — но она лишь немного ослабевала и сразу вспыхивала вновь.

Бегущая рядом Катя, вскрикнув, исчезла из поля зрения. Я кинул взгляд через плечо. Рыжая растянулась во весь рост, выпустив свернутую кольцами веревку и разбросав руки, истошно крича. Возле левого локтя появилось что-то необычное, какой-то нарост, большая шишка... Катя запрокинула голову, рот ее стал большой буквой «О», крик донесся даже сквозь грохот и рев энергии. Пробегаящий мимо Хохолок наклонился, одной рукой придерживая на плече Кирилла. Пальцы вцепились в рыжие волосы, он рванул, приподняв Катю, подбросил и согнул руку, так что она упала животом на локтевой сгиб. Ноги девушки подсакивали, волочась по земле, голова болталась — она потеряла сознание. Наемник поднял ее выше и забросил на второе плечо. Теперь под весом двух тел он бежал заметно медленнее.

Моя нога стала бруском раскаленного, пышущего жаром металла, по которому кузнец ударял молотом, раз за разом

разбрызгивая шипящие искры боли. Нога текла, плавилась. Жар аномальной энергии опалял левую половину тела, и уже не иголки — тысячи заточенных шипов вонзались в кожу, буравили ее, рвали в клочья.

Казалось, что Болотник с Анчаром впереди бегут по коридору со светящимися дрожащими стенами. Какой он сейчас ширины... три, пять шагов?

Анчар выскочил на песчаный берег, и тут сбоку к нему вылетел большой старый перекасти-еж. Будто опасный быстрый хищник, он рванулся наперерез. Наверняка Командор знал, что означает для человека попасть внутрь ежа: он вбирает в себя тело, терзая его острыми тонкими шипами, убивает и оставляет разлагаться, сделав останки частью себя. Анчар метнулся в сторону, еж пронесся мимо, врезался в растущее у самой воды дерево. Крона содрогнулась, посыпались листья. Анчар прыгнул в другую сторону и, уже почти достигнув реки, попал ногой в небольшой слизистый пузырь.

Аномалия выстрелила белой кислотой. Анчар упал головой в воду, забился, как рыба в сети. Через мгновение Болотник оказался рядом, подняв пенную волну, схватил Анчара за шиворот, поволок дальше. Следом в воду влетел я, оглянулся и увидел сжимающийся зев прохода между аномалиями.

Вдалеке они уже соприкоснулись, от оврага к нам катилась извивающаяся полоса вспышек. Вздвигив водяной вал, Хохолок врезался в воду, и я отскочил, чтобы он не опрокинул меня. Болотник сумел поднять Анчара на колени. Я схватил Командора с другой стороны, мы потащили его между покосившимися домиками на сваях, преодолевая сильное течение.

В речном поселке стояла тишина. У дальнего домика качался сбитый из бревен плот — на середине короткая мачта, рядом брезентовый навес, бочонок, ящики и тюки.

Река вскипела, заклокотала, когда полоса аномалий достигла ее. Почему-то большинство их не любит воду, хотя есть особые водяные аномалии, но они — редкость.

У плота глубина была до пояса. Возле навеса лежали три истыканных короткими стрелами тела: женщина, подросток и

бородатый мужчина. Мы с Болотником взвалили Анчара на бревна, следопыт полез следом, я бросил туда палку и повернулся, чтобы помочь Хохолку, но он уже и так стоял рядом. Алекс запрыгнул на плот, присел на корточки, оглядываясь.

— Держите! — Здоровяк скинул с плеча девчонку, и мы с Алексом подхватили ее. Рыжая пришла в себя и что-то мычала, уставившись на нас полными слез глазами.

— Пусти, — прохрипел Кирилл, извиваясь и пытаясь слезть. — Я сам, теперь сам!

Хохолок бросил его на бревна. Болотник успел оттащить Анчара от края, мы положили Катю рядом. Здоровяк сел, свесив ноги в воду. Длинный массивный плот качнулся.

— Автомат потерял, — пожаловался Хохолок.

Холодная вода уменьшила боль в ноге. Я вытащил ножик из ремня Кати и похромал навстречу быстрому течению. На конце плота торчал вбитый между бревнами клин, от него к свае ближайшего домика тянулась туго натянутая веревка. Из окна дома свисало тело — ноги внутри, торс снаружи. От копчика почти до лопаток спину раскроили мощным ударом, в темном липком провале поблескивал изогнутый позвоночный столб.

Свободная от аномалий полоса исчезла, они слились, накрыв пространство до самого леса, подступив вплотную к реке. Вода у берега клокотала, от нее валил пар. Я взял палку и посмотрел на Болотника, стоявшего возле мачты. Он кивнул.

— Осторожно! — сказал я, забираясь на плот. — Хохолок, ноги подбери.

Потом перерубил веревку ножом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ОПАСНАЯ РЕКА

1

Я достал стрелу из груди бородатого мужчины, осмотрел — узкая треугольная пластинка металла, тонкое древко, оперения нет. На древке выжжены кольца.

— Такими пользовались охотники на грязевых ящеров, — пояснил Болотник. — Значит, жители поселка передрались из-за чего-то, одна часть убила другую и ушла...

— Одно непонятно, — сказал я, отбрасывая стрелу. — Почему те, кто выжил, не забрали артефакты из сундука, который под навесом?

Их там оказалось больше двадцати — молочных капель, звездочек, семян, шипов перекаати-ежа, крови камня, вспышек, слюды, перышек, бус, льдинок-заморозков и корешков Дерева-Кукловода.

Некоторые из них помогли Анчару выжить.

Его нога покрылась ровным слоем пузырящейся белой кашицы, которая быстро проедала кожу и плоть под ней. К полному моему изумлению, Анчар не потерял сознание. Но он и не кричал от боли — это было выше моего понимания, ни один нормальный человек не способен вынести подобные мучения. Командор лежал под навесом и молча глядел вверх. Крылья заострившегося носа часто подергивались, от них волны дрожи пробегали по лицу — и это было единственным проявлением страдания. Если бы не Болотник, молочная кислота вскоре добралась бы до костей и принялась за них, к утру оставив от ноги тонкую культю, маслянисто поблескивающую белую палку со слизистым комком, бывшим когда-то ступней.

Дело осложнялось тем, что у нас не было никаких бинтов и лекарств. Сначала нам пришлось наложить повязку на ногу Кирилла, после вправить мою ступню — я почти потерял сознание от боли и долго лежал, стиснув зубы, приходя в себя, — стянуть ее куском ткани, оторванным от куртки мертвого следопыта. Его самого, как и женщину с подростком, мы столкнули в воду, освободив их от части одежды. Потом Катя потеряла сознание, мы с Алексом сняли с нее куртку, оторвали рукав рубахи и увидели, что кость сломана чуть ниже локтя. Должно быть, падая, она вытянула перед собой руки и левой напоролась на камень.

Я как мог сдвинул куски кости, Алекс сломал две палки, сжал ими руку; мы обмотали все это тканью, завязали покрепче. Катя пришла в себя и хрипела сквозь зубы.

— Темнеет уже, — сказал Хохолок, встав на передке плота.

Пока мы возились друг с другом и с Катей, Болотник отщепил от бревна дощечку, намазал чем-то и принялся счищать белый налет с ноги Анчара. Слизь пузырилась и тихо шипела, следопыт стряхивал ее в щель, где бурлила, выстреливая пенными фонтанчиками, вода. Покопавшись в сундуке убитого охотника, Болотник нашел несколько нужных артефактов, облепил ими ногу Анчара и закрепил тканью, пропитанной одним из своих снадобий, склянку с которым достал из мешочка на поясе.

Несколько позже то же самое он проделал с рукой Кати, а после вытащил из сундука пять одинаковых артефактов — черные зернышки.

— Это уберет боль, — пояснил он. — Надолго, почти на сутки. Глотайте.

Артефакт-зернышко наполнил тело холодом — мышцы будто заledenели, бурчащий желудок превратился в снежную пещеру. Сознание стало бескрайней белой равниной, снег крупными хлопьями падал на нее из-под черепных сводов. Дрожа в ознобе, я обхватил себя за плечи, однако снег быстро растаял, холод прошел — и забрал с собой боль. Она не исчезла полностью, но угнездилась где-то на задворках сознания, я теперь мог опираться на раненую ногу, не скрежеща при этом зубами.

Хохолок вскрыл бочонок, но, к его огорчению, там оказалось не вино и даже не вода, а желтоватый песок с крупными зернами. Впрочем, наемник вскоре нашел под навесом меха и несколько фляг. Рядом лежал большой моток волчьей лозы и связка тонких острог — плоские рыбы кости на древках. Я взял одну, опираясь на нее, прошелся по плоту. Течение несло нас между крутыми берегами, на западном росли стройные тополя, плакучие ивы свешивали в реку гибкие ветви. Узкие, как стилеты, листья шевелились, шелестели на ветру.

Катя очнулась, увидела сломанную руку и переполнилась злобой. Такой перелом настроение никому не повысит, но рыжая совсем вышла из себя.

— Ну что, все живы? — процедила она, обводя нас взглядом. — Справились с Мглой, да?

Ей никто не ответил, и она продолжала:

— Для чего я вас наняла? Чтобы вы меня защищали, чтобы я до места в целости и сохранности попала! За это я вам немалые деньги плачу...

— Достала ты со своими деньгами, красавица, — перебил Алекс, не выдержав. — Чуть что — ты деньги под нос суешь, которые нам типа платишь. Только, во-первых, не все на деньги купишь, а во-вторых — мы с Маратом никаких денег как-то до сих пор не видели.

— Видели! — отрезала рыжая. — Видели, до того как по тупости своей под выброс попали!

— А это еще разобраться надо, как мы под него попали, — сказал он. — Может, ты нас под него и того... толкнула.

— Ты соображай, что говоришь!

— Что знаю, то и говорю. — Напарник похлопал себя по лбу. — Да, амнезия у меня. Ну так, значит, и нет перед тобой никаких обязательств. Деньги, которые ты нам, по твоим словам, дала, потеряны. Так какого хрена я с тобой, спрашивается, плыву? Эй, маленький, поворачивай плот! — заорал он Хохолку, стоящему на корме с длинной палкой в руках. — И трап подай, я схожу на фиг!

— И куда пойдешь? — спросил я.

Он осекся. Болотник не обращал на нас внимания, занимался артефактами в сундуке, Кирилл неподвижно сидел на корме, Хохолок стоял впереди. Алекс огляделся, потрогал плечо, сморщился.

— Без оружия, без снаряжения, в одиночку на севере Зоны, за ЧАЭС? — продолжал я и повернулся к Кате. — Ты уверена, что мы с ним вместе были? Как это я такого обалдую в напарники взял...

— Сам болван, — ответил Алекс и полез под навес. Лег там рядом с неподвижным Командором, подложив руку под голову, сказал: — Ладно, это я, конечно, ерунду спорол. Но я до сих пор не понимаю: за каким хреном мы к этому Грязевому озеру премся. Что там забыли? Артефакт туда надо доставить? Зачем? Какой артефакт? Кто нас там ждет? Почему Мгла эта за нами ползет? — Он привстал и погрозил Кате кулаком. — Темнишь, красавица! Или врешь, или темнишь.

Болотник поднял голову от сундука, я посмотрел на Катю. Она сказала:

— Я не знаю, что это за артефакт. Действительно, не знаю. Меня наняли...

— Кто нанял? — спросил я. — Где это происходило, для чего конкретно наняли, кому ты должна артефакт передать?

— Покажи его, — добавил Болотник.

Алекс выбрался из-под навеса, к нам подошли Кирилл с Хохолком, интерес к происходящему не проявлял только Анчар. Когда мы втянули Катю на плот, то отстегнули от ее пояса контейнер и положили под навес, но теперь он опять был на ремне — рыжая не любила выпускать его из поля зрения. Она положила контейнер на бревно, шелкнула фиксаторами выпуклой крышки, поежилась и раскрыла. Внутри лежал лилово-синий тускло светящийся клубень.

— На почку похоже, — сказал Алекс, поморщившись. — На человеческую почку.

— Слишком здоровый, — возразил я.

Алекс ткнул пальцем в Хохолка.

— Вон на его почку.

— Чеши грудь! — отвечал на это Хохолок.

— Так кто тебя нанял? — спросил я, протягивая руку к артефакту.

Когда Катя открыла контейнер, Болотник вздрогнул, Кирилл, проворчав что-то, потрогал лоб, а у меня возникло ощущение, будто нам нами пронесся порыв ледяного ветра. Потом стало зудеть в затылке — вроде кто-то пристально смотрит сзади. Я оглянулся — нет, никого, пустые плоские берега.

— Закрой! — вдруг приказал Болотник. На лбу его выступила испарина.

Рыжая будто ждала этого — тут же захлопнула крышку.

— И контейнер хитрый какой-то, — добавил Алекс. — Изнутри покрыт чем-то.

— Потому что он экранирующий. — Она посмотрела на меня. — Ты хотел все узнать? Так вот слушай: наняла меня одна коммерческая лаборатория. Частные лаборатории по новому закону не имеют права эксперименты в Зоне проводить или артефакты исследовать, только правительственные. Потому я про это и не рассказывала вам — они предупредили,

что дело секретное, если военные узнают или спецслужбы... В общем, эта лаборатория отправила экспедицию, которая дожидается на краю Могильника, то есть на берегу Грязевого озера. А почему им этот артефакт надо срочно доставить — не знаю. Зачем-то он ученым понадобился. Вот и все.

Что-то в этой истории было разочаровывающее, тривиальное. И не понять, врет нам Катя Орлова или правду говорит. Вроде все логично, частная лаборатория действительно могла нанять ее, чтобы пронести что-то в глубь Зоны, почему бы и нет? Но... почему-то не верится, хотя привести контрдоводов я сейчас не мог.

Махнув рукой, Алекс отошел на край плота и сел рядом с Кириллом. Я выпрямился, опираясь на острогу, встал на передке. Холодный ветер дул в спину, подгоняя плот. Небо затянула серая пелена, красное солнце медленно сползло к горизонту.

Вода хлюпала, плескалась между бревен, иногда заливая края плота. По углам торчали четыре факела, палки с набалдашниками из пропитанного смолой тряпья. Пятый, самый длинный факел высился спереди посередине.

— Марат! — позвал Болотник, и я вернулся к навесу.

Хохолок вытащил из-под него здоровую ржавую секиру и небольшой, с треснувшим обухом топор, а еще — три дошатых ящика. Он вскрыл их, теперь следопыт и Кирилл с Катей сидели вокруг, разглядывая содержимое. Руку в лубке рыжая положила на колени. Выглядела она неважно: щеки запали, под глазами темные круги.

Я присел рядом. В одном ящике были сухари, в другом — все тот же крупнозернистый песок, третий наполняли цилиндры с серебристой блямбой взрывателя на конце.

— Знаешь, что это? — спросил следопыт.

— Мины.

— Их еще почему-то петардами называют, — кивнул Алекс. — Взрываются от удара. Зачем их здесь столько?

— Местные сталкеры использовали их, чтобы глушить грязевых ящеров, — пояснил Болотник.

Хохолок зачерпнул сухари, будто воду, отправил в рот полную горсть и принялся с хрустом жевать. Кирилл посмотрел на него и произнес:

— Ты спас мне жизнь, когда мы бежали к реке. Спасибо.

Здоровяк покосился на него, что-то промычал с полным ртом и потянулся к фляге. Но не взял — толстая, как бревно, рука взлетела, наемник приподнялся и гаркнул, тыча пальцем в берег:

— Хэ!

Я вскочил, ощутив легкое прикосновение к сознанию, щекочущее и мягкое.

У реки лежало поваленное дерево — крона полоскалась в воде, могучие корни вылезли из земли, но еще держали ствол, не позволяя течению унести его. Ветви торчали во все стороны, посреди шелестящей листвы присел на корточки контролер.

— Вон! — крикнул вскочивший Кирилл. — Вижу его!

Я сказал:

— Тихо. Все видим.

Издалека мутант напоминал обычного человека: светлая кожа, длинные волосы, голый, худой... Невыразительное лицо, прямой тонкий нос, бледные губы, неширокие плечи.

Мы плыли далеко от него, к тому же вшестером. Мало какой контролер может подчинить такое количество людей, а этот явно молод, неопытен. Поняв, что его заметили, он выпрямился, придерживаясь за сук, уставился на плот.

Из-под навеса донесся рык. Анчар приподнялся на локтях, повернувшись к контролеру. Глаз сверкнул, изо рта вырвалось звериное рычание.

— Командор! — позвала Катя. — Что с тобой?

Анчар не слышал. Он зажмурился, собравшись с силами, вскочил, ударился головой в навес. Ткань выгнулась горбом, затрещала. Углами она крепилась к четырем вбитым между бревен подпоркам-клиньям, и два из них сорвались. Анчар рванулся, молотя руками, сбросил ткань.

— Контролер! — проорал он. — Худшая тварь в Зоне! Ненавижу их... всех вас ненавижу!

Он окинул нас бешеным взглядом, нагнулся и выдернул из связки короткую острогу. Свернутая кольцами волчья лоза отлетела на край плота, Болотник бросился к ней, поймал, не позволив упасть в воду. Хохолок схватился за секиру, Катя с Мировым отпрянули, я прыгнул к топору,

лежащему возле бочонка, но Анчар не смотрел на нас. Он подскочил к борту, замахнувшись, упал на одно колено и метнул острогу.

Трудно убить контролера. И не потому, что он силен или особо ловок, — но потому, что может предугадать твои поступки, особенно те, что становятся следствием сильных эмоций.

Острога вонзилась в ствол там, где только что был мутант, а сам он исчез, растворился среди густой листвы.

Анчар что-то злобно выкрикнул вслед. Повернулся, ссутулился и поплелся обратно, волоча ноги. Механический глаз пощелкивал и трещал, перемотанная левая ступня скребла по бревнам. Командор добрал до поваленного навеса и рухнул на бок. Кирилл шагнул к нему, но Катя, успевшая вооружиться ножом, оттолкнула наемника.

— Погоди, — сказала она. — Может, он сейчас опять вскинется.

Я позвал:

— Анчар! Эй, Командор!

Он перевернулся на спину и больше не шевелился, уставившись вверх неподвижным взглядом.

— Кирилл, Хохолок, поставьте навес, — сказал я и обратился к следопыту: — Ты понимаешь, что с ним происходит?

Болотник покачал головой. Положив лозу на прежнее место, он взял ящик с желтым песком, отнес к задней части плота, присел там и поманил нас. Оставшийся возле навеса Хохолок вновь захрустел сухарями, а мы с рыжей, Кириллом и Алексом подошли к следопыту.

— Быстрянка донесет нас до Грязевого озера, — сказал Болотник.

Я оглядел берега.

— Она изгибается. Мы плывем наперерез Мгле, если она продолжает двигаться на север. Где точно нас ждут?

— Возле Грязевого озера должен быть небольшой лагерь, — сказала Катя. — На северном берегу.

— Чего? — Алекс нахмурился, соображая. — Но я думал, научники ждут на южном берегу, на ближнем!

Я кивнул.

— Да, из твоих слов так казалось.

— Нет, на северном, — возразила она.

Алекс хлопнул себя по колену.

— Если бы они нас с этой стороны ждали, скинули бы им артефакт, получили оставшиеся деньги — и гудбай. Разбежались бы, только оружием в том лагере разжиться, и все. А дальше пусть научники сами с Мглой разбираются. Она явно за артефактом, клубнем этим прется. А так что получается?

— А так в лагерь мы не успеем, — сказал я. — То есть не успеем до того, как она нас догонит. Пока будем пробираться через Грязевое озеро, Мгла...

— Накроет нас, — заключил Алекс. — Что это значит?

— Что мы должны встретить ее. Устроить вторую засаду. Только как?

— Есть один способ, — сказал Болотник. — Потому вас и позвал. Что такое, по-вашему, этот песок? — Он показал на раскрытый ящик, стоящий между нами.

Лизнув палец, я осторожно коснулся поверхности. Крупное зернышко прилипло к коже — бледно-желтое, усыянное крошечными белыми вкраплениями. Никогда такого не видел, по крайней мере не помню. Страхнув зерно, я покачал головой.

— Соляная глина, — пояснил следопыт. — Это соляная глина из Могильника. Она нагревается под действием аномальной энергии. А волчья лоза — как провод для этой энергии. Надо только найти аномалию, чтобы использовать ее вместо взрывателя.

Кирилла, Алекс и Катя недоуменно смотрели на него. Я кинул взгляд на другой ящик, стоящий возле навеса, и сказал:

— Мины?

— Да, я про них, — ответил Болотник.

— Не понимаю! — Рыжая поворачивала голову, глядя то на меня, то на следопыта. — О чем вы, кровосос побери, толкуете?

— Эти мины-петарды взрываются от удара, — пояснил я не слишком уверенно, так как сам пока не очень-то понимал, что хочет сделать Болотник.

— И от нагрева.

— Правильно. Сильный удар и создает нагрев. Ну так как ты хочешь их использовать?

— Сделаю мину, ею взорвем Мглу, чем бы она ни была.

На лице Кирилла возникло понимание, он кивнул.

— А я все равно не могу расчихать, — сказал Алекс.

Болотник стал пояснять:

— Соляная глина нагревается, когда аномальная энергия попадает в нее. Не люблю это слово — энергия, ну да ладно, вам привычнее. Если ее будет много — глина накалится, даже расплавится. И если мины вставить в глину, они взорвутся. Им не помешает даже вода. Если немного добавить ее, глина станет вязкой, мины можно закрепить в ней и прилепить к чему-нибудь.

— Ну так и что... — начал Алекс, но я перебил:

— А волчья лоза пропускает аномальную энергию. Видел, что было возле оврага, когда мы швырнули шишки? Две... два вида энергии столкнулись.

— Вступили в реакцию два ее различных агрегатных состояния, — пояснил Болотник. — Главное, найти в нужном месте аномалию. На плоту не добраться до противоположного берега Грязевого озера. Оно потому и Грязевое — там дальше настоящее болото, лабиринт островков. И слишком мелко. И еще там лежища болотных мутантов. Двигаться придется очень медленно, может, несколько суток. Мгла догонит нас. Значит, мы пристанем на южном берегу озера. Там есть небольшой залив, на берегах много аномалий. Но перед Мглой аномалии погаснут, во всяком случае, большинство. Поставим ловушку из мин на пути Мглы, между ним и какой-нибудь аномалией помощнее, которая целиком не рассосется с ее приближением. В глину должен быть погружен один конец лозы, второй у нас. Отойдем... когда Мгла подойдет вплотную, второй конец бросим в аномалию.

— Энергия пойдет по лозе, глина раскалится, мины взорвутся! — подхватил Алекс. — Правильно! Молодец, дядя... — Вдруг он смолк, наморщив лоб, и тут же Кирилл сказал:

— Погодите. А если петарды не сработают возле Мглы? Сами видели, какое от нее излучение... У меня пистолет не стрелял, когда кабаны появились.

— Да к тому же аномалии перед ней гаснут, — добавила Катя. — Хотя и не все, но все равно — мы можем вообще ни одной не найти, чтобы использовать как запал.

— Другого способа не вижу, — сказал Болотник. — В ми-нах нет движущихся частей, никакой механики, почему они должны не сработать? Если можете придумать что-то получше — предлагайте.

Катя отвернулась, Кирилл покачал головой, Алекс развел руками.

Со стороны берега донесся треск, и мы вскочили.

Из густых зарослей заячьей колючки вывалился кабан, здоровенный косматый мутант с клыками как сабли. Таких громадин я еще не видел — холка мне по грудь, тулово как бочка, копыта размером с голову. Бугристая уродливая башка наклонилась, кабан взрыл мордой землю, задрал розово-черный пятак к небесам и всхрапнул — протяжно, иступленно. И только теперь я понял, что этот могучий, злобный и непроходимо тупой владыка леса смертельно напуган.

На спину ему из кустов прыгнула тощая псевдособака. Кабан рванулся дальше, но кусты росли на самой границе ровного участка, за ними был короткий отвесный склон и река. Собака вонзила когти в толстую шкуру, припала к холке кабана, воя. Взметнулись комья земли, и секач рухнул, как валун с вершины утеса, врезавшись башкой в воду.

А следом, ломая заросли, неслись другие, поменьше, между косматыми тушами прыгали псевдопсы, звякали панцирные чешуйки, огнем горели глаза, лязгали зубы.

— Во жратвы скока, — удивился Хохолок. — Чиво это зверье поперло?

— Гон, — сказал Болотник. — Как тогда, у леса.

— Только сильнее, — добавил Кирилл.

Плеск воды заглушил все остальные звуки. Мелкую рябь сменили волны, они докатывались даже до плота, тот качался. Под берегом выросла стена водяной пыли. Все новые звери выбегали из прореженных кустов, я заметил среди псевдособак большого пятнистого тушкана. Он свалился в воду, попытался вынырнуть, но не смог — упавший следом кабан сломал ему хребет.

Множество голов приближались к нам, фыркая, хрюкая и подвывая. Течение несло нас дальше, но и звери из-за него плыли не прямо к противоположному берегу, а наискось.

Все, кроме Анчара и Болотника, встали на краю качающегося плота. Командор неподвижно лежал под навесом, следопыт присел рядом с ним. Кирилл с Хохолком подняли пистолеты, здоровяк дважды выстрелил в башку кабана, и я крикнул:

— Экономь патроны!

Клацнуло огниво, Болотник выпрямился, сжимая свернутую в жгут горящую ткань. Подбежав к самому длинному факелу, разжег его и поспешил к тому, что стоял на углу с нашей стороны.

Отблески огня легли на волны, вода вокруг окрасилась красным и бурым — большое мигающее пятно поползло по реке вместе с плотом. Болотник поднял из-под навеса два шеста, один дал Хохолку, второй Кириллу.

— Отталкивайте, если подплывут, — сказал он.

— Чиво? — возмутился наемник, потрясая секирой. — Чеши грудь! Кабанчик ежели подберется — я его обухом по морде, сюда затащу. Костер сделаем, мясца зажарим...

— Костер посреди плота не сделаешь, — перебил я, и наемник осекся, приоткрыв рот. — Железной жаровни здесь нет, одно дерево.

— А, псевдоплотью те по башке! — взъярился Хохолок, подхватывая шест. Течение как раз несло мимо плота крупного псевдопса. Палка описала дугу, конец с глухим стуком врезался в мокрую черную голову. Дерево треснуло, мутант ушел под воду, по ней растеклось темное пятно, казавшееся маслянистым в свете факелов.

Ни один зверь не догнал нас, да они и не стремились забраться на плот. Гон закончился, новые мутанты больше не появлялись. Истоптанные заросли остались позади, нас несло дальше, река впереди плавно изгибалась. Болотник сказал из-за навеса:

— Посмотрите на другой берег.

Мы обернулись. Сначала я не понял, о чем он. Берег как берег, песчаная коса на повороте, дальше болотистая земля, холм, заросли, редкие деревца... И тут увидел: холм движется.

— Ох ты... — протянул Алекс. — Это же этот... Ползучий холм, кажется, так их называют? Они ж вроде только в Могильнике живут.

— Мы приближаемся к Грязевому озеру, — пояснил Болотник. — А значит, и к Могильнику.

Ползущий вдоль берега холм с крутыми мшистыми склонами и покатою вершиной, где росло одинокое деревце, достигал размеров трехэтажного дома. Такие холмы, как и, к примеру, перекаати-еж, не являются аномалиями в обычном понимании. Земляной горб двигался неторопливо и бесшумно, подминая заросли, ломая толстые стволы, оставляя за собой полосу гладкой земли, где пузырились островки ядовитой слизи.

— Всегда думал, что ползучие холмы живые, — тихо сказал Кирилл.

Алекс хмыкнул.

— Как это?

— По-моему, это какие-то мутанты — животные, вступившие в симбиоз с растительностью, которая пустила корни в их шкуре. — Наемник оглядел нас. — Ну, что-то вроде таких огромных медлительных черепах. В брюхе какая-то железа выделяет слизь, и та разъедает зелень. Палые листья, траву... Может, там где-то внизу и рот есть, такая большая круглая присоска, она затягивает получившуюся кашичу.

— Брат рассказывал: если человек заснет, и холм наползет на него, останутся только гладкие кости, — тихо сказала Катя.

Алекс живо повернулся к ней и спросил:

— У тебя и брат есть? Тоже сталкер?

Рыжая не ответила, отвернулась и шагнула прочь от него.

Когда холм достиг высокого дерева, «морда» его вмялась, будто губа. Ствол наклонился, затрещал, холм замедлил ход — и рывком сдвинулся дальше. Дерево упало, крона задрожала, когда нижняя часть вместе с вывороченными корнями оказалась под земляным горбом.

— Глядите, вон там впереди, — сказал Алекс. — Это там, случаем, не...

На земле перед холмом темнело пятно шириной шагов десять.

— О чем вы? — спросил Кирилл, и я пояснил:

— Похоже на аномалию «огненная лужа». И холм его не замечает, уже совсем близко подполз.

В этот момент ползучий холм добрался до пятна.

Основание мшистого земляного горба наполнило на темный круг. Холм вздрогнул, будто в последний миг ощутил что-то, и начал останавливаться, но не мог сделать это быстро и по инерции полз дальше.

Круглое пятно стало темнее.

— Сейчас полыхнет, — сказал Болотник.

Крошечные сине-зеленые язычки пламени вырвались из земли. Вспузырилась, захлюпала болотная жижа, холм колыхнулся, как желе на тарелке, дерево на вершине затряслось. Огонь стал красным, загудел и рванулся кверху, облизывая мохнатые бока.

И тут холм подскочил. Я не поверил своим глазам — здоровенный горб подпрыгнул на полметра и тяжело упал; вершина вмялась, бока колыхнулись — будто это был мех с водой.

Аномалия под названием «огненная лужа» заработала в полную силу, фонтан пламени ударил в небо.

Если бы холм угодил на ее середину — прожгло бы насквозь, но он каким-то образом смог понять, что происходит, и подался вбок. Завеса пламени встала вокруг аномалии, раскаленный воздух колебался, волна жара поползла во все стороны, даже мы ощутили ее. Деревце на вершине вспыхнуло, как факел. Содрогаюсь, холм полз в глубь берега, а аномалия жгла его. Мох выгорел, бока украсились темными подпалинами.

Скорость его уменьшилась, должно быть, жар повредил что-то внутри. Обгоревшие склоны казались лысыми, темная земля — натянутой и сухой, будто кожа больного человека. Черные комья сыпались с нее, она трескалась, тяжело вздымалась и опадала — холм дышал.

Огненная лужа погасла, языки пламени исчезли, раскаленный фонтан втянулся в землю. Плот быстро плыл дальше, а холм тащился прочь от реки. Вдруг целый пласт земли на его боку с шелестом сполз, обнажив лиловую плоть, мутно-прозрачную, влажную, похожую на огромного моллюска.

— Это что такое? — спросил я. — Болотник!

— Вижу, — откликнулся он. — Понятия не имею, что там у них внутри.

Я так и не смог разглядеть, что скрывается под земляной коркой: нас вынесло на стремнину. Плот закачался, мы присели, а затем поворот берега скрыл аномалию и ползучий холм, лишь вершина с догорающим деревом еще некоторое время маячила вдалеке.

Когда я вернулся к навесу, Анчар неподвижно лежал на боку, вперив взгляд в окаймляющие реку заросли. Хохолок устроился между ящиков и хрустел сухарями, Катя села у бочонка, баюкая сломанную руку, Кирилл с Алексом встали на передке, а Болотник принялся разматывать волчью лозу.

— Болотник, сколько нам еще плыть? — спросил я.

— В Грязевое озеро попадем поздно ночью, — ответил он.

Небо потемнело, стало холоднее. Анчар вновь улегся на спину, закрыл глаз и, кажется, заснул. Подойдя ко мне, Алекс негромко сказал:

— Слышь, напарничек... Давай назад отойдем, хочу тебе кой-чего показать.

«Кой-чего» оказалось свертком листьев зеленухи, который он достал из кармана на бедре. Мы сели по-турецки, Алекс положил сверток между нами и развернул. Я нагнулся, разглядывая круглую зеленоватую штуку, похожую на шляпку гриба, с розовой бородавкой в центре. Перевел взгляд на Алекса, спросил:

— Ну и что это?

— Артефакт, думаю. Никаких воспоминаний у тебя не возникает?

Я прищурился, осторожно коснулся «гриба», скользнул пальцами по гладкому боку.

— Вызывает. Но... нет, точно раньше я это видел где-го. Кажется, даже в руках держал. Откуда ты его взял?

— Когда мы в тей комнате в себя пришли, этот сверток на полу валялся. А у меня молния на кармане была вырвана с мясом почти, так я и решил — рыжая ведь говорила, мы дергались, как припадочные, вот я за что-то зацепил ее, порвал, артефакт выпал. А теперь думаю — помнишь, там контейнер небольшой в углу лежал? Может, артефакт не у меня

из кармана, а из того контейнера выпал? Но у кого из нас контейнер был?

Я еще раз осмотрел артефакт, осторожно завернул в листья, поднял, взвесил на ладони, прикрыв глаза, и сказал:

— По-моему, держал я эту штуку уже. Что-то такое в голове...

В голове и вправду будто клубилось что-то. Смутные, обрывочные воспоминания — очень большое помещение, серое, я почему-то вижу его сверху, внизу бродят фигуры, а вокруг — паутина. Нет, не та, которой плюются болотные ведьмы, а сине-зеленая воздушная паутина. Это было мучительно, я даже оскалился, пытаюсь вспомнить что-то более подробно.

— Эк тебя перекосило, братишка, — посочувствовал Алекс. — Ладно, возьми пока артефакт себе, вдруг еще чего припомнишь. Только я еще одно хочу сказать. Помнишь, как в овраге Болотник нам те таблетки раздал, чтоб в голове поменьше мутилось? Так вот я когда ее взял, так мне почудилось, будто артефакт этот у меня в штанине дернулся. Задрожал как бы, навроде почувствовал что-то. Ну, таблетка ведь из артефактов была сделана? Вот он вроде как на что-то в ней отреагировал, так я потом уже решил, когда припомнил все это. Ладно, поспать надо.

Он встал, я тоже поднялся. У меня на бедре был такой же, как у Алекса, карман, только с целой молнией, и я положил артефакт туда. Мы вернулись к навесу. Запустив руку в ящик с сухарями, я сказал:

— Будем по очереди караулить. Болотник, слышишь? Один дежурит, остальные спят.

Хохолок буркнул:

— Первый послежу, чтоб все тихо.

— Ладно, — согласился я. — Потом Кирилла разбудишь. Кирилл! За тобой Болотник, потом Катя...

— Спать не буду, — сказал следопыт. — Почти не сплю. Да и мину надо сделать. Кирилл, разбудишь женщину после себя.

Сухари оказались твердыми, как галька. Кое-как разжевав пару штук, я запил их водой и первым влез под навес. Лежащий на спине Анчар не шевельнулся, когда я лег рядом,

мне даже показалось, что Командор умер, — но нет, грудь едва заметно вздымалась. То ли спит, то ли в забытии. Что все-таки с ним происходит? Встав на колени, я осторожно обхватил пальцами механический глаз и замер. Анчар лежал не шевелясь. Я сдвинул одно из серебристых колец — в глазу тихо щелкнуло, — потом другое. Механизм едва слышно застрекотал и смолк. Правый глаз командора был закрыт, сиплое дыхание вырывалось из груди. Я сдвинул пальцы ниже, ухватил цилиндрик у самого основания, там, где его окружала каемка припухшей розоватой кожи, еще раз посмотрел на застывшее лицо Анчара — и потянул.

Цилиндрик приподнялся, нижний край его частично вышел из глазницы. Изнутри потянулись красно-белые жилки, уходящие в череп.

А еще — полился тусклый свет. Не искусственный, как от лампочки или диода, казалось, что там мерцает какая-то плесень. Я наклонился к лицу Анчара, почти приник лбом к его лбу, заглядывая под объектив.

В глазнице находилась сборка — крошечная, скрепленная волокнами лозы и розовыми жилками. Я заметил черное зернышко, уходящие в глубь черепа тончайшие веточки Деревя-Кукловода и что-то еще, незнакомое. Осторожно вернул цилиндр на место и кивнул сам себе. Значит, именно эту штуку и ощущал Болотник. Но зачем она? Сборка сидела глубоко в глазнице, наверняка соединенная с мозгом Анчара...

Следовало позвать Болотника, показать ему, возможно, он понял бы, что к чему, — но под навес уже забирался Кирилл, а я пока не хотел говорить о своем открытии никому, кроме следопыта. Я улегся возле Анчара, подложил руку под голову. Кирилл почти сразу заснул, вскоре рядом с ним улеглась Катя, поворочалась немного, глянула на Командора, на меня.

— Почти не болит, — с легким удивлением пробормотала она, кладя на живот сломанную руку. — Хорошо, что с нами следопыт, а то бы... — И умолкла, закрыв глаза.

Анчар вдруг вскинулся, бессмысленно посмотрел по сторонам. Кирилл уже спал, а мы с рыжей усталились на него.

— Где? — напряженно спросил Командор. — Где мы?

Свет факелов проникал под навес, превращая его лицо в багровую маску. Глаз блестел, лоб и скулы избороздили морщины, он выглядел постаревшим, осунувшимся, больным.

— Ты... — Он посмотрел на меня, с трудом узнавая. — Марат, а? Где мы?

— Плыдем по Быстрянке, — сказал я. — Это речка, впадающая в Грязевое озеро. Приближаемся к Могильнику.

Он ненадолго задумался.

— Могильник, да, помню. А Мгла?

— Идет вдоль берега скорее всего. Мы хотим устроить еще одну засаду, а иначе она догонит нас посреди озера. Оружия почти нет, патронов всего несколько штук. Но Болотник придумал поставить ловушку из мин-петард.

— Мины... Хорошо, хорошо! — Казалось, он едва понимает мои слова. — Мины — это дело. Взрыв, смерть. Много крови. Утопить Зону в крови — вот что по-настоящему необходимо нам. Я мечтал об этом, но не только мечтал. Я старался, приближал этот миг, а они предали меня... — Голос звучал все тише, неразборчивее, последние слова слились в гнусавое бормотание, и голова Анчара опустилась на бревно. Мы с Катей переглянулись, она скривилась, постучала себя пальцем по лбу и закрыла глаза.

Анчар больше не шевелился. Хохолок наконец перестал хрустеть сухарями и утонул на передок плота. Он погасил три из пяти факелов, оставив лишь по одному впереди и сзади, где устроился Болотник. Вода плескалась, плот качался, тихо шелестели деревья на берегу — я заснул быстро.

— Ящерицы!

Я подскочил, ткнувшись головой в навес, огляделся.

— Марат, сюда, — позвал Болотник.

Кроме меня, под навесом никого не было. Рядом лежала фляга, я открыл ее, плеснул в лицо воды и сделал пару глотков. Захватив топор, полез наружу.

Стояла глухая беззвездная ночь, луна едва просвечивала сквозь черную пелену. Холодный ветер налетал порывами, полог качался на кольях и хлопал.

Горели все пять факелов, в свете их было видно, как медленно теперь плывет плот. Река стала болотом.

Покачивая топором, я шагнул к присевшему на краю Болотнику. Рядом Кирилл налегал на шест, толкая плот. На другой стороне маячила фигура Хохолка, Анчар занял позицию впереди, Катя — сзади, вместе с Алексом. Течение ослабло, глубина стала совсем небольшой. Мы плыли мимо коряг и островков болотной травы.

— Теперь осторожнее, — предупредил Командор. — И смотрите по левому борту.

— Он уже нормальный? — тихо спросил я.

Болотник не ответил, всматриваясь в воду; Кирилл, вынимая и опуская шест, так же тихо произнес:

— Нет, все равно чудной. Но ходит и разговаривает. И вроде помнит, где мы и для чего...

— Ну и где мы?

Следопыт сказал:

— Недалеко от цели. Здесь Быстрянка впадает в озеро, поэтому пока можно плыть, вода разбавляет грязь. Дальше свернем на запад, чтоб не завязнуть, вдоль берега доплывем до залива.

— Мы успеваем?

— Кажется, да. Будем на месте часа за два до Мглы, если она движется в том же темпе вдоль берега.

Рядом плеснулось. Кирилл быстро вытащил шест из воды и занес для удара.

— Этим ящера не проймешь, — сказал я, поднимая топор. — Его и пулей-то не очень испугаешь, наверное.

— Мы перепроверили все оружие, пока ты спал, — тихо сказал Кирилл. — Осталось два пистолета, у меня и Хохолка. Тесак он свой в овраге потерял. У меня пять патронов, у него три. Еще нож у Кати, два топора. У Болотника четыре костяных ножа и разряженный маузер. И все.

Длинная туша, похожая на крокодилю, появилась шагах в десяти от плота. В свете факелов тускло блестели глаза. Шкура ящера напоминала бугристую, морщинистую кору старого дерева, на спине сразу за головой начинались треугольные выросты, они тянулись до самого хвоста, длинного и мощного. Взмахом такого хвоста чудище могло не то что

сбросить кого-то из нас с плота — снести всех, включая Хохолка, да еще и навес с факелами в придачу.

— Что там у вас? — позвала Катя с кормы.

— Тише, — сказал я. — Не шуми. Хохолок, Кирилл — не суйте шесты в воду.

Течение медленно тащило плот дальше, ящер оставался на прежнем месте. Он, конечно, заметил нас: толстое тело изгибалось, голова поворачивалась вслед.

— Что делать, если нападет? — прошептал Алекс, подходя к нам.

— Тебе — ничего, — отрезал я. — А я возьму факел и попробую выжечь ему глаза, а если не...

— Мина, — сказал Болотник, и я мысленно хлопнул себя ладонью по лбу.

— Кирилл, тащи. Только тихо, не топай. Принеси две... нет, лучше три.

Он передал мне шест и стал пятиться, пока не исчез из поля зрения. Мы с Болотником и Алексом наблюдали за чудовищем. Хвост дернулся, пустив волну, закачался травяной остров рядом, вода заплескалась о плот. Я осторожно наклонился, положил шест, а когда выпрямлялся, далеко в глубине болота вспух пузырь гнилостного мертвенного света.

Аномалия под названием «купол» поднялась над кривыми деревцами, высветив их черные уродливые силуэты, огромной полусферой нависла над округой, замерцала и погасла.

— Ух! — выдохнул я пораженно. Такие аномалии могут возникать только здесь, на севере, возле Могильника.

Тусклый свет купола на несколько мгновений исказил все вокруг, смешал тени, озарил грязь мертвенным сиянием. Когда я вновь стал видеть отчетливо, ящер плыл к нам. Он врезался в остров густой травы, пробороzdил его и вырвался на свободную воду.

— Кирилл! — заорал я, хватая факел.

— Сейчас... — донеслось сзади.

Хвост извивался, качались треугольные наросты. Распахнулась, блеснув клыками, пасть — зев туннеля, ведущего в недра чудовищного тела.

— Кирилл, сюда!!

Плот закачался: к нам бежал Хохолок. Бросив топор на бревна, я обеими руками схватил факел. Болотник прыгнул навстречу Кириллу, выхватил у него мину. Пасть раскрылась — вода клокотала, пенными струями завивалась вокруг клыков шириной с мое запястье.

— Назад! — прокричал следопыт.

Здоровяк, едва не свалившись в воду, остановился на самом краю и замахнулся секирой. Вынырнувший из-за него Болотник ударил тупым концом мины по обуху и швырнул взрывчатку в глотку чудовища.

С криком «Ложись!» я ничком бросился на бревна.

Взрыв прозвучал глухо, как из-под земли. Что-то забарабанило вокруг, сипло охнул Хохолок — и все смолкло.

Но ненадолго. Наемник выругался, харкнул на все болото, возмущенно забормотал. Я встал на колени, оглядываясь. Рядом лежали Болотник с Алексом и Кириллом, возле него валялись две мины. Тушу ящера медленно относило от плота. Голова напоминала расколотое бревно, в рыхлых недрах поблескивали осколки раздробленных взрывом клыков. Все вокруг усеивали влажные ошметки и темные брызги. Я пощупал затылок — мокрый, как и шея со спиной.

Несмотря на мое предупреждение, тугодум Хохолок не успел лечь, и его облепило с ног до головы. Хрипло ругаясь, наемник спрыгнул в воду рядом с плотом — глубина оказалась по пояс, — постоял, поливая грудь и плечи, и нырнул с головой. Плот закачался, подошедшая Катя расставила ноги пошире, чтоб не упасть. Остальные встали, я через голову стянул грязную рубаху.

Хохолок вынырнул, фыркая, полез обратно.

— Молодец, — сказал я. — Умный парень. Теперь на тебе куча пиявок сидит.

Плот качнулся сильнее, наткнувшись на что-то, течение стало неторопливо разворачивать его. По-прежнему стоящий на передке Анчар сказал:

— Мы в Грязевом озере.

Облака поредели, теперь луна ярче освещала окрестности. Плот продвигался вперед, вокруг булькало и хлюпало, что-то монотонно стучало, будто один из местных обитателей бил по грязи плоским хвостом или ластом. В темноте раздавались приглушенное чириканье, кваканье, шорохи.

— Еще немного, — сказал я, — и застрянем.

Мы достигли залива — берега его постепенно сближались и далеко впереди сходились под острым углом. Вокруг тянулась пустошь, дальше рос лес, где-то там в нашу сторону ползла Мгла. Отсюда было хорошо видно, что идти на север не имеет смысла — она быстро догонит нас, и посреди грязевых топей, населенных местными тварями, сладить с ней мы не сможем.

Лабиринт грязи, долины и протоки между плоскими островками, поросшими чахлой растительностью, поблескивал в свете факелов. Вокруг торчали стволы и коряги, шелестела на ветру осока.

— Слышите? — спросил Кирилл. Они с Хохолком шестами толкали плот. — Это лягушки?

Из темноты доносились скребущие звуки, будто кто-то скоблил ножом жестяное корыто.

— Их называют угольными жабами, — пояснил Болотник, присев на корточки. — Этих тварей здесь полно должно быть. Они не опасные, но воняют, как помойка. Осторожно! Не вмажьтесь в нее!

Из озера грязи между двумя островками земли торчала аномалия под названием «свеча»: осклизлая длинная штука-вина, напоминающая волнистый столб жира. Она неторопливо вращалась, закручивая густую черную жижу ленивым грязеворотом. Плот потянуло вперед, Хохолок с Кириллом уперлись шестами в дно, тормозя.

— Что будет, если попадем в нее? — спросил Кирилл напряженным голосом.

— В воздух нас поднимет, — пояснил я. — Вместе с плотом.

— И что?

— Зашвырнет повыше, как цветок. Упадем. Или разобьемся, или захлебнемся в грязи.

Свеча кружилась, тихо хлюпая, плот тянуло к ней, не зирая на старания двух сильных мужчин.

— Следопыт, возьми шест у наемника, — раздалось над ухом, и я оглянулся.

Анчар вновь стал прежним. В голос вернулась былая уверенность, движения стали четкими, исчезла болезненная вялость. Хотя левая нога не сгибалась в колене и он шагал как на костыле.

— Возьми шест, — повторил Командор, встав на краю между Болотником и Катей. — Хохолок — вниз. Будем толкать его. Алекс, ты тоже.

И он полез в грязь.

Передав мне шест, Хохолок прыгнул с плота, за ним последовал Алекс. Здоровяку жижка оказалась по пояс, Анчару — по грудь. До свечи оставалось всего несколько шагов, и они попали на край грязеворота. Кружился тот слишком медленно, чтобы сразу утащить, но их повлекло к аномалии, все трое стали съезжать.

Я навалился на шест, вогнал его в грязь на пару локтей, пока конец не уперся в дно. Повернувшись спиной к свече, Хохолок, Командор и Алекс налегли на плот. Анчар скрипнул зубами, позади здоровяка вдруг вспучился пузырь, лопнул, за ним высыпали множество мелких.

— Опа! — сказал наемник, ослабившись.

Нас все еще тянуло к аномалии, но заднюю часть плота повело в сторону, и он опасно накренился. Катя схватилась за мой шест, Болотник вцепился в тот, что держал Кирилл. Несколько мгновений плот качался на краю грязеворота, потом рывком провернулся и поплыл вдоль него. Анчар поскользнулся, Хохолок схватил его за шиворот, вытащил. Теперь все мы оказались на корме — и нажали на шесты, проталкивая плот дальше мимо свечи.

Вскоре аномалия осталась позади. Наемники еще некоторое время брели следом, толкая плот, потом залезли на него, черные с головы до ног.

Катя, хмыкнув, ушла за навес, а они быстро разделись, пока грязь не засохла. Кирилл двигал плот дальше; Хохолок принялся сдирать пиявок, Анчар клинком его секиры счищал размокшую жижу, Алекс ругался и хлопал

о бревна потяжелевшей рубахой, разбрызгивая черные капли.

— Эй! — позвала Катя. — Залив уже близко. И что-то происходит в лесу за ним.

— Не останавливайся, — сказал я Кириллу. — Хохолок, помоги ему.

Мы прошли вперед.

— Вон, видите? — Рыжая подняла факел высоко над головой. — Блестит. Да это же поганки!

Три световых смерча на тонких ножках ползли через пустынный берег. Они двигались бесшумно и величаво, иногда разбрызгивая вокруг едва заметные огненные капли, то есть артефакты под названием «уголек». Сразу после отделения от родительской аномалии угольки смертельны — врезаясь в тело, прожигают его, оставляя раны с запекшимися краями. Упав на землю, артефакты постепенно остывают, и через некоторое время их можно брать голой рукой. Теплые угольки отлично залечивают раны, но обладают этим свойством лишь пару часов, пока совсем не охладятся — тогда они превращаются в оплавленные черные камешки и становятся бесполезны.

Некоторое время все молча глядели на аномалии. Непривычно большие, как и недавно вспучившийся над озером купол, — такие поганки могли возникнуть лишь в глубине Зоны, за ЧАЭС.

— Мы не сможем пройти мимо них, — наконец сказала Катя. — Нам надо встретить Мглу на краю леса, но эти поганки ползают как раз возле него. Я вообще не знала, что они до таких размеров вырастают...

Я вопросительно глянул на Болотника. Поганки перемещаются быстро и ощущают движение не хуже змеиноного клубка. Они изрешетят нас уголками — никто не способен пройти мимо старой, разросшейся поганки ближе, чем в паре сотен шагов.

Но следопыт смотрел не в сторону берега, а на лес, и к чему-то прислушивался.

— Опять гон, — сказал он.

— Кирилл, Хохолок, быстрее! — крикнул я, уловив пока еще далекий треск ветвей. — Мгла снова гонит перед собой зверье. Алекс, помоги им!

Шум в лесу становился все громче, и Катя сказала:

— Но это значит, что Мгла ближе, чем мы думали. Болотник, мы же рассчитывали на пару часов...

— Выходит, оно прибавило ходу, после того как мы поплыли по реке, — сказал я.

До места, где берега залива сходились, оставалось несколько сотен шагов. Дальше раскинулась каменистая пустошь, по которой ползли три световых смерча, за нею стеной стоял лес. В глубине его горело ярко-белое пятно света — очень мощный слизистый пузырь.

Я увидел неподалеку какое-то мельтешение в грязи и показал туда.

— Это что?

Болотник пояснил:

— Лежбище молодых ящеров. Они не такие большие, но очень агрессивные. Разве что тушкан-крюкозуб более злобный. Если заметят нас...

И тут первые звери выскочили из леса. В темноте трудно было разобрать подробности, но мне показалось, что там нет псевдособак, лишь кабаны и какие-то необычные силуэты между ними. Похожи на тушканов, но не они. Животные вломились в залив, подняв черный вал жижи. Я крикнул:

— Эй, там, быстрее давайте!

Хохолок сунул свой шест Алексу. Далеко отставив раненую ногу, тот принялся толкать плот вместе с Кириллом, а здоровяк вновь скинул штаны с жилеткой, представ перед нами во всей своей варварской красе. Он завязал жилетку на бедрах, попятился и шагнул с края плота.

Наемник ухватился за бревна, оттолкнулся от дна, сильно качнув плот, вытянулся горизонтально и забил ногами по грязи. Кирилл с Алексом и Командором еще несколько раз ткнули шестами, но вскоре стало понятно, что это не имеет смысла — они просто не успевали проворачивать в грязи длинные палки, плот теперь плыл быстрее. Шесты полетели на бревна, и мы поспешили на передок.

— Они дерутся! — крикнула Катя.

Грязь вскипела, когда первые звери достигли лежбища. Засновали гибкие тела, визг и рычание зазвучали над зали-

вом. В темноте метались тени, новые беглецы валили из леса, напирая, втапывая в дно трупы и раненых, ящеры щелкали зубами, хвосты с острыми треугольными наростами молотили грязь и тела зверей. Плот быстро плыл мимо, приближаясь к берегу.

— Глядите! — Катя показала вперед. — Они гаснут!

Кружащиеся поганки мигали, то наливаясь ярким сиянием, то почти исчезая из виду. Вдруг одна, ползущая ближе других к лесу, вспыхнула, разрослась — и лопнула, брызнув угольками. Артефакты огненными градинами заскакали по земле. Вслед за первым лопнул второй световой смерч, а спустя секунду и третий. Теперь мы увидели то, что раньше скрывало их сияние: пустошь за поганками усеивали аномалии. Змеиные клубки и электры, слизистые пузыри, свечи, холодцы — и посреди всего этого зловещего великолепия горел огромный, как солнце, купол.

Одна за другой аномалии гасли — словно кто-то тушил огни в домах далекого города. Густая тень ползла от леса, накрывая пустошь.

— Мгла, — сказал Болотник. — Она уже здесь.

До берега оставалось совсем немного, когда от кипящего лежища ящеров к плоту длинными прыжками устремился какой-то зверь. Несколько мгновений я не мог сообразить, что за существо способно так передвигаться по грязи, а когда понял — схватился за топор и подскочил к краю плота, навстречу звонким шлепкам и плеску. Задние лапы со ступнями-ластами отталкивались от грязи, посылая вперед чешуйчатое тело. Верхние лапы прижаты к груди, они короткие и слабые, но опасны из-за кривых когтей; пасть разинута, оттуда торчат клыки-крючья.

Крайние бревна заляпала грязь — подошвы соскользнули, ноги ушли вперед, и я опрокинулся на спину, успев вскинуть над собой топор. Взмахнул им, ударил по задней лапе крюкозуба, мелькнувшего надо мною. Руку дернуло, топор вывернулся из пальцев.

Крики, плеск и глухие удары звучали со всех сторон. Я вскочил. Кирилл с Анчаром и Алексом торопились с кормы, Катя исчезла, Болотник лежал на спине, суча ногами. Сидящий на его животе крюкозуб резко подался вперед —

будто дятел долбанул клювом дерево. Я опять поскользнулся, упал, поднялся и побежал.

Катя вынырнула из грязи, куда мутант столкнул ее в прыжке. Забравшись на бревно, она взмахнула ножом — клинок вошел в спину крюкозуба почти целиком. Девушка выдернула нож, ударила еще раз и стала проворачивать, налегая, будто размешивала густое тесто в кадке.

Я с разбега пнул крюкозуба в бок, мутант кубарем полетел с Болотника. Дергая лапами, тварь упала на краю плота. Катя вновь занесла нож, казавшийся лохматым от крови и обрывков спинных мышц, намотавшихся на клинок. Ласта хлопнула по бревну, крюкозуб изогнулся, щелкнув челюстями, и свалился в грязь. Хохолок все еще толкал плот вперед, концы бревен надвинулись на мутанта, подмяли — он исчез из виду.

Вчетвером мы склонились над следопытом. Между ключьями ткани виднелась развороченная плоть, торчали какие-то жилки, лоскуты мяса и кожи, что-то булькало, вспухали и лопались пузырьки крови. Болотник умирал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЯВЛЕНИЕ МГЛЫ

1

— Уголек! — прохрипел следопыт, и я услышал тонкий свист.

Не сразу сообразив, о чем он, я склонился ниже, разглядывая рану и пытаясь понять, добрался ли крюкозуб до легких. Если раненый может говорить, значит, они еще целы... Но что тогда свистит? Будто воздух выходит сквозь очень узкое отверстие...

— Глина, грязь... уголек.

И опять свист, сопровождавший каждое слово.

Катя прокричала:

— Хохолок, Болотник ранен! Нам нужны артефакты, гребите быстрее!

Плот качнулся, две густые черные дуги поднялись позади него.

— Угольки еще слишком горячие, — сказал я. — Остынут не раньше, чем через час.

Болотник хотел ответить, раскрыл рот — и засипел. Вновь свист... где-то там, в развороченной груди, пряталась дырочка, пробитая зубом-крюком, сквозь нее воздух выходил наружу. Следопыт задыхался, тряс головой, пытаясь что-то сказать. Лицо налилось синевой. Мы склонились над ним, не зная, что делать. Рука умирающего дергалась, скребла его пояс... Рванула. Болотник показал мне склянку с чем-то белым. Толченые артефакты под названием «наст»! Я выхватил ее из судорожно сжатых пальцев, сорвал крышку и перевернул над грудью раненого. Белая жидкость, будто дымок или невесомый порошок, потекла вниз, расплываясь в воздухе, и когда коснулась плоти — грудь следопыта вскипела.

Он выгнулся от невыносимой боли.

— Что ты делаешь?! — крикнула Катя, пытаясь вырвать у меня пузырек, но я оттолкнул ее с такой силой, что рыжая покатилась по бревнам.

Вещество растеклось по груди. Смешавшись с кровью, оно заклокотало, выстреливая светлыми язычками, и стало застывать, белесой коркой стянув грудь. От Болотника разошелся холодный воздух. Он опять дернулся и вдруг вздохнул — надрывно, с хрипом.

Катя сумела остановиться на краю плота, лицом к нам, одной рукой ухватила за бревно, чтобы не свалиться в грязь, вторую вытянула перед собой. В ней был пластиковый нож. Бешеными глазами она уставились на меня.

— Ты что, не знаешь, что это?! — заорал я. Рыжая облизнула губы и приподнялась. — Толченые артефакты купола! Если у тебя брат — сталкер, то должна знать!

— Он рассказывал про наст, — ответила она, опуская нож. — Просто я не поняла...

Болотник часто и тяжело дышал, белесая корка на груди вздымалась и опускалась, в ней посверкивали морозные искры. Я огляделся. Плот миновал лежище, бегущие в панике звери растерзали ящеров, втоптали их в дно. Большинство животных остались там же, но некоторые прорвались иплы-

ли дальше, а из леса появлялись новые — впрочем, их было немного, гон почти закончился. Поганки исчезли, берег впереди пуст и темен... нет, тусклые искорки поблескивают между камнями. Аномалии, исчезнувшие с приближением Мглы, оставили свои артефакты. Каменистая пустошь, лес — нигде никого, тишина, покой...

— Марат... — просипел слабый голос, и я нагнулся к Болотнику. От боли зрачки его сузились и стали как черные точки. — Глина... Там еще осталась соляная глина?..

— Осталась, — сказал я.

— Возьмите ее. Размешайте с грязью. Один к одному. Быстрее!

Я поднял голову. Кирилл с Алексом присели рядом, Анчар стоял спиной к нам и рассматривал берег. Катя, отойдя от Командора, со странным выражением поглядывала на него — то ли удивленно, то ли угрожающе.

— Катя! — позвал я. — Быстро принеси бочонок с глиной. Хмуро покосившись на меня, она ушла к навесу.

— Как я могу помочь? — спросил Кирилл.

— Возьми пустой ящик, набери в него грязи и тащи сюда.

Он вскочил и убежал. Слабые пальцы вцепились в рубашку на плече, потянули. Мы с Алексом переглянулись, и я вновь склонился над Болотником.

— Сколько до берега? — спросил он.

— Недалеко.

— Мгла близко, чую ее. На краю леса. Надо ставить ловушку.

— Ты умираешь, — сказал я.

— Рана... плохая. Но могу выжить. Если угольки... Они делают чудеса. Главное — успеть поставить ловушку, пока... Все готово, надо только прилепить мины...

— Мы могли попасть под гон, — подошедшая Катя опустила на бревна бочонок. — На берегу дохлое зверье. Они бежали через пустошь и попадали в аномалии до того, как те гасли. А теперь тут безопасно, аномалий почти нет, звери ушли дальше. Мы между ними и Мглой.

— Но она вот-вот будет здесь, — сказал я. — И может опять послать вперед такой же импульс, как тогда...

— Нет, — прошептал Болотник. — Она ослабла. Я ощущаю по ее излучению... Мгле нужно время, чтобы собраться с силами.

Подошел Кирилл с ящиком в черных от грязи руках. Когда нагнулся, чтобы поставить его, плот сильно качнулся — наемник упал грудью на ящик и сломал его. Растерянно выругавшись, вскочил.

— Болван! — рявкнула Катя.

Передняя часть плота приподнялась — мы достигли берега. Я крикнул:

— Хохолок!

— Здеся! — Ноги забухали по палубе, и наемник встал над нами с секирой в руках. Грязь облепила его с ног до головы, на черном лице сверкали глаза.

— Хохолок, следопыт ранен. Его могут спасти угольки, артефакты поганок. Видел, которые на берегу были? Сейчас вы с Кириллом и Алексом поднимете его, только осторожно. Очень осторожно!

— Лицом кверху, — прошептал Болотник.

— Что? — Я глянул на него, понял и стал объяснять дальше: — Несите так, чтобы лицо было кверху, иначе кровь прильет, и эта корка может отвалиться. Поднимайте. Катя, Анчар — вы впереди, вдруг там какие-то звери остались. Нет, стойте! Болотник, где ловушка?

— В ящике, — сказал он. — Ящик от петард, под навесом. Куски лозы смотаны, не запутайте...

— Катя, возьми красный ящик...

— Марат... — прошептал старик, и я склонился над ним.

— Скланка. Где скланка?

Она стояла между бревнами, над горлышком струился белый дымок. Я поднял ее, нашел пробку, закрыл и показал ему.

— Что-то осталось?

— Да. Немного.

— Возьми с собой. Не разбей.

— Хорошо.

Я стал зачерпывать грязь из сломанного ящика и закидывать в бочонок. Катя приволокла петарды, неловко держа ношу одной рукой.

— Лучше я помогу Хохолку, — сказала она, передавая ящик Алексу.

Рыжая, Кирилл и Хохолок осторожно понесли Болотника. Я перемешал грязь и соляную глину в бочонке, прижал его к груди и поспешил следом, на ходу выдернув факел из щели между бревнами.

На пустоши, лежащей между лесом и заливом, осталась лишь пара аномалий, не исчезнувших вместе с остальными. В глубине среди деревьев тускло поблескивало пятно белого света.

Я вонзил факел в землю и присел на корточки, разглядывая уголек, похожий на короткий клык. Раскаленная сердцевина светилась, озаряя кружок обугленной земли.

В десятке шагов от леса мы положили следопыта на землю. Алекс поставил ящик рядом с принесенным мною бочонком.

— Возьмите мины, — прошептал Болотник. — Их пятнадцать. Прилепите к веткам, к стволам. Положите на землю. Растяните, насколько позволит лоза. Там длинные куски. Развесьте их полумесяцем.

— Чиво? — спросил Хохолок.

— Дугой, — пояснил я. — Выгнутой так, чтобы Мгла вошла в нее.

— Катя, Марат — соберите угольки, — продолжал старик. — Дюжину, больше не надо. После трех поганок их должно быть много...

— Вот один. — Я показал на артефакт под ногами. — Что с ними делать?

— Бросайте в бочонок. Снимите свои повязки. Марат, когда наберется полтора десятка, вылей толченый наст из склянки. Угольки охладятся, смесь будет застывать. Надо успеть намазать раны, потом она схватится. Давайте.

Под растущим неподалеку кустом алело пятнышко света, Катя побежала к нему. Хохолок недоуменно сказал:

— Э, погодь... А как их брать-то, они ж горячие?

Рыжая на ходу повернулась, показала доску, отломанную от ящика с минами.

И вдруг упала.

Сказав наемнику: «Ищи угольки», — я бросился к ней. Катя лежала на боку, постанывая, пыталась встать.

— Что? — Я опустил на колени рядом.

— Рука... — просипела она. — Разболелась... еще на плоту, когда подплывали... Теперь совсем плохо.

Я поднял ее и отнес назад. Анчар стоял на том же месте, Кирилл рыскал вокруг, вооружившись обломком доски. Посадив Катю возле следопыта, я побежал обратно к кусту.

Мы нашли четырнадцать угольков, и когда бросили их в бочонок, смесь соляной глины и грязи зашипела. Артефакты просвечивали сквозь нее, похожие на огненный янтарь. Я вылил остатки толченого наста из склянки, от бочонка пошел холодный воздух, угольки начали гаснуть. Палкой я стал мешать вязкую массу, не позволяя ей застыть. Рядом вскрикнула Катя: Хохолок держал ее за плечи, Кирилл срезал лубок с руки.

Анчар, все это время стоявший неподвижно, повернулся и сказал:

— Шум в лесу. Кто-то приближается. Там дальше я вижу слизистый пузырь.

Когда я отбросил палку, Болотник прошептал:

— Рукой. Мажь рукой.

— Поверх этой корки?

— Да. Смесь ее растворит, потом опять схватится. Смотри, чтобы на рану попало несколько угольков.

Содержимое бочонка казалось ледяным, от одного прикосновения к нему пробрала дрожь. На долю следопыта пришлось четыре или пять артефактов; к тому времени, как я закончил, масса на его груди уже застывала, да и та, что находилась в бочонке, стала гуще. Я потряс заиндеветшей кистью, подул на нее и повернулся к Кате. Кирилл с Хохолком растерянно сидели рядом, женщина лежала на спине, зрачки ее закатились — потеряла сознание от боли. Я намазал сломанную руку, используя четыре уголька, и позвал:

— Анчар!

Разорвав штанину, кое-как стянул с себя ботинок, облепил ступню смесью с тремя угольками, вновь нацепил его,

пока мазь не застыла. По ноге пошел сильный холод, мышцы задрожали сами собой... и боль ушла.

— А у меня нет ран, — объявил Алекс, невесело улыбаясь. — Только царапины да синяки, да в колене тянет, а так цел я. Счастливчик, твою мать...

Болотник вдруг сел.

— Тебе нельзя... — начал я, но он вцепился в плечо Алекса и приподнялся.

— Теперь в порядке. Мгла близко, надо идти.

— Здесь рядом остался слизистый пузырь. Анчар говорит, его видно отсюда...

— Хохолок, Алекс, давайте к нему, — велел следопыт. — Возьмите ящик.

— Командор, надо намазать твою ногу, — сказал я. — Пока еще есть время. Осталась пара угольков...

Раздалось тяжелое дыхание, я поднял голову — он стоял надо мной. Лицо подергивалось, подбородок дрожал.

— Я не нуждаюсь в аномальной отраве, — хрипло произнес Анчар.

— Это еще что за чушь? — удивился я. — Ты ранен, еле ходишь. Сейчас не чувствуешь боли, потому что Болотник обработал рану, но еще немного, и ногу придется отнимать. Это угольки и толченый наст, они помогут...

— Будь проклята ваша Зона! — рявкнул он, наклоняясь. Лицо исказилось, и я схватился за топор. Казалось, лишь неимоверное усилие воли помогло Командору не вцепиться мне в глотку. Он выпрямился и развернулся, как на плацу, зашагал к лесу. Хохолок, сжимая под мышкой ящик с миной, уже вел туда Болотника, с другой стороны следопыта поддерживал Алекс.

— Что с ним? — спросил Кирилл растерянно.

— У него в глазу сборка, — сказал я.

— Что?

— В глазнице Анчара сборка, конструкция из артефактов. У тебя рана на ноге? Давай, осталась пара угольков...

Он задрал штанину и ножом срезал засохшую повязку.

— Наемник... — Катя пришла в себя и приподнялась, глядя на меня. — Что ты сказал про сборку?

Намазывая рану Кирилла, я кивнул на Анчара, который вслед за остальными входил в лес.

— У Командора она вместо левого глаза. Спрятана под объективом.

— Зачем?

— Наверное, с ее помощью механический глаз соединен с мозгом. Я не знаю точно, в одном уверен: из-за сборки у него и разжижаются мозги.

Катя оглядела руку, покрытую застывшей смесью от локтя до запястья.

— Почти не болит, — сказала она, покачав головой. — Но ощущения не такие, как раньше, когда Болотник...

— Потому что это другое. — Закончив с Кириллом, я вскочил, заглянул в бочонок и ногой отшвырнул его. — Наст только убирает боль, а угольки лечат. Твоя кость срастет за неделю. Идем!

Хохолок развешивал взрывчатку при помощи соляной глины. По земле вилась лоза, на одном конце — большая черная шишка, другой завязан толстым узлом, от него отходят во все стороны куски покороче, каждый заканчивался миной. Ближе к опушке возле кряжистого дуба белел слизистый пузырь, длины лозы как раз хватало, чтобы забросить в него шишку. Я оглядел аномалию — совсем небольшая и тусклая. Наверняка раньше она была очень мощной, и хотя с приближением Мглы начала рассасываться вместе с остальными, накопленной энергии хватило, чтобы не исчезнуть полностью.

Смешанная с грязью соляная глина липла хорошо. Кирилл и Алекс присоединились к Хохолку, они повесили несколько мин на ветвях, другие положили на землю, растянув между деревьями веер из лозы.

— Уходите, — сказал Болотник. — Я сяду возле дуба и, когда увижу, что она приближается, брошу конец в аномалию.

— А если что-то не выйдет? — Я оглянулся. Мы всего на пару десятков шагов углубились в лес, но деревья скрыли пустошь и залив. Светать еще не начало, хотя ночь подходила к концу. Катя, Хохолок и Алекс встали рядом со мной. Кирилл, прилепив последнюю мину к стволу березы так далеко, насколько позволяла лоза, возвращался к нам.

Стоящий неподалеку Командор упал.

— Чиво с ним? — спросил Хохолок.

Катя шагнула к Анчару. Тот вскочил, выхватив из сапога нож. Повернулся, окидывая лес безумным взглядом.

— Что с тобой? — начал я и смолк, увидев направленный мне в грудь клинок.

— Вы! — взревел Анчар, скалясь. — Сталкер, наемник и следопыт! Откуда вы здесь? Где я?! — Он дико огляделся. — Куда вы завели меня? Эта тварь мне в голову хочет забраться! Я ее не пущу!

Анчар бросился на нас, подняв нож.

Раздался шелест. Пролетев между веток, в его бок вонзился зазубренный крюк.

2

Анчар страшно ощерился, зубы блеснули в свете факела. Скрипнули сучья, и в кроне дерева мелькнула фигура. Подняв топор, я шагнул вперед. Анчар выдернул из себя крюк, широко размахнулся и метнул в Карима, появившегося между стволами. Выше с ветки на ветку перемахнул Аслан, обхватил сук ногами и повис вниз головой.

— Мгла контролирует их! — крикнул Кирилл. — Она гнала синхронов перед собой...

Бросок был не слишком силен, Карим взмахом руки отбил крюк и побежал дальше, сжимая другой. Аслан качнулся, сел на ветке верхом, привстал и на четвереньках побежал по ней.

Позади них между деревьями ползла серая мгла. Огонь факела затрепетал, угасая. Командор взревел — нечеловечески, иступленно — и схватился за механический глаз.

— Кто ты?! Откуда взялся? Что от меня хочешь?! Уйди! Ненавижу всех вас, ненавижу Зону!!!

Эти интонации показались мне знакомыми. Я уже слышал что-то похожее, вернее, видел человека, который говорил в подобном тоне.

Мгла лилась между деревьями, как дым сотен костров. Аслан с конца ветки прыгнул на голову Хохолка, Карим бежал к Анчару.

— Я перекрою тебе путь! — Запрокинув голову, Командор крепче обхватил цилиндрик, рванул и выдрал из глазницы вместе с артефактной сборкой. За нею потянулась толстая красная жила.

Синхрон наскочил на Анчара, взмахнул крюком, они упали и покатались по земле.

Туман скрыл все вокруг. Я шагнул к Болотнику, а из клубящейся мути спиной назад вылетел Аслан, отброшенный ударом Хохолка. Синхрон наткнулся в меня, я взмахнул топором, но он проскользнул под лезвием, выпрямившись, занес крюк. Тот блеснул, опускаясь мне на голову. Сбоку, пригнувшись, пробежал Кирилл. С криком он врезался головой в грудь синхрона — зазубренная сталь хищно метнулась вниз, и Кирилл заверещал, будто свинья на бойне.

Я бросился к ним с топором наизготовку, но Кирилл с Асланом уже исчезли, растворились в тумане. Алекса тоже не было видно. Факел погас, вокруг сновали призрачные тени, мгла текла между деревьев, как темная вода. Кто-то закричал, послышался звук удара, опять крик... Я метнулся туда, но споткнулся о корень и упал на валежник.

С сильным стоном кто-то повалился рядом со мной, я отпрянул, замахиваясь, и узнал Кирилла.

Крюк разворотил левое плечо и часть грудной клетки. Наемник дергался, зрачки его плавали. Синхрон стесал часть кожи с головы, светлые волосы на затылке слиплись от крови, темя превратилось в лоснящееся пятно.

— Кирилл! — позвал я.

Он замер, неподвижно глядя вверх. Решив, что наемник умер, я приподнялся. Ничего не понять: вокруг что-то двигается, качается, извиваются смутные тени...

Начался дождь, капли застучали по листе. Где север, где юг? Откуда идет Мгла, с какой стороны остались пустошь и залив? Я выпрямился, пытаюсь сориентироваться. Кажется, край леса справа от меня, значит, мина и слизистый пузрырь тоже где-то там.

Возникло уже знакомое ощущение: словно невидимый великан положил на меня ладонь и придавил. Сжав зубы, я втянул носом влажный лесной воздух. Неподалеку за деревь-

ями тени собрались в приземистый широкий кокон — он медленно приближался.

— Болотник! — закричал я. — Болотник! Она здесь! Взрывай ее!

Что-то сухо треснуло, и я разглядел неподалеку петарду, прикрепленную к стволу молодого дерева. Из нее посыпались искры — и сразу погасли. Волна треска прокатилась вокруг. Глина пузырилась, текла, треснувшая мина медленно сползала по стволу.

Наша ловушка не сработала.

Кокон мглы приблизился, ноги подогнулись, и я упал. Великан навалился, вдавливая в землю, я стал отползать, едва двигая руками и ногами. Тени, клубящиеся вокруг, высасывали жизненные силы.

И вдруг Кирилл, все это время лежавший неподвижно, встал на колени. Из раздробленного плеча торчал осколок кости, волосы на голове слиплись от крови, она стекала по лицу. Наемник сунул руку за пояс и достал пистолет. Что-то прохрипев, с усилием распрямил ноги, встал.

— Нет, стой! — выдавил я, едва ворочая языком.

Он пошел в глубь леса, кренясь, будто тащил на плечах тяжелый груз, выставив перед собой пистолет. Мгла вокруг черного кокона плеснулась, за клубилась — и скрыла его фигуру.

И тут же давление немного ослабло. Я быстрее пополз от Мглы, оставив топор в траве, загребая валежник скрюченными пальцами, волоча ноги. Деревья в темноте напоминали колонны из пепла. Сзади раздался крик Кирилла — и спустя миг великан навалился на меня с удвоенной силой. Сознание погружалось в черное озеро, я тонул в нем, захлебывался.

Пальцы протянутой вперед руки нащупали нежную молодую кору, тонкий ствол. Ухватившись за него, я подтащил тело вперед, понимая бессмысленность этого: Мгла сзади, совсем близко, от нее не уйти...

Макушка уперлась в ствол, я обхватил дерево другой рукой. Воздух с хрипом вырвался из легких, и вдохнуть я уже не смог.

На лицо легли тусклые отблески — с другой стороны к стволу прилипла гроздь белых улиток, артефактов слизистого пузыря. Толстые и мягкие, они слиплись в большой комок, тот подрагивал на стволе, в середине его мерцало пятно света. Когда свет коснулся лица, давление исчезло, и я сумел вдохнуть. Голова дернулась, накатила и смолкла волна звона.

Я все еще ощущал давление, темную силу Мглы, но теперь она не могла добраться до меня. Я сел, держась за ствол. Улитки как-то противостоят ментальным импульсам? Они жгут будто крапива, а еще лечат головную боль, но больше я про них ничего не знаю. Можно взять их и напасть на Мглу, пока влияние артефактов не позволяет ей свести меня с ума и подчинить себе. Но топора нет, никакого оружия не осталось.

Давление усилилось, и улитки начали плавиться. Комок светящейся субстанции подрагивал, исходя сизым дымком, — по мере того, как он съеживался, озаренная им полянка посреди теней становилась все меньше.

Что-то шевельнулось у моей ноги, я дернул ею, решив, что это змея, выползшая из травы. Нет, ничего такого... Опять дрожь. И в такт ему мигнул свет, излучаемый улитками.

Я расстегнул молнию на бедре, достал сверток листьев зеленухи, развернул.

Розовая бородавка в центре артефакта, напоминавшего шляпку большого гриба, светилась. Я выпрямился во весь рост. И только теперь осознал, что дождь уже льет вовсю, лес полон хлюпанья, шелестят листья, дрожат ветки. Крошечный островок света окружал океан тьмы, населенный какими-то смертельно опасными существами из иных миров.

Островок быстро уменьшался — оставаться здесь нельзя. Глубоко вздохнув, я вонзил пальцы в комок сросшихся артефактов. Они вспыхнули, руку обожгло, словно я схватился за куст крапивы, гриб на ладони вновь шевельнулся, бородавка мигнула, как маленькая лампочка. Густая холодная масса улиток, напоминающая плоть моллюска, пискнула, разрываясь. Оторвав примерно треть, я поднес его к другой руке.

Между грибом и улитками что-то происходило — артефакты испугались и пытались отстраниться друг от друга. Шляпка гриба поползла по ладони, я словно пытался соединить два магнита. А еще они начали нагреваться. Гроздь улиток замерцала алым, повисшее в воздухе напряжение усилилось.

Я вздрогнул, кое-что осознав.

Не знаю, что произойдет между артефактами, когда они соединятся, — но мне и не нужно это знать! Я это просто чувствую, потому что на самом деле я спец по артефактам, я интуитивно ощущаю их действие и то, каким оно будет, если соединять разные артефакты в сборки, это почти мистический дар, он в Зоне есть не у многих — у Доктора, Лесника, Манкевича... и у меня.

Кто я?

С этой мыслью я столкнул артефакты, уже понимая, что выйдет в итоге. Ведь созданный зыбью артефакт-гриб — это усилитель! Он во множество раз — в десятки, сотни, а иногда и в тысячи — усиливает воздействие остальных артефактов и аномалий.

Они слиплись, бородавка полыхнула огнем, ком в моих руках задрожал, но прежде чем воздействие улиток усилилось, я швырнул сборку в сторону, откуда ползли тени. Она пролетела по длинной дуге, высветила очертания уродливой жирной фигуры, отблески скользнули по стволам и земле. Тени дрогнули — Мгла отшатнулась от меня.

Еще несколько мгновений я оторопело смотрел в ту сторону, где разглядел массивную фигуру, затем пригнулся и побежал в противоположном направлении.

А сзади полыхнул ядовито-кислотный взрыв.

Вспышка аномальной энергии лизнула стволы. Будто зелено-бурая звезда загорелась и погасла между деревьями. Густые черные тени стволов протянулись во все стороны. На бегу я оглянулся. По лесу ковыляла жирная кривоногая фигура, похожая на человеческую, с морщинистой безволосой башкой, сидящей прямо на покатых плечах, отвисшими грудями и толстыми, как бревна, бедрами. Понятно, почему она

не могла догнать отряд. Эти самки годами сидят на одном месте, как муравьиные матки, питаются энергией возникающих вокруг аномалий и отпугивают врагов своим излучением, страхом...

Чернобыль.

Холм.

Старая водокачка.

Волна катящегося на нас ужаса... И мы с напарником, со всех ног бегущие прочь*.

Нет, я так и не понял, кто я, — но теперь был гораздо ближе к тому, чтобы наконец вспомнить.

Сборка, ударившись о самку-мутанта, полыхнула кислотным светом и лопнула, залив волосатое жирное тело пузырящейся слизью. Самка остановилась, качнувшись, упала на колени. Нарастающая волна страха покатилась во все стороны, и теперь я понял: излучение — просто защитная реакция. Самка этого вида сама боится, панически боится чужих и транслирует им свой ужас. Это действенная защита — но почти вся ее жизнь проходит в кошмаре.

Расползшиеся слизью улитки проедали жирное тело, кожа слезала лоскутами. Мутант тяжело завалился на бок, уперся в землю короткими ручками и снова встал на колени. Скрюченными пальцами самка стала счищать с волосатого тела слизь.

Волна страха катилась от нее по лесу, и я побежал.

Постанывая от ужаса, я перескочил через вонзенную в земляной горб секиру Хохолка и лишь тогда понял, что это не горб, а лежащий на спине Аслан, вбитый ударом в валежник. Дождь лил вовсю. На мокрых стволах замерцали отблески слизистого пузыря. На моих глазах тот уменьшался: самка набиралась сил, высасывая энергию аномалий.

Сбоку из теней выбрел Анчар. Он шел, неловко согнувшись, шаря перед собой одной рукой, другую прижимая к ране на животе — что-то сизое, пузырящееся вывалилось оттуда и качалось при каждом шаге. Не замечая меня, Ко-

* Эти события описаны в роман А. Левицкого «Выбор оружия».

мандор скрылся в тумане между деревьев. Я поскользнулся на мокрой земле, но устоял и наконец высочил из леса.

Впереди на четвереньках полз Хохолок, на спине лежала Катя, ноги свисали с одной стороны, голова с другой. Рядом, покачиваясь, шли Болотник и мой напарник. Увидев широкую спину последнего, я вздрогнул, имя этого человека встало в голове огромными буквами: НИКИТА. Его зовут Никита, а не Алекс, и еще у него есть кличка... Нет, пока не вспомнить, как и свою.

Дождь не утихал, струйки воды бежали по лицу, земля превратилась в грязь. Я нагнал их, когда Хохолок, сбросив Катю, встал на колени. Не оборачиваясь, наемник вскинул руку, схватил меня за ногу и чуть не опрокинул.

— А, это ты! — рыкнул он. — Живой...

Никита подхватил Катю под мышки, приподнял.

— Что там, Марат? — сипло спросил он.

— Она умирает, — ответил я. — А может, и нет. Но все равно она очень боится смерти и...

И в этот момент вторая волна ужаса накрыла нас. Заорав, Никита рванулся вперед, волоча девушку, мы с Болотником тоже побежали. Хохолок, ревя во всю глотку, тяжело затопал следом. Он обогнал нас, зацепив меня плечом, я толкнул Болотника, оба чуть не упали, но я успел подхватить следопыта. Волна накатила, погрузив нас в пучину первобытного черного ужаса, — и схлынула.

— Не останавливайтесь! — крикнул я.

Катя упала, напарник поднял ее на руки и побрел дальше, шатаясь. Хохолок первым добежал до берега и начал сталкивать плот в грязь. Когда остальные добрались до нас, опять накатило — в этот раз меня почему-то проняло сильнее других, я растянулся на плоту и почти минуту не мог ничего делать, лишь катался на мокрых досках и кричал от ужаса. Очнулся из-за того, что стало тяжело дышать, увидел сидящего на груди напарника, который держал меня за руки.

— Придурок! — крикнул он мне в лицо. — Ты себе глаза собрался вырвать?!

— Отпусти, Никита... — прохрипел я. — Уже нормально, прошло...

— Как ты меня назвал? — удивился он.

Плот дернулся и поплыл, когда Хохолок оттолкнулся шестом от берега. Страх подгонял наемника — шест вонзался в грязь, ударял по дну, толкая нас вперед, вылетал из грязи и опять нырял в нее.

— Никита... — повторил напарник раздумчиво, выпрямляясь. — Ё-моё — а ведь таки Никита! Так меня зовут! Но больше пока ничего не помню.

Я сел. Болотник лежал на спине, повернув голову, глядел на меня с напарником. Дальше Катя присела на корточки, глядя в сторону берега. Она повернулась и спросила у меня:

— Ты сказал «она». Так кто гнался за нами?

— Самка контролера, — сказал я.

Все уставились на меня.

— Уверен? — спросил Никита.

— Да. Никогда раньше их не видел, но... Это она.

— Ты убил ее?

— Не знаю. В любом случае надолго остановил. — Я посмотрел на Катю Орлову. — Сейчас доберемся до какого-нибудь острова в Грязевом озере, и тогда ты все расскажешь.

ЭПИЛОГ

Хохолок наполовину вытащил плот на берег большого пологого острова, поросшего чахлой травой. В центре росло одинокое деревце — уродливый мутант с закрученной спиралью кроной и зеленоватой корой. Под деревом, наполовину вдавленный в мягкую землю, лежал скелет крюкозуба. Все выбрались на сушу, Хохолок принес ящик с сухарями и принялся громко хрустеть.

Мы с Никитой сняли брезентовый навес, расстелили на берегу, Болотник улегся на спину и прикрыл глаза. Угольки и толченый наст, смешанный с глиной, сделали свое дело — он уже не умирал, хотя получил рану, вряд ли совместимую с жизнью.

— Затянется не скоро, — сказал он в ответ на мой вопрос. — Если не найти еще угольков, быстро загноится. Но с угольками выживу.

— Найдем, найдем угольки! — заверил его напарник. — Вон я отсюда поганку вижу...

Мы осмотрелись. Утренний туман исчез, видно было далеко, позади я даже разглядел изогнутый берег залива, полускрытый серой дымкой. Поля грязи лежали вокруг — лабиринт пологих островков, кочек, маслянисто-черных грязевых речек и озер. Грязь жирно поблескивала в тусклом осеннем свете.

В паре десятков метров от нас по заливу грязи ползла небольшая поганка, белесый дымный конус лениво вращался, иногда из него искрой вылетал уголек, с шипением падал в топь. За поганкой на изогнутом длинном острове я заметил странную постройку. Она напоминала пень высотой в полтора человеческих роста. Кто-то выдолбил его изнутри и проделал в коре круглые окошки, а в основании — кривую дверь, завешенную тряпкой. Болотный дом обгорел, крыша провалилась, вряд ли там остались жильцы. Узловатые корни местами торчали из земли, некоторые уходили в грязь, и между ними лежала маленькая плоскодонка, в которой я бы мог поместиться только с поджатыми ногами.

— Это кто ж там мог жить? — тихо спросил Никита, но ему никто не ответил.

Катя встала возле дерева, взявшись за него, уставилась в глубь Грязевого озера. В ту сторону лабиринт длился, казалось, до бесконечности.

— Мы уже в Могильнике, — сказал Болотник. — Южный берег озера — его граница.

Катя шагнула к нам. Мы с напарником молча смотрели на нее, и она сказала:

— Тебя зовут Андрей, тебя — Никита. У одного прозвище Химик, у другого Пригоршня.

Я вздрогнул, услышав это. Химик, Химик — ну конечно! Я — Химик, так меня называют, и я...

Нет, остального было пока не вспомнить, хотя я решил, что теперь сделать это станет легче.

— Вы сталкеры, напарники, — продолжала рыжая. — Бродите по Зоне уже давно. Раньше у вас был бронированный вездеход, но в том городе я вас встретила без него.

— В каком городе? — спросил Никита. Он негромко хлопал себя по лбу, будто хотел вбить информацию поглубже.

— Не знаю. Городок за ЧАЭС, наверняка бывший «ящик». Там на краю база, где обосновались лешие. Та, где вы очнулись связанные...

— И как мы там оказались? — спросил я. — Связанные?

— Вы попали под выброс. Мы были в здании городского вокзала, я пыталась уговорить вас, чтоб вы помогли мне дойти до отряда, — она кивнула на Хохолка с Болотником, — вы не соглашались, вернее, требовали пояснений, тут на нас напали снарки, я успела спрятаться в подвале и запереться, вы — нет.

— Мы не успели, потому что ты заперла люк?

Она развела руками.

— Меня преследовал снарк, а они ведь не самые глупые мутанты.

— Хочешь сказать, если бы не заперлась, снарк открыл бы люк и спустился за тобой?

— Да. Это так! — повысила она голос, увидев наши недоверчивые лица. — Я заперлась не для того, чтобы оставить вас под выбросом. Если не веришь, подумай — какой мне в этом был смысл? Не могла же я предугадать, что выброс делает с вами. Вы могли потерять память, а могли и погибнуть... Ведь я не могла спланировать это. Как я устала врать! — вдруг сказала она, садясь на краю брезента. Катя вырвала из рук Хохолка флягу, сделал несколько глотков, склонила голову и замерла, уставившись на свои колени.

— Хохолок, хватить жрать, — сказал я наемнику.

— Чеши грудь... — неразборчиво пробубнил он в ответ, хрустя сухарями, и тогда Пригоршня забрал у него бочонок.

— Ты здесь не один, маленький! — прикрикнул он. — А когда жратву еще сможем раздобыть, неизвестно.

— Та ладно... — протянул Хохолок и улегся на спину, подложив руки под голову. — Постреляем кого, зверей каких болотных, мясца нажарим... проживем, короче.

— Назад нам нельзя возвращаться, — сказал я. — Не уверен, что убил самку контролера. Если она жива, то оклемается и опять за нами потащится.

— Ага, вот и последний вопрос. — Пригоршня повернулся к Кате. — Почему самка эта за вами тащилась через всю Зону? И вообще...

— Тебе пора все рассказать, — сказал Болотник.

Катя кивнула. Еще некоторое время она сидела, молча потупившись, потом заговорила:

— Глеб и Опанас — напарники, как и вы двое. Глеб — мой брат, Опанас... ну, жених, можно сказать. Мы и вправду собирались пожениться этим летом, уже два года вместе. Они устроили большую экспедицию в Зону, дошли до Северного Могильника. Но не тем путем, каким идем мы, западнее. Как-то смогли обойти Грязевое озеро, по самому берегу двигались. Собрали много артефактов, уже пора было возвращаться. И вдруг наткнулись на странную аномалию. Водяную.

— Водяную? — Болотник приподнял голову.

— Они мне потом рассказывали: она находилась посреди озера. Не грязевого, обычного. По описанию напоминает ту, возле которой у нас перестало действовать оружие. Мы наткнулись на такую еще на болотах возле Кордона, — пояснила Катя нам с Пригоршней. — А та, в озере, была как слизистый цветок, растущий из дна. Вокруг него расходилось излучение, очень странное. Они мне говорили, было такое чувство, будто все теряет смысл, понимаете? Вроде... ну, вроде из мира исчезает взаимосвязь всех явлений, событий, предметов. Глеб рассказывал: когда они приблизились к той аномалии, им казалось, что структура мира исчезает, растворяется, и он превращается во что-то такое аморфное. Но не с виду, а на уровне сема... самен...

— На семантическом уровне, — сказал я, и напарник, хмыкнув, глянул на меня.

— Да, вроде того. Озерную аномалию охранял кровосос.

— Кровосос! — поразился Никита.

— Да. Будто кто-то его туда поставил специально. Жил в камнях рядом, питался непонятно чем. Когда они попробовали войти в озеро, он напал, они его убили. С большим тру-

дом, Глеб был ранен. А на торчащем из дна стебле этой аномалии был такой вроде лист... Изогнутый, похожий на гнездо из слизи. И в этом гнезде лежал артефакт. — Катя ткнула пальцем в контейнер, висящий на ремне. — Клубень, как они его называли. Забрали его. Всю дорогу чувствовали себя очень... нервно. Будто кто-то смотрел им в спину. Причем казалось, что этого кого-то интересует именно клубень. Но Глеб с Опанасом, наверное, лучшие сталкеры во всей Зоне. По крайней мере лучшие из сталкеров-разведчиков, как их называют, то есть тех, кто постоянно ходит в дальние экспедиции. Поэтому они смогли добраться до Периметра, даже несмотря на то, что под конец мутанты стали проявлять к ним повышенный интерес.

— Это как? — не понял Пригоршня.

Катя вяло пожала плечами, расстегнув верхнюю пуговицу рубахи, ухватила за висящий на шее медальон, сжала его.

— Они мне так сказали: в какой-то момент мутанты со всех сторон стали наседать, будто им приказывал кто-то. Глеб с Опанасом смекнули, что к чему, по дороге завернули в Сундук, там Борода им сделал особый контейнер, вот этот. Сначала измерил клубень приборами своими, определил всякие излучения, которые от него идут, ну и склепал контейнер.

— И этот кто-то, который в спину смотрел, в контейнере клубень не видит, что ли? — уточнил Пригоршня.

— Вроде того. Он потерял их, как только они положили клубень в контейнер. Нападения мутантов прекратились. Они вернулись домой, все мне рассказали. Клубень оставили — тот потихоньку менялся, рос, интересно было, что с ним дальше будет. Через месяц ушли в новую экспедицию, хотели добраться до Крепости, то есть в центр Восточного Могильника. Решили побольше отряд собрать, взяли с собой еще двоих, Цыпу с Дирижаблем. И пропали.

Я взял из ящика сухарь и принялся грызть. Катя обвела нас взглядом — все смотрели на нее, даже Хохолок заинтересовался рассказом.

— Ну и дальше чё? — спросил он.

— Спустя пару недель я узнала, что в одном лагере за Свалкой видели Цыпу. Собралась и пошла туда. Поймала

его, прижала... Он мне все рассказал. Когда они прошли Лес-Мозголом на краю Могильника, на них напала банда: контролер, два кровососа и два человека. Причем люди были не под контролем.

Я покачал головой.

— Как это? — не понял Пригоршня. — Не может такого быть!

— Знаю, — хмуро сказала она. — Я тоже не поверила. До сих пор не верю. Но Цыпа божился, что так и было. Я его сильно припугнула, чуть руку не сломала, ствол к башке при-ставила, сказала — сейчас застрелю... Он клялся, кричал — контролер только кровососами управлял, а сталкеры те двое были сами по себе, вернее, они в одном отряде с кровососами, но не под контролем, а вроде как по своей воле. Цыпа все называл их темными. Темными сталкерами, хотя почему — непонятно, он не мог объяснить. Так вот, они напали, Дирижабля убили, а Глеба с Опанасом забрали. Не убили, ранили только и утащили куда-то. Цыпу тоже ранили, но он их не интересовал, его там бросили. А может, и специально не убили, чтобы он мог мне все это рассказать? Он уполз, потом отсиживался в том лагере. Узнав все это, я припомнила рассказы Глеба и Опанаса про взгляд, который они чувствовали, вернулась, опять пошла в Зону, захватив контейнер, там его открыла... И услышала его. Хозяина.

Я спросил:

— Ну и кто этот «он»? Чего он хозяин?

— Не знаю. Но он засел в глубине Зоны. Где-то за Могильником.

— В Бункере, — сказал я.

Рыжая уставилась на меня.

— Что? О чем ты, Химик?

— Когда в овраге нас вырубило из-за импульса, который самка контролера послала перед собой, у меня было... — Помолчав, я щелкнул пальцами. — Было видение, не знаю, как еще назвать. Глюк. Я вроде увидел всю Зону и Могильник, а за ним — какой-то Бункер. С большой буквы. Огромный, открытый... Этот твой «он» — хозяин Бункера. Сидит посреди него, там его мир. Говоришь, ему нужен клубень?

— Да. Не знаю зачем. Опанас с Глебом у него. Живые, по крайней мере Глеб. Мы с ним близнецы, и я... ну, я его иногда чувствую, на меня как бы накатывают его эмоции, страх, приходят издалека. Хозяин дал мне понять, что освободит их, если я принесу клубень. — Девушка устало провела рукой по лицу.

— И ты поверила и пошла? — хмыкнул Никита.

— Не поверила. Я пошла, чтобы убить его. И, если получится, спасти их. Продала все, что у меня было, собрала отряд...

— Почему только до Грязевого озера? — спросил Болотник.

— А вы пошли бы дальше?

— Я бы пошел, — сказал он.

— И я! — сказал Хохолок. — Могильник — ё! Никогда не бывал. Интересно.

— Может, вы двое и пошли бы. Но Мировой со своими людьми и Анчар — нет. Зачем им? Слишком опасно, а деньги мертвецам не нужны. Поэтому я так обозначила цель: Грязевое озеро, граница Могильника. А дальше, решила, разберусь на месте. В конце концов, многие утверждают, что в места вроде Могильника лучше наоборот — в одиночку, тихо.

Никита встал, прошел к корме плота, глядя на юг, откуда мы приплыли.

— Эй, напарничек! — позвал он, не оборачиваясь. — Так что там с этой самкой контролера все же?

— А что с ней... — откликнулся я. — Такая жирная низкорослая тварюка, похожа на уродливую старуху, которая вот прям сейчас умрет от переедания.

— И она, выходит, через всю Зону за ними топала... а потом и за нами?

— Если артефакт нужен кому-то, кто и вправду мутантами по всей Зоне командует, то он, выходит, ее и поднял из лежища.

— Так из какого лежища-то? Где они, эти самки? Почему их никто не видел раньше?

Никита присел на бревнах лицом к острову. Теперь все смотрели на меня.

— Потому что их мало совсем, — сказал я. — Во всяком случае, я так понял. Контролеры и их самки — как муравьи и муравьиные матки. Сколько приходится муравьев на одну матку? Сотни, тысячи? Я не знаю...

— Так чиво, у них и муравейники есть? — прогудел Хо-холок недоверчиво.

Я покачал головой.

— Не думаю. По-моему, на всю Зону — не больше десятка самок. Каждая сидит где-то в глухом месте. Как оплодотворение происходит — не знаю. Может, в нужный сезон заглядывает на огонек молодой сексапильный контролер. Или у них какой-нибудь партеногенез. Не знаю. В любом случае физически самки очень слабые, передвигаются с трудом. Потому защищаются иначе — могут рассылать ментальные импульсы, страх. Тот, кто подходит к самке, либо в панике убегает, либо с ума сходит. Самки как зеркало, пси-зеркало — они сами боятся всех чужаков и отражают свой страх им же. Помнишь, кстати, что с Анчаром происходило, напарник?

— Крыша у него поехала, — ответил Пригоршня. — А что? Ты ж сказал, у него артефакты в башке, в глазу то есть? Ну вот они как-то резонировали от излучений самки и мозг ему того... буравили.

— Да, но тут еще одно. Он кричал, что какая-то тварь в него пролезть хочет, гнал ее от себя, помнишь?

— Да, видно, ему казалось, что самка в него и...

Я покачал головой.

— Так-то оно так, да не так. Очень уж у него в тот момент знакомые интонации были. И еще когда он вопил про Зону, про тварей... Слышал я все это уже. Потом долго пытался вспомнить, где слышал, от кого. И вот сейчас вспомнил. От Полковника.

Никита нахмурился.

— Нет, не помню такого.

— А я с трудом, но начал вспоминать. Раньше мы с ним пару дел имели, покупали, кажется, что-то у него. А потом зацепились по какому-то поводу, и вроде он нас преследовал. Но подробности не могу пока вспомнить. Главное другое — Полковник фанатиком был, Зону ненавидел, мутантов.

И разговаривал специфически. Так вот Анчар перед смертью так же говорить стал. Будто это он не самку ощущал, не из-за нее у него крыша ехала — а будто сознание Полковника в него пыталось вселиться.

— Во бред! — сказал Никита, и эти слова напомнили мне что-то... будто я раньше уже слышал их от него, может, это была его любимая присказка.

— Ну ладно, Полковник там, самка, то, се... что дальше делать будем? — Он шагнул с плота на берег. — Назад пойдем, напарничек? Но там ведь самка эта, говоришь, выжить могла... — Пригоршня поглядел на Катю, которая, подняв голову, окинула нас всех взглядом.

— Помогите мне добраться до него, — тихо попросила она. — Помогите если не спасти брата с Опанасом, то хотя бы убить его. Этого... Хозяина мутантов. Кто бы он ни был.

— Я с тобой! — вдруг объявил Хохолок, приподнявшись, и хлопнул Катю по плечу так, что она чуть не упала на бок. — Я ж тебе обещал, что охранять буду, э? Главное теперь чиво? Все, кто померли, они остаток своих денег не получают. Ты их, значит, между нами четырьмя поделишь. Так?

— У меня не очень много денег, — сказала она.

Хохолок махнул рукой, встал и с деловым видом направился к растущему в центре островка деревцу, бормоча что-то про «добрую дубинку». Катя перевела взгляд на Болотника, тот ответил:

— Достаньте еще угольков. И наста. Тогда я быстрее поправлюсь.

— Достанем, — сказала Катя, выпрямляясь. — А вы двое? Химик, Пригоршня, что вы решили?

Сам бы я еще долго сомневался и обдумывал ситуацию, прикидывая и так, и этак, что менее опасно — идти без оружия в глубину Могильника или возвращаться навстречу, возможно, до сих пор живой самке контролера, — но я видел, что напарник уже все решил. Он смотрел на рыжую такими глазами... Нет, это была не любовь, но что-то очень близкое к ней. А возвращаться в одиночку было уж точно равносильно самоубийству, и поэтому я молча пожал плечами. Пригоршня, наблюдавший за мной, ухмыльнулся и

кивнул Кате. Болотник попытался сесть, и напарник вдруг сказал:

— Замри!

Все усталились на него. Болотник лежал неподвижно.

— Только что вспомнил! — сказал Никита удивленно. — Братан, я тебя видел где-то. Недавно совсем. Ты в такой же позе лежал и тоже сесть пытался, кажется, на песке, на склоне песчаном... Вот я увидел и вспомнил. Но ты же... ё-моё!

— Что? — спросил Болотник глухо.

— Братан, ты же умер тогда! — прошептал Никита. — Ведь я помню, точно, ты погиб, меня щас как водой окатило... погиб, можно сказать, у нас на руках, Химик, ты помнишь?

— Нет, — сказал я. — Хотя мне тоже кажется, что я раньше его знал.

Несколько секунд Болотник глядел на нас, потом с трудом сел.

— Нет, — сказал он. — Вы потеряли память, я — нет. И я никогда в жизни не видел вас двоих. Хотя видел кое-что другое. И это наверняка как-то связано...

— Что? — спросила Катя.

— Я расскажу позже. Сейчас трудно говорить. Помогите мне дойти до плота, пора плыть.

— Хохолок! — позвал я. — Мы отплываем, сюда давай.

— Помоги Болотнику, — добавила Катя.

Здоровяк пошел к нам, на ходу срывая ветки с выломанного дерева. Проходя мимо, он ухмыльнулся, по-свойски подмигнул Кате, толкнул меня в бок локтем и посоветовал Алексу почаще чесать грудь. Солнце поднималось все выше, время шло к полудню. В Грязевом озере на границе Большого Северного Могильника стояла тишина, лишь из глубин его доносились едва слышные ухающие звуки и мерный гул, будто там был водопад... или, может, грязепад.

Когда Катя с Хохолком помогали Болотнику подняться на ноги, тот сказал:

— Не так давно в Зоне интересные дела стали происходить. Раньше те, кто попадал под выбросы, погибали либо память теряли или их паралич разбивал. А теперь их может

скопировать. Сдублировать, понимаете? Потом их двойники появляются где-то в другом месте Зоны...

Поддерживаемый с двух сторон, он шагнул на плот. Никита как раз нагнулся, чтобы поднять брезент. Услышав Болотника, он распрямился и уставился на меня.

— Ух ты... — протянул напарник. — Химик, слышал? А что, если и нас скопировало?

Я молчал — мне нечего было сказать на это.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАЁМНИКИ

Глава первая. Мост гоблинов	7
Глава вторая. Наемники Зоны	20
Глава третья. Болото	45
Глава четвертая. Лиманск	84
Глава пятая. Подземелья	112

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДВА СТАЛКЕРА

Глава шестая. Скрытый город	132
Глава седьмая. Опасно для жизни	161
Глава восьмая. Встреча	186

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ НА СЕВЕР

Глава девятая. Алекс. Побег	207
Глава десятая. Марат. Болото	226
Глава одиннадцатая. Алекс. Болотные бюеры	242
Глава двенадцатая. Марат. Ловушка для Мглы	266
Глава тринадцатая. Опасная река	295
Глава четырнадцатая. Явление Мглы	321
Эпилог	336

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****МОСКВА:**

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Прини Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», т. (495) 641-22-89
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТРК «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 107, т. (383) 230-12-91
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30, т. 8(908) 374-19-60
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ЧИТАТЕЛИ – ПИСАТЕЛЯМ

Издательство АСТ и писатели российского ПЕН-центра открывают благотворительную Программу помощи писателям, находящимся в тяжелом, а подчас и бедственном положении.

Среди них авторы известных стихов, пьес, прозы – писатели – участники Великой Отечественной войны, люди, выжившие в лагерях уничтожения, нуждающиеся в лечении.

ИМ ОЧЕНЬ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ!

**Вы можете помочь нуждающимся писателям,
перечислив свой взнос на счет программы:**

Благотворительный фонд «Тепло сердец»

ИНН 7701359136 КПП 770101001

Р/с: 40703810000000001562

Банк получателя: ОАО «ТрансКредитБанк»

БИК: 044525562

К/с: 30101810600000000562

Назначение платежа: Целевое пожертвование на благотворительную программу
«Помощь писателям»

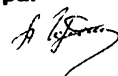
Более подробную информацию о Программе, а также полную информацию о поступивших и использованных средствах вы можете узнать на сайте
<http://www.teploserdec.ru>

Члены Исполкома российского ПЕН-центра:

Аркадий Арканов

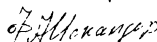
Александр Городницкий

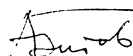
Белла Ахмадулина

Фазиль Искандер

Андрей Битов

Игорь Иртеньев

Зоя Богуславская

Юнна Мориц

Андрей Вознесенский

Алексей Симонов

Людмила Улицкая

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству Астрель.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Левицкий Андрей
САГА СМЕРТИ
Мгла
Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТАЛКЕР

Вы держите в руках книгу, которая начинает следующий этап в развитии серии S.T.A.L.K.E.R., выводит ее на новый уровень.

**Роман «Мгла» — начало эпической трилогии
Андрея Левицкого «САГА СМЕРТИ».**

**После катастрофы Зона расширилась
и преобразилась.**

Появились новые породы мутантов, которых еще не знали эти места. Возникли новые сталкерские группировки. Аномалии меняются и срачиваются, порождая опасные гибриды.

А в глубине Зоны появился ОН — темный зловещий разум, повелитель северной Зоны.

**Никто не знает, кто он на самом деле — человек?
монстр? разумная аномалия?
симбионт нового вида?**

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-23649-5

9 785271 236495